

ISSN 0042—8779

ИВН

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2/96

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- И. П. Лейберов, Ю. Д. Марголис, Н. К. Юрковский — Традиции демократии и либерализма в России 3
- А. Л. Юрганов — Идеи И. С. Пересветова в контексте мировой истории и культуры 15

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А. Ю. Саломатин — Эндрю Карнеги 28

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

- Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году. (Вступительная статья Ю. Н. Амиантова) 47

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

- История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки (с древнейших времен до наших дней). Глава XV (автор — А. И. Кардаш); глава XVI (автор — О. К. Дрейер) 87

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. В. Головнин — Записки для немногих 102

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Дневник Николая Михайловича Дружинина 122

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- А. А. Кошкин** — Почему Япония не напала на СССР 140

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Б. Вейдер** — Тайна гибели Наполеона 149

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А. Г. Белебрух** — В. И. Моряков. Русское просветительство второй половины XVIII века 155

- А. И. Комиссаренко** — А. Н. Медушевский. Утверждение абсолютизма в России 157

- В. В. Самошкин** — Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. («Антоновщина») 159

- В. А. Кучкин** — Л. А. Беляев. Древние монастыри Москвы по данным археологии 161

- Т. М. Симонова** — Р. Турковский. Польское стронничество людове и защита демократии в 1945—1949 гг. 164

- По страницам зарубежных журналов 167

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- С. Н. Щеголихина** — О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях 173

- А. И. Тарасов** — Мечь обреченного (Дело Ландсберга) 175

Традиции демократии и либерализма в России

И. П. Лейберов, Ю. Д. Марголис, Н. К. Юрковский

Понятие «политическая культура русского народа» и поныне не только в публицистике, но и в историко-социологических исследованиях коррелируется с автократическим типом с его «признанием в качестве идеала государства сильной и неконтролируемой власти, исключая демократические права и свободы граждан»¹. Очевидно, что подобные утверждения возможны лишь в обстановке слабой изученности демократических и либеральных традиций русского народа, когда последовательная и радикальная десталинизация методов изучения этих традиций все еще впереди.

Одним из концептуальных обретений старой русской историографии и социологии была довольно известная мысль о том, что Западная Европа в своем развитии в общем и целом шла от несвободы к свободе, политическая же жизнь российского общества протекала как бы наоборот: от относительной свободы в раннем средневековье к относительному порабощению в новое время. И только во второй половине XIX в. этот процесс сменился движением в обратном направлении, медленным и робким, прерванным событиями 1917 года.

Известный историк и философ Г. П. Федотов как-то заметил, что русский народ в конечном счете предпочел свободе государственное единство и централизацию. «Сознательно или бессознательно, он сделал свой выбор между национальным могуществом и свободой. Поэтому он несет ответственность за свою судьбу»². Вполне очевидно, что наш менталитет содержит следы этого исторического выбора. Попытки определить более точно черты этого неуловимого менталитета нередко приводили к утверждениям, что в России сложился особый национальный психологический характер, «московский тип», по определению Федотова³, отличающийся исключительной жизнестойкостью, патриархально-консервативными и православно-монархическими взглядами, тип, на котором зиждились как московское царство, так и петербургская империя. По мнению некоторых исследователей, именно эти ментальные качества легли «в основание тоталитарной политической культуры советского общества»⁴.

Несомненно, что данная проблема выглядит весьма дискуссионной и недостаточно проработанной на исследовательском уровне: впрочем, она

Лейберов Игорь Павлович — доктор исторических наук, профессор Гуманитарного университета профсоюзов; *Марголис Юрий Давыдович* — доктор исторических наук, профессор Петербургского государственного университета; *Юрковский Никита Корнельевич* — кандидат исторических наук, доцент Гуманитарного университета профсоюзов (все — Санкт-Петербург).

большей частью рассматривалась в сфере публицистики. В настоящих заметках предпринята попытка показать, что консервативные черты так называемого «московского типа», хотя, быть может, и довлеют, но не определяют всецело содержание традиционной политической культуры русского народа. Наряду с ними, как нам кажется, сохраняется и определенный демократический потенциал, опирающийся на традиции свободлюбия, восходящие к временам военной демократии у восточных славян. Несмотря на жесточайшее давление самодержавия и крепостничества, этот народный демократизм, пусть в рудиментарном качестве, дожил до XX века.

С другой стороны, отечественная историография немало сделала, чтобы проследить либерально-реформаторские тенденции в правительственной политике, которые, как правило, слишком часто уступали господствующему охранительному началу, но никогда полностью не исчезали из арсенала средств и методов российской власти. С конца XVIII — начала XIX в. эти тенденции объективно опирались на либеральное общественное движение, в котором разрабатывались более или менее законченные программы политических реформ. Наиболее эффективные из них (речь о реформах 60—70-х годов XIX века) трактуются в современной науке как «революция сверху»⁵. С этой точки зрения и сам облик российского самодержавия выглядит более объемным, сложным, многогранным и противоречивым, чем он предстает в традиционной (и привычной) трактовке советской историографии 1930—1950-х годов, выступавшей с узко-классовых позиций. Это, разумеется, не означает, что власть и общество действовали в контакте и в консенсусе между собою — напротив, напряженная борьба этих сил наполняет своим содержанием последние два века отечественной истории. Но тенденция к постепенному реформированию феодально-крепостнической системы, а потом и к ликвидации ее пережитков как со стороны общественности, так и (временами вынужденно) со стороны власти, несомненна.

Наша наука отнюдь не обходила своим вниманием формы раннесредневекового народного демократизма у древних русичей. Здесь могут быть названы труды С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Ф. И. Леонтовича, М. Ф. Владимирского-Буданова, В. И. Сергеевича, М. А. Дьяконова, А. Е. Преснякова и др. В советское время этих вопросов касались Б. Д. Греков, Б. А. Романов, Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин, С. В. Юшков, А. А. Горский, П. П. Толочко, Ю. А. Лимонов и др. Их работы подробно рассмотрены в специальном историографическом исследовании. Особое внимание уделил им И. Я. Фроянов⁶.

Мирской сход древнерусской сельской общины, реликтовым пережитком доживший до XX в., вечевой строй древнерусских городов, ярче всего проявившийся и дольше всего сохранившийся в Великом Новгороде, князь, из «родовладыки» (по определению Фроянова⁷, медленно эволюционирующий в носителя классово ориентированной публичной власти) — процесс, до конца не завершившийся и в XII веке. Таковы некоторые вехи народной демократии, древнего народоправства, постепенно утраченные в процессе складывания централизованного государства. Живучесть архаичных черт общественно-политической жизни Древней Руси во многом объясняется относительно замедленным темпом феодализации, когда большинство трудящегося населения длительное время состояло из свободных земледельцев-общинников. В последние годы среди историков все чаще можно встретить скептическое отношение к традиционной грековско-рыбаковской хронологии процесса формирования феодальных отношений на Руси.

Дискуссия о социально-политическом строе Киевской Руси далека от завершения. Однако, наработаны такие представления по проблеме, которые обретают ныне статус обоснованных. Среди них для нас особенно важны констатации, предостерегающие от рассуждений о форсированном развитии феодализма в Древнерусском государстве, против недооценки места общинных отношений в русской жизни вплоть до XII столетия. Речь, в частности, идет о слабой обоснованности представлений о верховной собственности князя на территорию управляемой им волости, особенно

в связи с постоянным перемещением князей по Руси в поисках доходных столов. Князь вступал во княжение по приглашению общины, и акт призвания противоречит статусу собственника. И уж тем более идея о князе-собственнике мало совместима с весьма распространенной в Древней Руси практикой изгнания князей, по тем или иным мотивам не принятых населением. Да и «ряд» между князем и вечем, возлагавший на князя определенные (и весьма значительные) обязательства по отношению к принявшей его волостной общине представляет князя правителем, источником власти которого является не что иное, как волеизъявление общины.

Вот почему характер взаимоотношений князя и массы населения Древней Руси не может быть описан с помощью понятий «господство» и «подчинение». «Князья, контролируемые народным вечем, считались с рядовым населением, видя в нем мощную специально-политическую силу, активно участвующую в общественных делах»⁸.

Представление о времени Киевской Руси как о поре осуществленного народовластия прочно закрепилось в народном сознании, нашло, в частности, яркое выражение в былинах Киевского цикла, главными героями которого стали не князья или бояре, а рядовые земледельцы — Илья Муромец и Микула Селянинович. Это представление стало фундаментальным аргументом в отстаивании либералистских идей и идей народовластия для русских вольнолюбцев конца XVIII — начала XIX в., впоследствии для декабристов⁹. Эти представления стали неотъемлемой составляющей российского менталитета.

Ярчайшим проявлением исторической стойкости общероссийских демократических традиций стало, несомненно, казачество. Рассмотрение таких типологически общих явлений, как донское и запорожское казачество, либо табориты в Чехии или граничары в Хорватии приводит к мысли о существовании общих закономерностей в процессе становления образа жизни свободного, «вольного» населения, не ограниченного нормами феодальной государственности. В различных регионах, но в общих хронологических границах развивались социальные явления, имевшие множество общих черт внутреннего обустройства, хозяйственных и военных занятий общинников и т. п. При всем том пути эволюции этих общественных структур становились различными. Можно отметить, например, что в отличие от таборитов и граничар и даже от донского казачества, украинское казачество эволюционировало до наивысших форм государственной организации. Создание Запорожской Сечи, этой, по забытому ныне определению К. Маркса, «христианской республики рыцарей-мужиков»¹⁰, означало, что демократические традиции восточных славян обогатились такими государственными формами, которые далеко не адекватно отражали базисную основу феодального общества.

Уместно указать на роль казацких идеалов в развитии социальной активности крестьянских масс. В народе возникло и закрепилось представление о казаке как о человеке, свободном от всех (кроме воинских) обязанностей перед помещичьим государством, который пользовался личными правами (личная свобода, право на землю, собственная юрисдикция и др.). Крестьянин-хлебороб чаще всего не хотел отрываться от земли, от собственной «оседлости» и заниматься небезопасным казацким ремеслом, но стремился получить казацкие привилегии. С конца XVI в. стремление к получению казацкого иммунитета превратилось в крупное явление.

Что же касается отмеченного Федотовым народного выбора между свободой и государственной мощью в пользу последней, то возникает естественный вопрос, чем объясняется этот феномен русской истории и доступен ли он если не корректному научному анализу, то хотя бы внешнему наблюдению и приблизительной датировке. Ответ, как нам кажется, вполне тривиален: стремлением народа обрести гарантии как от разорительных феодальных усобиц, так, и это главное, от изнурительной борьбы с внешними врагами, угрожавшими самим основам национального существования. При всей привлекательности региональных и сословных привилегий,

городских вольностей и общинных свобод, это почти неизбежно означало бы определенную децентрализацию и государственную разобщенность и, в конечном счете, военно-политическую слабость. Русь не могла себе этого позволить. (В этом одно из наших отличий от Западной Европы).

Если попытаться хронологически определить начало этого процесса переоценки, внутренней переориентации, своего рода психологического перелома в народных настроениях, то, думается, таким отправным моментом мог стать 1382 год — год сокрушительного набега Тохтамыша на Москву. Действительно, ведь только что Русь торжествовала победу на Куликовом поле и оплакивала погибших героев — ценой их жизнью страна стала свободна от ордынской власти. И вот опять погром, разорение, «ордынский выход» и зависимость от хана. В сознании русских людей постепенно, с разной степенью отчетливости, начало складываться понимание основной причины вековой несвободы: отсутствие единства, государственно-политическая разобщенность. Ведь вновь быстро собрать объединенное войско 23 князей, как в августе 1380 г., было невозможно, а наличные силы одной Москвы были явно недостаточны... Не тогда ли народная тяга к единству (и связанной с ним централизации) стала постепенно превалировать над другими тенденциями и мотивами?

Эти же настроения во многом определили и исход феодальной войны в Московском княжестве во второй четверти XV в., обстоятельно описанной Л. В. Черепниным и А. А. Зиминим¹¹. Действительно, Василий II Темный, несмотря на свое властолюбие и силу воли, остался в исторической традиции посредственным политиком и слабым полководцем, к тому же склонным к неоправданной жестокости (впрочем он и сам тяжело пострадал из-за нее). Образ этого князя без сомнения проигрывает в сравнении с его главным соперником, ловким и до поры удачливым Шемякой. Но конечное торжество Василия II, бесспорно, было обусловлено сочувствием и поддержкой как значительной части господствующего класса, так и народных низов, видевших в пусть недалеком великом князе (Зимин называл его «ничтожеством») воплощенную идею государственного единства — гарантию против феодальной смуты, потенциальных носителей которой современники видели в Юрии Дмитриевиче и его сыновьях. Можно констатировать, что подобный исход феодальной войны закрыл и тот альтернативный путь развития страны, о котором писал А. А. Зимин: «сермяжный», боярско-служилый¹². Центр одолел торгово-промышленный Север и его города, в какой-то мере предопределив грядущую победу самовластья. Но преобладание тенденции к государственному единству и централизации отнюдь не исключало в структуре государства элементов представительного и общественного управления, особенно на местном уровне. В XVI в., когда объединение территории России в основном было завершено, и централизация успешно развивалась, оно просматривается довольно отчетливо. Таковы известные губная и земская реформы, начатые правительством Грозного и законченные Шуйским¹³. Ликвидация «кормлений» и ограничение функций наместников в пользу губных и земских старост, выбранных с участием черносошных крестьян — это явления, бесспорно, вносящие в русскую жизнь черты некоторой демократии. И не обязательно быть прекраснодушным славянофилом XIX в., чтобы увидеть в выборных целовальниках некое подобие позднейшей коллегии присяжных, а в Земском соборе прообраз законосовещательного «парламента».

Ярким примером русской средневековой представительной демократии может служить формирование Первым и Вторым ополчениями в 1611—1612 гг. «совета всей земли», напоминавшего земские соборы. Причем П. Г. Любомиров в «уездных людях», участниках совета, склонен видеть депутатов от черносошного крестьянства¹⁴.

Смута внесла в общественно-политическую жизнь России еще один новый элемент, тонко подмеченный В. О. Ключевским. Речь идет прежде всего о выборном принципе создания верховной власти: впервые за многие столетия ее источником могли стать хотя бы некоторые слои народа в лице представителей от сословий и социальных групп. Это и земские соборы 1598

и 1613 г., и «народное собрание» (Ключевский), «выкрикнувшее» в 1606 г. на царство Василия Шуйского.

Ранее, как известно, народ и государство полностью растворялись и поглощались личностью царя-помазанника Божия. Теперь наряду с идеей природного государя — хозяина страны появляется и непроясненное еще до конца понятие о царе, избранном «землею», народной массой. А начавшаяся в XVII в. дифференциация понятий «царь», с одной стороны, и «земля», «народ», «государство», с другой, в начале XVIII в. проложила путь идее «блага Отечества» и «долга перед Отечеством» как высших морально-политических ценностей, внедрявшихся в общественное сознание деятельностью Петра Великого.

Другим элементом новизны, внесенным Смутой, был, пусть слабый, опыт попыток ограничения царской власти: к 1730 г. Ключевский насчитал семь таких попыток, в том числе четыре «открытых»¹⁵. Великий русский историк высказал эту мысль мимоходом, не конкретизируя ее в тексте своего курса. Но можно ее уточнить. Первой по времени была попытка натерпевшихся от Грозного бояр получить в январе-феврале 1598 г. от Б. Ф. Годунова как наиболее вероятного кандидата на престол более или менее оформленные гарантии от царского произвола в будущем (грамоту или какой-нибудь «акт», крестоцеловальную запись и т. п., «на худой конец» хотя бы устное обещание). Но Борис пересидел, по выражению Ключевского «перемолчал», молчаливо ожидавших бояр и был избран собором без формальных ограничений власти. Этим самым он, по мнению того же автора, упустил возможность стать первым в России «земским» царем, т. е. связанным как-то с народным волеизъявлением (при всей его относительности), чем усугубил в дальнейшем и свое положение, и потрясения Смуты¹⁶.

Вторым эпизодом в этом ряду следует считать «подкрестную запись» Василия Шуйского, данную после его «избрания» на престол 17 мая 1606 года. Она достаточно обстоятельно описана в литературе. Как известно, вероломный царь не соблюдал своих обещаний. Третьим — два договора 1610 г. об условиях приглашения Владислава на престол московских царей. Первый вариант договора от 4 февраля был настолько радикален для России XVI—XVII вв., что Ключевский именовал его «основным законом конституционной монархии», второй, от 17 августа был, как известно, более скромным¹⁷.

Четвертым событием здесь следует, видимо, считать версию об «ограничительной записи», составленной при избрании первого царя новой династии в феврале 1613 года. Сведения о ней скудны, но даже в советской историографии, не баловавшей своим вниманием подобные сюжеты, допускалась возможность какой-то боярской челобитной и соответствующей реакции молодого царя¹⁸. (Лучше всего ситуация 1613 г. описана в известной сатирической балладе А. К. Толстого: «Случилось то летом, // но был ли договор // история об этом // молчит и до сих пор»). Следующую (пятую) попытку в этом плане Ключевский видел в боярском проекте 1681 г., когда в связи с готовившейся отменой местничества бояре предложили разделить страну на отдельные регионы, во главе которых поставить несменяемых пожизненных воевод из знати — затея была сорвана благодаря сопротивлению патриарха.

Не объясняется ли более высокая социальная напряженность XVII века по сравнению с XV и XVI веками более глубокими причинами (оформление крепостного права и т. д.) и известным психологическим, своего рода «ментальным» сдвигом, а именно появлением на троне вместо «природных», Богом данных владык выборных, «земских» царей? Как заметил Ключевский, теперь народ выучился не только бегать от притеснений, но и бунтовать¹⁹.

Как бы то ни было, перед нами тенденция, пусть не определяющая, не ведущая, но несомненно тенденция в политической жизни страны, но поскольку речь шла об ограничении центральной власти в пользу олигархии, то советская историография до последнего времени ее высокомерно

игнорировала. Между тем в случае реализации и закрепления хотя бы одного из этих демаршей (кроме явно реакционного проекта 1681 г.) длительный процесс продвижения России к ограничению верховной власти, а в дальнейшем и к правовому государству, получил бы в государственно-правовом пространстве своего рода маленький «плацдарм», способный облегчить это движение в будущем. В этом отношении XVII век как бы передавал эстафету восемнадцатому, в котором эта «борьба за плацдарм» продолжалась. Как известно, формально-правовая интерпретация позволяет определить аристократические формы правления как своего рода прелюдию к «настоящей» широкой демократии²⁰. Рядом с этими оговорками неоспорим факт, что в процессе эволюции сословно-представительной монархии к самодержавию постепенно угасали традиции древнего народоправства: в конце XV в. было покончено с вечем, опричнина и Смута расшатали, а социальная напряженность «бунташного» XVII в. ослабила губные и земские учреждения, окончательно ликвидированные Петром I. Неограниченное самодержавие наверху и бесконтрольная власть административной бюрократии внизу — к этому своему идеалу стремились русские государственные структуры и в XVIII, и первой половине XIX в., и позднее.

Но даже при полном торжестве петровского абсолютизма выборное начало не исчезло полностью из русской общественно-политической жизни. Указами 30 января и 20 октября 1720 г. предусматривались выборы бурмистров и Бурмистерской палаты (Ратуши), которой подчинялись земские избы в уездах, также состоящие из выборных представителей посадского населения. Созданный 9 февраля 1720 г. главный магистрат и магистраты в городах тоже состояли из выборных от «гостей» и «первостатейных, добрых, пожиточных и умных граждан»²¹. По указу от 10 марта 1702 г. провинциальные дворяне должны были выбирать из своей среды «товарищей» к назначенным правительством воеводам, а позднее — земских комиссаров. Указом от 24 апреля 1713 г. дворянству предписывалось избирать ландратов для участия в управлении губерниями и провинциями. Правда, выборность этих должностей сохранялась недолго. Тем не менее в 1722 г. сотня выбранных дворянских депутатов вместе с офицерами гвардии «баллотировали» из своей среды нового президента Юстиц-коллегии. После Петра принцип выборности сохранялся при формировании Четвертой (1728—1730) и Пятой (1730—1742) комиссией по составлению нового Уложения²².

Не прекращались и попытки аристократии как-то ограничить царскую власть, приобщиться к управлению страной не только с помощью фаворитизма придворного «случая», но и на легитимной, регламентированной основе. Шестым таким эпизодом (по счету Ключевского), видимо, следует считать учреждение Верховного тайного совета 6 февраля 1726 г., а седьмым будет знаменитая «затейка» верховников в январе-феврале 1730 г. — наиболее радикальная и имевшая известные шансы на успех из всех аналогичных попыток, начиная с 1598 года. Эти события достаточно подробно описаны и проанализированы в литературе²³. Они тем более интересны, если учесть, что во втором варианте проекта Д. М. Голицына предполагалось создание двух выборных палат от «шляхетства» и городов (чем не дворянско-купеческий парламент первой трети XVIII века).

Если продолжить вслед за Ключевским его счет олигархическим попыткам ограничения верховной власти, то восьмым в этом порядке был бы, наверно, проект Н. И. Панина о создании «Постоянного императорского совета» (1762 г.), которым открывается вторая половина XVIII в. — время зарождения русского либерализма и расцвета дворянско-сословного «демократизма», недавно охарактеризованного А. Б. Каменским²⁴.

Неотъемлемой составной частью проблемы является история дворянского либерализма, в частности, правительственного, начиная с первой четверти XIX века. Требуется новое решение вопрос о степени зрелости социально-экономических противоречий той поры, вынудивших самодержавие впервые приступить к разрушению крепостнических отношений «мягкими» законодательными актами.

Необходимы современные подходы к трактовке идеологических основ либеральной политики Александра I, эволюционировавшей от принципов «просвещенного абсолютизма» к идее конституции, влияния Великой французской революции и отражения ее законодательства в проектах царского правительства, начиная с «Жалованной грамоты российскому народу» (1801 г.), соотношения либеральных и реакционных тенденций в политической гласности, оценки передовым дворянством способностей самодержавия организовать последовательное внедрение реформаторских проектов, складывания единого проправительственного блока союзников реформ, причин эволюции потенциальных союзников правительства к дворянской революционности ²⁵.

История русского протестантизма не будет полной вне внимания к освободительным традициям русского старообрядчества, развивавшегося и крепнувшего на протяжении веков. Известно, что на рубеже 1850—1860-х годов возникновение своеобразной «старообрядческой Мекки» на Алтае вызвало у царской администрации большое беспокойство: старообрядцы бескомпромиссно отвергали имперскую самодержавно-бюрократическую государственность. Для преследования «расколоучителей» были приняты экстренные меры, причем чиновники специально созданного в Томске секретного комитета установили, что требования свободы вероисповедания стали всего лишь прикрытием подрыва «самых устоев русской жизни». Старообрядцы призывали крестьян не платить казенную подушную подать, отказываться от участия в ревизиях (переписях) населения, не исполнять рекрутскую, почтовую, заводскую и другие повинности. Реформы начала XVIII в., «петровщину» раскольники клеймили особенно гневно: ведь именно тогда впервые введены ревизии, паспорта, рекрутчина, подушная подать (для старообрядцев — двойная) ²⁶.

Эти воззрения проповедников старообрядчества, так же как и созданная бегунами по всей России разветвленная сеть конспиративных передаточных пунктов стали источником освободительных идей М. А. Бакунина: именно у них, странствующих проповедников национальной «церкви свободы», а не у западноевропейских анархистов нашел великий русский бунтарь ответ на вопрос о средствах антикрепостнического и противоцаристского протеста «снизу» по всей России» азиатской и европейской ²⁷.

Примечательно, что и А. П. Щапов считал, что в бегунах «преимущественно выразилось отрицание ревизской, военно-служилой и податной прикрепленности душ, личности к империи и великороссийской церкви и порабощенности их властями и учреждениями той и другой. Бегуны, по оценке профессионального историка-демократа, «с самого начала и доселе восстают против указанных начал государственности» ²⁸.

Новейшие исследователи жизни и деятельности Бакунина правы, когда пишут, что «так наз. анархизм у М. А. Бакунина есть не что иное, как логически последовательная антимонархическая идея, отрицающая конкретную форму государственности — крепостническую российскую империю, являющуюся прямым предшественником коммунистической тоталитарной системы. Эта идея не могла, конечно, быть заимствована где-то вовне, в инациональной политической мысли. Она является результатом творческого освоения источников отечественного происхождения. Среди них и политическое самосознание свободно мыслящей части русского народа — протестантов-старообрядцев, которые бескомпромиссно отвергали чужеродную монгольско-германскую государственность со всеми ее учреждениями и атрибутами» ²⁹. Яркую главу в истории демократических традиций дореволюционной России вписали земские учреждения, историографическая судьба которых сложилась под деформирующим воздействием ленинской формулы, будто «земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления» ³⁰.

В действительности, земства как совокупность учреждений местного самоуправления, введенных «Положением о земских губернских и уездных учреждениях» 1 января 1864 г. и сохранявшихся в России вплоть до

октябрьского переворота 1917 г., — были одним из важных проявлений «революции сверху» в России, опиравшихся на уходящие в седую даль веков земские начала на Руси. Академик Н. Н. Покровский справедливо заметил: «Раскрыть во всей ее широте и самоотверженности земскую деятельность второй половины XIX — начала XX века — важный, все еще не исполненный долг историков»³¹. Верные в 1989 г., эти слова сохраняют свою актуальность и донныне с тем, впрочем, добавлением, что борьба демократической земщины против феодальных сословных привилегий стала еще важнее для нас ныне, в разворот реформ, в нашей попытке выкорчевать замкнутую элитарность с ее принципами неподсудности общим законам, иерархией незаконных привилегий.

Иногда в литературе по-старому называют земства — уездные или губернские вместе с аналогичными им городскими думами — «кусочками конституции»³². Но стоит только вдуматься в количественные характеристики того, на что в 1860-х годах пошло самодержавие с учреждением земств — (а в 39 губерниях предполагалось 13 084 уездных депутата — 6264 от дворян — 5171 — от крестьян, 1649 — от горожан) и станет ясно: земская реформа создавала основу правового государства. Создавала — формированием корпуса земских деятелей, которые были обеспечены минимумом прав. Именно их жизнедеятельность и определяла новый вектор развития России — от централизации к децентрализации и самоуправлению на местах, к созданию государства не механического типа (бюрократического), но — органического (самоуправляющегося), как об этом справедливо писал выдающийся русский правовед А. Д. Градовский³³.

Правовое государство невозможно вне становления самоуправленческих структур и децентрализации, чего требуют основные постулаты либерализма. Реализовать их предполагал еще М. М. Сперанский при поддержке Александра I. Но непреклонное сопротивление дворянских сил привело в 1811 г. к ссылке реформатора, а последовавшая вскоре война с Наполеоном надолго затормозила проведение реформы. И хотя проект Сперанского (предусматривавший гражданские свободы, независимую судебную власть, местное самоуправление, учреждение высшего сословного законодательного органа) не был забыт, в ходе «революции сверху» 1860—70-х годов он так же не получил завершеного воплощения: ни Дума, ни всероссийский Земский собор созданы не были. Советская историография именно этим обосновывала вывод, будто земства ничего не значили и ничего не изменили, тем более, что земствам на местах не подчинялась даже полиция, находившаяся в распоряжении губернаторов, а вся история земств есть история их борьбы с губернаторами и другими представителями чиновной бюрократии, их запретами и «урезаниями». «На самом же деле, — отмечал Н. Я. Эйдельман, — непрерывные придирки доказывают как раз их значение: занимаясь как будто вполне мирными, разрешенными делами — школами, медициной, дорогами, — они были все-таки первым выборным, не только дворянским, но также и буржуазным, интеллигентским, крестьянским учреждением, которое потенциально несло в себе зародыш конституции»³⁴.

Земство стало, по выражению классика русского либерализма Б. Н. Чичерина, одной из тех «сдержек», без влияния которых бюрократия беспрепятственно становится «язвой общества»³⁵, а при воздействии которых гарантии гражданской свободы, как и свободы политической, укрепляются и получают развитие.

После отмены крепостного права земства стали главным завоеванием либеральных реформ 1860—1870-х годов. Именно через самоуправление в форме земств Россия начала свое движение по пути развития, освобожденного от перспективы кровавых общественных столкновений. Земства на деле позволили децентрализовать управление и ограничить бюрократический произвол. Они на деле ограничивали власть бюрократии не только правотворчески, поскольку многие функции управления перешли к ним, но и самим фактом своего бытия, воплощаясь в «практический либерализм», образуя — пусть непрочную, но жизнедеятельную — структуру формирующегося правового государства³⁶.

Новейшие разыскания по истории земств показали, что земства не только задумывались как сословная власть, призванная на местах заменить бюрократические структуры органами самоуправления, но и во многом стали таковой. Вовсе не все земства оправдывали их расхожую характеристику как «дворянской вотчины». Это было совсем не так в некоторых земствах с самого начала их функционирования (например, в Саратовской губ.), и это было не совсем так в других земствах. В Псковской губ., например, уже к 80-м годам прошлого века место крестьянства и купечества в органах местного самоуправления стало весьма значительным³⁷.

Земства с самого начала своей деятельности после реформы 1864 г. выражали интересы отнюдь не только дворянства (хотя последнее и преобладало в них численно). Это была сословная власть, и бесперспективно дискредитировать ее общегражданское значение ссылками на то, например, что земские медицинские учреждения располагались обычно поблизости от помещичьих усадеб; это будто бы обеспечивало «доступность врачебной помощи помещику, а не крестьянину»³⁸. Земская власть действовала в интересах всего местного населения. Она самым надежным способом — гласным обсуждением вложения средств в тот или иной объект, контролируя вложения вплоть до рубля — решала вопрос о расходовании общественных средств.

Земства обогащали политическую культуру россиян, обучая их заново — с древнерусских времен — решать насущные государственные и общественные проблемы путем устранения противоречий во мнениях, а не по приказу сверху. Это и означало внедрение в жизнь «практического либерализма» — уважения к личности. Так земства вырабатывали начала гражданской жизни. Необходимо признать, что именно земства с их выборными органами, сословностью и гласностью были общественной структурой, жизненно необходимой России. Страна, освободившаяся от крепостного права, искала пути децентрализации власти, всецело замкнутой на правящей династии и камарилье. Эти пути были верно найдены с помощью земского самоуправления. «Революцией сверху» в России 1860—1870-х годов были заложены основы правового государства. Земства и обеспечили все возможное в условиях сословности и монархического строя равенство россиян (сословность преодолевалась и — без сомнения — была бы преодолена и без революции — через самоуправление) и свободу, поскольку население обретало навыки собственного управления решением насущных жизненных задач. Земства, настойчиво стремившиеся к объединению во всероссийском масштабе, обеспечили бы в обозримом будущем гарантии не только гражданских прав, но и прав политических.

Оттого-то самодержавие неукоснительно стремилось обуздать земство сосредоточением его на «местных нуждах и пользах». Оно боялось объединения земских сил хотя бы даже в форме земских съездов: каждый такой съезд в условиях массовых противоправительственных действий мог превратиться в полномочное российское представительство. Полномочное так как выборы по процедуре 1864 г. обеспечивали представительство населения всей России. По сути каждый такой съезд уже мог исполнить роль парламента. Именно поэтому самодержавие несравненно больше опасалось попыток земцев к объединению, чем народных волнений. Их можно было подавить силой. Земства силой подавить стало уже невозможно. Самодержавие проиграло в исторической борьбе между двумя началами государственной жизни: централизованной бюрократией, направлявшей деятельность беспрекословно подчинявшегося государственного аппарата сверху донизу, — и антибюрократической децентрализацией с народным представительством во главе и развитым самоуправлением на местах. Первая из альтернатив означала сохранение самодержавия царя, вторая — самодержавие народа. Неспособное более к тому, чтобы продолжать «революцию сверху», отстаивая модель власти неограниченной, бесконтрольной и несменяемой, самодержавие обрекло Россию на революцию снизу.

Революция 1917 г. подавила либеральные начала в государственной

и общественной жизни и преградила России путь цивилизованного бесконфликтного развития, поскольку земства ставили власти под контроль гласности, общественного мнения — самый действенный для этой цели. И сегодня власть остается самодержавной и бесконтрольной до тех пор, пока не будет, наконец, утверждено в России самоуправление, естественно увенчанное всероссийским народным представительством. Земства ныне обрели достоинства исторически проверенного, национального пути к правовому государству.

В его строительстве важен, несомненно, учет опыта истории либерализма в России новейшего времени, в XX в. неразрывно связанный с движением «освобожденчества» (названного так по названию главного органа основателей будущей партии кадетов). Борьба с бюрократией и необходимость политических реформ, признание руководящей роли земства в выработке программы русского либерализма; объединение всех оппозиционных самодержавию сил, мирный путь реформистского развития — таковы были основные цели «освобожденцев».

«Освобожденцы» и восприняли российское государственное устройство 1905—1914 гг. как модификацию «конституционной монархии». Не было ли, однако, определение «конституционная монархия» применительно к государственному строю России «1906 года» прекраснородушной метафорой, обелявшей самодержавие? 27 апреля 1906 г. был опубликован текст «Основных государственных законов» Российской империи. Фактически это была первая русская конституция, введенная «сверху». Оба прежде принятых конституционных акта — и «Учреждение Государственной думы», и «Учреждение Государственного совета» — были включены в текст Основных законов.

Современное государствоведение понимает под конституцией основной закон государства, который выражает волю доминирующих общественных сил, фиксирует принципы данного общественного и государственного устройства, структурирования и деятельности общественных органов, основные права и обязанности населения и т. п. Но «Основные государственные законы» 1906 г. именно и закрепляли государственное устройство Российской империи (ст. 1—2), государственный язык (ст. 3), существо верховной власти (ст. 4—25), порядок законодательства (ст. 84—97), принципы организации и деятельности центральных учреждений: Государственного совета и Думы (ст. 98—119), Совета министров и министерств (ст. 121—124), а также права и обязанности российских подданных (ст. 69—83), положение православной церкви; содержание описания государственного герба (ст. 61) и т. д.³⁹ Правда в силу ст. 87 царь мог издать в чрезвычайном порядке указы, имеющие силу закона, но содержание этих указов не могло войти в Основные законы во время прекращения занятий Думы.

Установленные таким образом особая юридическая сила основных законов и их содержания (в том числе и ответственность правительства перед монархом, а не перед палатой народных представителей) были свойственны монархическим конституциям повсюду — от Франции («Конституционная хартия» 1814 г.) до Японии (Конституция 1889 г.). Вот почему невозможно оспорить, что Основные законы России 1906 г. могут быть отнесены к разряду конституций.

Не менее важен для истории конституционализма в России и вопрос — представляли ли собою — с точки зрения чисто правовой — реорганизованный Государственный совет и Государственная дума — парламентские учреждения?

Современное государствоведение считает парламентом общегосударственный представительный орган (состоящий из одной или двух палат), обладающий прерогативами принимать законы, утверждать бюджет, и — в той или иной мере — контролировать правительство. Государственная дума (нижняя палата) и Государственный совет (верхняя палата), несомненно, обладали рядом прав, специфичных для парламента: законодательной инициативой по всем предметам законодательства за исключением основных законов, правом (пусть существенно ограниченным) утверждать бюд-

жет, правом (также стесненным) запроса к членам правительства, депутаты Думы пользовались «полною свободой суждений и мнений», также, как и депутатской неприкосновенностью. Таким образом, с формально-юридической точки зрения Дума и преобразованный Государственный совет в значительной степени отвечали основным критериям, которые предъявляет к парламентам конституционное право.

Сегодня яснее, чем когда-либо прежде, видна некорректность нигилистического отношения к Думе, народному представительству, завоеванному общероссийской демократией в напряженнейшей борьбе, тому представительству, которому самодержавие вынуждено было «даровать» определенные права и прерогативы парламента. Возникновение даже такого малосильного парламента проложило рельефную грань между прежними порядками старого русского самодержавия и самодержавием с Государственной думой.

Разумеется, в рамках статьи проблема может быть лишь поставлена, притом без развернутой аргументации. Вне рассмотрения остались некоторые из весьма важных демократических традиций россиян. Среди них, например, студенческие землячества, объединявшие учащуюся молодежь высших учебных заведений по территориальному признаку. Основными формами их работы были студенческие коммуны, библиотеки, кассы взаимопомощи и кружки саморазвития, позволявшие реализовать основные черты студенческого образа жизни вне зависимости от государственного благотворительного обеспечения. Еще большее значение в развитии и укреплении демократических традиций имела деятельность профессиональных союзов, представленная обширной и содержательной историографией⁴⁰.

Но и то, что сказано выше о традициях демократизма и либерализма в истории дореволюционной России позволяет уверенно заключить, что постреволюционный псевдокоммунистический этатизм сталинщины отнюдь не был порождением нового развития традиционных и исключительно присущих будто бы российскому менталитету представлений, что Россия — единственное в мире государство, в котором никогда не станут общенародными стремления ограничить объем власти монарха, тем более полностью устранить «законно царствующую династию».

Напротив, сталинская несвобода стала возможной в условиях насильственного слома богатых демократических традиций русского народа, развивавшихся — со времен седой древности на протяжении веков.

В контексте современных цивилизационных процессов очевидно неприемлема давняя традиция, пытающаяся интерпретировать Россию в патриархально-домостроевских категориях хозяйственной и социо-культурной самобытности. Самобытность характеризует все без изъятия народы, но социальная (включая экономический аспект) организуется по относительно общим законам.

Демократия — не только следствие, а и средство развития, успех в тяжелой работе по ее продвижению зависит от политической воли народа, уровня экономического мышления его лидеров и от способности масс понять и оказать действенную поддержку назревшим радикальным изменениям.

Современные реформы в России, опирающиеся на обретенные ею в истории традиции либерализма и демократии, знаменуют отказ от парадигмы насилия в государственной политике и потому объективно выступают как гражданские и освободительные. Вот почему задачи, стоящие перед страной, не легче, а несомненно сложнее тех, которые требовали решения в начале нынешнего столетия. Важно, однако, что первые шаги по верному пути уже позади.

Примечания

1. ВЯТР Е. Социология политических отношений. М. 1979, с. 248.

2. ФЕДОТОВ Г. П. Россия и свобода. В кн.: ФЕДОТОВ Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 2. СПб. 1992, с. 284.
3. Там же, с. 285. Ср.: ОБОЛОНСКИЙ А. Ф. Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994.
4. См., например: ПРИТЧИНА Е. В. Н. Я. Данилевский о политической культуре русского народа. В кн.: Проблемы политической истории и политологии. Барнаул. 1992, с. 73; Россия и современный мир. 1993. № 1, с. 16—18; Отечественная история, 1994. № 4—5, с. 3—45.
5. ЭЙДЕЛЬМАН Н. «Революция сверху» в России. М. 1989.
6. Советская историография Киевской Руси. Л. 1978; ФРОЯНОВ И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории Л. 1980; ФРОЯНОВ И. Я. и ДВОРНИЧЕНКО А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л. 1988.
7. ФРОЯНОВ И. Я. Ук. соч., с. 8—9.
8. ФРОЯНОВ И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л. 1990, с. 287.
9. ВОЛК С. С. Исторические взгляды декабристов. М. — Л. 1958, с. 321—347.
10. МАРКС К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века — Вопросы истории. 1989, № 4, с. 18.
11. ЧЕРЕПНИН Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М. 1960; ЗИМИН А. А. Витязь на распутье. М. 1991.
12. ЗИМИН А. А. Ук. соч., с. 202, 209—210.
13. НОСОВ Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л. 1969.
14. ЛЮБОМИРОВ П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613. М. 1939, с. 72—75, 84, 115, 126, 133—135, 237—239.
15. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения. Т. III. М. 1957. с. 67—70.
16. Там же. Т. IV. М. 1958, с. 293.
17. Там же. Т. III, с. 30—31, 36—39, 44.
18. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М. 1955, с. 595.
19. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 83—84. Ср.: СОЛОВЬЕВ С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13. М. 1962, с. 252—254.
20. ЛЕОНТОВИЧ В. В. История либерализма в России. 1762—1914. М. 1995, с. 2; и др.
21. ПАВЛЕНКО Н. И. Петр Великий. М., 1994, с. 449.
22. СОЛОВЬЕВ С. М. Указ. соч. Кн. IX. Т. 18, с. 469—470; кн. X. Т. 19, с. 145—146; ТРОИЦКИЙ С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке. М. 1974.
23. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения. Т. IV, с. 275—293; БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Конституционное движение 1730 года. Пг. 1918; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII века. М., 1957, с. 250—258; АНИСИМОВ Е. Россия без Петра. СПб. 1994, с. 171—198; ВОЛКОВА И. В., КУРУКИН И. В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVII—XX вв. — Вопросы истории, 1995, № 5—6.
24. КАМЕНСКИЙ А. Б. Сословная политика Екатерины II. — Вопросы истории, 1995, № 3.
25. ЖУКОВСКАЯ Т. Н. Дворянский либерализм в России в первой четверти XIX в. Итоги и задачи изучения. Автореферат дисс. к.и.н. СПб. 1992, с. 9.
26. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 722, оп. 1, д. 535, л. 1—20об.
27. ДОЛЖИКОВ В. А., СУХОТИНА Л. Г. Об источниках «анархистских» воззрений М. А. Бакунина. В кн.: Проблемы политической истории и политологии, с. 27.
28. ЩАПОВ А. П. Земство и раскол. Бегуны. — Время, 1862., № 10, с. 321.
29. ДОЛЖИКОВ В. А., СУХОТИНА Л. Г. Ук. соч., с. 29.
30. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 32.
31. ПОКРОВСКИЙ Н. Н. В пространстве и времени. В кн.: ЭЙДЕЛЬМАН Н. Ук. соч., с. 16—17. 32. Там же.
33. ГРАДОВСКИЙ А. Д. Начала русского государственного права. В кн.: ГРАДОВСКИЙ А. Д. Собр. соч. Т. IX. СПб. 1908, с. 18.
34. ЭЙДЕЛЬМАН Н. Ук. соч., с. 141.
35. ЧИЧЕРИН Б. Н. Вопросы политики. М. 1903, с. 77.
36. ТАХТАУЛОВА Е. К. Российский либерализм середины XIX — начала XX в. Автореферат дисс. к.и.н. СПб. 1993, с. 17.
37. Псковский областной архив, ф. 20, оп. 1, д. 2387, л. 13—14сл.
38. Здравоохранение в дореволюционной России. В кн.: Большая советская энциклопедия. Изд. 1. Т. 26. М. 1933, стб. 512.
39. Основные государственные законы. СПб. 1906.
40. История профсоюзов СССР. Ч. 1. М. 1977.

Идеи И. С. Пересветова в контексте мировой истории и культуры

А. Л. Юрганов

Около 1538 г. из Великого княжества Литовского в Московское государство приехал опытный воин, в разное время служивший трем королям — польскому, чешскому и венгерскому. Иван Семенович Пересветов принадлежал к элите «королевских дворян» польского монарха. В 20—30-х годах он принял участие в войне за венгерское наследство. Ее вел чешский король Фердинанд I Габсбург с трансильванским воеводой Яном Заполья, ставленником турецкого султана Сулеймана I. Польская служилая аристократия в своих симпатиях и антипатиях разделилась: магнатство поддерживало Фердинанда, а польская шляхта — Яна Заполья. Польский король даже запрещал шляхетству поступать на службу к Яну Заполье. Но 300 королевских дворян тем не менее ослушались и вступили в борьбу с Фердинандом. Среди них был и Пересветов. Во время этой службы он познакомился с турецкой армией. В 1529 г. Ян Заполья занял город Будин, столицу Венгрии, где провозгласил себя королем. Через год между ним и Фердинандом заключено было перемирие, и Пересветов перешел на службу к Фердинанду, в отряд польского магната Андрея Тенчинского, известного своей образованностью и дружбой со многими гуманистами. В середине 30-х годов Пересветов служил молдавскому воеводе Петру Рарешу.

Годы жизни в России оказались для него тяжкими. Поначалу все устраивалось как нельзя лучше: приехав в Москву, Пересветов сразу обратился к боярину М. Ю. Захарьину с предложением организовать мастерскую по выделке особых щитов «македонского образца» и получил на то официальное разрешение. Двухметровые щиты, обтянутые кожей, с железными шипами, могли служить удачным дополнением к гуляй-городам, ими можно было пользоваться и при переправах через реки. Словом, опытный воин изобретательно относился к своей профессии. В эту блестящую идею поверили; щитами планировалось снабдить отряд пицальников в 300 человек. Но осенью 1539 г. Захарьин умер, и работа мастерской приостановилась. Тогда-то Пересветов и узнал, что значит остаться в русском обществе без покровительства, без связей. Началось десятилетнее хождение по мукам. Военная служба не приносила доходов, а начавшиеся судебные тяжбы с «сильными мира сего» окончательно его разорили: «собинка» (собственность), которую он вывез из разных земель «в... обидах и в волокитах пропала». Так преуспевавший в Европе талантливый воин обезличился в массе нуждавшихся рядовых служилых людей того времени.

Юрганов Андрей Львович — кандидат исторических наук, доцент республиканского Института повышения квалификации работников образования.

8 сентября 1549 г. в придворной церкви Рождества Богородицы Пересветов подал Ивану Грозному две «книжки». А вскоре (до ноября 1549 г.) он вновь обратился к царю — с так наз. Большой челобитной, приложив и копии поданных ранее сочинений. В одном из них он вопрошал: «Такое царство великое, и сильное, и славное, и всем богатое, царство Московское, есть ли в том царстве правда?»

Никто не стал опровергать Пересветова, его даже не объявили еретиком, хотя высказанные публицистом мысли могли дать для этого основания. Лишь в XVII в. обратили внимание на странность некоторых идей этого человека, не разобравшись, впрочем, в их масштабе. Пересветов же загадочно исчез — да так, как будто его и не было: лишь туманное известие «Описи царского архива» сохранило документальный след: хранился тут «черный список Ивашки Пересветова да Петра Губастого...» Но что стояло за этим немногословием?..

Как причудлива судьба этого человека! Не умри Захарьин — и мастерская Пересветова, возможно, расцвела бы и сколько людей в результате этого военного новшества избежало бы гибели. Но жизнь в России «не удалась»: ему пришлось писать горькие слова, много размышлять о «правде», не догадываясь даже, что главное дело его жизни и будет заключено в этих словах и в этих мыслях.

Понять идеи Пересветова в контексте русской и мировой истории и культуры значит прежде всего рассмотреть тот научный кризис, который обнаружился в исследовании творчества средневекового публициста. Проследим основные вехи в истории изучения вопроса о социокультурном значении его произведений.

В подлинном виде они не сохранились. Дошли до нас их списки, самый древний — не старше 30-х годов XVII века. Первоначально эти сочинения хранились в царском архиве, который в начале XVII в. стал частью архива Посольского приказа¹.

Первый (по времени создания) цикл произведений Пересветова — Повесть об основании и взятии Царьграда, Сказания о книгах и Магмет-салтане. В них рассказывается о трагической судьбе христианской столицы. Основал ее римский император Константин Флавий. А в 1453 г., при последнем императоре, тоже Константине, она была захвачена и уничтожена войсками турецкого султана Мухаммеда II.

Второй цикл — Сказание о Константине, Первое предсказание философов, Концовка и некоторые другие произведения. Если в первом цикле еще чувствовалась зависимость от известного сочинения Нестора Искандера на ту же тему — о падении христианской Византии в 1453 г., то здесь Пересветов пускается в самостоятельное «плавание» и по-своему рассуждает о трагической судьбе христианской державы.

Так наз. Малая и Большая челобитные — последний по времени цикл его сочинений. Если в первых произведениях главный положительный герой — турецкий султан Мухаммед II, то в Большой челобитной возникает новое действующее лицо, и тоже подлинное: молдавский (волосский) воевода Петр Рареш.

Сочинения Пересветова стали известны не сразу. Н. М. Карамзину была известна лишь «эпистолия» Ивашки. Она никакого впечатления не произвела: «Это подлог и вымысел», — писал историк. Ему трудно было понять, зачем кому-то в XVI в. понадобилось оправдывать «задним числом» деятельность Ивана Грозного. Лишь к концу XIX в. было обращено внимание на большую достоверность сочинений Пересветова. А в 1908 г. Ю. А. Яворский и В. Ф. Ржига опубликовали свои работы, посвященные биографии публициста². Казалось бы, достоверность личности была доказана, но время от времени воскресали сомнения Карамзина в подлинности сочинителя, показывая, что его точка зрения не встретила еще убедительных возражений.

Как складывался образ Пересветова в научной традиции, признававшей его действительное существование? Смысл некоторых идей публициста, как оказалось, легко укладывался в общепринятую историческую схему. И хотя

один из крупнейших ученых XIX в., С. М. Соловьев, не знал, что делать с идеями Пересветова, последователи созданной им научной «школы» уже не смущались: необходимость «государственных начал» доказывалась антибоярской настроенностью Пересветова.

В. Е. Вальденберг определил «правду» как закон христианский — так положен был «первокирпич» в основание концепции; согласно ей, «неправда», по Пересветову, — следствие ограничения царской власти. «Все сочинения Пересветова тесно связаны единством мысли, выражающей одну идею: России нужна государственная власть, которая безраздельно должна находиться в руках царя»³.

Сочинения Пересветова важны были не сами по себе, а как некая иллюстрация. Такой подход остался неизменным и в советское время. Теория «отражения» не допускала, чтобы у «образца» было собственное изображение. Отсюда и кризис в научной интерпретации средневекового мыслителя. Даже когда Д. С. Лихачев обращается к «литературной современности», чтобы объяснить мысли Пересветова, — концептуальные взгляды и тут довлеют над «самой литературной современностью». «Справедливость — «правда» Пересветова — направлена главным образом на укрепление позиций служилого дворянства и против боярства»⁴.

Значительный этап в изучении средневековой литературы XVI в. — монография А. А. Зимина. Сочинения Пересветова впервые были изучены тщательно и всесторонне. Автор считал, что публицист «разделял основные положения христианства. У него находим упоминание о Троице, о божественности Христа, верил он и в чудотворцев»⁵. Между тем Зимин увидел и такие особенности воззрений Пересветова, которые свидетельствовали о реформационно-гуманистической направленности его сочинений. Словом, Пересветов — не еретик и не ортодокс. Зимин так объяснял соотношение «правды» и «веры»: «Пересветов требует действительного осуществления заповедей Христа — в этом пафос его противопоставления «правды» и «веры»». Как в предыдущих работах историков, так и в замечательной книге Зимина остался след концептуального давления: от главенствующей идеи — к источнику, а не наоборот. «У Пересветова... «правда» представляет собой политическую конкретизацию христианского вероучения, понятого в духе реформационных учений середины XVI в., — писал историк. — «Правда»... — совокупность общественных преобразований, направленных к созданию совершенного государственного строя, в котором дворянские требования найдут полное осуществление. Облекая это понятие в религиозную форму («правда» как претворение евангельских заветов Христа), публицист вкладывал в нее не церковное, а светское содержание».

В монографии были уточнены выводы предшественников, расставлены все точки над «i»; портрет обрел законченность. И в этот самый миг Пересветов окончательно был утерян наукой; лишь редкие статьи напоминали о Пересветове — он стал неинтересен, этот скучный поборник русского деспотизма⁶. Впрочем, в подобном умирании были ростки жизни. В 70-е годы начали возникать сомнения в правильности тех теоретических посылок, которые еще несколько лет назад казались непреложными. Борьба боярства с дворянством вызывала сомнения, а прогрессивное значение централизованного государства сопровождалось оговорками «но с другой стороны» и т. д. Работами А. А. Зимина и особенно В. Б. Кобриня было убедительно, на богатейшем актовом материале доказано, что борьба внутри «господствующего класса» — в конечном счете миф, а не реальность, что существовала традиция сплоченности бояр и великого князя, что, наконец, возникшая в конце XV в. самодержавная власть являла собой восточную деспотию⁷. Словом, обрушилась традиционная концепция и возник парадокс: что же своим творчеством «отражает» Пересветов?

От парадокса — к Карамзину: путь законный, хотя хронологически обратный. Эта «линия» историографии проявилась в работе новейшего исследователя Д. Н. Альшица. Он аккумулировал весь скептический опыт, не проводя, правда, тщательного анализа сочинений Пересветова. Еще С. Л. Авалиани на XIV Археологическом съезде в Чернигове в 1909 г. выступил

с докладом «Об Ивашке Пересветове», в котором высказал мысль: «Не скрывается ли в лице Пересветова — сам Иоанн Грозный»⁸. Альшиц же распределил сочинения Пересветова между двумя авторами: «Сказание о Магмет-салтане» написал А. Ф. Адашев, «Большую челобитную» — Иван Грозный. Сравнивая эти памятники, считает ученый, можно увидеть полемику двух главных деятелей эпохи Избранной рады.

Таким образом, последнее слово в науке совпало с первым: не было самого Пересветова, «затейника». Возражать Альшицу трудно: он не опроверг ни одного аргумента сторонников подлинности Пересветова, а лишь позволил себе усомниться. И вместе с тем, сила позиции Альшица — в явной неспособности историографии объяснить смысл сочинений публициста.

Пересветова «не стало» от непонимания: ни теми, кто признавал его подлинность, ни теми, кто в ней сомневался. Историографические «линии», наконец, сошлись, но смысл сочинений так и остался непонятым. С. С. Аверинцев, уловивший тончайшие нюансы двух типов духовности — западной и византийско-русской, просто отказался объяснить мысли Пересветова: «Нет ничего более странного, чем публицистика начальных времен русского абсолютизма. Кого ставит в пример самодержцу Иван Пересветов? Турецкого султана Мухаммеда II, не только «нехристя», но и специально разорителя православной византийской державы, которого повесть Нестора Искандера о взятии Царьграда иначе не называла как «окаянным» и «беззаконным»»⁹.

Так что же в русской культуре отражает Пересветов?

Как известно, Пересветов был сторонником сильной власти — «грозы». Но столь же страстно он писал и о вольности. Как совместить эти утверждения?

Мухаммед II захватил и разрушил Константинополь, но Пересветов ставит турецкого султана в пример христианским правителям. Почему? Он ввел справедливый суд, стал судить всех с «великою грозою». Казне султанской нет конца, и войско с коней «не сседает». И не скучает — а верно служит. Император Константин, которому на роду было написано, что от его меча «вся подсолнечная» не уберезется, оставшись трехлетним после смерти отца, лишил Государство сильной власти. Нет ее — нет и справедливости: возникло злоимство, неправедный суд. Вельможи богатели от «нечистого собрания». С возрастом Константин стал понимать «великую мудрость», но вельможи «укротили» его дух: «Будет нам от него суетное житие, а богатство будет с ыными веселитися». Не стал Константин воевать — и забыл о воинстве. Вот такой урок извлек для себя Магмет-салтан. Петр Волосский предупреждает русского царя: при нем вельможи «богатеют и ленивеют» — царство же скудеет. Средневековый романтизм службы нашел у Пересветова почти поэтическое выражение:

«Который воинник лют будет против недруга государева играти
смертною игрою и крепко будет за веру христианскую стояти,
ино таковым воинникам имена возвышати,
и сердца им веселити,
и жалованья им из казны своя прибавливати...»

Мир земной, по убеждению Пересветова, существует так же, как мир небесный: там ангелы, силы небесные «ни на один час пламеного оружия из рук не испущают», они «хранят и стерегут» род христианский от Адама.

Каждый день турецкому султану служит 40 тысяч янычар — «гораздых стрельцов». Получают они жалованье, «алафу по всяк день». Словом, мудр тот «царь», что воинам «сердце веселит». Ведь что такое война? Игра! Надо только уметь честно «умрети на игре смертной с недругом».

Магмет-салтан завещал: не превращать воина в холопа; служба не должна быть унижительной. Именно в этом контексте — говоря о свободной службе государю — Пересветов заставляет своего героя, Магмет-салтана, высказываться: «В котором царстве люди порабощены, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга: они бо есть

порабощены, и тот срама не боится, а чести себе не добывает, а рече тако: «Хотя и богатырь или не богатырь, однако есмь холоп государев, иново имени не прибудет»».

Царской грозё не противоречит вольность служилого человека: они дополняют друг друга. Константин не нашел этой гармонии: его власть была беспредельной не там, где требовалось — она поработила всех, даже лучших вельмож. И когда порабощенным надо было доказывать свою храбрость на поле брани, они оказывались «не боецы», «з бою утекали».

Магмет-салтан дал им «волю» — и они, освободившись, стали у царя «лутчие люди», научились против «недруга стояти». Чтобы поддерживать справедливость, власть должна быть сильной. Чрезмерное ее усиление («неправда») порождает деспотизм: воины-холопы лишены храбрости, христианское царство терпит поражение, потому что Бог гневается. «Гроза» — бессмыслица, если нет «правды». Вольный воин служит могучему, но справедливому монарху не из-за страха: его вольность — условие справедливости самой царской «грозы».

Пересветов искал идеала. Он знал, как устроены разные государства. Опыт этот ему хотелось обобщить, осознав достоинства и недостатки в различных политических устройствах. «Не по всей Европе политическая борьба на рубеже нового времени, — писал В. Ф. Ржига, — закончилась победой монархического принципа государственности. Были страны, где взяли верх не центростремительные, а центробежные силы. Такова судьба Венгрии, Чехии и Польши. Здесь чрезмерный рост привилегий дворянства совершенно парализовал королевскую власть, создал анархию, которая привела эти страны к утрате политической самостоятельности. Венгрия и Чехия пали в самом начале новой истории. Польша просуществовала гораздо долее, но и в ней в первую треть XVI века происходил любопытный процесс внутренней борьбы, исход которого в значительной степени пред-решал ее судьбу... Здесь усиление монархического начала было крайне непрочны, так как, возникнув на почве личных качеств государей, оно не получило гарантии в создании соответствующих правительственных учреждений. Утвердившаяся выборность королей давала важный перевес аристократической олигархии; и в результате борьбы ее с королем, с одной стороны, и противоречия интересов магнатов и шляхты, с другой, в начале XVI века, в правление короля Александра... является конституция 1505 года... согласно которой ни один проект не может получить силу закона без утверждения сейма»¹⁰.

В России же отношения монарха и подданных были иными. Здесь с конца XV в. в отличие от стран Центральной и Западной Европы произошел переход к министерялиту, когда никто из служилых людей не имел ни политической, ни экономической самозащиты от произвола великого князя; каждый воин, и даже первый аристократ называли себя холопами государя¹¹. Здесь никто не мог себе позволить не согласиться с мнением царя.

Запад и Московия были разными мирами. Австрийский посол С. Герберштейн, побывавший в России дважды, в 1517 и 1526 гг., писал о Московии: «Среди земель, просвещенных таинством святого крещения, эта страна немало отличается от нас своими обычаями, учреждениями, религиею и воинскими уставами». Но удивительнее всего — могущество великого князя Василия III: «Властью, которую он имеет над всеми своими подданными, он далеко превосходит всех монархов мира... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством»: «Все они называют себя холопами, то есть рабами государя»¹². С. Герберштейн, того не осознавая, сам себе противоречил. В Великом княжестве Литовском и Русском, по его же словам, тип отношений совсем иной: «Между ними (магнатами. — А. Ю.) наблюдается такое во всем своеволие, что они, кажется, не столько пользуются неумеренной свободой, сколько злоупотребляют ею». А ведь в Великое княжество Литовское и Русское входили древние русские земли: Киев, Минск, Полоцк, Гомель — словом, весь юго-запад Киевской Руси... В силу специфических условий развития в Московии победили отношения жесткого господства и подчинения.

Итак, власть, превращающая воина в раба, дворянина в холопа, — это не та «гроза», которую предлагал Пересветов. Его идеал — гармония силы («грозы») со справедливостью («правдой»). Узнав в Европе про царя Ивана Грозного, «благочестивого государя», Пересветов бросил «богатые» службы, выехал в Россию. Его челобитная русскому царю кончается полуриторическим вопросом с характерной московской лексикой: «Как тебе, государю, полюбится службишко мое, холопа твоего?». Это писал (вынужден был писать) поборник вольных воинов праведного царя.

XVI век — время Утопии и для Западной Европы. В нашей науке сочинения Пересветова традиционно рассматриваются как «проекты» государственных реформ. Правда, при этом почему-то забывается одна «деталь»: сам государственный аппарат в виде первых приказов — органов центрального управления — появляется как раз тогда, когда Пересветов подает царю свои челобитные. Не успели, значит, эти органы возникнуть, а ловкий публицист уже подготовил «проект государственных реформ»!

Слово реформа позднего происхождения и несет в себе современную смысловую нагрузку: это всякое глубокое структурное изменение. Чаще всего подразумевается новое качество, добиться которого можно лишь изменив корневые основы. «Реформа» применительно к XVI в. — это стремление всякую новизну подчинить старине, а значит идеальному.

Чем же отличались утопические модели Западной Европы и России?

В исходной модели «Утопии» Томаса Мора, современника Пересветова, главное — это представление о совершенном *обществе*. А. Петруччини писал: «Понимание истинной цели, воодушевившей автора на написание «Утопии» — книги об идеальном обществе, — приглашает, более того, обязывает нас перевернуть вверх ногами все, что лежит на поверхности, а именно: уверения в подлинности существования острова и ироническую критику отдельных его учреждений... Отказавшись от буквального понимания текста читатель, даже не обладающий особым умом, постарается найти смысл в системе координат утопии, более же мудрые воспримут описание как нечто, чему должно быть. Нельзя однако, подходить к утопии с теми мерками, которые мы привыкли использовать, читая произведения более привычных жанров, ибо автор утопического труда имеет особую цель: он постарается продемонстрировать нам *идеал*»¹³.

В сочинениях Пересветова же — представления об *идеальном государстве*. Публицист тоже рассчитывал на разумение читателя, который поймет, что само это наилучшее состояние государства недостижимо. Но у размышляющих людей возникла острая потребность совместить в своем сознании надвигающиеся перемены с традиционными установками. Таких людей в России находилось, наверно, немало, но не всякий брался за перо. Не всякий был способен охватить разом столь непростую динамику жизни.

Два ключевых слова определяют у Пересветова всю сложность Идеала: правда и вера. У каждого слова — своя история, судьба. Кажущиеся понятными, эти слова таят в себе множество утерянных со временем значений. Что понимало под словом «правда» русское средневековое общество?

Редкое его значение — истина. Зато наиболее распространенное — справедливость, в самом широком смысле. О древнейшем периоде русской истории летопись писала: «И всташа словене и кривици и меря и чюдь на варягы, и изгнаша я за море, и начаша владети само себе... и бысть межи ими рать велика и усобица, и всташа град на град, и не беше в них правды». Правдой или неправдой определяли едва ли не все деяния человека. Правду можно было «дать», то есть отнестись справедливо, либо принести клятву. Фаворит Елены Глинской, И. Ф. Овчина Оболенский, в 1537 г. «дал» правду мятежному дяде малолетнего Ивана IV, Андрею Старицкому, в том, что опалы не будет, если он с повинной явится в Москву. Но князя обманули. «Правду» можно было «взять»: например, в суде, если бросают жребий, надеясь на волю божью. «Правду» можно было «затерять», утратив представления о добре и зле. Ее можно было «иметь», относясь справедливо, и «погубить» собственной виной. Человек

мог жить «по правде», потому что «правда» — божьи заповеди и церковные правила. И мог судиться, потому что «правда» — правый суд, а также судебные испытания, оправдание; даже пошлина за призыв в суд свидетеля, — тоже «правда». Ею же определяли власть как таковую. Словом, едва ли не все явления внешнего мира рассматривались через призму «правды» или «неправды». Мир не расчленялся на элементы, которые бы не сводились затем к целому; мировидение средневековых людей было «утробным», цельным¹⁴.

В мире средневековья царили отвлеченные идеи, их архаический смысл заставлял решать мировоззренческие, подчас даже космические проблемы бытия. Федор Карпов, дипломат и мыслитель, писал: «Милость без правды малодушество есть, а правда без милости мучительство». Как неперевода-ма поэзия на язык прозы, так непереводама эта средневековая дилемма. Она содержит необъятное количество ассоциаций, переживаний, как бы сжатых силой слова в одну трагически безнадежную фразу. Понимание «правды» средневековыми людьми связано было со стариной, традиционными установками. Боярин времен Василия III, Берсень Беклемишев, поплатившийся головой за вольномыслие, печалился от того, что «ныне в людех правды нет» из-за нарушения старинных обычаев: «Которая земля переставливает обычи свои, и та земля недолго стоит; а здесь у нас старые обычи князь велики переменил; ино на нас которого добра чаяти?»

Пересветов не изобретал своей правды. Она для него — государство и правый суд, но не только; справедливость и божьи заповеди, но не только. Правда — это все вместе; космический миропорядок, гармония внешнего мира.

Поиски типологически родственных структур сознания привели нас к древней культуре Ближнего Востока, для которого так же, как и для России XVI в., было характерно особое миропонимание — нерасчлененное, цельное.

«Маат» — «Правда» (порядок, гармония), стала даже божеством в Древнем Египте, почиталась как верховное божество и входила в титулатуру фараонов. Верховный везир фараона — одновременно верховный жрец Маат. Но в значительно большей мере типологическое сходство обнаруживается при сопоставлении русских текстов с ветхозаветными.

«Правда» Ветхого Завета — это всеобщая гармония; синоним «правды» — «закон». В религиозных мечтах ветхозаветных пророков «правда» связывалась с приходом царя-помазанника и созданием Социальной Идиллии: «Он будет судить по правде бедняков и будет решать по справедливости дела нищих страны... и будет правда поясом на его чреслах, и вера — поясом на его бедрах, и поселится волк с ягненком, и леопард с козленком будет лежать». И. Ш. Шифман писал о Пятикнижии: «Правда является, по представлениям эпохи, основой и сущностью государственной власти и выполняемых ею властных, распорядительных и судебных функций»¹⁵. С правдой связано правосудие и справедливость: «А если человек праведен и творит правосудие и справедливость, на горах не ест и свои глаза не поднимает к идолам Дома Израилева, и жены своего ближнего не оскверняет... и никого не притесняет, залог должнику возвращает, грабить не грабит, свой хлеб голодному дает и голого одевает одеждою, в рост не дает и лихву не берет, от кривды отвращает свою руку, правый суд совершает между людьми, по Моим законам поступает и Мои приговоры блюдет, чтобы сотворить правду, — праведен он». В русском обществе «правда» не была самодостаточна настолько, чтобы олицетворять собой абсолютную гармонию. Ей необходима была «вера». По меркам того времени великому князю, наместнику Бога на земле, полагалось служить «верою и правдою».

«А естли бы к той правде турской да вера христианская, ино бы с ними ангелы беседовали», — писал Пересветов. В «правде» и «вере» он увидел одно начало, поставив мучительный вопрос: а что же «сильнее»? Попробуем понять парадоксальную логику рассуждений средневекового публициста.

В «Сказании о книгах» — оригинальном сочинении Пересветова — рассказывается, как Магмет-салтан повелел взять у константинопольского

патриарха Анастасия греческие книги и переписать их «по турски слово в слово». А потом решил их не отдавать. Опечалился патриарх и заплакал перед иконами Христа и Богоматери: Божья ли то воля, что иноплеменники над святыми церквами и над образами чудотворными надругались? Христос откликнулся: «напустил» он турок не навеки, а на поучение — до тех пор, пока греки не научатся жить «по правде». Божий гнев испытал и Магмет-салтан. Испугавшись он спросил Анастасия: «Ты ли ся жаловал Богу своему на меня?» И признался: видел Его: «Вельми грозен». Магмет передал Анастасию, чтобы патриарх молился... за турецкого султана! Разрушившего христианскую столицу? Но в словах Магмета — логика Пересветова: «Естьли бы мне того царства не выдал Бог, и мне мочно ли о том умудрити, естьли бы на то Божия воля не была? Все то есмь Божию волею делал». В чем же эта «воля»? Вина Анастасия была в том, что он не заботился о «правде», видя, как император Константин прельстился на «нечистое собрание». «Воля» Христа — это «правда» в государстве. Магмет-салтан уже стал подумывать о принятии христианства, говоря приближенным: «Веру христианскую приму, да буду самому Господу небесному угодник. Ему ответили: «Естьли бы ту веру любил Господь, и он бы тебе ея не выдал». Сбился с истинного пути турецкий султан, а ведь так близка была гармония...

Разрушив Царьград, Магмет-салтан исполнил волю Божию. Сотворил богоугодное дело. И главное, понял это.

Прочитав христианские книги и увидев, чем был плох император Константин, турецкий султан — сам был философ — ввел «суд во все царство». Велел судить «прямо», потому Богу это «сердечная радость». Когда же Магмет салтан узнал о «злоимстве», то не стал долго разбираться: велел с живых мздоимцев кожу сдирать. «Естьли оне обростут опять телом, ино им вина та отдасться». Кожу набили бумагой, получились чучела. К ним добавили надпись: «Без таковыя грозы, не мочно в царстве правду ввести». Вельможи императора Константина оказались во власти дьявола, в его «воле». А христианин угождает Богу делами! Главный герой «Большой челобитной», молдавский воевода Петр, говорил: «Которая земля порабощена (во власти дьявола. — А. Ю.), в той земле все зло сотворяется: татьба, разбой, обида, всему царству оскужение великое; всем Бога гневят, дьяволу угождают».

Греки, потеряв «правду», стали хвалить «благоверного русского царя». В конце «Сказания о Магмет-салтане» возник странный, но симптоматичный спор между католиками и православными. Православные утверждали: «Есть у нас царство волное и царь волной, благоверный государь Иван Васильевич всея Руси, и в том царстве великое божие милосердие и знамя божие, святые чудотворцы, яко первые». Поразительно, но эту сентенцию католики не отвергли: «То есть правда». Так в чем же спор? Католики сказали: «Если к той истинной вере христианской да правда турецкая, ино бы с ними ангелы беседовали». Греки возразили: «А естьли бы к той правде турецкой да вера христианская, ино бы с ними ангелы беседовали».

На первый взгляд, нет никакой разницы в этом сложении. Но посмотрим внимательней: у католиков на первом месте «вера»; у православных — «правда». Католики к вере прибавляют правду; православные — наоборот. На этом споре заканчивается одно из главных сочинений Пересветова. Воображаемый спор этот лаконично и просто указывает на христианский «критерий»: и для католиков и для православных не так уж важны истинные разногласия по «вере», богоугодность определяется, по Пересветову, близостью к «правде».

Итак, правый суд был введен не слугой Христовым, а безбожником. «Ложь вывел» в царстве христианском не кто-нибудь — мусульманин. И тем он воздал Богу «сердечную радость». Бог, по мысли Пересветова, любит правду «лутчи всего». Император Константин не понял главного: Бог любит «правду» «сильнее всего»!

Петр, воевода молдавский, спрашивал своего слугу, москвитя, Ваську Мерцалова: «Таковое царство великое, и сильное, и славное, и всем богатое,

царство Московское, есть ли в том царстве правда?» И Васька отвечал: «Вера государь, христианская добра, всем сполна, и красота церковная велика, а правды нет». Услышав это, Петр заплакал: «Коли правды нет, то и всего нет». «Истинная правда Христос есть... — сказал он. — И в котором царстве правда, в том и Бог пребывает и помощь свою великую подает, и гнев Божий не воздвигается на то царство. Правды сильнее в божественном писании нет. Правда Богу и Отцу сердечная радость, а царю великая мудрость сила». И вновь Пересветов повторил: Бог помогает неверным. Если они приносят ему сердечную радость, устанавливая справедливость внешнего мира — правду. Помогает даже обладать другими царствами! В сознании Пересветова нет границ в Божьей помощи: она приходит даже к тому, кто совершает богоугодное дело, не веруя при том.

Устами Петра волоцкого Пересветов, наконец, решается сказать: «Бог не веру любит — правду».

Случайно или нет, но Пересветов в своей Утопии поставил вопрос, имеющий мировое общекультурное значение, — *вопрос о спасении*. Его решают все мировые религии. Это самый трудный вопрос в мировой культуре. И даже в христианстве нет однозначного решения, хотя, конечно, «вера» выше «закона» (правды)¹⁶. Апостол Павел писал в Послании к римлянам: «Мы признаем, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона». Но догмы нет: социокультурный простор в христианстве позволяет любой национальной культуре выбирать свою ориентацию. Идея о единой спасающей вере, как заметил еще С. Страгородский, «одна из самых обычных и самых любимых отеческих идей... Но этой единой спасающей вере в творениях Св. отцов постоянно противостоит учение о ее недостаточности и о необходимости, кроме ее и рядом с ней, еще добрых дел»¹⁷. Православная традиция в рассмотрении этого вопроса берет свое начало от «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Закон («правда») иудеев сравнивался им с благодатью (верою), которая родилась в недрах Ветхого Завета и восторжествовала в Новом Завете¹⁸.

Пересветов говорил о примате «правды» над «верой». Однако столь же решительно на эту тему высказывались в Западной Европе в эпоху Реформации¹⁹. Лютеранство учило: спасение совершается самим Богом, не делами человека, но одною лишь верою, получение которой тоже зависит от Бога. Если человек верует в то, что он обретет благодать, — он свят, благочестив и оправдан. Такая вера приближает человека к Христу. Природа человека греховна, и только вера уничтожает ее и приводит грешника к добрым делам. Мартин Лютер в 1520 г. в трактате «О свободе христианина» писал: «Никакое доброе дело не связано со словом Божиим и не живет в душе, ибо в душе правят только вера и Слово Божье. Точно так же, как расплавленное железо пылает, как огонь, потому что огонь соединен с ним, так и Слово передает свои качества душе. Понятно тогда, что христианин имеет все, что ему нужно, в вере и не нуждается ни в каких делах для оправдания себя»²⁰.

Лютер говорил о «внешнем» человеке и внутренней свободе: «Вот как раз вера — всё и сама по себе достаточна, чтобы спастись, зачем же повелены добрые дела? Что ж, отбросим всякое попечение, будем сидеть сложа руки! Нет, мой милый, это неверно. Это было бы верно, если бы ты был совсем духовным... но остается ведь телесная, земная жизнь, и здесь человек должен властвовать над телом своим, должен вступать в сношения с другими людьми. Вот тут-то и начинаются добрые дела... В плоти своей человек найдет дух непокорности, стремящийся к мирскому, и удовлетворение похотей. Этому да не потерпит наша вера... Итак, всегда сама личность должна прежде всего сделаться доброй и благочестивой, чтобы получались добрые дела... какова вера или суеверие человека, таковы и дела его... а не наоборот». В 1536 г., за два года до появления Пересветова в России, английским парламентом были изданы в качестве главной символической книги англиканской церкви так называемые десять членов вероучения. Принято было учение об оправдании верою, но с признанием необходимости совершения добрых дел.

Если для Лютера «вера» — внутреннее, духовное состояние, а «свобода» заключается в праве выбирать между светской властью и властью Христа, то что тогда понимал, говоря о «свободе» и «вере», наш отечественный публицист? В языке людей XVI в. не было слов, которыми обозначалась бы автономная личность²¹. И кажущиеся понятными слова на самом деле имели иной, непривычный для нас смысл. Воля (вольность) — не свобода, а произвол. Самодержавие монгольского хана обозначалось особым (ласкающим слух властолюбца) прилагательным вольный. «Свобода» упоминается в источниках, но и ее смысл далек от современного: слово это используется в значении освобождения от чего-то или кого-то (отсюда и слободы в городах, освобождавшие на некоторое время от уплаты налогов в пользу государства).

Вольность как свобода впервые обретает гражданство лишь в XVIII веке. Исторический рубеж — указ 1762 г. о вольности дворянства, который освобождал его от рабской привязанности к государству. Теперь под словом «вольность» понимался комплекс прав и обязанностей. Дворяне получали свободу за счет фактического перехода земли и крестьян в частную собственность. В XIX в. слово вольность сохранило генетическую связь с русской историей: оно совместит в себе и свободу, и волю. В XVI в. русский человек не мог выбирать между светской властью и Богом: власть светская исполняет волю Божию, и противиться великому князю по меркам того времени значит выступить против Бога.

Чем же была для Пересветова «вера»? Вспомним каноническое ее определение — это совершение ожидаемого и уверенность в невидимом. Однако у Пересветова речь не идет о внутреннем душевном состоянии, и «вера» соединяется с внешней святостью и «чистотой». При этом само понятие «чистоты» обнаруживается даже в том месте текста, где должна бы быть «вера». Ясно, что эти слова — взаимозаменяемая пара. Магмет-салтан говорит своим пашам и сеитам: «Правда и чистота, братия, се бо сердечная радость Богу». Именно поэтому в оригинальном произведении Пересветова, «Сказании о книгах», Христос говорит Анастасию, что хотя и допустил приход агарян в Царьград, но «веры» не отдал.

Едва ли Пересветов был одинок в таком именно понимании «веры». В русской культуре эта тенденция была если не доминирующей, то чрезвычайно существенной, настолько, что понять культуру средневековья без осознания этой специфики религиозных воззрений невозможно. А прослеживается она со времен Кирика Новгородца, доместика монастыря Антония Римлянина, жившего в XII веке. «Несть ли в том греха, аже по грамотам ходити ногами?» — вопрошал Кирик. Его вопросы к новгородскому епископу Нифонту составили вместе с другими подобными материалами и архиерейскими ответами особый сборник, так и названный: «Вопрошание Кирика»²².

Итак, духовник спрашивает — епископ отвечает. «Вопрошание» превратилось со временем в своеобразный «устав блаженного Нифонта»; им пользовались сначала в Новгородской, а затем и в других епархиях. Его приравнивали к церковным канонам и даже называли «отеческими правилами».

С. И. Смирнов внимательно изучил этическое мирозерцание Кирика и пришел к интереснейшим выводам: в его мирозерцании заложена «идея чистоты, понимаемой исключительно в внешнем, физическом смысле. Сущность нравственных обязанностей христианина Кирик видит главным образом в его отношениях к христианской святине. Его взгляд развивается таким образом. На нашу грешную землю явилась святая церковь и принесла с собой святиню таинств, храма и всех предметов богослужебного употребления. А между тем человек нечист и может осквернить святиню; источник нечистоты его в плоти. Отсюда у Кирика возникают две задачи: первая — сохранить от человеческой скверны христианскую святиню, т. е. помочь человеку избежать греха; вторая — получить прощение за грех, раз он произошел. Кирик думал, что церковь имеет (или по крайней мере должна выработать) такую норму, под которую можно подвести всю жизнь человека во всех подробностях ее и мелочах»²³.

Идея «чистоты» пронизывает саму «веру»: грешно ли носить одежду из недозволенного материала? Можно ли пить из лохани, в которой мылся? Позволено ли священнику служить, «когда вымоется, вставши рано, и потом поспит или не поспит»? Как быть священнику на следующий день после ночи, проведенной с женой, — стоять ли в церкви? Особенно «нечисты» семейные отношения. Даже после рождения ребенка нельзя входить три дня в тот дом, где это произошло.

«Содержание нравственной жизни христианина здесь сводится, — писал Смирнов, — к требованию прежде всего физической чистоты: жить похристиански значит главным образом не оскверняться самому и не осквернять своей нечистотой святыни... Кирик не развился до возвышенного содержания нравственных идей новозаветного учения и до уважения человеческой совести, как единственного руководителя нравственной жизни... По своим воззрениям, как проповедник чистоты и строгий номист, Кирик стоит на точке зрения Ветхого Завета».

О неслучайности этого памятника в русской культуре и устойчивости пронизывающего его настроения свидетельствует многое — и то, в частности, что в записках Герберштейна, после Австрийской империи Габсбургов, воспроизведены отдельные статьи «Вопрошания»: они как бы представляют «веру» русских в виде системы запретов, правил, норм и т. д. Соответственно и иностранцы (Флетчер и др.), наблюдавшие религиозную жизнь в России XVI в., отмечают чрезвычайную тягу населения к магии. Идолопоклонство смущало европейцев, особенно протестантов, видевших, что различия христианских представлений на самом деле глубже, чем догматические расхождения.

От Кирика русская культура прошла долгий и мучительный путь. Афанасий Никитин сокрушался в Индии, что вместе с книгами христианскими потерял «веру», ибо не может ее исполнить. По одной из научных гипотез, вполне вероятно, что тверской купец принял мусульманство, религию, которую можно было исполнить («И яз позабыл веры христианския всея и праздников христианских, ни Велика дни, ни Рожества Христова не ведаю, ни среды, ни пятници не знаю. И среди вер я молю Бога, чтобы он хранил меня:... Бог един, то царь славы, творец неба и земли. А возвращаюсь я на Русь с думою: погибла вера моя, постился я бусурманским постом») ²⁴. Слова о «правде» и «вере» он зашифровал особым языком восточных купцов.

Традиция обрядоверия дожила до Аввакума: в событиях Раскола она обрела эсхатологическую завершенность в самосожжении тех, кто не отступил от «веры» — ни на букву, ни на слово.

С чем же можно сопоставить такое понимание «веры» Пересветовым? В. Н. Лосский, размышляя о культурных феноменах Ветхого и Нового Заветов, писал: «Ветхий Завет не знал внутреннего благодатного освящения, и все же он знал святость, потому что благодать, действуя извне, вызывала ее в душе как некий плод этого воздействия. Человек, по вере пребывающий в послушании Богу, мог стать орудием его воли... Человек послушанием и *чистотой* готовился во мраке веры к служению. Послушание и чистота — понятия негативные: они предполагают появление Бога извне и подчинение человека, становящегося Его орудием... Святость как активное освящение всего существа и свободное уподобление природы человеческой природе Божией сможет проявиться только после подвига Христа — в сознании этого подвига. Поэтому главное в Ветхом Завете — закон; отношения между Богом и человеком здесь не единство, а союз, порукой которому является верность закону. История Ветхого Завета — это история избранных, связанных последующими падениями. На протяжении этой истории Бог спасает некий «остаток», ожидание которого достигает все большей чистоты» ²⁵.

В XVII в. Пересветова поправили: в «Сказании о Петре, воеводе волоском», переделанном на другой манер (тогда не знали авторского права), рассматриваемые формулировки были смягчены. Смысл внесенных поправок сводился к тому, что «вера» выше «правды». С каким-то жалким

оптимизмом неизвестный редактор уповал на Христа: «Аще в Московском государстве и правды нет, а ко Христу вера есть у царя и святителей... то таким великим царством у Христа милость своею верою упроят. Христос бо есть истинная правда, и аще по вере помилует, то и правду в них вселит»²⁶. Правке подвергались те части пересветовского текста, которые явно расходились с учением православной церкви. Однако как ни старались, а лейтмотив — договорные отношения Бога и человека, Вседержителя и его «милостника» — не изменился. Только ушел трагизм в ощущении бытия, пропала самостоятельная глубочайшая мысль.

При внешнем сходстве с реформационным, русский вопрос «веры» звучал иначе, чем в устах Лютера. Однако умаление «веры» во имя мировой справедливости было протестом не меньшим, чем реформационный (безотносительно к содержанию). Лютер ведь боролся с католическим обрядоверием — за подлинную веру, преображающую личность. При всем различии стремлений (у одного — от обрядоверия к вере, у другого — к правде) есть и нечто близкое в этих поисках религиозной и национальной самоидентичности.

И все же Пересветов иначе, чем Лютер воспринимал идею о спасении. Европейский реформатор ссылался на апостола Павла, утвердившего примат веры над законом («правдой»); русскому мыслителю были ближе слова ветхозаветного пророка Исаяи — «Сион спасается правосудием, и обратившиеся сыны его — правдою» (Ис. 1.27). В византийской пророческой литературе возможное падение Царьграда связывалось с «кончиной мира»²⁷. Русскому публицисту были известны эти пророчества — более того, они использованы в его сочинениях. Конец света — писалось в пророчествах — ознаменуется захватом православного царства мусульманами. В 1453 г. худшие опасения оправдались, и русский составитель летописи с уверенностью написал: до наступления Страшного Суда осталось 40 лет. В 1492 г. ожидалось, как известно, завершение всей истории человечества. Тяжелый удар вынесло русское общество, пережив семитысячную дату: солнце светило по-прежнему, день сменялся ночью. Однако с неменьшим трепетом продолжали ждать этого события и в XVI в., ибо хорошо было известно, что Страшный Суд может наступить и сразу после окончания семи тысяч лет. Пересветов, в отличие от Реформации, видел богоугодность, а значит и спасение, в сохранении до дня Страшного Суда православной *державы*.

Кем же был Ивашка Пересветов? Что отразил он своим необычным творчеством?

История личности подобного мыслителя сочетает в себе отблеск эпохи (что-то общее в мыслях многих) и уникальное — ни на что не похожее. В идеях Пересветова традиционные представления русского средневекового общества непостижимым образом развились до обобщений мирового масштаба. Он *первым* в русской культуре создал образ Утопии. Гроза и вольность, правда и вера — вот ее слагаемые. Этот *архетип утопической мысли*, изменяясь по форме, проживет века.

Примечания

1. Сочинения И. Пересветова. М.-Л. 1956.
2. ЯВОРСКИЙ Ю. А. К вопросу о мнимом древнерусском псевдониме Ивашки Пересветова. — Сборник Отделения русского языка и словесности. СПб. 1908, т. 84, с. 53; РЖИГА В. Ф. Пересветов, публицист XVI века. — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1. М. 1908, отд. 2. Подробнее о дореволюционной литературе см. библиографию, составленную А. А. Зиминим (И. С. Пересветов и его современники. М. 1958, с. 456—479).
3. ВАЛЬДЕНБЕРГ В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг. 1916, с. 324—329.
4. ЛИХАЧЕВ Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность. В кн.: Сочинения И. Пересветова, с. 43.
5. ЗИМИН А. А. Пересветов и его современники, с. 392—393.
6. Попыткой выйти за пределы традиционных взглядов была работа А. И. Клибанова

- (Правда «земли» и «царства» Ивана Пересветова. — Исторические записки, т. 99, с. 221—245). Однако автор придерживался классового подхода в оценке идей публициста, что и не дало возможности увидеть в Пересветове самостоятельного глубокого мыслителя.
7. КОБРИН В. Б., ЮРГАНОВ А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы). — История СССР, 1991, № 4, с. 54—64.
 8. АВАЛИАНИ С. П. Об Ивашке Пересветове. В кн.: Труды четырнадцатого Археологического съезда в Чернигове. М. 1909, т. 3, с. 111; ПОЛОСИН И. И. О челобитных Пересветова. — Ученые записки Московского пединститута им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР. М. 1946, т. 35 вып. 2, с. 25—55; АЛЬШИЦ Д. Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России (Век шестнадцатый. Реформы Избранной рады). В кн.: Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск. 1990, с. 243—251.
 9. АВЕРИНЦЕВ С. С. Византия и Русь: два типа духовности. — Новый мир, 1988, № 8, с. 235.
 10. РЖИГА В. Ф. Пересветов и западная культурно-историческая среда. СПб. 1912, с. 1—6.
 11. История Отечества: люди, идеи, решения. М. 1991, с. 34—75.
 12. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московии. М. 1988, с. 96—99.
 13. ПЕТРУЧАНИИ А. Вымысел и поучение. В кн.: Утопия и утопическое сознание. М. 1991, с. 107.
 14. ВЕЙНБЕРГ И. П. Рождение истории. М. 1993, с. 163—205.
 15. От бытия до откровения. Учение. Пятикнижие Моисеево. М. 1993, с. 45; ШИФМАН И. Ш. Ветхий завет и его мир. М. 1987.
 16. Михаил, епископ Астраханский (Мудьюгин). Спасение и оправдание. — Богословские труды, 1971, № 7, с. 243.
 17. СТРАГОРОДСКИЙ С. Православное учение о спасении. Казань. 1898.
 18. Тысячелетие русской письменной культуры (988—1988). В кн.: Альманах библиофила. Вып. 26. М. 1989, с. 153—207; Богословие в культуре средневековья. Киев. 1992, с. 228—383.
 19. ЗНОСКО-БОРОВСКИЙ М. Православие. Римо-католичество. Протестантизм и сектантство. Сравнительное богословие. Троице-Сергиева лавра. 1992.
 20. ЛЮТЕР М. Избр. произведения. СПб. 1994, с. 30.
 21. Ср.: Власть и политическая культура в средневековой Европе. М. 1992, ч. 1.
 22. Памятники древнерусского канонического права. В кн.: Русская историческая библиотека. Ч. 1. Т. 6. СПб. 1880, стб. 21—62.
 23. СМИРНОВ С. Древнерусский духовник. М. 1913, с. 109.
 24. Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.-Л. 1948, с. 31—32.
 25. ЛОССКИЙ В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. М. 1991, с. 256.
 26. ЗИМИН А. А. Сказание о Петре, воеводе волоском. В кн.: Сочинения И. Пересветова, с. 335.
 27. Памятники древнерусской духовной письменности. В кн.: Православный собеседник. 1860. Январь. Казань, с. 100—112; ТИХОНРАВОВ Н. С. Отреченные книги Древней Руси. В кн.: Сочинения Н. С. Тихонравова. Т. 1. М. 1898.; его же. Памятники отреченной литературы. СПб. 1863, т. 2, с. 248—268; ПОРФИРЬЕВ И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб. 1877.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Эндрю Карнеги

А. Ю. Саломатин

Один из крупнейших американских бизнесменов Эндрю Карнеги (1835—1919) родился в шотландском городе Данфермлайн в семье Уильяма и Маргарет Карнеги. Его прадед по отцовской линии, согласно преданию, являлся внуком шотландского графа Джеймса Карнеги, который участвовал в восстании сторонников Стюартов в 1715 г. и умер изгнанником во Франции. Достоверно известно и другое, что предки Эндрю хорошо владели ремеслом ткача. Что касается Моррисонов, родственников по материнской линии, то они считались отличными сапожниками, а дед Томас до того, как разорился, был преуспевающим торговцем кожами в Эдинбурге. Как вспоминал Эндрю, оба его деда, все дяди и отец выступали на собраниях, будучи радикалами, причем Данфермлайн в течение долгого времени был известен как самый радикальный город во всем королевстве. В то время и англичан, и шотландцев очень волновала проблема всеобщего избирательного права, и порой страна находилась на грани гражданского взрыва.

Хотя Шотландия более заметно, чем другие части Объединенного королевства, выиграла от парламентской реформы 1832 г., расширив состав избирателей с 4500 до 65 000 человек¹, жители ее городов не были удовлетворены скромными политическими уступками и требовали большего. В семье Карнеги в то время популярными были антимонархические разговоры, превозносились республиканская форма правления и США как ее воплощение. А Эндрю «был готов, еще будучи ребенком, убить короля, герцога или лорда и считал бы такое убийство заслугой перед государством и геройским поступком»². Когда-то мечты об отдаленной и свободной Америке должны были стать явью. Первыми эмигрировали за океан сестры матери с их мужьями. К концу 1840-х гг. настал черед Уильяма и Маргарет с двумя их детьми.

Возможно, семейство Карнеги не решилось бы на хлопотный переезд, если бы 1840-е годы не породили катастрофу для ткачей Данфермлайна. Промышленный переворот в Англии, победно начавшийся во второй половине XVIII в., спустя несколько десятилетий дошел до шотландского городка с населением в 11 000 жителей и с 3,5 тыс. ткацких станков. 1836 г. был еще удачным для Карнеги: семья сумела переехать в более просторный дом и купила три ткацких станка. Но уже через два года вследствие механизации произошло падение цен, и ситуация потом более уже не улучшалась. В 1843

Саломатин Алексей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Пензенского государственного технического университета.

г. в Данфермлайне открылась текстильная фабрика, окончательно оставившая ремесленника Карнеги без рынка сбыта. И в 1848 г. 43-летний Уильям, 33-летняя Маргарет, 13-летний Эндрю и пятилетний Том уезжают из Шотландии, распродав все свое имущество и призяв еще 20 долларов.

Эти четверо Карнеги явились одними из тех 188 тыс. человек, которые эмигрировали в том году из Великобритании в США. Вал эмиграции вообще тогда резко возрос. Причинами усиливавшегося паломничества из Европы были «картофельная болезнь» и голод в Ирландии, неурожай в Германии и Скандинавии и экономический кризис в Англии, распространившийся затем на другие страны³. По сравнению с другими переселенцами Карнеги оказались далеко не в самых худших условиях. Этой семье повезло еще и в том отношении, что у нее по приезде в Нью-Йорк имелся четкий ориентир. Она не потерялась в сутолоке большого города и не стала жертвой его трущоб, как многие другие. Встретившие прибывших Слоуны — подруга Маргарет и ее муж оказали им радушный прием, а потом агенты по переселению направили путешественников по каналу, через г. Буффало и озеро Эри, в Кливленд и оттуда в Бивер. Далее им предстояло добираться до Питтсбурга вверх по р. Огайо. Поездка продолжалась три недели. Позднее тот же путь проделывали по железной дороге за 10 часов, а в середине века еще не была проведена железная дорога в сторону Огайо.

Питтсбург был значительно больше Данфермлайна, занимая третье место по численности населения среди всех городов к западу от Аппалачских гор, и имел свыше 30 000 тыс. жителей. Удобно расположившись у слияния рек Мононгахила и Аллегейни, он стал форпостом промышленности в Западной Пенсильвании, специализируясь на текстильном и металлургическом производстве. Именно с первым из них оказался связанным новый этап жизни отца и сына Карнеги. Поддержка родственников означала очень многое для только что прибывших иммигрантов. Поселившись в доме близких им людей под Питтсбургом, семья Карнеги на первых порах могла не думать о крыше над головой, а глава семейства даже получил во временное пользование ткацкую мастерскую.

Однако времена ремесленного труда уходили почти безвозвратно. Недаром 1840-е годы считаются апофеозом промышленного переворота в текстильной отрасли и периодом складывания предпосылок капиталистической индустриализации США. Так и не сумев наладить сбыт производимых ими скатертей, отец, а заодно и сын Карнеги поступили на хлопчатобумажную фабрику шотландца Блэктона, пока их жена и мать надомничала за четыре доллара в неделю. Юный Эндрю оказался исполнительным и ревностным работником, умевшим нравиться начальству. И когда он перешел затем работать на катушечную фабрику, к другому шотландцу, его рутинные обязанности были дополнены хозяйским поручением вести бухгалтерию фирмы. Впрочем, и на новом месте Эндрю долго не проработал, поскольку вскоре ему представилась возможность поступить рассыльным на находившуюся в центре общественного внимания телеграфную станцию. Телеграф, после знаменитого открытия художником С. Ф. Б. Морзе телеграфного электромагнитного аппарата (1837 г.), находился еще в младенческом состоянии. Но телеграфные линии стремительно множилось. Хотя в этот бизнес ринулись такие хваткие предприниматели, как Э. Корнелл, С. Филд, П. Купер и Г. Сибли, телеграфное дело еще давало неплохие шансы преуспеть рядовым его участникам. Успешно действовала первая коммерческая телеграфная линия Балтимор — Вашингтон⁴.

1850 год оказался поворотным в жизни Эндрю. Из темного подвала, где он, вымазанный сажей, возился за два доллара в неделю с паровой машиной, Энди перенесся теперь «на небеса»: среди лучей солнечного света его окружали газеты, перья, карандаши, а работа рассыльным казалась ему интересной и перспективной, ибо сулила не только денежные чаевые и бытовое угощение в виде яблок и пирожных, но и знакомство с влиятельными людьми, которым он доставлял телеграммы. Вопрос о том, когда юный Карнеги взойдет на следующую ступеньку общественной лестницы, стал лишь делом времени. Не прошло и года, как его взяли служить в контору,

а вскоре, овладев телеграфным аппаратом, он оказался запасным телеграфистом.

К тому времени Эндрю уже адаптировался как американец и начал жить интересами новой родины. О его умонастроениях тех лет дает известное представление его переписка с шотландскими родственниками. Своему дядюшке Лаудеру он писал, например, о политической ситуации 1852 г. в США: «Ты посмеешься, если узнаешь, как низко политики вынуждены склоняться перед обладателями суверенных прав, то есть народом. Из двух наиболее выдающихся кандидатов, которых я должен назвать воителями, один — это генерал, американский главнокомандующий Скотт, он виг; виги выступают здесь за покровительственные пошлины против рабочих-иностранцев и за национальный банк, так что они консерваторы. Демократы же требуют свободы торговли и недопущения организации Национального банка. Я проявляю немалый интерес к здешней политике и полагаю, что, когда стану совершеннолетним мужчиной, слегка окунуть в нее. Я буду демократом, точнее, демократом-фрисойлером; фрисойлеры получили свое название из-за их ненависти к рабству и рабскому труду. Рабство, как я надеюсь, будет вскоре запрещено в стране... Отец сказал сегодня утром, что это обязательно произойдет, и отметил как раз для тебя, что величайшая реформа века начинается здесь: закон, принятый палатой представителей и предоставляющий 160 акров незанятой земли каждому мужчине, который будет ее обрабатывать, а когда он умрет, его дети получают эту землю... Закон еще не вступил в силу, но вскоре вступит»⁵.

Эндрю был большим оптимистом. Именно его оптимизм, симпатии к тамошним событиям и некоторая идеализация американской демократии помогли ему в жизни. Конечно, весьма способствовали его успехам постоянное самообразование и вообще тяга к знаниям. В своей «Автобиографии» он тепло вспоминал полковника Дж. Андерсона, который открыл рабочей молодежи доступ в его домашнюю библиотеку из 400 томов. Там Энди познакомился с трудами Т. Б. Маколея и Дж. Банкрофта по британской и американской истории. Затем бесплатное посещение питтсбургского городского театра ввело молодого служащего в мир пьес У. Шекспира. Старательность в работе и неиссякаемая любознательность подготовили Эндрю к овладению очередным жизненным плацдармом. Научившись принимать телеграммы на слух и продемонстрировав свои деловые качества на службе, он, будучи оператором за 25 долларов в месяц, приглянулся начальнику участка строящейся тогда Пенсильванской железной дороги Т. Скотту, который взял его к себе телеграфистом. 30-летний железнодорожный менеджер сыграл определяющую роль в карьере Карнеги, оказавшись тем ангелом-хранителем, который обеспечил молодому шотландцу стремительный взлет. В основе взаимных симпатий этих двух людей лежала, по-видимому, общность социального происхождения. Скотт, хотя и был коренным американцем, тоже не имел богатых родителей и являлся человеком, который «сам себя сделал». Ему пришлось сменить немало амплуа (продавец, совладелец лесопилки, государственный служащий), прежде чем его приняли на железную дорогу. Спустя три года он уже возглавлял один из ответственных ее участков⁶.

Пенсильванская железная дорога, призванная прочно соединить Филадельфию и Питтсбург, еще строилась и, как большинство первых железных дорог, испытывала финансовые трудности. Первоначально на линии действовали 118 локомотивов, 119 пассажирских и 1635 грузовых вагонов. Открытие постоянного движения на ней в 1856 г.⁷ означало большие хлопоты для менеджера и его секретаря-телеграфиста. Последовавшее назначение Скотта ее директором с резиденцией в Эльтуне повлекло за собой переезд туда Эндрю, который взял с собой мать и брата (отец умер в 1855 г., так и не успев приспособиться к американскому обществу и не приобретя материального благополучия). Перемещение в Эльтуну вызвало перемены в социальном статусе служащего: Эндрю получал теперь 65 долларов в месяц, а его семье пришлось даже взять в помощь матери прислугу. Наконец, 1 декабря 1859 г. произошло еще более радикальное событие:

Скотт, ставший вице-президентом компании, протезируя своего 24-летнего сослуживца, рекомендовал его руководству в качестве начальника питтсбургского участка с жалованьем 1500 долларов в год. То было целое состояние, ибо тогда годовой бюджет среднестатистической рабочей семьи из пяти человек составлял 538 долларов⁸.

Новая должность ввела Карнеги в круг питтсбургской аристократии. Подальше от копоты индустриального города он переселился в пригородный поселок Гомвуд, к «цветам и цыплятам». Главным для Эндрю оставались все же не его новые светские знакомые, а карьера и бизнес. Железные дороги, хотя они и считались в то время крупным делом, наиболее перспективным в плане перевозок, не всегда были самым благополучным местом. В 1860 г. США по размерам железнодорожной сети (30 634 мили) значительно превосходили все другие страны, но даже четыре основные американские рельсовые линии перевозили в совокупности меньше грузов, чем водная артерия, связывавшая восточные штаты со Средним Западом. Эти линии функционировали с напряжением, часто случались поломки и катастрофы. Начальнику участка приходилось почти каждую ночь дежурить на станции, а нередко самому выезжать на место схода поезда с рельсов и вникать во все детали⁹.

Молодому Карнеги повезло в том смысле, что его менеджерская карьера пришлась на время беспрецедентной железнодорожной экспансии. Не только множилась длина железнодорожного полотна (лишь за 1850-е годы — на 20 тыс. миль), но и произошел кадровый взрыв: за 10 лет численность железнодорожных служащих возросла с 5 тыс. до 35,5 тыс. человек. Эту эпопею увенчала «революция менеджмента», впервые поставившая вопрос о четком разграничении управленческих функций и правилах ведения бухгалтерии в крупных транспортных компаниях. Штат Пенсильвания и Пенсильванская железная дорога находились в эпицентре тех событий: в 1840 г. территориальный центр железнодорожной сети располагался в Мауч Чанк (Пенсильвания), в 1850 г. — под Уильямспортом (тоже Пенсильвания) и лишь в 1860 г. передвинулся западнее, на 60 миль южнее Мэнсфилда (Огайо)¹⁰.

Эндрю работал очень успешно, но в условиях мирного времени совсем недолго. Весной 1861 г. перерос в войну давний конфликт между северными и южными штатами. Пенсильванская железная дорога оказалась местом военных действий, ее вице-президента Скотта пригласили в Вашингтон исполнять обязанности помощника военного министра по департаменту перевозок. Это была почетная политическая синекюра, а инициировал ее деловой партнер Скотта, сенатор от штата Пенсильвания С. Камерон, ставший военным министром. Карнеги, «правая рука» нового транспортного начальника, последовал в столицу за покровителем. Еще тогда, вследствие уроков той непродолжительной, однако важной жизненной школы, Эндрю познал и бюрократическую сторону действительности. Для него «вашингтонские небожители» сошли с небес, и он вскоре оценил их в присущей ему реалистической и критической манере.

Новые знания оказались ценны человеку, собирающемуся отправиться в самостоятельное деловое плавание. Именно так и поступил вскоре Карнеги. Первым камнем в фундаменте его нового здания стали финансовые вложения, сделанные Эндрю в 1856 г. по предложению Скотта в компанию по производству спальных вагонов. Доля Энди выразилась сначала в ощутимых для него 217 долларах! А вкус к самостоятельному бизнесу пришел после удачной операции по эксплуатации нефтяных месторождений на Ойл Крик, в 90 милях от Питтсбурга. Являясь одним из основных вкладчиков в дело, куда он инвестировал 11 тыс. долларов, Эндрю в первый же год существования фирмы «Коламбия Ойл Компани» получил дивидендов на 17 тысяч. Сильным побудительным мотивом к переключению на стезю самостоятельного предпринимательства стала и атмосфера гражданской войны. Рост военного производства коснулся не всех промышленных отраслей. Зато сопутствовавшие войне инфляция и увеличение правительственных расходов стимулировали деловую активность. Эта активность имела не

только производственный, но и финансово-спекулятивный аспект. А близкая к театру военных действий и обладавшая дефицитными материальными ресурсами Пенсильвания оказалась в эпицентре хозяйственного бума¹¹.

Подобных соблазнов Эндрю не мог и не желал преодолевать. На свои дивиденды он постоянно приобретал акции и паи в новых предприятиях, и за 1863 г. его доходы образовали весомую сумму в 42 тыс. долларов, из которых только 2400 составили жалованье железнодорожного менеджера. Сама жизнь подвела теперь Карнеги к идее оставить прежнюю службу. Безусловно, в определенной степени молодой шотландец рисковал. Даже относительно крупные предприятия той эпохи отличались нестабильностью, нехваткой оборотных средств. Надежная банковская система еще не сложилась. Банки чувствовали себя недостаточно уверенно на рынке капиталов и предпочитали не давать промышленности долговременных кредитов. Но Карнеги влекла неистребимая жажда к перемене занятий. Это психологическое состояние граждан США хорошо описал проницательный путешественник А. де Токвиль: «Из-за царящего в Соединенных Штатах всеобщего движения, из-за частых превратностей судьбы и неожиданных перемещений общественного и частного богатства человек пребывает в лихорадочном возбуждении, благодаря которому он всегда готов к любым действиям и которое возвышает его над остальным человечеством. Для американцев жизнь — это партия в игре, это революция, это день сражения»¹².

Хотя финансовые средства Карнеги в 1860-е годы были расплынены по многим предприятиям, поетепенно выкристаллизовывалось главное дело его жизни — металлургия. В начале 1862 г. он вместе с тремя коллегами по железной дороге, включая Скотта, организовал компанию по строительству металлических мостов. Дело оказалось перспективным, ибо существовавшие тогда деревянные мосты часто страдали от пожаров и наводнений. Уже в 1863 г. Эндрю получил прибыль в 7500 долларов, а в мае 1865 г. компания была реорганизована, ее капитал увеличен, доля же Карнеги составила в ней 80 тыс. (половина вклада реально принадлежала Скотту, не желавшему афишировать свою связь с предприятием, которое выполняло заказы Пенсильванской железной дороги). Новая мостостроительная фирма «Кистоун Бридж Компани» сооружала чугунные мосты не только в относительно обжитых восточных штатах, но и прочно связала берега гигантских водных артерий Миссисипи и Миссури.

До конца 1867 г. Карнеги продолжал жить в Питтсбурге, все больше превращавшемся в металлургическую столицу Америки. Сам этот город тоже вдохновлял молодого предпринимателя на то, чтобы навсегда связать свою судьбу с производством черных металлов. В 1749 г. некто Дж. Фрейзер соорудил в Питтсбурге кузницу и стал производить мушкеты. Дело пошло, и в начале XIX в. «Форт Питт Фаундри Компани» уже поставляла коммодору Перри и генералу Джексону пушечные ядра для войны 1812—1814 гг. с англичанами. В 1814 г. в Питтсбурге был учрежден арсенал. Профессиональную славу города составили промышленники-металлурги, в основном немецкого происхождения: Шёнбергеры, К. Заг, Кломаны. К середине XIX в. в железопроизводящем городе с населением 46 тыс. человек существовали 13 прокатных предприятий с совокупным капиталом в 5 млн. долларов и объемом производимой продукции в 4 млн. долларов; действовали 30 крупных литейных мастерских, которые вместе с более мелкими заведениями давали работу 2500 человек и обладали капиталом в 2 млн. долларов. Текстильная отрасль, где начинал свою трудовую жизнь Эндрю, имела в Питтсбурге лишь 1500 рабочих с капиталом 1,5 млн.¹³

Сам Карнеги позднее так объяснял свои мотивы вступления в железоделательный бизнес: во время междоусобной войны цена на железо поднялась до 130 долл. за тонну. Тем не менее главное затруднение заключалось не столько в дороговизне, сколько в условиях работы транспорта. Недостаток в новых рельсах был столь велик, что в Америке стало едва ли не опасно ездить по железной дороге. Это навело его в 1864 г. на

мысль создать общество для производства железнодорожных рельсов. Так в Питтсбурге возник первый рельсовый завод. Вскоре Карнеги представился случай расширить участие в металлургическом бизнесе. Фирма известного там мастера Э. Кломана, партнерами в которой состояли младший брат Эндрю — Том и один из их приятелей — Г. Фиппс, реорганизовалась, объединив усилия с фирмой Эндрю и его нового друга Т. Миллера. Их предприятие, рожденное к окончанию гражданской войны, получило название «Союзные металлургические заводы», а еще через два года претерпело трансформацию в «Карнеги, Кломан энд Компани». Доля Миллера была выкуплена за 71 тыс. долларов, и Карнеги приобрел контроль в делах фирмы.

Строительство мостов и изготовление для них соответствующих конструкций шли превосходно. Тем не менее, пока что Карнеги продолжал «класть яйца» в несколько разных корзин, распределяя предпринимательский риск. Он по-прежнему участвовал в строительстве спальных вагонов, занимался прокладкой телеграфных линий и организацией крупной телеграфной компании, которая противостояла монополисту в той сфере — «Вестерн Юнион». В 1868 г. Эндрю ступил на стезю финансового посредника, размещавшего на комиссионных началах акции железнодорожных компаний на европейском инвестиционном рынке. Он приобрел лично для себя ряд пакетов акций и параллельно получал от союзных с ним железнодорожных компаний новые заказы на мосты и рельсы. Но постепенно американская действительность плюс опыт его многочисленных к тому времени путешествий в Европу убедили Эндрю, что для успешного бизнеса необходима более узкая специализация, а будущее индустриализирующейся экономики лежит в массовом производстве черных металлов.

1872—1873 годы ознаменовали становление Карнеги как предпринимателя, нашедшего свою постоянную маркетинговую нишу. По возвращении из очередного европейского вояжа, где он убедился в надежности бессемеровского технологического производства стали, Эндрю решил построить очередной сталелитейный завод. Прежние партнеры неохотно следовали в фарватере смелых планов Эндрю, и ему потребовалась немалая организационная работа, чтобы поставить новое предприятие на практические рельсы. Первым союзником показал себя отец жены его брата Тома У. Коулмэн, который подыскал подходящее место для завода — поле в 100 акров в 12 милях к югу от Питтсбурга, вдоль берега Мононгахила. Была образована компания «Карнеги, Маккэндлесс энд Компани» с активами 700 тыс. долларов, из коих 250 тыс. принадлежали Эндрю, 100 тыс. Коулмэну и по 50 тыс. прежним партнерам Т. Карнеги — Фиппсу и Кломану. В компанию были вовлечены также свежие лица, а наиболее ценное приобретение — влиятельный в деловых кругах Питтсбурга Д. Маккэндлесс.

Строительство крупного металлургического предприятия пришлось на годы жестокой депрессии 1873—1877. Осенью 1873 г. деловые круги страны были шокированы крахом известного банка Дж. Кука, прославившегося в годы гражданской войны умением размещать правительственные облигации среди массовых инвесторов, но оказавшегося вовлеченным в полуавантюристический, преждевременный по объективным возможностям проект строительства второй трансконтинентальной железной дороги США. Карнеги сумел избежать спекулятивного риска. В отличие от своего бывшего босса Скотта, который пытался вовлечь молодого ученика по бизнесу в дорогостоящий план создания трансконтинентальной магистрали «Тексас энд Пасифик», Эндрю питал исключительную неприязнь к сомнительным финансовым сделкам, к «торговле воздухом». Отказавшись от внешне заманчивого предложения Скотта дать поручительство под кредиты для новой магистрали незадолго до экономического кризиса, Карнеги финансировал зато строительство сталелитейного предприятия. В основном оно осуществлялось за счет прибылей других его компаний, а взятые им у банков кредиты не достигали опасных пределов. Не пошел он и по пути превращения «Карнеги, Маккэндлесс энд Компани» в акционерное предприятие, сохранив его в виде партнерства с узким составом лиц,

что предохранило его в будущем от капризов мелких вкладчиков и зависимости от них.

Преодолевая трудности экономической конъюнктуры, новый сталепромышленник думал и о более долговременном факторе — борьбе с конкурентами. Бессемеровский способ изготовления стали с 1867 г. внедрялся в г. Гаррисберге на заводах «Пенсильвания Стил Компани», с 1871 г. — у «Камбрия Айрон Компани», с 1873 г. — у «Бетлехем Стил Компани»¹⁴. То есть Карнеги был далеко не первым. Но, пока стальной бизнес не приобрел необходимых прибыльности и масштабов, новичок успел учесть ошибки первопроходцев без риска слишком отстать от них. Плюсом Карнеги было и блестящее решение им кадровых вопросов. Помимо уважаемого в Питтсбурге Маккэндлесса он привлек к делу блестящего инженера-проектировщика и организатора бессемеровского производства А. Холли, уже построившего или реконструировавшего ранее несколько заводов. Еще одной находкой оказался талантливый менеджер У. Джонс, переманивший с прежнего места работы, «Камбрия Айрон Компани», наиболее способных руководителей и мастеров. Наконец, Карнеги сам умело вникал во все технические вопросы (именно благодаря этому он стал одним из пионеров внедрения строгой отчетности по расходу материалов и достижений химии в практику металлургии).

Летом 1875 г. его новый завод в Брэддоке получил первый заказ — изготовить 2 тыс. т стальных рельсов для Пенсильванской железной дороги, а уже через год с небольшим завод выпустил почти 15 тыс. т рельсов и брусков, превзойдя по объему производства все остальные сталелитейные предприятия Америки. Правда, первые впечатляющие успехи еще не предполагали, что фирма Карнеги окажется столь сильной, чтобы отказаться от раздела рынка между конкурентами. В те годы пулы как недолговечные попытки заключить соглашения о единых ценах и оговоренных квотах производства успешно входили в деловую практику. Сталелитейные компании тоже организовали свой пул. Первоначально компании «Карнеги, Маккэндлесс энд Ко» отводилось в нем лишь 9% рынка. Но Эндрю потребовал увеличения своей доли до уровня крупнейших фирм в 15—19%¹⁵.

Фирма Карнеги часто нарушала достигнутые договоренности, хотя в первые годы сосуществования ей было выгоднее кооперироваться с более опытными и известными фирмами. Эндрю был особенно заинтересован в сотрудничестве с самым сильным из конкурентов — компанией «Камбрия». Вместе с ней он закупал железную руду крупными партиями, снижая покупную цену и издержки на транспортировку. С ней же Карнеги нередко делил крупные заказы на рельсы. Но их дружеские отношения длились недолго. К началу 1880-х годов фирма Карнеги стала лидером не только сталелитейного, но и всего металлургического рынка страны. И в 1881 г. многочисленные предприятия Карнеги по производству чугуна, железа, стали, добыче железной руды и угля были слиты в «Карнеги Бразерс энд Компани лтд» с капиталом в 5 млн. долларов. Активы нового сталелитейного завода в Брэддоке были оценены в 2,385 млн., а доля Эндрю составила в компании свыше 2,7 млн. (54,4%).

Однако, каким бы гигантом ни казалась «Карнеги Бразерс» в еще не монополизированной Америке, ей предстояло преодолеть немало трудностей. Одна из них — широкие колебания цен на конечную продукцию, иногда с разницей до 2,5 раза между верхним и нижним уровнем. Они компенсировались накоплением долговременных резервов в «хорошие времена» и постоянным снижением себестоимости. Другая проблема — дисбаланс между различными стадиями производственного процесса — решалась сложнее. Первоначально высокая производительность труда на сталелитейном заводе в Брэддоке давала излишки стальных болванок, поскольку рельсопрокатный завод Карнеги технически не успевал изготавливать из них рельсы, и тогда, в середине 1870-х годов, излишки обрели несколько сторонних потребителей, которые употребляли покупаемую в Брэддоке сталь для выработки колесных осей для вагонов, рессор для экипажей, плужных

лемехов и железных дымовых труб. Но проведенные в 1879 г. усовершенствования на рельсопрокатном заводе закрыли путь для внешних продаж, ибо предприятия Карнеги сами начали использовать производимую сталь полностью.

Это побудило внешних клиентов создать собственный сталелитейный комплекс на кооперативных началах. Объединившись в компанию с капиталом в 250 тыс. долларов, они за 15 месяцев осуществили строительство аналогичного предприятия в Гомстеде, на другом берегу Монангахилы, напротив Брэддока. Возглавивший дело Кломан, удаленный из фирмы Карнеги, жаждал реванша над бывшими коллегами и рассчитывал, что в Гомстеде смогут ежегодно производить не только 30 тыс. т стальных изделий, но и 50 тыс. т рельсов. Первый заказ, полученный гомстедским предприятием осенью 1881 г. — 15 тыс. т рельсов, выглядел достаточно внушительно даже на фоне заказа 80 тыс. т, сделанного мощному соседу. Отсюда Карнеги сделал вывод, что необходима вертикальная интеграция. Следовало сбалансировать деятельность различных звеньев в цепочке чугуна — сталь — стальные изделия и поставить под свой контроль сырьевые источники производства чугуна и стали. И в 1881 г. Эндрю сделал серьезный шаг для решения очередной проблемы: на званом обеде в шикарном нью-йоркском отеле «Виндзор» он пригласил к сотрудничеству с ним 31-летнего предпринимателя из Коннесвилла (штат Пенсильвания) Генри Фрика, которому предстояло в дальнейшем сыграть значительную роль в американском бизнесе.

Г. К. Фрик, внук зажиточного фермера, сделавшего полумиллионное состояние на выпуске виски, выполнил данное самому себе юношеское обещание стать миллионером. С завидной одержимостью он скупал на взятые займы у родственников и знакомых деньги участки с открытым залеганием хорошо коксующегося угля и к 1873 г. стал обладателем более 400 акров таких залежей и 200 печей по его переделке в кокс. Данный бизнес, который ранее не приносил никому заметных прибылей, стал у Фрика рентабельным, ибо по мере развития металлургии спрос на кокс резко возрастал. Два, потом три, потом четыре доллара за 1 т... — цены на необходимое металлургической промышленности топливо росли и росли. Вступив с Карнеги в союз, Фрик получил возможность увеличить капитал своей фирмы до 2 млн. долларов, в 1883 г. расширил активы до 3 млн., а Карнеги с партнерами получили взамен свыше 50% акций компании Фрика.

Эндрю через Фрика нашел не только доступ к ценному топливу, но обрел заодно цепкого в делах менеджера. В 1887 г. Карнеги уступил 2% акций «Карнеги Бразерс» Фрику на льготных условиях; предвидя, что в скором времени сумеет сделать его своим генеральным управляющим. Это было в традициях Эндрю — не брать бремя исполнительских постов и формального руководства на себя лично. Ему достаточно было оставаться собственником и реальным руководителем, чтобы отказаться от лавров и титулов, но зато воспитать дисциплинированного и въедливого исполнителя. Ставший генеральным управляющим «Карнеги Бразерс» в 1881 г. брат Том не отличался жесткой хваткой. Не был достаточно агрессивным и сменивший его Фиппс. Зато Фрик обещал быть сильным и инициативным распорядителем.

В 1883 г. Карнеги приобрел Гомстедский завод у незадачливых конкурентов, не сумевших приспособиться к начавшемуся тогда спаду в развитии металлургии и затяжному конфликту с профсоюзами. Карнеги досталось по официальной стоимости предприятие с новейшим оборудованием. В результате он решил в 1886 г. сделать его основой второй своей компании — «Карнеги, Фиппс энд Компани», где у него также имелся контрольный пакет акций в 52,2%. За 1881—1886 годы, несмотря на спад спроса на рельсы, прибыли только от завода в Брэддоке составили 7,641 млн. долларов. Несчастья, однако, коснулись семейной жизни 50-летнего сталепромышленника: после длительной болезни скончался брат Том. Мяг-

кий, консервативно мыслящий в делах, не одобрявший постоянной экспансии Эндрю за счет дивидендов вкладчиков, Том почувствовал себя ненужным, потерял стержень в жизни и запил. Старший брат не присутствовал на его похоронах, ибо сам в то время находился между жизнью и смертью, заболев тифом. В этом же доме умирала их мать. О ее смерти в ноябре 1886 г. Эндрю сказали спустя неделю, когда он уже пошел на поправку. В критический момент жизни поддержать его смогла только невеста Луиза Уитфилд, которой он написал, что до самой его смерти у него теперь будет только она.

И сдержал обещание. Свадьба, неоднократно откладывавшаяся из-за сопротивления матери и ее нежелания уступить сына другой женщине, состоялась в апреле 1887 года. Что касается партнеров Эндрю, то они, перепуганные осенью 1886 г. перспективой потери основного их вкладчика и необходимостью перед наследниками выкупить его долю, инициировали в 1887 г. соглашение, которое обязаны были подписать все вкладчики обеих компаний: в случае смерти партнера, чья доля не превышала 4% капитала, остальные партнеры имели четыре месяца срока на ее выкуп у наследника; далее, по мере увеличения доли умершего в активах, увеличивался и срок выкупа. Например, после смерти Эндрю его доля могла быть приобретена остальными участниками соглашения в течение 15 лет. Во всех случаях доля покойника реализовывалась по цене, официально указанной в бухгалтерских книгах, а не по реальной рыночной стоимости. Этот же принцип реализации акций по официальному курсу применялся в том случае, если из обеих компаний вытесняли неудобного партнера; тогда ему выплачивали стоимость оставляемых акций. Это было удобно и выгодно для того, кто держал контрольный пакет акций, то есть для Карнеги.

В конце 1880-х годов ничто еще не предвещало скандала в благородном семействе. Наоборот, между партнерами царили мир и идиллическое сотрудничество. Новый генеральный управляющий Фрик уговорил Эндрю объединить обе его компании, и возникла «Карнеги Стил Компани лтд». Было капитализировано 25 млн. долларов, из которых 13,833 млн. (55,33% капитала) взял Эндрю; Фиппс и Фрик получили по 2,75 млн. (по 11%); остальные 19 партнеров довольствовались каждый 1% акционерного пирога; 3,66% активов было зарезервировано за молодыми менеджерами, которые могли заслужить в будущем право принятия их в компаньоны. То была излюбленная тактика Карнеги — вознаграждать ближайших сотрудников не высокими окладами, а участием в делах фирмы. Нашелся и первый кандидат на очередное вознаграждение — молодой преемник погибшего на производстве управляющего заводом в Брэддоке У. Джонса — Ч. Шваб. «Шваб — гений управления людьми и машинами», — говорил о нем Эндрю, отдавая дань его организаторским способностям, умению находить общий язык с рабочими. В 1897 г. Шваб стал президентом компании¹⁶.

Главным все же для коммерческих интересов Карнеги в 1890-е годы стали не кадровые приобретения, а дальнейшая вертикальная интеграция «Карнеги Стил». Дело в том, что в конце XIX в. на Среднем Западе были открыты новые крупные месторождения железной руды с низким содержанием фосфора, подходящие для бессемеровского процесса. К 1900 г. компания Карнеги была уже собственником или взяла в аренду 34 железодобывающих рудника, отказавшись от закупок основного для себя сырья на свободном рынке. Общественность интересовалась, не станет ли металлургическая отрасль столь же монополизированной, как это произошло с нефтяной отраслью благодаря Дж. Рокфеллеру; «было бы лучше для страны иметь большее число независимых производителей, чем один или два концерна»¹⁷.

Но Карнеги неумолимо шел к созданию крупной монополии. Его компания предприняла очередное мероприятие в своей вертикальной интеграции и обзавелась собственными коммуникациями и транспортными средствами для поставки железной руды по Великим Озерам в окрестности Питтсбурга. Кроме того, она приобрела в собственность около 100 миль подъездных путей между своими предприятиями, и по ним уже в 1899 г.

было перевезено 16 млн. т грузов: столько же, сколько в совокупности по крупнейшим железнодорожным системам страны. Место «Карнеги Стилл» на национальном рынке металлов к концу XIX в. было уникальным: непосредственно на нее трудились 30 тыс. рабочих, компания производила 50% выпускаемой в США конструкционной стали, 30% всех рельсов, 50% всей брони, на ее долю приходилось 70% стального экспорта США. Последнее обстоятельство было яркой демонстрацией эффективности фирмы. Шваб отмечал в 1899 г., что железнодорожные рельсы на заводе в Брэддоке имели себестоимость 12 долларов за 1 т — на 7 долларов меньше, чем в Англии¹⁸.

Хотя успехи фирмы были неоспоримы (в 1897 г. прибыли составили 7 млн. долларов, в 1898 г. — 10 млн.), они были омрачены скандалом внутри «семейства». Старшие партнеры Эндрю, Фрик и Филлис, испытывали дискомфорт от его жесткой экспансионистской политики, не дававшей им возможности получать щедрые дивиденды. Поэтому они воспользовались намеками основного вкладчика и неофициального главы компании на готовность отойти от дел и продать свою долю и нашли покупателей — достаточно одиозных финансовых спекулянтов У. Мура и Дж. Гейтса. Те предложили 90-дневный опцион на покупку сталелитейной компании Карнеги за 250 млн. долларов и коксовой компании Фрика за 70 млн., причем от Эндрю скрывались имена партнеров по сделке. Позднее, когда их раскрыли, Карнеги был сильно разочарован, так как понимал, что дело его жизни переходит в сомнительные руки. Но контракт не состоялся,

поскольку покупатели не смогли набрать требуемую сумму в нужный срок. Тогда-то в отношениях Карнеги с Фриком и Фипсом пролегла сильная трещина.

Яблоком раздора оказался и вопрос о ценах, по которым компания Фрика должна была поставлять кокс сталелитейным предприятиям Карнеги. Несмотря на то, что состав вкладчиков «Карнеги Стил» и «Фрик Коук Компани» практически был идентичным и их хозяйственная деятельность тоже была тесно переплетена, Фрик очень ревностно отнесся к обязательству продавать кокс по цене, намного ниже рыночной. Будучи вынужденным уйти с руководящих постов в обеих фирменных структурах, он до последнего момента отказывался уступить в вопросе о цене. И Карнеги провел через правление компании решение о принудительной продаже 6%-го пакета акций Фрика в «Карнеги Стил» по бухгалтерским книгам. Как указывал Фрик в судебном иске, по этим книгам его доля выражалась в 4,9 млн. долларов, в то время как реальная рыночная стоимость достигала 15 миллионов. В феврале 1900 г. Фрик в собственных интересах раскрыл общественности подлинные масштабы прибылей «Карнеги Стил», которые в 1899 г. достигли 21 млн. долларов, а в 1900 г. ожидалось на уровне 40 миллионов. Он ссылаясь также на высказывание своего босса, что реально активы компании стоили в целом не ниже 250 млн. долларов, а на лондонском рынке, возможно, и 500 миллионов.

Намеченный на февраль 1900 г. судебный процесс грозил обнажить всю подноготную респектабельно выглядевшей компании, действовавшей в отрасли, защищенной протекционистскими тарифами. Это вызвало тревогу у бизнесменов и у политиков из республиканской партии. Последним предстояли вскоре президентские выборы, и им нежелательно было провоцировать антимонополистические настроения. На решение Карнеги и Фрика не доводить дело до суда и прийти к компромиссу повлияли, впрочем, не только пожелания третьих лиц. Бывшие коллеги понимали, что судебная баталия привела бы к обесцениванию их собственности. И они договорились объединить «Карнеги Стил» и «Фрик Коук Компани» под крылом единой «Карнеги Компани» с капиталом 320 млн. долларов и представленной акциями на 160 млн. и 5%-ми облигациями на 160 миллионов. Доля Карнеги составляла 174,526 млн. (86,379 млн в акциях и 88,147 млн. в облигациях), доля Фрика — 31,284 млн. (15,484 млн. в акциях и 15,8 млн. в облигациях). Фрик остался акционером, но был отстранен от участия в управлении¹⁹.

Тем не менее вопрос о продаже уже реорганизованной компании не был снят с повестки дня. Эндрю исполнилось 65 лет, его отход от дел казался неизбежным. А прошедшая в 1890-е годы мощная волна слияний разных компаний (в 1895 г. — 43 слияния, в 1896 г. — 26, в 1897 г. — 69, в 1898 г. — 303, в 1899 г. — 1208, в 1900 г. — 340) выдвинула на передовые рубежи в бизнесе монополии, организованные в виде акционерных обществ открытого типа, чьи акции свободно котировались на биржах²⁰. Товарищество закрытого типа, боготворимое стареющим сталепромышленником, отживало свой век и выглядело одиозным. Ведь процесс концентрации непосредственно в металлургической промышленности тоже усиливался: под контролем банковской группы Дж. П. Моргана оказались «Федерал Стил Компани» (произвела в 1900 г. 1,225 млн. т стали при 2,970 млн. т, выработанных «Карнеги Компани») и изготовитель труб «Нэшнл Тьюб Компани». Обострялась конкуренция со специализировавшейся на производстве проволоки «Америкен Стил энд Уайер Компани» и изготавливавшей жестяной лист «Америкен Тин Плейт Компани». Крупных размеров достигли близкие по профилю «Америкен Шит Стил», «Америкен Стил Хуп Компани», «Нэшнл Стил Компани».

До сих пор не вполне ясно, кто сделал первый шаг к продаже компании — он сам или его правая рука, президент компании Шваб. Предварительные действия были инспирированы Морганом, грезившим ввести идеальный корпоративный порядок с отменой конкуренции в металлургической отрасли. После нью-йоркского банкета в декабре 1900 г., на котором встретились Морган и Шваб (последний выступил с блестящей речью о будущем

металлургическом суперконцерне, состоящем из крупных специализированных компаний), они уединились privately. Результатом стал запрос к Эндрю: за сколько он согласится продать фирму? Карнеги написал в ответ: за 480 млн. долларов. Морган не возражал уплатить требуемое, предоставив Карнеги 225,639 млн долларов в 5%-х облигациях гигантского Стального треста. Позже Карнеги пожалел, что поторопился и не запросил на 100 млн больше. 26 февраля 1901 г. соглашение было подписано. Эндрю стал феноменально богатым человеком и обрел свободу рук, чтобы заняться любимой им общественной деятельностью²¹.

Он представлял тогда редкий тип бизнесмена последней трети XIX века. Его коллеги по бизнесу были озабочены только одним — быстрее «делать деньги». Его же круг интересов был широк. Еще будучи рассыльным на телеграфе, он написал свою первую заметку для газеты. Вторая появилась, когда он стал железнодорожным служащим. А с 1862 г. на формирование кругозора молодого предпринимателя сильное воздействие оказывали его регулярные поездки в Европу. Посещение родной Шотландии, европейских столиц, ознакомление с их достопримечательностями стимулировали работу мысли и требовали изложить впечатления на бумаге. Это желание стало особенно острым во время его кругосветного путешествия с октября 1878 г. из порта Сан-Франциско по 20 марта 1879 г. до Неаполя. Карнеги оставил нам записки и о посещенных им Японии, Китае, Индии, проникнутые чувством глубокого восхищения перед разнообразными формами эволюции человечества, всеобщим движением от незнания к знанию. Он писал: «Ни один народ не имеет всего, что было бы наилучшим; ни один не лишен каких-либо своих преимуществ». Утверждая, что такое путешествие порождает чувство единения людей различных рас, он подчеркивал: «Весь мир движется и движется в правильном направлении — выше и вперед, к вещам, которые лучше, чем те, которые были»²².

О следующей поездке Эндрю тоже оставил воспоминания. Она проходила в экипаже через всю Англию, в Шотландию. Эндрю с 10 спутниками, включая мать, ближайших коллег и друзей, проехал летом 1881 г. 831 миль, чтобы увидеть и сельскую Англию, и ее индустриальные пейзажи, а потом с триумфом побывать в родном Данфермлайне, где по случаю прибытия прославленного земляка устроили торжества. «Это путешествие было одним из самых счастливых воспоминаний моей жизни. Каждый вечер я делал в своей записной книжке краткие заметки о впечатлениях дня. С этими записями произошло то же самое, что и с книгой «Путешествие вокруг света». Я вначале и не думал, что из них выйдет что-нибудь кроме, может быть, газетной статьи или краткого отчета для моих друзей, участвовавших в путешествии». Однако потом получилась книга. Сначала Эндрю издал ее ограниченным тиражом, затем издательство «Скрайбнер» выпустило ее для широкой публики²³.

Вхождение в литературное творчество оказалось для Эндрю стихийным и началось с бытописательства. Но в дальнейшем его все больше интересовали общественно-политические сюжеты. 1880-е годы были для США относительно спокойными. Отсутствие затяжных экономических потрясений наподобие тех, которые имели место в 1873—1878 годы, временное затишье массовых оппозиционных движений, высокий приток иммигрантов породили оптимистические настроения относительно американской экономической системы. И Карнеги как один из ее наиболее удачливых создателей и искренний энтузиаст счел своим долгом сказать доброе слово о второй родине. «Торжествующая демократия» — так назвал он книгу, которую издал в Лондоне, предназначив для европейских читателей. На первых же страницах он четко сформулировал лейтмотив своего труда: «Старые государства на Земле плетутся со скоростью улитки, а эта республика с грохотом проносится мимо наподобие экспресса. Соединенные Штаты, выросшие всего за столетие, уже добились выдающегося места среди других стран, и им предназначена судьба обогнать всех остальных в этой гонке. По населению, по богатству, по ежегодным накоплениям, по общественному кредиту, по отсутствию долга, по производству в сель-

ском хозяйстве и в промышленности Америка является сейчас лидером в цивилизованном мире»²⁴.

Книга Карнеги была насыщена цифровым материалом, но ее пропагандистский характер бесспорен. Вскоре жизнь внесла существенные коррективы в идиллическую картину. Майские события 1886 г. в Чикаго взволновали страну, напомнив, что великая железнодорожная стачка 1877 г. была не аномалией, а лишь началом в цепи острых социальных конфликтов. Чикагская трагедия 1 мая, в память о которой потом отмечался День международной солидарности трудящихся, породила немало жестких антирабочих заявлений. Однако Карнеги на страницах политического журнала «Форум» выступил с либеральных позиций и попытался уменьшить масштабы рабочего движения, поскольку им охвачено только 250 тыс. рабочих из 20 миллионов в США. Он возложил вину за события 1 мая в значительной степени на прессу, которая раздувала социальный конфликт по сенсационным соображениям, а также на менеджеров за их нежелание решать проблемы рабочих. Хотя сталепромышленник высказал дежурную фразу, что страна не потерпит анархии и беззакония, он тем не менее с симпатией отозвался о деятельности профсоюзных организаций и их вождей. Это вскоре снискало ему благожелательное отношение в рабочей среде²⁵.

Общественно-политические интересы Карнеги сосредоточивались не только на США. В большей даже мере они концентрировались вокруг политической жизни Англии. Там он продемонстрировал себя еще более явным либералом. Для него, идеализировавшего демократию как «совершенную систему», было очевидным, что строй «владычицы морей» нуждался в глубоких реформах. Наличие монархии, палаты лордов и Британской империи, духовная монополия англиканской церкви, земельная собственность магнатов, консервативная образовательная система — все требовало изменений. По мнению Карнеги, инструментом в борьбе за новую Великобританию должна была стать печать. Еще в конце 1870-х гг. он начал покупать печатные издания, а к 1885 г. под его контролем находились 7 еженедельных и 10 ежедневных газет, в основном в центральных графствах Англии.

Его газеты активно проповедовали демократические реформы и поддерживали либеральную партию. Карнеги финансировал либералов и вступил в дружеские отношения с их партийным руководством. Связующим звеном стал Джон Морли, политик-интеллектуал, редактор уважаемого журнала, член парламента, министр в 1886, 1892—1895 и 1905—1914 годах. У Карнеги имелись и другие политические друзья в Англии: Дж. Чемберлен, Г. Фаулер, лорд Брайс, граф Розбери. Кроме того (этими контактами Эндрю особо гордился) он находился в близких отношениях с лидерами либералов премьер-министром У. Гладстоном, весьма популярным, харизматическим политическим деятелем, исповедовавшим элитаристские взгляды и считавшим, что без аристократического, образованного класса, имеющего материальную свободу и досуг, демократия подвержена нестабильности. Согласен ли был Карнеги с подобной точкой зрения? Видимо, да, ибо он всю жизнь искал дружбу с уважаемыми интеллектуалами, кто в своем творчестве отстаивал существовавшее социальное статус-кво²⁶.

Отсюда видно, что Карнеги вовсе не тяготел к революционности. Особое восхищение вызывал у него философ и социолог Г. Спенсер. Применение им законов биологической эволюции к обществу, тот тезис, что в борьбе за выживание закономерно побеждает сильнейший, импонировали деятельному капиталисту, нашедшему в философии Спенсера свое жизненное кредо и замену отсутствовавшей у Эндрю религиозности. Карнеги очень дорожил расположением британских интеллектуалов и организовывал визиты в США некоторых из них: Спенсера, писателя М. Арнольда, поэта Э. Арнольда.

США в конце XIX в. еще продолжали оставаться провинциальными в культурном аспекте и чересчур прагматичными, пресными, далекими от свежих интеллектуальных поисков и борения мыслей. А Карнеги жаждал

духовного общения, международных контактов и всеобщего признания своих идей. В 1889 г. он публикует в журнале «Североамериканское обозрение» свою статью «Богатство», в которой выступил за широкую благотворительность и писал о позоре для любого предпринимателя умереть состоятельным человеком: капиталист должен показывать пример умеренно-пристойного образа жизни, без какой-либо роскоши, а накопленные им излишки направлять на благотворительность; так может быть достигнуто примирение между богатыми и бедными ²⁷.

Статья Карнеги, написанная в публицистическом стиле, сразу привлекла внимание. Ее тут же перепечатала влиятельная английская «Pall Mall Gazette», редактор которой поменял название статьи на «Евангелие богатства». Тот же редактор еще в корректурных листах послал статью Гладстону, который затем выразил пожелание, чтобы данный текст имелся в библиотеке каждого клуба Великобритании. Узнав об этом предложении, лорд-мэр Лондона закупил статью в большом количестве экземпляров и разослал ее по всем библиотекам страны.

В ноябре 1890 г. во влиятельном английском журнале «Nineteenth Century» появился отклик Гладстона с поддержкой идее американского капиталиста. Гладстон подтверждал, что феномен роста личного богатства наблюдается не только в США, но и в Великобритании: за 1842—1889 гг. богатство последней утроилось и возрастает на 200 млн. фунтов стерлингов в год. Весь капитал страны составлял от 10 до 12 млрд. ф. ст., и если бы государство из этого колоссального накопления богатств посвятило хотя бы 10% на добрые дела, то внешний облик Великобритании изменился бы, а нищета — это позорное пятно — вообще исчезла бы. Карнеги и Гладстона поддержали видные религиозные деятели различных конфессий, и в следующем номере того же журнала кардинал Г. Э. Маннинг заявил, что лучший способ улучшения общественной жизни заключается не в законодательстве, не в более хороших законах о бедных, не в должной политэкономии, а в усилении отдельных людей сделать себя лучше, в их личном самопожертвовании. Той же позиции придерживался главный раввин Лондона Адлер, заметивший, что мысль об активной благотворительной деятельности не нова: у евреев давно принято отчислять десятую часть доходов на вспомоществование.

Более колючую реакцию продемонстрировал методистский священник Г. Юз, который покритиковал Карнеги за слишком расплывчатое, примирительное отношение к социальным болезням. Как писал Юз, накопление большого богатства противоречит идее христианства, так что следует не искать способ богачам избавиться от своих излишков, а решить вопрос о недопущении в принципе резкой имущественной поляризации; рецепты просты: свободная торговля, не допускающая искусственной концентрации огромных состояний под зонтиком протекционистских пошлин; свободный переход земельной собственности, разрушающий монополию земельной аристократии; прогрессивный подоходный налог; крупный налог на наследство ²⁸.

Несмотря на отдельные критические замечания, в целом к Карнеги пришел большой успех и как публицисту. Теперь трудности состояли в том, что после его громких прогрессивных публичных выступлений от него как от предпринимателя ждали соответствующего поведения на практике. Стачка 1892 г. на заводе в Гомстедде существенно подпортила репутацию сталепромышленника. В то же время как капиталист-рационализатор он постоянно был озабочен тем, как снизить себестоимость продукции, в том числе за счет экономии на зарплате. Рано или поздно конфликт на данной почве был неизбежен. Хотя предприятия Карнеги получали ежедневную сверхприбыль в 110 тыс. долларов, его рабочие не могли похвастаться благосостоянием. Из 3800 человек, занятых на Гомстедском заводе, только четверо получали до 7,6 долларов в день, 109 — от 4 до 7, около 800 — от 2,5 до 4, 1200 — от 1,68 до 2,5, 1625 чел. — 1,4 доллара за труд в течение 10—12 часов. Рабочие едва сводили концы с концами. В среднем глава семьи зарабатывал 578,52 доллара ежегодно, еще 85,04 доллара приносили

в дом члены семьи. Плата за жилье отнимала 15%, за питание — 45,1%, на одежду — 19,5%, на газеты и книги — 1,2%, на алкоголь и табак — 6,6%, другие расходы — 10,4%. При таком раскладе оставалось еще 100,06 доллара на непредвиденные расходы и «накопление». Если же в семье работал только ее глава, то «резерв» достигал лишь 15,02 доллара²⁹.

Однако не только плохое материальное положение подталкивало рабочих Гомстеда на противостояние с работодателем. Карнеги, который еще в 1886 г. высказывался в защиту профсоюзов, теперь решительно вознамерился изгнать их со своих предприятий, где сильными позициями обладала Объединенная ассоциация рабочих сталелитейной и железодельной промышленности. Напрасно один из биографов сталепромышленника пытался оправдать своего героя тем, что в лице этого объединения с 24 тыс. членами по всей стране тот столкнулся с элитарным цеховым профсоюзом только квалифицированных рабочих и что он вообще-то был не против демократических рабочих организаций³⁰. На деле же Карнеги хотел избавиться от любого постороннего влияния на его заводах и вскоре выбрал для того удобный момент. В 1892 г., после ряда лет устойчивости и роста производства, рынок был затоварен сталелитейной продукцией. Фирма приостановила работу. Фрик как генеральный управляющий, известный жесткой антипрофсоюзной позицией, получил свободу рук. Карнеги уехал той весной на отдых в Шотландию и намеренно хранил молчание во время происшедших в Гомстеде событий, фактически согласившись с провокационной акцией Фрика, вызвавшего на завод 300 вооруженных молодчиков из частного сыскного агентства Пинкертона. А потом не захотел продолжать переговоры с профсоюзом после того, как 8-тысячный отряд стражников захватил Гомстед и руководство республиканской партии, боясь неблагоприятного общественного резонанса на президентских выборах, призвало магната к достижению компромисса.

Фрик подвергся нападению террористов. Карнеги избежал этого, но получил неблагоприятную прессу и от республиканских, и от демократических газет США, а в Англии — и от радикалов, и от консерваторов. Впрочем, публичные неприятности никак не отразились на публицистическом хобби Эндрю. В 1890-е годы он продолжал проповедовать необходимость протекционистских пошлин для США, защищающих американскую металлургию от зарубежных конкурентов. На страницах «Североамериканского обозрения» была развернута дискуссия, в которой приняли участие Гладстон, выступавший с фритредерских позиций, и один из боссов республиканской партии протекционист Дж. Блейн, а также члены палаты представителей Р. Миллс, У. Брекенридж, У. Маккинли, сенатор Дж. Морилл. Карнеги редакция доверила завершать дискуссию; тем самым она намекала, на чьей стороне находится. Сталепромышленник опроверг, как ему казалось, основные аргументы против протекционизма и повторил главное для оправдания протекционистов: промышленность США еще недостаточно созрела для снятия искусственной защитной оболочки. Затем, выступая в другом влиятельном политическом журнале, он сменил акценты и писал, что протекционизм важен не как превентивная мера, а лишь как средство извлечения дополнительных государственных доходов³¹.

К середине 1890-х годов актуальность тарифной темы в американской политической жизни снизилась. Демократическая партия, протавившая через конгресс в 1894 г. новый тарифный закон, показала себя на деле такой же сторонницей протекционизма, как и республиканцы. А у консервативно настроенных бизнесменов и политиков уже появился новый противник — «серебряная теория». Популярная среди фермеров западных штатов идея о чеканке серебряной монеты вызывала у Карнеги давнее острое неприятие. Но теперь, в условиях надвигающейся депрессии, борьба вступила в новую фазу. Карнеги написал статью, где в доступной форме изложил историю денег и констатировал невозможность поддержания стабильного биметаллизма: переход на серебряный стандарт вынудит продавать за рубежом сельхозпродукцию за обесцененное серебро, а покупать — за дорогое золото³².

В ходе чрезвычайно острой президентской кампании 1896 г. эта статья была распечатана в виде листовки в 5 млн. экз. и использовалась как пропагандистский таран. Итогами выборов Карнеги мог быть доволен: его любимая респектабельно-консервативная республиканская партия осудила «серебряную ересь» и одержала победу. Казалось бы, консерватор Карнеги мог поживать на лаврах, демонстрируя обществу и далее свою позицию. Но получилось так, что он вскоре совершил очередной радикальный поворот и стал антиимпериалистом, противником аннексионистской политики США в связи с испано-американской войной 1898 года.

Его радикализм был замешан на популярном идеологическом мифе, проникнутом духом доктрины Монро, гласившей, что Западное полушарие является сферой влияния США. Поэтому войну с Испанией Карнеги не осуждал, считая, что благодаря ей Куба получит независимость, а Испания как колониальная держава будет изгнана из части Нового Света. Но когда с открытием мирных переговоров в Париже стало ясно, что США воевали с Испанией вовсе не бескорыстно и имеют территориальные претензии на другое испанское владение — Филиппины, Карнеги с энтузиазмом окунулся в пропагандистскую войну и в своей статье подчеркнул, что американской демократической республике не нужно обременять себя зависимыми от нее владениями против воли их населения и что удаленность приобретаемой территории делают США уязвимыми в военном отношении³³. Затем он предложил в письме к редактору лондонской «Times» отдать Филиппины Великобритании в обмен на приобретение США британской Вест-Индии. Следующее его предложение: узнав, что правительство США готово заплатить Испании компенсацию в 20 млн. долларов за Филиппины, Карнеги заявил, что сам выплатит правительству эти 20 млн., лишь бы бывшая испанская колония получила независимость.

Подобные демарши вызывали раздражение республиканской администрации, твердо вставшей уже на путь экспансионизма. Между тем Карнеги все больше «закусывал удила», забрасывая редакции ведущих газет антианнексионистскими письмами. Республиканские газеты их игнорировали, демократические и независимые печатали. Он принял участие в финансировании Антиимпериалистической лиги, созданной весной 1898 г., а в конце того же года появились сообщения о его контактах с апостолом «серебряной панацеи», серебряным еретиком и врагом крупного бизнеса лидером демократов У. Брайаном. Свое сражение с рыцарями экспансионизма Карнеги проиграл, но не разочаровался от этого ни в пацифизме, ни в благотворительности, ставшими главным делом его жизни после ухода из сталелитейного бизнеса в 1901 году.

Еще ранее Карнеги публично сформулировал свое понимание благотворительности. Филантропу не следует раздавать деньги напрямую в руки нуждающимся, ибо каждый пьяный бродяга и лентяй, поддерживаемый пожертвованиями богатых, является источником моральной инфекции для соседей, а человека нельзя подтолкнуть вверх по социальной лестнице до тех пор, пока он сам не пожелает взобраться немного выше. Карнеги полагал наиболее разумными пожертвования организациям, отвечающим за состояние человеческого духа: университетам, бесплатным библиотекам, больницам, общественным паркам, концертным залам, баням, религиозным общинам (но не для возведения церковных зданий).

Первоначально он сконцентрировал свои усилия на библиотечном направлении, помня о том, какое огромное значение лично для него, фактически лишенного образования, имело общение с книгами полковника Андерсона. В 1889 г. Эндрю построил здание библиотеки для городка Брэддок, где находился сталелитейный завод, а потом финансировал сооружение 2811 библиотек, из них 1946 — в США, 660 — в Великобритании, 156 — в Канаде, 23 — в Новой Зеландии, 13 — в Южной Африке, 6 — в Британской Вест-Индии, 4 — в Австралии, по одной — на о-вах Сейшельских, Св. Маврикия и Фиджи. Карнеги отпускал средства именно на строительство, предусматривая, что расходы по содержанию библиотек муниципалитеты возьмут на себя. Однако были случаи, когда местные власти

отказывались от его щедрых даров. Предложения сталепромышленника отклонили 225 общин, том числе в Пенсильвании, не простившей ему гомстедскую расправу: 20 из 46 таунов сказали ему «нет»³⁴.

Около 50 млн. долларов истратил магнат на библиотечное дело. 6 млн. ушло на приобретение церковных органов. Начиная с 1873 г., когда Эндрю презентовал орган той церкви, которую посещал его отец, он подарил 4092 органа в США, 2119 — в Англии, 1005 — в Шотландии, 473 — в других странах. Благотворительности Карнеги придал не только размах и публичности (это было в его стиле — максимально себя рекламировать), но и серьезную организационную основу. Ни он сам, ни его секретари не смогли бы координировать и контролировать разнообразную филантропическую деятельность. Ему потребовались авторитетные доверенные лица, управляющие учрежденных им благотворительных институтов. Первым из таких образований оказался Институт Карнеги в Питтсбурге, совмещавший в себе библиотеку, картинную галерею, концертный зал и музей. В доверительное управление с целью извлечения доходов, направленных на нужды четырех шотландских университетов, были переданы облигации Стального треста на сумму 10 млн. долларов. По той же схеме предназначались на устройство парка и других общественных учреждений в Данфермлайне ценные бумаги на сумму 2,5 млн. долларов.

Определенные сомнения испытывал филантроп насчет того, как лучше израсходовать средства на нужды образования. Элитарным университетам он не хотел помогать, а небольшим колледжам протягивал руку помощи, но их запросы были скромны. Удачным решением явилось образование Института Карнеги в Вашингтоне, призванного вести научные исследования и распространять соответствующую информацию, предоставляя ее всем университетам страны. Созданное там подобие научного центра, обеспеченное облигациями на сумму 10 млн. и ежегодным доходом в 500 тыс. долларов, чьими менеджерами стали сливки деловой и политической элиты Америки, включая президента Т. Рузвельта, вскоре настолько покорило Карнеги своими разносторонними изысканиями, что он впоследствии добавил облигаций на 15 млн. долларов³⁵.

Еще большую славу принес прежнему сталепромышленнику образовательный фонд, созданный первоначально для выплаты пенсий по старости бывшим университетским профессорам. Карнеги, питавший большое уважение к наукам и образованию, был поражен узнав, что эти заслуженные люди получают мизерные оклады — около 400 долларов в год, то есть меньше клерков в крупных корпорациях. Эндрю ассигновал на фонд 10 млн. долларов и назначил его управляющими президентов виднейших американских университетов. Их задача — выработать критерии выплат и определить лиц, достойных получения пенсий, для чего были разосланы анкеты в 600 с лишним высших учебных заведений США и Канады.

Когда Карнеги в 1905 г. учреждал этот фонд, он сформулировал единственное условие: получателем дотаций может стать только персонал вузов несектантского характера, то есть не подчиняющихся какой-либо церковной общине или учреждению. Он не предполагал даже, какой это вызовет ажиотаж. В погоне за финансовой субсидией университеты и колледжи стали не только конкурировать друг с другом, но и должны были повысить свои образовательные стандарты, как того требовали правила фонда. Уже в 1906 г. задачи фонда были расширены, предусматривая «все действия, необходимые для поощрения, поддержания и придания должного качества преподавательской профессии и делу высшего образования». В 1910 г. сотрудник фонда А. Флекснер провел обследование по вопросам медицинского образования в США и показал, что дипломы многих учебных заведений не соответствуют необходимым требованиям. В 1913 г. в составе фонда было учреждено специальное подразделение, которое стало проводить такие обследования регулярно по многим конкретным специальностям — правовым, инженерным и пр.

Многоэтапным оказалось вхождение Карнеги в благотворительность и на ниве пацифизма. Первоначально его интерес к этой теме был споради-

ческим, но после русско-японской войны 1904—1905 гг. он стал определяющим. От разовых даров Эндрю перешел к созданию особого Фонда Карнеги на поддержание международного мира. Правление организации, куда вошли 23 члена, возглавил бывший государственный секретарь США Э. Рут. Фонд состоял из трех подразделений. Одно занималось пропагандой и связью с общественностью; второе изучало причины возникновения войн (членами его исследовательского совета, в частности, были бывший австрийский министр финансов, президент Императорской Академии наук в Вене Е. Бём-Баверк и профессор экономики Мюнхенского университета Л. Brentano); третье подразделение касалось международного права. Согласно отчету за 1912 г., средства фонда распределялись так: на секретариат — 106 тыс. долларов, на подразделение пропаганды — 235 тыс., на изучение происхождения войн — 45 тыс., на исследование международного права — 50 тыс. долларов. Но Карнеги так и не сумел предотвратить то, чего опасался больше всего в последние годы жизни, — мировую войну. Не помогли ни его многочисленные письма, ни статьи, ни посредническая деятельность, ни контакты с политиками разных стран.

Эндрю был буквально сражен открытием военных действий летом 1914 года. Он выглядел лет на 15 моложе своего возраста, но уже ушли из жизни многие его друзья: бывший президент США С. Г. Кливленд, писатель М. Твен, журналисты У. Стед и Р. Гилдер. Карнеги опасался, что до конца жизни не успеет потратить на добрые дела подавляющую часть своего состояния, и еще в 1911 г. предпринял кардинальный шаг, учредив Нью-Йоркскую корпорацию Карнеги с широкими полномочиями. Этой организации было ассигновано 125 млн. долларов. Она должна была способствовать продвижению и распространению знаний в народе США, помогая техническим школам, институтам, библиотекам и научным исследованиям. Все его фонды оказались одними из первых филантропических организаций в мире. Они действуют по сегодняшний день и являются весьма популярными.

Каким был Эндрю в последние годы жизни? Таким же, как раньше: общительным, гостеприимным, дружелюбным. Купленный им в Шотландии замок Скибо летом всегда был полон гостей — именитых и неименитых, родственников, граждан Данфермлайна. Он по-прежнему не являлся пленником еды и алкоголя, лишь порою употребляя шотландский виски. Его безукоризненная репутация семьянина не была нарушена: жену Луизу и дочь Маргарет он обожал и предварительно зарезервировал за каждой из них крупную сумму денег на случай своей смерти. 22 апреля 1919 г. он отпраздновал замужество «малышки». Но летние каникулы в Шотландии ему пришлось уже отложить по состоянию здоровья, а 11 августа 1919 г. его не стало. Ушел из жизни уникальный предприниматель, как бы олицетворявший собой эпоху капиталистической индустриализации. Его уникальность представилась особенно рельефно, когда стало известно содержание завещания человека, которого считали одним из богатейших людей мира. Многие предполагали, что, обладая капиталом свыше 600 млн. долларов и израсходовав на благотворительность 350 млн., шотландец все же оставил семье гигантскую сумму. Оглашенная воля покойного внесла ясность: из тех 30 млн., которые были у Карнеги до его последнего дня, 2/3 перешли к Корпорации Карнеги, а 10 млн. он завещал другим благотворительным организациям и некоторым друзьям.

Карнеги как бы выполнил свое обещание — вернуть людям накопленное им состояние. В наши дни два из его детищ — Корпорация Карнеги с активами в несколько сот млн. долларов и Фонд Карнеги для развития образования с имуществом в несколько десятков млн. занимают почетные места среди 30 тыс. благотворительных фондов США, оставаясь достаточно эффективными и уважаемыми организациями, обслуживающими сферу человеческого интеллекта³⁶.

Примечания

1. ROYLE E., WALVIN J. English Radicals and Reformers: 1760—1848. Lexington. 1982, p. 147.
2. CARNEGIE A. Autobiography. Lnd. 1920.
3. COLEMAN T. Passage to America. Lnd. 1972, p. 295; БОГИЃА Ш. А. Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865 гг.). М. 1965, с. 38; МЕНДЕЛЬСОН Л. Экономические кризисы и циклы XIX века. М. 1949, с. 301—363.
4. GABLER E. The American Telegrapher. New Brunswick. 1988; Railway Age, 1944, vol. 116, № 23, p. 1070 suiv.
5. WALL I. F. Andrew Carnegie. N. Y. 1970, p. 99; КАРНЕГИ Э. История моей жизни. М. 1994, с. 44.
6. Encyclopedia of American Business History and Biography: Railroads in the 19th Century. N. Y. 1988, p. 358-359.
7. BURGESS G. H., KENNEDY M. C. Centennial History of the Pennsylvania Railroad Company, 1846—1946. Philadelphia. 1949.
8. MARTIN E. W. The Standard of Living in 1860. Chicago. 1942, p. 394—400.
9. Statistical Abstract for the Foreign Countries in Each Year from 1860 to 1872. Lnd. 1874, p. 66-67; JOHNSON A. M., SUPPLE B. E. Boston Capitalists and Western Railroads. Cambridge. 1967, p. 73.
10. CHANDLER A. D. jr., TEDLOW R. S. The Coming of Managerial Capitalism. Homewood (Ill.). 1985, p. 200-201; GEPHART W. F. Transportation and Industrial Development in the Middle West. N. Y. — Lnd. 1909, p. 184—185.
11. DEGLER C. N. The Age of the Economic Revolution 1876—1900. Glenview (Ill). 1977, p. 29, 30; FONER E. Reconstructions. N. Y. 1988, p. 18, 19; KLEIN P. S., HAGENBOOM A. A History of Pennsylvania. N. Y. 1973, p. 248.
12. ТОКВИЛЬ А. де. Демократия в Америке. М. 1992, с. 290—291.
13. HOLBROOK S. H. The Age of the Moguls. N. Y. 1954, p. 76; REISER C. E. Pittsburgh Commercial Development, 1800—1850. Harrisburgh. 1951, p. 191, 192.
14. CLARK V. History of Manufactures in the United States. Vol. 2. N. Y. — Lnd. 1929, p. 70, 71.
15. TARBELL I. M. The Nationalizing of Business 1878—1898. S. 1. 1936, p. 70—72.
16. REDMOND G. Financial Giants of America. Vol. 1. S. 1. 1922, p. 137.
17. Iron Age, vol. 60, 7.X.1897, p. 17.
18. Report of the Industrial Commission on Trusts. Vol. 13. Washington. 1901, p. XCVII; CLARK V. Op. cit. Vol. 3. 1929, p. 91.
19. CARNEGIE A. Op. cit., p. 226.
20. NELSON R. Merger Movement in American Industry, 1895—1956. S. 1. 1959, p. 37.
21. CHERNOW R. The House of Morgan. N. Y. 1990, p. 83; SCOTT J. B. Robert Bacon: Life and Letters. Garden City (N. Y.). 1923, p. 83.
22. CARNEGIE A. Round the World. Garden City (N. Y.). 1933, p. 306—311.
23. Первое издание называлось «Our Coaching Trip: Brighton to Inverness». N. Y. 1882; второе изд.: An American Four-in-Hand in Britain. N. Y. 1883.
24. CARNEGIE A. Triumphant Democracy. Lnd. 1886, p. 1.
25. Forum, vol. 1, August 1886.
26. HAMMER D. A. John Morley. Oxford. 1968; Victorian Liberalism. Lnd.— N. Y. 1990, p. 152—153.
27. North American Review, vol. 148, June 1889; vol. 149, December 1889.
28. См.: ЯНЖУЛ И. И. Миллионы и что с ними надо делать. М. 1899.
29. EGGERT G. Steelmakers and Labor Reform, 1886—1923. Pittsburgh. 1981, p. 13, 14.
30. HENDRICK B. The Life of Andrew Carnegie. N. Y. 1932, p. 384.
31. North American Review, vol. 151, July 1890; Forum, vol. 19, March 1895.
32. North American Review, vol. 152, June 1891.
33. North American Review, vol. 167, August 1898.
34. KRAUSE P. The Battle for Homestead. Pittsburgh — Lnd. 1992, p. 238.
35. Carnegie Endowment for International Peace, Year Book for 1913-1914. Washington. 1914.
36. Foundations. Westport (Ct.). 1984.

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Журнал «Вопросы истории» продолжает публикацию материалов о совещании по проблемам исторической науки, созванном ЦК ВКП(б) летом 1944 года¹. Начиная с этого номера журнал приступает к публикации стенографической записи заседаний этого совещания.

В работе совещания участвовали известные советские историки (как члены ВКП(б), так и беспартийные), в основном специализировавшиеся по истории СССР, секретари ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, Г. М. Маленков, А. С. Щербаков, группа ответственных работников аппарата ЦК ВКП(б), ведавших идеологической, организационно-партийной и кадровой работой, — всего более 50 человек. Председательствовал на заседаниях Щербаков².

Совещание открылось 29 мая 1944 г. выступлением Маленкова. Стенографическая запись этого заседания пока не разыскана (возможно, она не сохранилась или вовсе не велась), но участница совещания А. М. Панкратова в письме своим ученикам-историкам, отправленном в Саратов 15 июня 1944 г., сообщает о выступлении Маленкова следующее: «Он сказал, что ЦК обсудил этот вопрос (очевидно, положение в исторической науке, — Ю. А.) и счел необходимым встретиться с историками, чтобы обсудить спорные вопросы, а затем выработать принципиальные установки для всех историков. Такова цель нашего совещания»³.

Какие другие темы затрагивал в своем выступлении Маленков и кто еще выступал в день открытия совещания, установить не удалось. Последующие заседания, целиком посвященные выступлениям приглашенных историков, состоялись 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля 1944 года.

Содержание совещания может быть понято и оценено, с одной стороны, лишь в контексте положения в исторической науке, возникшего в 1930-х годах в результате влияния сталинизма и личного вмешательства И. В. Сталина в решение общеметодологических и ряда конкретно-исторических проблем истории России и зарубежных стран, а с другой стороны, — в контексте идеологической и политической ситуации, создавшейся в стране в годы Великой Отечественной войны, идеологической и политической деятельности высшего партийного и государственного руководства и аппарата ЦК ВКП(б).

1944 год считался некоторыми участниками совещания юбилейным. Прошло 10 лет с момента появления ряда постановлений Советского правительства и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах и вузах, замечаний И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. А. Жданова на

конспекты учебников по истории СССР и новой истории, писем Сталина в Политбюро ЦК с оценкой статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма»⁴, оказавших большое влияние на советскую историческую науку и преподавание исторических дисциплин.

Эти документы, в том числе опубликованное 16 мая 1934 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», с одной стороны, освобождали историческую науку от воздействия теоретических и методологических взглядов М. Н. Покровского и его последователей, открывая дорогу научной критике взглядов Покровского, а с другой стороны, — сталинский режим, проводя реформирование исторической науки и образования, имел в виду задачу обоснования идей державности, которые сталинизм как идеологическая и политическая система все более интегрировал, кроме того, сталинский режим с опозданием, но постепенно осознавал, что в идеологической подготовке войны, а тем более, в ходе войны, нельзя сбрасывать со счета историческое сознание народа, его военно-патриотические традиции, в особенности русский патриотизм. Произошло своеобразное переплетение интересов науки (поскольку влияние Покровского сдерживало ее развитие, сужало проблематику и методологию исследований) и интересов тоталитарного режима, ставившего своей задачей направить внимание как старшего, так и нового поколения историков в нужное режиму идеологическое русло. Все эти проблемы с новой остротой встали перед исторической наукой в годы Великой Отечественной войны.

С началом Великой Отечественной войны, вызвавшей гигантский подъем национального, патриотического самосознания народа, обозначились определенные изменения в стиле и методах работы партийного и государственного аппарата: реальное свертывание бюрократизма, некоторое уменьшение репрессий, ослабление идейно-политического пресса в отношении творческой интеллигенции, религиозных организаций и т. д. Появились надежды и на более существенные перемены либерального характера в общественном и государственном устройстве. Некоторые представители научной, творческой интеллигенции почувствовали и использовали возможность более свободного выражения своих взглядов и мнений (в том числе и критических) по поводу советской действительности, партийной политики, по проблемам истории, философии, литературы и искусства. Что касается исторической науки, то к началу 1944 г. в ЦК ВКП(б) была сконцентрирована информация об отступлениях ряда историков от официальных методологии и трактовок исторических событий. Чл.-корр. АН СССР, заместитель директора Института истории АН СССР А. М. Панкратова сообщала в ЦК, что требования пересмотра историографии главным образом идут от представителей «школы Ключевского», которые «теперь открыто гордятся своей принадлежностью к этой школе»⁵.

Советское руководство (прежде всего Сталин) почувствовали в этих настроениях серьезную опасность для режима, и уже в 1943 г., после того, как перспектива разгрома фашистских войск проявилась с полной определенностью, идеологический аппарат ЦК (Управление пропаганды и агитации — УПА) принял ряд превентивных мер, имевших целью поставить на место инакомыслящих и очертить идеологические и политические рамки, в которых должна держаться интеллигенция. В мероприятиях УПА 1943—1944 гг. уже просматриваются контуры известных послевоенных погромных кампаний (1946—1953 гг.), нанесших огромный, частью невосполнимый, вред советской науке, литературе, искусству, общественному сознанию. В подходе к исторической оценке идеологической деятельности УПА, высшего партийного руководства военного времени нельзя, однако, не учитывать чрезвычайной ситуации, необходимости всеми средствами обеспечить идейно-политическое единство народа в борьбе с фашизмом.

Цензурно-политическая, охранительная активность УПА прежде всего затрагивала художественную литературу, поскольку литература, искусство могли служить наиболее эффективным каналом внедрения инакомыслия

в массовое сознание. В аналитических документах УПА, на заседаниях партийных органов, в беседах партийных руководителей высшего звена (в отдельных случаях — с личным участием Сталина) с писателями, деятелями культуры, на собраниях творческих организаций, в печати грубой политической проработке подверглись популярные литературные журналы «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», писатели М. М. Зощенко и А. П. Платонов, поэты Н. Н. Асеев и И. Л. Сельвинский, кинодраматург и режиссер А. П. Довженко и др. В их произведениях были усмотрены тенденции антипатриотизма, очернительства в изображении советских людей и советской действительности. Особенно опасным казался Довженко. По мнению работников УПА, воспринятому партийным руководством, в киноповести «Украина в огне» он позволил себе критиковать политическую линию и практическую деятельность партии в области коллективизации и, главное, — в подготовке страны к отражению нападения фашистской Германии. Довженко инкриминировались «антиленинские ошибки и националистические извращения»⁶. Беспокойство аппарата ЦК вызывало также то, что отраженные в некоторых литературных и научных сочинениях чувства государственного патриотизма не были связаны с революционными традициями, классовой борьбой, интернационализмом, то есть уходили корнями в русскую историю⁷. Наряду с литературными делами УПА занялось политическим анализом состояния философского и исторического «фронтов» партийной идеологической системы. 1 мая 1944 Политбюро ЦК приняло постановление «О недостатках в научной работе в области философии»⁸. Содержание, форма этого постановления, организационные выводы повлияли и на подготовку совещания историков.

Предложение о проведении летом 1944 г. совещания историков и о внесении в ЦК ВКП(б) вопроса о положении в исторической науке, вероятно, впервые нашло отражение в плане мероприятий УПА «по улучшению пропагандистской и агитационной работы партийных организаций» (датирован 31 марта 1944 г.) и в выступлениях сотрудников УПА при его обсуждении. И в тексте плана, и в протоколе обсуждения разбираются отклонения и ошибки историков, на которые должно быть нацелено внимание УПА, а именно: не преодолено влияние немецких ученых-норманистов⁹, развивавших идеи несамостоятельного происхождения российской государственности; все еще сильно влияние школы Покровского, выражающееся в слабом освещении историками героического прошлого русского народа, жизни и деятельности выдающихся людей России, в негативной оценке (как абсолютного зла) процессов присоединения к России нерусских народов; имеет место оживление антимарксистских взглядов, в частности, отступления от методологического принципа: классовая борьба — движущая сила исторического процесса, усиление влияния национализма; отсутствуют обобщающие работы и учебники по советскому периоду истории СССР (кроме 2-го т. «Истории гражданской войны в СССР»)¹⁰.

В дополненный вариант плана УПА (10 апреля 1944 г.) включена критическая оценка «Исторического журнала». С указанными недостатками научных исследований, по мнению УПА, связаны и недостатки преподавания истории СССР в вузах: в программах, учебниках, практике преподавания не освещается должным образом героическое прошлое русского народа, его борьба с иноземными захватчиками, деятельность великих русских полководцев и ученых. Кроме того, некоторые преподаватели имеют тенденцию «поменьше говорить о классовой борьбе в истории СССР и рассматривают деятельность всех царей как деятельность прогрессивную»¹¹. Назывались и конкретные авторы и их работы как объекты планируемого критического разбирательства: чл.-корр. АН СССР А. И. Яковлев, его статьи, рецензии и книга «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке», Х. Г. Аджемян, философ и писатель, автор статьи о кавказском мюридизме, присланной для публикации в «Исторический журнал», коллективные труды «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» (редакторы А. М. Панкратова и М. Абдыкалыков), «Очерки истории Башкирской АССР» и др.

В апреле — мае подготовка аналитических материалов, касающихся положения в исторической науке, продолжалась. Ее результаты были обобщены в записке «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков» от 18 мая 1944 г., подписанной начальником УПА Г. Ф. Александровым, его заместителем П. Н. Федосеевым, главным редактором «Правды» П. Н. Поспеловым и адресованной секретарям ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову. К записке приложена информация «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков»¹², собранная на основании различных устных высказываний ученых. Таким образом, к моменту созыва совещания историков сформировалась своего рода идеологическая платформа УПА. В ней содержались не только жесткие идеологические и политические оценки ошибок историков, но и указывались новые объекты критики на будущем совещании: академики Б. Д. Греков и Е. В. Тарле, доктор юридических наук Б. И. Сыромятников (книга «Регулярное государство Петра I и его идеология»), учебник для вузов по истории СССР под редакцией В. И. Пичеты и др.

В документации УПА, посвященной совещанию историков, сохранились письма, записки в ЦК ВКП(б) некоторых историков, озабоченных положением дел в исторической науке и видевших в ЦК единственного арбитра в научных спорах. Наиболее существенное значение для понимания всей ситуации перед совещанием имеют письма в ЦК Панкратовой, в особенности адресованные А. А. Жданову от 2 марта 1944 г. и Сталину, Жданову, Маленкову и Щербакову — от 12 мая 1944 года¹³. В письмах названы и подробно комментированы негативные, по мнению Панкратовой, явления в исторической науке (эти сведения использует УПА), подвергаются критике УПА и персонально Александров за слабое руководство «историческим фронтом», содержатся просьбы в ЦК помочь разобраться в спорных проблемах, а в письме от 12 мая она выражает пожелание, чтобы ЦК ВКП(б) собрал совещание историков¹⁴.

Большое место в письмах занимает сюжет, касающийся книги «История Казахской ССР», основным редактором которой являлась Панкратова. В отзывах о книге отдельных историков (в частности, А. И. Яковлева) отмечалось, что авторы не смогли в полной мере оценить тенденцию продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию как объективно обусловленную всем ходом общественного развития, исторически прогрессивную, преувеличили значение имевших место антирусских восстаний и других выступлений в складывавшихся взаимоотношениях двух народов. В аппарате УПА эта критика была «заострена», и устами Александрова за этой книгой утвердился ярлык «антирусская». Панкратова пыталась жаловаться на Александрова, разъяснить концепцию «Истории Казахской ССР», но вывести книгу из-под огня критики на совещании ей не удалось. Позднее под жестким давлением Александрова она вынуждена была признать ошибочность своей позиции. Вопрос о совещании историков и, вероятно, другие вопросы, связанные с положением дел в исторической науке, обсуждались руководством ЦК ВКП(б). Было дано согласие на проведение совещания, после которого намечалось разработать директивы ЦК по наиболее важным историческим и историографическим проблемам¹⁵.

На совещании с изложением позиции партийного руководства, вероятно, никто не выступил. Скорее всего, это было предусмотрено при обсуждении в ЦК регламента совещания. Щербаков ограничился репликами, лишь изредка выполнявшими идеологически-директивные функции. Но установки УПА на совещании звучали. Можно назвать в этой связи выступления Е. Н. Городецкого, С. М. Ковалева (историки, работавшие в аппарате ЦК) и других. После совещания историки ожидали появления обещанных директивных указаний ЦК, но они в целостном виде так и не появились, хотя проект документа усиленно готовился. Кроме записки Александрова, Федосеева, Поспелова от 18 мая 1944 г., где были намечены идеи будущего постановления, Александров через несколько дней после совещания, 12 июля, представил проект постановления Политбюро ЦК «О недостатках научной работы в области истории», сразу же отвергнутый Щербаковым¹⁶.

Затем в подготовку документа включился Жданов. Подписанный им проект (причем, не первый вариант, а переработанный и дополненный) датирован 12 августа. Еще один вариант проекта (как писал Жданов, «исправленный и дополненный мною») был направлен Маленкову и Щербакову 9 сентября 1944 года¹⁷. Наиболее существенные различия по форме и содержанию имеются между документами Александрова и Жданова. Эти различия, вероятно, отражали определенные изменения в позиции руководства ЦК. Александров готовил постановление Политбюро, Жданов — тезисы «О недостатках и ошибках в научной работе в области истории СССР». Как вид документа тезисы давали большую возможность полемики, большую свободу выражения мысли. Работая над тезисами, Жданов использовал письма в ЦК Панкратовой, материалы совещания, разработки УПА. В этом убеждает сравнение текстов, а также отсутствие в первом варианте тезисов имени Панкратовой среди подвергшихся критике историков, в то время, как в записке Александрова, Федосеева, Поспелова на нее обрушиваются тяжелые обвинения. Жданов критически упоминает Панкратову во втором варианте тезисов (9 сентября), да и то лишь вскользь¹⁸.

Из имевшихся в его распоряжении материалов УПА Жданов не включил в свои тезисы сомнительное по существу и имевшее во время войны опасный политический подтекст утверждение о влиянии немецких историков на советскую историографию и занялся разоблачением уклонений от марксистско-ленинской линии на свой лад. Он объяснил причины ошибок историков рецидивом влияния двух антимарксистских школ: «буржуазно-монархической» П. Н. Милюкова и вульгарно-социологической М. Н. Покровского. Жданов (на этот раз солидарно с УПА) заявил и о наличии рецидивов национализма в исторической науке. Особое внимание в тезисах уделено обоснованию закономерности Октябрьской революции 1917 г. в России. Острой критике были подвергнуты историки, пытавшиеся, по мнению Жданова, затушевывать принципиальные отличия советского государственного строя от дооктябрьского государственного строя России.

Для Жданова оказались неприемлемыми высказывания дореволюционных и советских историков об имевшем место в конкретных обстоятельствах тождестве интересов и нераздельности государства и народа в историческом прошлом России. Тезисы так же, как письма в ЦК Панкратовой и выступления ряда участников совещания, были нацелены и против взглядов Аджемяна на роль классов и классовой борьбы в историческом процессе. Хотя мысли Аджемяна характеризовались как отступление от марксизма, по признанию Жданова, и другие историки делали то же, только в более осторожной, «эластичной» форме. Проекты Жданова были предельно актуализированы в идеологическом и политическом отношении. Так, в обстановке либерализации режима деятельности православной церкви Жданов к стандартному набору критических определений школы Покровского добавил «нигилистические взгляды» на историческое значение крещения Руси, распространение христианства, цивилизаторскую роль монастырей, а сделавшаяся в те годы модной тема Ивана Грозного сопровождалась ремаркой о последователях Покровского, которыми этот царь «свален в одну кучу с реакционерами и насильниками»¹⁹. Вскоре, вероятно, работа над документом по итогам совещания историков была приостановлена. Причины этого на основе документов пока установить не удалось. Однако некоторые предположения (в добавление к сделанным И. В. Ильиной)²⁰ могут быть высказаны. Скорее всего, ждановский вариант не полностью устраивал руководство ЦК. В тезисах отсутствовала позитивная часть, хотя после 1934 г. гражданские историки проделали большую работу, было выпущено много диссертаций, учебников, опубликованы монографии. В годы войны историки участвовали в пропаганде героических традиций русского и советского народа. Бросается в глаза еще одно обстоятельство. В проекте Жданова был даже для своего времени явный перебор грубых натяжек, политиканских построений, неверных с научной точки зрения характеристик и определений исторических явлений. Надо иметь в виду и персональную адресованность критики. На совещании критиковали всех,

кто упоминался в приводившихся выше письмах Панкратовой и материалах УПА, но все-таки наиболее крупной целью идеологической проработки оказался Тарле. Критика в его адрес, как, впрочем, и в адрес некоторых других ученых, по ряду вопросов была научно обоснованной (например, по книге «Крымская война»), но выдержана в грубой форме.

Заявления Тарле (в научных и публичных докладах) против шаблонного применения исследователями известных положений «царская Россия — жандарм Европы», «царская Россия — тюрьма народов», о большом значении обширной территории страны как важном факторе для разгрома германского фашизма и некоторые другие, имевшие, вероятно, помимо своего прямого значения, и некий актуальный подтекст — историческое обоснование державных устремлений Сталина и его соратников, еще более обозначившихся к концу войны, — были охарактеризованы на совещании как отступление от марксистско-ленинской методологии, как попытка обелить царизм и его колониальную политику. Но дело этим не закончилось. В тезисах Жданова критика участников совещания в адрес Тарле трансформировалась в прямые политические обвинения. Жданов писал, что Тарле и другие историки «идут на поводу у вражеской пропаганды, уверяющей, будто бы обширные пространства, морозы и грязь воспрепятствовали немцам завоевать нашу страну», сбиваются «на губительный путь расизма и национальной исключительности», пытаются «направить советских историков в русло чуждой идеологии»²¹ и т. п. Хорошо понимая опасную направленность обвинений в свой адрес, Тарле в письме Щербакову 10 июля, после окончания совещания, достаточно прозрачно намекнул на возможность обращения за поддержкой к высшему авторитету. Опровергая своих оппонентов, Тарле писал Щербакову, что всегда считал царизм жандармом Европы, а Октябрьскую революцию — рубежом в истории России и всего мира, никогда не говорил «такой глупости», что пространство — главное наше преимущество в обороне. «Я сказал, и никто с этим не может спорить, — подчеркивал Тарле, — что среди условий, которыми одарена Россия, есть и пространство. Но этим условием, как и всеми другими, более важными, царская власть не воспользовалась, а сумели воспользоваться Сталин и сталинская правительственная организация».

Первые два пункта своего опровержения Тарле подкреплял ссылкой на подготовленный им раздел в первом т. «Истории дипломатии» и на корректуру большой, в 100 стр., его статьи во втором т. «Истории дипломатии», написанной «по прямому выраженному мне желанию Иосифа Виссарионовича»²². И далее Тарле с горечью писал о положении историка-исследователя: «У нас мало уважают или недостаточно уважают исследовательскую работу на историческом фронте. У нас исторические органы редактируются людьми, за которыми нет, не было и никогда, вероятно, не будет ни единой исследовательской строки. У нас слишком часто, когда человек, не покладая рук, не выходя из архивов, выпускает в свет исследование, то ему не говорят спасибо за то новое, что он дал науке, а сплошь и рядом стремятся ухватиться за какую-нибудь фразу, кажущуюся не вполне согласованной с шаблонной формулировкой, чтобы развязно истинно по-наезднически налететь на автора»²³.

Тарле, очевидно, рассчитывал, что само его обращение к Щербакову со ссылкой на Сталина поставит под сомнение возможность негативной оценки его трудов в готовившемся документе ЦК по исторической науке. Имела основание и надежда на личное вмешательство Сталина, поскольку Тарле уже много лет находился в сфере внимания советского руководителя. В 1932 г. Тарле благодаря Сталину был возвращен из ссылки, куда попал после ареста по «академическому делу», в 1937 г. его восстановили в действительных членах АН СССР. Сталин следил за творчеством академика и оказывал ему определенное покровительство²⁴.

Совокупность описанных обстоятельств, вероятно, привела к изменению планов ЦК в отношении разработки директивных установок для исторической науки. Совещание историков длительное время входило в ка-

тегорию закрытых мероприятий ЦК. Никакой информации о нем в периодической печати не публиковалось, но, как видно из материалов журнала «Большевик», критический заряд против инакомыслящих историков было решено выпустить не в концентрированном виде официальных директив ЦК, а распределить по отдельным работам, оказавшимся в центре критического внимания совещания. Причем, сделано это было в более корректной, чем в выступлениях на совещании и документах УПА, форме развернутых научных рецензий. В «Большеви́ке» выступили С. В. Бахрушин по книгам Б. И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра I» и А. И. Яковлева «Холопы и холопство в Московском государстве в XVII веке», Н. Н. Яковлев о книге Е. В. Тарле «Крымская война» и М. А. Морозов — об «Истории Казахской ССР»²⁵.

Некоторые положения проектов документов, фрагменты из материалов совещания были изложены анонимно, без указания авторов в докладе Александрова «О некоторых задачах общественных наук» на курсах преподавателей социально-экономических дисциплин 1 августа 1945 года²⁶. Официальное постановление ЦК касалось лишь одного вопроса, обсуждавшегося на совещании, — об «Историческом журнале». В тексте постановления (принято Политбюро ЦК 2 июля 1945 г.) были обобщены обоснованные критические замечания в адрес журнала Щербакова и других выступавших. В постановлении указывалось, что журнал «ведется неудовлетворительно и не отвечает своему назначению... не разрабатывает важнейших проблем советской исторической науки, зачастую заполняется статьями и материалами, не имеющими отношения к истории или лишенными научного значения». ЦК решил реорганизовать «Исторический журнал» (считавшийся научно-популярным) в научный журнал «Вопросы истории» — орган Института истории АН СССР, главным редактором которого был назначен акад. В. П. Волгин. В редколлегию вошли крупные специалисты по различным разделам отечественной и всеобщей истории: Б. Д. Греков, Е. Н. Горюнов, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров²⁷.

Стенограмма совещания историков — поистине документ эпохи, в котором положение исторической науки, ученого-исследователя, сложившееся в результате идеологизации и политизации общественных наук, общественного и массового сознания в духе сталинизма, отражено исключительно рельефно. Выступления его участников показывают, сколь трудным, противоречивым, искаженным идеологическими стереотипами оказался в тот период путь ученого к исторической истине, сколь многоопытными за годы сталинских репрессий и прямого вмешательства Сталина в науку стали многие ученые в их следовании предписанным партийным руководством «правилам игры», как откровенное политиканство и политическое доносительство переплеталось с попытками ученых отстаивать свое право на научное творчество, защищать от искажений объективные исторические факты и методологические выводы, добытые путем не прекращавшихся в трудных условиях научных изысканий.

В комментарии к стенограмме поясняются лишь мало известные события и факты, а также события и факты, неоднозначно или недостаточно четко указанные выступавшими. Тот же принцип применен в справках по персоналиям. Дается краткая информация о научном творчестве, ученых степенях и званиях упоминавшихся на совещании ученых-историков. Библиографические ссылки, приводимые выступавшими цитаты проверены по соответствующим публикациям.

Стенограмма совещания находится в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) в двух делах²⁸. Одно из них содержит расшифрованный машинописный текст стенограммы с правкой и вставками выступавших. Во втором деле — беловой машинописный экземпляр — новая перепечатка правленного текста, который и лежит в основе публикации. При подготовке публикации оба текста сверены. Несостоявшиеся выступления (присланные по окончании сове-

щания для приобщения к стенограмме) в основной текст стенограммы не включаются и воспроизводятся в примечаниях. Публикация подготовлена Ю. Н. АМИАНТОВЫМ и З. Н. ТИХОНОВОЙ. Вводная статья написана Ю. Н. Амиантовым.

Примечания

1. См. Письма А. М. Панкратовой — Вопросы истории, 1988, № 11; Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. — Вопросы истории, 1991 г. № 1. Из литературы о совещании см. БУРДЕЙ Г. Д. Историк и война. 1941—1945 гг. Саратов. 1991. Не получив в Центральном архиве доступа к стенограмме совещания, автор пользовался сопутствующими источниками.
2. Кроме поста секретаря ЦК ВКП(б), А. С. Щербаков в период совещания занимал также посты секретаря Московского областного и городского комитетов ВКП(б), начальника Главного политического управления Красной Армии, председателя Советского информационного бюро. Постановлением Политбюро ЦК от 18 мая 1944 г. ему дополнительно поручались контроль и наблюдение за работой государственных комитетов по делам искусств, кинематографии, радиофикации и радиовещания, Управления по охране военных тайн в печати (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1050, л. 43). 3. Там же, оп. 125, д. 224, л. 105об.
3. Там же, оп. 125, д. 224, л. 105 об.
4. Кроме известного по публикации в «Большевике» в мае 1941 г. письма И. В. Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», имеется еще одно письмо, направленное Сталиным 5 августа 1934 г. в Политбюро и в редакцию журнала «Большевик», в котором он резко критикует комментарий Г. Е. Зиновьева к публикации в № 13 «Большевика» письма Ф. Энгельса И. Надежде (1888 г.). Своим комментарием Зиновьев вошел в противоречие со взглядами Сталина. Постановлением Политбюро ЦК публикация заметки Зиновьева была признана политической ошибкой, редактор журнала В. Г. Кнорин был освобожден от работы, а Г. Е. Зиновьев выведен из состава редколлегии.
5. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 224, л. 2.
6. См. БАБИЧЕНКО Д. Л. Писатели и цензоры. М. 1994, с. 72—101.
7. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 221, лл. 17—18, выступление зав. отделом художественной литературы УПА А. Г. Еголина и др. 8. Там же, оп. 3, д. 1050, лл. 36, 145—152.
9. Имелись в виду прежде всего немецкие историки, работавшие в Петербургской академии наук, Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер.
10. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 221, лл. 11, 38, 71—72. 11. Там же, л. 37.
12. Документы опубликованы в журнале «Вопросы истории», 1991, № 1.
13. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 224, лл. 1—10, 66—75 об.
14. А. М. Панкратова не без основания считала, что именно ее настойчивые обращения содействовали положительному решению вопроса о совещании.
15. Вероятно, решение было принято в рабочем порядке. В протоколах Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) оно не значится.
16. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 222, лл. 1—10. Имеется пометка: «Не годится. А. Щербаков».
17. Там же, лл. 12—46, 47—91.
18. Там же, лл. 42—43. Одна из причин этого шага Жданова — обострившийся конфликт Панкратовой с Александровым. См. Вопросы истории, 1991, № 1, с. 189—190.
19. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 222, л. 57, 50—51, 38, 40.
20. См. ее вводную статью к публикации упоминавшейся записки Александрова, Федосеева, Поспелова. — Вопросы истории, 1991, № 1, с. 189—190.
21. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 222, л. 21, 64, 80.
22. Там же, л. 169 об. Трудно судить, в какой форме и в какой мере использован материал Е. В. Тарле в тексте II т. «Истории дипломатии». Во всяком случае, среди «составителей тома его имя не значится».
23. Там же, л. 170об.
24. См. САВЧУК В. С. Е. В. Тарле — судьба ученого в тоталитарном государстве. В кн.: Избранные сочинения академика Е. В. Тарле. Т. I. Ростов н. Д. 1994, с. 26—30.
25. Большевик, № 22, ноябрь 1944 г.; № 3—4, февраль 1945; № 6 — март 1945; № 13, июль 1945 года.
26. Большевик, № 14, июль 1945 года.
27. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 1053, л. 10. Изложение постановления было дано в передовой статье № 1 журнала «Вопросы истории» за 1945 год.
28. РЦХИДНИ, ф. 17 (ЦК КПСС), оп. 121 (Технический секретариат Оргбюро ЦК ВКП(б), дд. 290, 291.

Амиантов Юрий Николаевич — главный хранитель фондов Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ); Тихонова Зоя Николаевна — старший научный сотрудник РЦХИДНИ.

Заседание 1 июня 1944 года ¹

Щербakov (председательствующий). Товарищи, приступим к обсуждению вопросов. О регламенте условимся так: дадим 20 минут для прений. Слово имеет товарищ Бушуев.

Бушуев. Товарищи, за последние 5—6 лет на историческом фронте, я имею в виду организацию работы историков, имею в виду творческое обсуждение вопросов, не произошло ничего такого, что можно было бы назвать, что историки полностью учли замечания гг. Сталина, Кирова, Жданова. Историки СССР и по сей день находятся в долгу перед советским государством. На историческом фронте неблагополучно. Здесь не место обольщаться успехами (к тому же они уж не такие большие). Наблюдая работу историков и сам участвуя в этой работе, я не помню ни одной дискуссии, которая подняла бы на должную высоту все наши задачи, государственные задачи, если не считать два печальных факта. Были две дискуссии, которые привлекли внимание большого количества историков. Первая дискуссия — о Киевском государстве². Она сформулирована так: «Была ли Киевская Русь рабовладельческим государством?» Все это сводилось к тому, сколько было рабов до Киевского государства и сколько было рабов после Киевского государства. Эта печальная дискуссия по своим последствиям оставила очень тяжелое впечатление у историков. На этой дискуссии не было поставлено ни одного нового вопроса, и по существу споры прошли мимо главных вопросов, а можно было поставить вопрос о возникновении и формировании славянской государственности.

Вторая дискуссия, которая оставила не менее тяжелое впечатление, она также прошла мимо основных вопросов на историческом фронте: «Была ли Россия отсталой страной, отсталым государством?» Как раз эта дискуссия была незадолго до Отечественной войны, в апреле-мае 1940 г., причем, сама по себе тема была такой, что она вводила нас от настоящих действительных вопросов и задач, которые стояли перед историческим фронтом. На первом заседании было расчленено, что нужно понимать отсталость России не исконную, а относительную. На этом народ сказал спасибо, и общий итог дискуссии таков: докладчик сделал замечание, что Россия не была бы отсталой, если бы она участвовала в крестовом походе. Вот итог, к которому пришел докладчик. (Щербakov. Кто делал доклад?) Доклад делала Нечкина в апреле месяце 1940 года. Есть стенограмма прений. Профессор Института истории АН СССР, которая была типичным учеником Покровского³, именно Нечкина на страницах Малой советской энциклопедии в течение ряда лет чернила историю нашей родины. Я помню, что это произвело неприятное впечатление, тем более, что всякий, сколько-нибудь наблюдавший за фашистской фальсификацией, мог убедиться в том, что как раз проблема государственности, проблема экономического, политического развития России — все эти вопросы брались под обстрел фашистской фальсификацией с тем, чтобы подчеркнуть, что у славян не было государственности, России присуще была исконная отсталость.

Дискуссия эта провалилась и не привела ни к каким дальнейшим творческим результатам, тем более, что доклад завел аудиторию туда, куда не могла завести ни одна фантазия. Это все, чем можно было проиллюстрировать творческую работу историков по обсуждению вопросов истории СССР. Я не говорю о положительных моментах, эти вопросы более или менее ясные, и не для этого нас собрали здесь, это было отмечено в свое время в журнале «Большевик»⁴, в ряде сборников и в ряде работ. Я хотел остановить внимание на тех вопросах, которые были бы изжиты и не тормозили бы работу историков. С этой целью я стремился продумать все то, что можно было наблюдать, это — отсутствие творческих дискуссий, творческой постановки вопросов. Это — характерная черта в работе историков СССР. Если взять Институт истории, который

стоял вне государственных задач, вне этого тояло Отделение общественных наук АН СССР. Для того, чтобы попасть на заседание Отделения общественных наук к Волгину, требовалась прежде всего принадлежность к «избранным», ранее принадлежавшим к так называемой школе Покровского. На заседание Института истории попасть крайне трудно. Говорят, что предварительно обсуждаются новые установки, новые планы. Это недоступно тем, кто непосредственно не работает в институте. Эта ненормальная обстановка может привести к неприятным последствиям. Тут надо прямо сознаться, что такой стиль работы исключает привлечение молодых работников, исключает ведение нормальной творческой работы историков.

В Институте истории издавна повелось извращать выступления отдельных товарищей, которые проявляют инициативу в творческом рассмотрении исторических вопросов. Особенно на этом набила руку проф. Нечкина, не выносящая критики. Это исправимо. Я в этом убежден, но основательно надо покритиковать товарищей, только тогда можно плодотворно работать. Взять работу Волгина об истории конституции⁵ — ее надо покритиковать, так как она не может называться средней работой. Она — плохая работа, имеет целый ряд ошибок, так почему бы не обсудить ее, почему бы не заострить внимание на этом? Это в дальнейшем надо иметь в виду. Почему это произошло? Потому, что Институт истории слишком отгородился. Затем, Институт истории Академии наук работает в полном отрыве от местных национальных научных организаций института. Я хорошо знаком с работами товарищей из Таджикистана, Грузии — они все работают по-своему, причем, стоит Институту истории выпустить программу, как следуют протест за протестом, опровержения тех точек зрения, которые разрабатываются в институте. Я помню письма из Грузии, Армении, Азербайджана и от целого ряда других организаций.

В Институте истории и по сию пору не проветрены еще углы от покровщины. Отсутствие коллективизма, кастовость, интриги — все это характерно для стиля Института истории. Вот этой сплоченности, единства среди историков нет. А такие вопросы, как история народов СССР, разве может Институт истории решать один? Конечно, не может. Вот этой организационной связи, связи по существу не было, и никто, собственно говоря, над этим серьезно не думал. Если бы здесь была проделана какая-нибудь серьезная работа, то разве можно было бы иметь такую работу о Казахстане? Книга о Казахстане⁶ — антирусская книга. Написана она наспех. Редакция книги крайне поверхностная и несерьезная. Эта работа, кстати сказать, была начата без общей программы. Разве можно было начинать разработку истории отдельных вопросов, когда по основным вопросам, затрагивающим основные исторические вопросы, не было договоренности?

Ведь нельзя пройти мимо такого факта: Институт истории в течение ряда лет работал вначале над трехтомником истории, потом над пятитомником истории народов СССР, десятитомником, пятнадцатитомником истории СССР без плана, без единой программы. Я уж не говорю о том, что затрачены громадные суммы, и я не знаю, может ли быть теперь использована эта работа. Отсутствовало руководство, когда можно было бы договориться по ряду вопросов. Это можно отнести к плохой работе института. Причем, поражаешься — люди привыкли к боязни самокритики. Когда я в «Большевике» написал рецензию, причем, рецензию в самых благожелательных тонах, только с подчеркиванием недостатков, то мне передавали, что т. Панкратова готова была со мной не разговаривать. Рецензия в «Большевике», которая должна улучшить работу, начинает портить личные отношения⁷. Жрецы из Института истории заготовили целый том опровержений. Большая опасность, когда боязнь самокритики превращается в такое явление, которое тормозит работу.

Работа Рубинштейна «История русской историографии»⁸. Это трудная задача, ее нужно было решать. Начиная с XVIII в., как известно, русская Академия наук была центром, где была сосредоточена борьба между немецкими и русскими историографами. Как там описывается все это?

Ломоносов был ущемлен в работах Академии наук, а вот Шлецер стоял на уровне западной науки. Как немец — так на уровне, как русский — так ученик. Создается такое впечатление, что в развитии русской историографии в XVIII в. Ломоносов, сыгравший такую громадную роль, расценивается как ученик Шлецера, а Шлецер просто чуть ли не такой историк, который стоял на уровне общеевропейской науки. В общем, «немецкое светило». Почему бы эту работу не покритиковать? А ведь эту работу кафедра истории СССР предполагала выдвинуть на соискание Сталинской премии. Хорошо, что это не было сделано. В этой работе имеется целый ряд крупных существенных пробелов, и, главное, неприятно — не чувствуется того, что именно можно назвать любовью к родине, к нашим героям, к нашим деятелям, которые тогда в трудных условиях стремились к тому, чтобы изгнать немцев из Академии наук, которые отрицательно влияли на развитие науки, насаждали склоки, интриги. Я думаю, что при соответствующей критике не было бы такого положения на историческом фронте, когда по основным вопросам допускаются такие ошибки, которые можно было бы исправить при обсуждении в коллективе.

И затем монополия. Мне очень трудно будет иллюстрировать это по другим вопросам, но я не помню, чтобы за последние 15 лет вышла бы какая-нибудь работа, скажем, по декабристам, помимо работ Нечкиной, а если что и выходило по этим вопросам, то, во всяком случае, привлечения кадров к разработке этих вопросов, над которыми работали специалисты, много не было. Я не помню таких случаев, когда вокруг ученых вырастала бы группа аспирантов и создавалась бы соответствующая обстановка для научной работы. Боязнь молодой научной смены характерна для старых работников Института истории. Причем, нужно сказать, что эта монополия не в такой грубой форме проявляется, это — «тонкая работа», и нельзя обвинить товарища, что он является последователем этого принципа. А проявляется это в распределении тем, в критике этих отдельных тем, в предварительной постановке.

Мне кажется, что здесь еще нужно указать на плохую постановку подготовки аспирантов в университете⁹ и, гораздо хуже, — в Академии наук. Там этот вопрос как-то не поставлен как вопрос, который должен решать подготовку молодых кадров. Я могу указать на целый ряд фактов, когда подбор аспирантов в Академии наук носит совершенно случайный характер. Причем, нельзя сказать, что происходит задвижение молодых кадров. Это обставляется таким образом, что для обсуждения того или иного факта к Волгину не добьешься. Я помню, что целых 5 лет Деборин¹⁰ единолично рассматривал вопросы, а потом это передавалось в Институт истории Академии наук. Получался замкнутый круг. Здесь мало что изменилось, может быть, что-нибудь делали, но методы остались те же самые, с некоторой модернизацией. Разве можно было при таком положении выполнить те задачи, которые поставил товарищ Сталин: борьба с местным шовинизмом, борьба с покровщиной, борьба с фальсификацией фашистами русской истории?

Я пришел после целого ряда лет к такому выводу, что влияние покровщины продолжает иметь место и по сию пору. Сильно влияние покровщины по отдельным конкретным вопросам и особенно в самой организации, во взаимоотношениях между историками. Это можно было проиллюстрировать десятками фактов: взаимоотношения между историческими организациями, в подготовке исторических работ и затем — в освещении отдельных конкретных вопросов. На этом еще сказывается влияние покровщины. Мне кажется, что задача борьбы с влиянием так называемой школы Покровского еще не снята. Не настало еще время сказать, что выкорчеваны все корни, связанные с неблагоприятными, отрицательными последствиями влияния «школы» Покровского на историческом фронте. Разве в такой обстановке можно было говорить о развернутой борьбе с фашистской фальсификацией?

По инициативе Московского университета был подготовлен сборник статей против фашистской фальсификации. Сборник должен был выйти

в 1942 году. Прошел 1942 г., 1943 год. Недавно как-то вспомнили об этом сборнике. Темпы издания таких боевых работ нельзя отнести за счет воинственного характера советской историографии. Так нельзя готовить сборник, который сейчас очень нужен. Это нужно отнести к отрицательным сторонам работы на историческом фронте.

В 1942 г. была прекрасная идея — издать сборник статей по истории нашей родины. Был написан целый ряд статей. Прошел 1942, 1943 г., я не знаю, как обстоит дело с этим сборником, а этот сборник был бы крайне необходим для широкого круга историков, для преподавательского актива. Этот сборник отвечал бы тем задачам, которые назрели. Я не знаю, выйдет ли он через год — два, трудно сказать. Но работа по Казахстану, по истории Конституции — работа товарища Волгина — появились сравнительно быстро. Так повелось, что плохие работы появляются гораздо быстрее, чем хорошие. Нужно было бы подчеркнуть эту сторону, что до тех пор, пока Институт истории не будет ставить главные вопросы, их решать никто за него не будет. У руководства Института мог бы иметься большой опыт работы. Но лучшая часть этого опыта не применяется для издания тех работ, которые отвечают общим государственным задачам.

Когда была опубликована статья т. Сталина о внешней политике царизма (май 1941 г., «Большевик») ¹¹, ни один журнал не откликнулся на эту статью, я не помню ни одного выступления ни в центре, ни в научных организациях, где бы была упомянута статья т. Сталина. Была она напечатана в «Большевике», и на этом все кончилось. Институт истории повинен в этом прежде всего. Прошел 1942 г., 1943 г., историки остались те же, условия те же самые, для практической работы в Институте истории материальные условия неплохие, для работников существуют все условия, чтобы работать. Я осмелился сказать на одном собрании, что статью т. Сталина замолчали, нет ни одного отклика, а когда я попробовал выступить с целым рядом предложений по статье т. Сталина, причем, свои соображения не выдавал за статью т. Сталина, то меня обвинили в великодержавном шовинизме, что Бушуев отказался от всех своих взглядов, чего только я не услышал на этом собрании. Идя на это собрание, мне звонили и говорили, что вот Вы идете, будете выступать, громить всех. Это отношение нетоварищеское. Громить нам некого, а если есть, то есть на это Центральный Комитет, который каждому укажет на свое место.

Щербakov. Разрешите на секунду прервать. Трудно возражать, и это полезно, чтобы критиковали Институт истории, но мне думается, если все наше обсуждение свести к этому, то обсуждение нужно считать провалившимся. У историков есть недоуменные вопросы или есть проблемы, стоящие перед исторической наукой. Если кто-либо Вас обвинил в великодержавном шовинизме, то этот спор надо вести по существу. Есть какие-то проблемы. Вот Вы мельком эти проблемы затронули, упоминали о внутренней и внешней политике царского самодержавия, в частности — Россия как жандарм Европы, Россия — тюрьма народов, о происхождении Киевского государства. Так давайте эти вопросы обсуждать по существу, чтобы мы после нашего собрания могли дать положительное решение ряду проблем, какие перед историками стоят. (Бушуев. Я к этому и перехожу). 20 минут Вы использовали и пока ни одной проблемы не только не обсудили, но и не поставили.

Бушуев. Это объясняется тем, что мы давно вообще вместе не собирались. Я перехожу ко второй группе вопросов. Вопросы внешней политики Российской империи. Кстати сказать, что этим вопросам мы уделяли слишком мало внимания. Внешняя политика Российской империи сравнительно слабо разработана в нашей старой историографии. Да и в нашей советской историографии этот вопрос не нашел должного освещения. В полной мере и здесь не были учтены замечания т. Сталина. Более того, никто из историков-международников не откликнулся на данную статью. С чего следовало бы начать историкам в этом вопросе? Во-первых, с изучения статьи т. Сталина. Эта статья обязывает нас к написанию целой серии монографий по отдельным вопросам внешней политики Российской им-

перии, истории русской дипломатии и внешней политики СССР. В ряде своих выступлений я пытался популяризировать тезис т. Сталина, «что завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составила монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей, степени — королям и дипломатам всех стран Европы»¹² (Сталин). Когда я попробовал пояснить это, меня взяли в штыки.

Мною приведены были примеры одностороннего подбора исторических фактов в характеристике внешней политики Российской империи. Как-то я заметил, что секли везде, во всех странах Европы. И в этом не следует усматривать какую-то особенность только исторического процесса Российской империи. Реакционеры имели место в различных странах, а временами в большем количестве, чем в России. Можно сказать, что ряд русских реакционеров считал себя учениками прусских, французских, английских и иных реакционеров, мракобесов. В России был один Аракчеев, в Пруссии и Австрии их было бесчисленное множество. В России был один Катков, среди польских панов их можно было обнаружить десятки. Нам незачем заниматься реабилитацией польских панов и прусских реакционеров. В истории необходима точность и всесторонность. Безусловным требованием марксизма является постановка любого изучаемого вопроса в определенные исторические рамки. Эти вопросы и в учебнике мы решили не так, как нужно.

Первое впечатление, которое остается, — однообразие, одноцветность. Разбираются самые разнообразные вопросы, а выводы слишком упрощенные. Приведу пример в отношении внешней политики русского самодержавия в период Священного союза. Слушая лекции, создавалось впечатление, что только царская Россия являлась жандармом Европы. Имея в виду указание т. Сталина в его вышеназванной статье, некоторые историки превращали все завоевания в монополию русского самодержавия. Вот против этого я и выступил¹³. Разве правильно будет марксистски, если мы не будем говорить о реакционной роли Пруссии? Я после ознакомления с мемуарами Меттерниха уяснил себе, что громадную роль в усилении реакции Священного союза играл этот международный авантюрист и плут. Когда мы говорим о царской политике, то у нас забывают прусскую реакцию, прусских и австрийских мракобесов. Вот этот вопрос я поставил и на эту сторону надо обратить внимание в учебнике, не ограничиваясь только отрицательной характеристикой внешней политики одного русского царизма. Революционные и национально-освободительные движения в Европе подавлялись не только царской Россией, но и Пруссией, Австрией, Англией.

Второе. За последние годы пришлось много работать над внешней политикой XIX в., во время царствования Александра II, Александра III. Я должен поделиться здесь своими выводами. Парижский трактат 1856 г. был унижительным в национальном отношении трактатом¹⁴, который исключал всякое влияние нашей страны на Черном море. Мы не имели права держать флота на Черном море. При всех своих отрицательных сторонах Горчаков, Тютчев и др. сделали весьма много положительного для отмены этого «жертвенного мира». Вообще, у нас до сих пор нет ни одной обстоятельной работы по истории русской дипломатии. Часто мы наши ответственные выводы основываем только лишь на памфлетной литературе. Забываем при этом недостатки всякого памфлета, его конъюнктурность. Роль отдельных политических деятелей по своему характеру мало очень отличалась от Бисмарка по своим моральным устоям, по выбору средств. Вообще трудно найти не авантюриста в истории европейской дипломатии.

Борьба Горчакова, борьба тогдашней печати за то, чтобы отменить Парижский трактат... я оцениваю в целом внешнюю политику российского самодержавия как политику, которая отвечала интересам господствующих классов. Я подчеркивал, что, может быть, было целесообразным указать на некоторые положительные стороны в деятельности русской дипломатии, отвлекаясь от личного характера Горчакова и от характеров целого ряда других аналогичных деятелей. К этому выводу я пришел после изучения

целого ряда документов. Это — положительная черта, которая не отмечена в общей оценке политики России. Это надо указать как положительное явление, которое отвечало общим интересам русской нации в целом. Вместе с тем отмечал и отрицательные стороны. Таковы два вопроса, которые были поставлены мной по одному из тех пунктов, над которыми нам придется еще много поработать с тем, чтобы обсудить его, с тем, чтобы более или менее всесторонне и в творческой дискуссии можно было прийти к определенным выводам.

Теперь колониальная политика русского самодержавия, Российской империи. Я выступал против шаблонной оценки колониальной политики Российской империи на отдельных этапах. Надо было и здесь подойти исторически и с требованиями марксизма-ленинизма. Я против того, что присоединение Сибири и Дальнего Востока нужно считать только результатом колониальной политики русского самодержавия. Если внимательно проанализировать историю этого вопроса, то, может быть, здесь следует отнести многое за счет не столько правящих классов, сколько за счет народа.

О завоевании Средней Азии. Энгельс подчеркивал цивилизирующее значение России на Востоке. Почему только отрицательные стороны брались в работе Энгельса, а эта оценка исключалась? Я считаю, что всестороннее освещение вопроса даст возможность более конкретно подойти к оценке отдельных этапов развития колониальной политики.

Нельзя подходить с одним шаблоном к судьбе Грузии и Армении. Здесь замечания товарища Сталина имеют решающее значение по отношению к Украине и Грузии. Но эти указания не нашли своего отображения в отдельных монографиях. Этого сделано не было, и вопрос ставился обще, шаблонно.

Балканы. Я сделал одно замечание о панславистах. При рассмотрении работ Ивана Аксакова и целого ряда других публицистов можно увидеть, в частности, если внимательно прочитать статьи Аксакова, что он стремился объединить славян под эгидой царизма. Эта крайняя концепция, она в известной мере была ответом на агрессивную концепцию «Дранг нах Остен»¹⁵. Одна крайность вызывала другую крайность. Последней не придавали решающего значения в развязывании войн в Европе. Я попутно заметил, что панслависты не являются единственным в своем роде агрессивным явлением, есть более агрессивное явление — «Дранг нах Остен». Затем, нельзя отрицать больших народных связей, существующих между балканскими странами и нашей. Всем известно о существовании политических и культурных связей. Был целый ряд внешнеполитических шагов русской империи, русского народа, русской армии для создания Болгарского государства. Эта сторона дела замалчивается в иностранных учебниках, но этот вопрос нужно было подчеркнуть, что образование Болгарии в самостоятельное государство было во многом всячено с вышеозначенными шагами. Это нужно было показать на основе исторических фактов.

Вопрос польский. У нас в традиционных учебниках, особенно если раскрыть учебники XIX в., то польская революция 1830 и 1831 гг., которую Энгельс называет консервативной революцией, на это обращают меньше внимания¹⁶. Затем — восстание 1863 года. Мы считаем большим достижением завоевание общеславянской демократии, народного движения, что это именно связано с русской демократией. Ленин подчеркивал связь Чернышевского с демократическим движением Польши. И мне представляется, что это движение демократическое и связанное с российским демократизмом. Если взять 1863 год. Крупное шляхетское панство, опираясь на поддержку со стороны Франции и Англии, менее всего было озабочено разрешением внутренних польских народных вопросов. Не секрет, что эти так называемые деятели польские проходили мимо главных коренных вопросов народной жизни Польши. Я предложил несколько подчеркнуть отрицательные моменты антинациональной деятельности панской шляхты.

Наконец, несколько замечаний по поводу пропусков в наших учебных пособиях. Когда мы говорим о «Дранг нах Остен», рассматриваем немец-

ких псов-рыцарей в XII—XIII вв. и дальше — в XIV—XV вв., то как только доходят до XVI—XVIII вв., «Дранг нах Остен» исчезает, исчезает та борьба, которая проводится немецкими феодалами против славян, против России. Изменяется лишь форма. Возьмите публицистику, где и кто больше распространяет легенды о России, об отрицательном влиянии России на Европу? Например, после 1813 г. прусские издательства, прусские либералы издавали целый ряд порочащих, клеветнических брошюр и книг на русский народ. Затем — экономическая борьба, которая продолжалась в течение всего периода XX в. то в форме таможенной войны, то в форме тех или иных нажимов и в насаждении агентуры и разведки. «Дранг нах Остен» не исчезает — он принял другую форму. Это было существенным пробелом наших учебников. Тов. Рубинштейн, в Вашей книге был смазан вопрос о борьбе русской историографии с немецким засилием.

Вывод такой, что без творческой дискуссии, без элементарной добросовестности и без обновления руководства институту трудно будет вести борьбу с вредным влиянием на фронте исторической науки. Нужно добиться такого положения, чтобы люди, чернившие прошлое нашей родины, не действовали безнаказанно на историческом фронте. И уж, во всяком случае, не замалчивались важнейшие указания т. Сталина.

Щ е р б а к о в. Слово имеет т. Аджемян.

А д ж е м я н. Важнейшей вехой в развитии и возмужании нашей исторической науки, как известно, являются краткие руководящие указания о недостатках нашей советской историографии. Речь идет о «Замечаниях» тт. Сталина, Жданова, Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР. Требование рассматривать народы СССР не как пассивный объект исторического процесса, а как активный субъект является огромной важности фактором в деле дальнейшего развития нашей исторической науки. Разумеется, и до этих «Замечаний» наши историки так или иначе старались подчеркивать творческую роль народа в истории. Однако это благое стремление не давало сколько-нибудь верного представления о том, что же понять под самим понятием «народ». Желая выразить творческую роль народа, наша рассудочная, не доходящая до ступени разума историография льнула к образам Разина, Болотникова, Пугачева, Радищева, декабристов и опасалась деяний и значения Дмитрия Донского, Александра Невского, Ивана Грозного, Петра Первого, Суворова и т. д. Почему? Потому, что первые выступали против государства, государственного гнета своего времени, вторые же, наоборот, ратовали за укрепление и возвеличение государства, его мощи, его независимости и суверенности. Первые разрушали, вторые — строили.

При рассудочном понимании исторических процессов легко попасть на ложный след и дойти до джунглей таких диких домыслов, будто народ выступает на арену истории как субъект лишь тогда, когда нужно разрушать, бунтовать, поднимать восстания и мятежи. Ну а когда фельдмаршал Румянцев занимает Берлин, Суворов — Измаил, Ермолов — Дагестан, когда Русь превращается Петром в необъятную империю, а Александр I вступает победителем в Париж? Во всех этих случаях, когда ярче и наиболее поразительно сверкает творческий гений народа-победителя, кровью, трудом и усилиями своими добивающегося возвеличения своей государственности, своей мощи и свободы, наша младенческая, незрелая историческая мысль склонна была видеть лишь козни, а в лучшем случае — подвиги исторических личностей, оторванных от народа, а чаще всего противостоящих народу. Это жестокое заблуждение ныне рассеивается, если не сказать, что вполне рассеялось, и люди, носящие блестящие эполеты, украшенные дорогими парчами, орденами, а иной раз и короной, выступают перед нами из тумана прежних столетий как воплощение народного духа, народной воли, народной мощи, как и народной немощи и бессилия, носителями национальных стремлений и национального самосознания. Иначе говоря, вслед за классиками марксистско-ленинской исторической науки мы, молодые кадры историков, публицистов и писателей, начали осознавать ту

глубокую, трудно постижимую истину, что исторические процессы надо рассматривать в их единстве как некий живой организм, отказываясь от повадок анатома, который волен обращаться со своим объектом исследования всеми острыми средствами резни и рассечений.

Единый монистический взгляд на историю заставил нас, наконец, признать, что понятие народа не противостоит понятию государства, а наоборот, чаще всего является более или менее осознанной целью его, как и реальным его базисом. Величайший монист по линии идеализма Гегель эту правду историй очень ярко сформулировал так: «Самосознание монарха зиждется на монархическом самосознании подданных». Один из наших философов говорил, что это утверждение Гегеля уже устарело в связи с постановлением Центрального Комитета об «Истории философии»¹⁷. Я же считаю как раз то живое, то диалектическое, которое мы признаем за Гегелем, вскрывается как раз в этом, ибо сознание монарха поистине зиждется на монархическом сознании подданных, и как только подданные перестают быть зараженными верноподданническими замыслами по отношению своих монархов, они уже избавляются от самого монарха. Это и подобные утверждения Гегеля дали основания Энгельсу характеризовать его взгляды о соотношении государства и народа словами: «Негодность правительства объясняется и оправдывается негодностью подданных. Тогдашние пруссаки имели такое правительство, какого они заслуживали»¹⁸. Энгельс, по существу солидаризируясь с этими гегелевскими мыслями, развивает их, дает им более отчетливые формы.

Монистическая цельность и неразрывность народа и государства, масс и исторических личностей кажутся на первый взгляд способными нас выбить из классовых позиций, отрешить нас от священного долга рассматривать исторический процесс как борьбу между плебеями и патрициями, крепостными и помещиками, рабочими и капиталистами. На деле же лишь при таком взгляде мы способны понять смысл и значение этой борьбы и степень ее заостренности. И поистине разве можно верно понять, например, историю пугачевского бунта без указанного монистического взгляда единства и взаимообусловленности народа и правителей? Конечно, нетрудно стать на позицию наивной рассудочной историографии и сказать, что царское правительство ничего общего не имело с интересами народа, а потому защитник и вождь народа Пугачев скликал своих орлов народного восстания и, вступив в смертный бой с царскими наймитами, был, увы, побежден в неравном бою. По этой схеме и было написано немало трудов, повестей и поэм. Это было легко и казалось убедительно. При более глубоком взгляде на предмет оказывается, что государство Екатерины II в условиях конца XVIII в. не в такой уж степени было антинародным, а Пугачев, воюющий за «лучшего царя», был не таким уж преданным делу народа вождем.

Сами массы, поднятые им, не могли еще толком понять, за что они взялись за топор, вилы и оружие, и их победа способна была поставить под удар секиры политическую мощь России, могла широко открыть ворота перед иноземными захватчиками и даже на время вывести ее из числа мировых держав в силу отсутствия более достойного, зрелого преемника государства Романовых. Мы миновали пору того детского лепета, когда, сравнивая пугачевщину с декабристами, рассуждали так: «Что же декабристы? Они сами были дворяне, генералы, а вот Пугачев — это был человек из народа». Между тем, при рассмотрении истории как единого процесса нам легко понять, что победа декабристов вывела бы Россию на путь либерального, капиталистического, более прогрессивного развития, ускорила бы темпы прогресса и восхождения России как мировой, благоустроенной державы, тогда как при победе Пугачева Россия повернулась бы в пучину кровавого одичания, а слова самого Емельяна: «Бог наказал Россию через мое окаянство» осуществились бы в гораздо более крупных масштабах.

Единство исторического процесса, не лишая нас возможности классового анализа и классовой направленности, обязывает нас знать пределы достигаемости влияния этого фактора, отдать этой важнейшей движущей

силе должное, но только должное; то есть ни в коем случае не растворять в социальных конфликтах прошлого все богатство и краски исторического многообразия. Такое растворение порождает обилие серой краски, которой расписаны образы, деяния и процессы русской истории М. Н. Покровским в отличие от во много раз более жизненных и потому более правдивых описаний С. Соловьева и В. Ключевского¹⁹. Причем, дело вовсе не в том, что эти последние — таланты большей силы, чем первый, ибо и Покровский не лишен был выдающегося таланта. Дело в том, что он везде проводил социальные разрезы исторических процессов, лишал их той цельности, того единства, которые присущи им и самому субъекту — человеческому обществу, выступающему в виде народности, нации или объединения наций. Представив классы и социальные группы как некие законченные, друг от друга оторванные величины, он проглядел то единство, которое является истинной ареной борьбы этих классовых противоположностей. Методологически это было не что иное, как метафизический взгляд на историю, ибо, как верно замечает Энгельс о метафизическом естествознании, оно есть не что иное, как наука о законченных вещах. Говоря же о заслугах диалектики Гегеля, он отмечает тут же, что благодаря ей естествознание стало наукой о процессах и «о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое».

Мы теперь уже яснее понимаем, что же значит рассматривать исторические процессы и исторический субъект как целое монистически развивающееся единство. Мы подчеркиваем, однако, еще раз, что классовая дифференциация и борьба классов тут не только не устраняется как необходимость и как движущая сила, но, наоборот, это «великое целое» будет достигнуто тем более совершенно, чем классовое расслоение и распри будут полнее представлены и учтены. Энгельс в том же «Людвиге Фейербахе» говорит также о другом виде историографии, где господствует дух единой целостности, но говорит с упреком, ибо это целое не включает в себя борьбу классов. Речь идет о римской историографии. Следовательно, метафизическое рассечение единого целого на части, на горизонтальные слои, при котором легко представлять «верхи» и «низы» общества, — также нужный и необходимый шаг, и, однако, на этом не следует останавливаться.

Процесс развития методологии истории таков, что сначала мы неизбежно имеем замкнутое в себе недифференцированное целое, затем разрозненные и друг от друга оторванные частицы, когда целое было убито и, наконец, победой метода исторического материализма достигается новая ступень развития, когда классовые расслоения и противоречия не убивают единого целостного исторического субъекта, а лишь оживляют его, обогащают его содержание. При таком взгляде на развитие истории как науки оказывается (и этот момент мы должны здесь оттенить с особой силой), что метод подобного классового рассечения общества не есть, строго говоря, то новое, чем вправе гордиться марксизм-ленинизм. В самом деле, выслушаем авторитетного защитника такого классового мировоззрения: «Борьба различных классов наполняет нашу историю», — пишет Франсуа Гизо в книге «Демократия во Франции»²⁰. Еще за год до рождения Энгельса Гизо с похвальной рельефностью и новизной провозглашал тезис о классовом характере развития Франции: «В течение 13 веков Франция заключала в себе два народа: народ победителей и народ побежденных. В течение 13 веков народ побежденных боролся, чтобы сбросить с себя иго народа победителей. Наша история — есть история борьбы». Вполне понятно, что многие из наших советских историков в этом зеркале гизовской, типично буржуазной социологии могут найти и узнать самого себя, не подозревая, однако, что сущность подлинно ленинской исторической науки вовсе не сводится к подобному социологизированию исторического процесса.

Рассекая живой организм прошлых исторических эпох по социальным признакам, иные из наших историков очень часто склонны были множества из деяний и событий минувшего заклеить, очернить лишь на том основании, что эти события и деяния не связаны с трудовыми классами или их вождями. Желчность и нигилизм к прошлому стали признаком хорошего

тона. Душа исторического материализма — историзм — был извращен низменным, брющащим терсидизмом, односторонним отрицанием всего лучшего, светлого, чем изобиловала история наших народов. Краеугольный камень историзма — все, что действительно, то разумно — обходился с большим опасением. Так, росчерком пера расправляясь с «палачами народов», которые при ближайшем рассмотрении часто оказывались проводниками и творцами прогрессивных стремлений истории, рассудочная историография придумывала утешительные антитезы. Она культивировала галерею химерических «революционеров», «борцов за свободу народа», которые противопоставлялись указанным «палачам». В результате картина становилась достойна зрелища если и не богов, то самих историков, умеющих извлечь так много полезного из своих же грубых ошибок и тяжких заблуждений. В частности, взять тех химерических «революционеров», которых придумал Бушуев в лице Шамиля, взять ошибку Панкратовой, которая в лице химерических «революционеров», в лице вождя национально-освободительного движения казахов К. Касымова ²¹ и др. [...] ²².

Это является, с моей точки зрения, извращением исторической истины. Извращением исторической истины является также показ Ермолова, «декабриста-генерала», который сумел покорить Дагестан в пользу дагестанского же народа. Он объявляется палачом народов Кавказа. Сами же горцы никогда не соглашались бы, и сам Шамиль никогда не согласился бы с подобной квалификацией Бушуева. Когда Шамиля спросили, что он хочет видеть в России, он ответил, чтобы представили его Ермолову.

Длительный и болезненный процесс покорения горцев Кавказа Россией как историческая тема долго облюбовывалась рассудочной историографией, а также нашей поэзией, беллетристикой. Горы Кавказа высоки, неприступны и потому легко отказаться от тех связей, от того целого, о которых говорилось выше. Все дело тут легко объясняется двумя или тремя «классовыми» и «национально-освободительными» силами, выступающими в непримиримой борьбе. С одной стороны, «палач азиатских народов» — царская Россия со своими жестокими генералами, тщетно пытающимися покорить свободолюбивых горцев, с другой стороны — беззаветно преданный национально-освободительному движению и независимости своего народа Шамиль — этот талантливый вождь и государственный деятель, воплощающий собой прогрессивные стремления демократических масс горцев. Далее я даю реальную характеристику самого Шамиля как человека, который осуществлял внешнеполитическую программу Турции и внешнеполитическую программу английской дипломатии против России, и утверждаю в своей работе «Историческая сущность кавказского мюридизма» ²³, что, безусловно, Шамиль выполнял реакционную роль в истории и покорении Дагестана, ибо его победа означала бы присоединение Грузии, Армении и Азербайджана к Турции, между тем, как эти народы сами шли к России с просьбой, чтобы эти страны были под эгидой России, чтобы освободиться от гнета Турции и Ирана.

Товарищи, очень важно иметь в виду, и на этом совещании надо поставить вопрос о том, каков основной закон покорения этих народов Россией, то есть покорения и объединения всех наших народов в течение XVIII и XIX столетий. Исторический закон, который мы можем проследить и который в своей работе я постарался доказать, сводится к тому, что чем выше общий культурный уровень, уровень развития цивилизации данного народа, тем охотнее этот народ идет под эгидой России и, наоборот, чем народ более отсталый, чем он более скован азиатчиной, той неподвижностью, которая столетиями угнетала народный дух этих народов, тем он ожесточеннее сопротивляется и не идет любовно под эгиду русского владычества. Этот закон ни в коем случае не нарушается.

Возьмите пример Украины, Грузии, Армении. Эти и в прошлом наиболее культурные народы. Они все, как известно, в лице своих вождей и царей сами льнули, они сами просили и Петра, и Екатерину, и Александра I, чтобы их избавили от того гнета, который довлел над ними веками со стороны Турции и Ирана, по отношению к Украине — Польши. Возьмите

такие страны, как Казахстан, Дагестан, — здесь мы видим совершенно другую картину. Отсталость этих народов давала возможность местным реакционерам, феодалам, опирающимся на помощь со стороны Ирана, Турции и т. д., вести ожесточенную бессмысленную, с точки зрения ведущей исторической линии, той линии, какую Ленин назвал столбовой дорогой исторического развития, политику. Они вели против этой линии ожесточенную бессмысленную войну, которая, конечно, нанесла очень большой ущерб своим народам и своим народным интересам и интересам России в целом. Поэтому я и ставлю вопрос: к чему сводятся требования ленинского понимания истории народов СССР? Эти требования сводятся к тому, чтобы дать отпор метафизическому пониманию субъекта истории.

Но здесь-то и возникает большой и трудно решаемый вопрос. Дело в том, что идеи пролетарской диктатуры, советского строя и бесклассового общества сложились, а затем и воплотились в жизни лишь за последние сто лет, с появлением марксизма. Как же быть с историческими явлениями прошлых столетий, когда народы и классы вели между собой ожесточенную борьбу, не имея понятия о том, что их деяния способствуют или замедляют приближение человечества к бесклассовому обществу? И вот тот же принцип монистического субъекта как цели исторического развития дает разгадку этой проблемы. Пусть нас отделяют от античной Греции целые горные цепи веков, но мы знаем, что без Гомера и Аристотеля не были бы Пушкин и Ленин, как без рабовладельческого строя не мог сложиться феодальный строй, без этого последнего — капиталистический, а далее — социалистический. Мы ясно видим, что от античного мира до нашей великой эпохи вьется генеральный путь, или, как Ленин назвал, столбовая дорога исторического прогресса. Этот путь нам ясно указывает, какие силы способствовали тому, чтобы он был проведен успешно, а какие силы стали поперек его и старались замедлить ход поступательного движения человечества вперед.

В этом свете и нужно расценивать исторические явления и деяния исторических личностей на арене истории народов СССР. Ведь если мы нашими идеалами обязаны даже отдаленным грекам, то как много мы обязаны народу великой Руси и другим братским народам, которые ныне плечом к плечу строят новое величественное здание общечеловеческого содружества в лице новой социалистической формации, способной спасти человечество от того тупика, в который вошел мир в течение этих двух мировых войн. И тут мы ясно видим, что историей суждено нам играть великую освободительную роль, которую мы уже выполняем с того времени, когда наша страна дарила миру своих гениев по линии поэзии, музыки, театра, философии, науки и политики. Мы обязаны ясно осознать, что без чувства глубокого уважения к прошлому мы не можем возбудить в растущих поколениях чувство уважения к настоящему и будущему. Из ничего ничего не бывает, и что-либо бывает из чего-либо. Когда, например, историк Бушуев с легкой руки называет славного декабриста Ермолова «палачом кавказских народов», а т. Панкратова даже в условиях 1944 г. считает возможным солидаризироваться с такой оценкой²⁴, какой же смысл был в том, что горный Кавказ ценой огромных жертв был покорен? Если никакого смысла не было, значит, было историческим безумием все, что случилось вслед за этим: присоединение Армении, Грузии, Азербайджана к России, создание промышленных центров вроде Баку, Батуми. Значит, была права Турция в своем вековом стремлении вновь завладеть Кавказом и правы теперь те пантюркисты и энверисты²⁵, что считают Кавказ, Казахстан своей вотчиной; отнятой Россией.

И вот мы видим, что такие выводы слагаются у тех историков, которые стоят на так называемых позициях классовой борьбы. Тов. Панкратова в указанном выше докладе ясно заявила, что неверно утверждать, что фактор пространства играл свою видную роль в обороне нашей страны, и ссылаясь на опыт мировой войны, когда якобы пространство не играло никакой роли. Спрашивается, зачем в апреле 1944 г. т. Панкратовой понадобилось выступать против значения пространства в нашей обороне, когда

об этом трубят так усердно и так лживо наши враги? А вот почему. Тов. Панкратова в бытность свою в Казахстане создала книгу об истории Казахской ССР, в которой по-старинке очернила русскую завоевательную политику, благодаря которой впоследствии казахи приобрели культуру, литературу, национальный облик. Она расхваливала Касымова и его движение за то, что они упрямо шли против исторически прогрессивного движения России на Восток, что диктовалось как интересами безопасности русской империи с Востока, так и интересами культурного пробуждения казахов, веками прозябавших в цепких когтях азиатской неподвижности. Логика тут ясная. Раз Россия зря залезла в казахские степи, в кавказские горы, значит, она зря гонялась за химерами, и, значит, история России сама есть погоня за призрачными химерическими целями. Такая теория, такая «философия» истории народов СССР также культивируется за рубежом. Марксизм учит, что то, что действительно, — разумно. Тов. Панкратова вступает в схватку с исторической действительностью и клеймит ее осуждением и поношением. Она это делает с полным сознанием своей правоты, ибо считает, что ее право и даже долг — оплевывать русских царей, генералов, наместников и облюбовывать всяких бунтарей, авантюристов, одевая их в тогу национальных освободителей, хотя известно, что в те годы казахи и дагестанцы еще не были нациями.

Где тут логика? Логика тут ясная. Она исходит из принципа классовой борьбы, так ложно ею понятого, и строит свои силлогизмы: раз классовая борьба — значит, надо сочувствовать движению «низов» против «верхов». Кто «низы»? — Казахи! Кто «верхи»? — Представители русской империи.

Нам же надо отказаться от подобной ложной трактовки сущности ленинизма и исходить из интересов Советского государства, советского народа. Это и есть тот монистический целостный, неразрывный субъект, который достоин чести быть критерием исторической истины. Подойдя с этим критерием, мы поймем, что борьба за пространственный максимум была велением мудрого инстинкта самосохранения русской нации и державы, и это веление привело Россию к гигантским территориальным завоеваниям благодаря тому, что национальные интересы России совпали с интересами казахов, узбеков, бурят-монголов, азербайджанцев, грузин, армян, горцев и т. д. Если бы не это совпадение, Россия не достигла бы ничего и стала бы объектом ненависти, а не субъектом той силы, которая привела нас к изумительным историческим результатам, воспетым нашим гимном: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь».

Процесс этого сплочения не прошел плавно. Англия, Турция, Иран, затем Шамиль, Касымов позаботились об этом. Но ныне уже ясно, что все эти оппозиционные силы выполняли реакционное дело. Тут цитаты от Маркса и Энгельса о Шамиле не помогут, ибо знание России не составляло сильную сторону этих наших учителей. Главное, они не учли и не могли учесть, что Россия не есть проселочная тропа по отношению к столбовой дорожке мировой истории, а наоборот, ей-то и принадлежит высокая честь составлять своей историей последнюю фазу этого великого тракта. Некоторое пренебрежение к славянам чувствовалось даже в их трудах. Это отчасти надо объяснить тем, что славяне, в частности, в России, не были тем, чем они стали с конца XIX и в начале XX века. Именно в это время Россия созрела для обновления, а царский режим прогнул и превратился в реакционную силу, а преемник наследия новой России партия Ленина—Сталина выросла в невиданную творческую, волевою и разумную силу. Все наши крепкие эпитеты о России как тюрьме народов, цари которой — палачи народа, изверги, кретины и т. д., — все это очень гармонирует с Россией этого периода, то есть конца XIX и начала XX в., и начинает терять свою силу, когда мы спускаемся по ступеням в первую половину XIX в. или во вторую половину XVIII века. Поэтому я здесь выдвигаю тезис — вести эту демаркационную линию, чтобы верно употреблять эти эпитеты. Здесь есть ясный критерий — готовность нового наследника взять кормило новой власти огромной державы и вести ее по новому курсу. Это привелось лишь в конце XIX столетия и осуществилось в 1917 году.

Товарищи, я старался доказать, что взгляды мои не суть грибы, выросшие на почве конъюнктурных условий, а вытекают от субстанционального духа ленинизма. Это не значит, что нет уродливых примеров шархания от вульгарно-социологической историографии в другую крайность — идеализацию царей или всех деяний многих из них, даже достойных царей, что тоже непозволительно. Критическое оружие никогда не должно ржаветь, но критика не должна быть, как бывало, в стиле Собакевича. Мне одно ясно, что мы должны отбросить болтовню о том, что новые веяния в истории вызваны желанием угодить нашим союзникам, угодить существующим условиям времени. Это заблуждение или злой умысел. Эти веяния вытекают из священных интересов Советского Союза, и против этого могут возражать лишь те, которые связаны со старыми ошибками, различными трудами, выступлениями, от которых им не хочется без боя отрешиться. Пожелаем, чтобы они с боем, но все-таки отреклись.

Панкратова. Товарищи, я хочу прежде всего выразить самую искреннюю благодарность ЦК ВКП(б), который в такое трудное время, в напряженных заботах по организации победы в Великой отечественной войне нашел возможность созвать нас, историков, и выслушать наши сомнения, вопросы, недоумения, даже когда они излагаются с такой откровенностью, какая была только что продемонстрирована т. Аджемяном. Всем присутствующим историкам известно, что у некоторых товарищей, действительно, имеются и сомнения, и новые вопросы, которые нас волнуют. Поэтому нам крайне необходимы совет и помощь партии, чтобы мы могли успешно развернуть нашу ответственную и почетную работу по воспитанию молодых поколений в духе советского патриотизма. Мы стремимся писать книги и читать наши лекции по истории СССР с уверенностью в том, что мы делаем эту работу так, как это нужно, то есть в интересах нашего великого народа и прежде всего в интересах нашей победы над злейшим врагом человечества — фашизмом.

Мы не раз уже имели со стороны ЦК нашей партии указания, помощь и внимание, облегчавшие нашу ориентировку в самых трудных и сложных исторических проблемах. Эту помощь мы всегда воспринимали с огромным энтузиазмом и благодарностью. Каждое указание руководителей партии, каждое их выступление по вопросам истории, каждое их критическое замечание по общим или конкретным историческим проблемам поднимало нашу советскую историческую науку на высшую ступень, обогащая теоретически каждого из нас в отдельности и всех вместе, вооружая нас методологией творческого марксизма. Последнее решение Центрального Комитета партии по III т. «Истории философии», содержание которого опубликовано в журнале «Большевик» в статье «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX веков», конечно, относится не только к философам, но также и к нам, советским историкам. Я уже не говорю о том, что реакционные стороны и отрывки гегельянства, которые были сейчас продемонстрированы в выступлении т. Аджемяна, оказывали в прошлом известное влияние на развитие исторической науки. Самый факт, что ЦК предостерегает нас от того некритического и даже апологетического отношения к философии Гегеля, какое было широко распространено в наших рядах, несомненно, имеет большое творческое значение.

Как известно, Гегель оказал большое влияние на русскую историографию XIX в. начиная от знаменитого русского историка Соловьева, исторические концепции которого во многом опирались на классическую немецкую философию, и кончая Ключевским и его школой. Гегельянство оказывало немалое и во многих отношениях благотворное влияние на общественно-исторические взгляды западников и русских просветителей, хотя они и не всё принимали у Гегеля. Известно, что Белинский, не совсем разобравшись в гегелевской формуле, что всё действительное разумно, с большой страстностью отказался от философской концепции Гегеля. Надо также подчеркнуть, что уже наши русские философы, в частности Герцен и Белинский, сумели за многими сильными сторонами гегелевской

диалектики разглядеть также и недостатки идеалистических позиций Гегеля. Эти и другие представители русской философии уже пытались соединить диалектику Гегеля с материализмом Фейербаха. Вместе с тем можно констатировать, что ряд представителей исторической науки в России заимствовал от Гегеля не только положительные, но и реакционные стороны его историко-философской концепции. В частности, под влиянием реакционных сторон этой концепции находилась так называемая русская государственная школа историографии с Чичериным во главе²⁶. Эта «школа» и ее продолжатели усвоили от Гегеля и свои взгляды на государство как на творца истории, и свое непонимание роли народных масс в историческом процессе. Гегелевское понимание связи государства и народа в известной мере было сегодня вновь отражено и в выступлении т. Аджемяна, хотя он и старался внести в это понимание некоторые «поправки» и оговорки. Чичерин, например, писал: «Государство есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность, которая выражается преимущественно в единстве языка, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом» (Чичерин Б. Н. «Опыты по истории русского права», стр. 369).

Историки-«государственники» подчеркивали, что в России государство организовалось сверху действиями правительств, а не самостоятельными усилиями народа. Они изображали русское государство как некую независимую, самодовлеющую, надклассовую силу — организатора русской истории. Разве не принадлежит по своей методологии к таким буржуазно-историческим концепциям трактовка проф. Сыромятниковым петровского абсолютизма как надклассового государства? Разве не примыкают к этой концепции слышанные нами здесь рассуждения Аджемяна о том, что государство и народ — одно и то же, или всем известная концепция чл.-корр. Яковлева о том, что «русская императорская власть» представляла и защищала интересы русского народа? Мне нет надобности останавливаться на разборе политического смысла этого рода концепции о происхождении и роли государства. Их давно и глубоко раскрыли и показали основоположники марксизма-ленинизма Маркс и Энгельс и их великие продолжатели Ленин и Сталин. Мы не обратились бы к этим, казалось бы, давно преодоленным теоретическим ошибкам в понимании вопроса о государстве, его классовой сущности и исторической роли, если бы во время Отечественной войны некоторые наши историки, не поняв и не усвоив сущности Советского государства, принципиальных отличий и основ советского строя, роли народных масс в истории и в особенности роли Великой октябрьской революции и диктатуры пролетариата в борьбе за социализм, не попытались бы провести прямую линию преемственности от старого дворянско-буржуазного государства в России к Советскому социалистическому государству.

Мне кажется, что это — основная теоретическая ошибка тех наших историков, которые не вполне преодолели идеалистические концепции старой историографии или недостаточно овладели марксизмом-ленинизмом. Отсюда и проистекает неправильный подход к вопросу о роли царизма в русской истории на разных этапах его развития. В ряде лекций, устных выступлений, статей и даже книг разных авторов мы имеем идеи, близкие по существу, хотя и не столь открыто сформулированные. Сближение русского государства дооктябрьского периода, особенно его внешнеполитических задач и целей, с Советским государством вытекает у ряда историков, возможно, из самых лучших субъективных побуждений, из намерений самого патриотического характера. И все же — это серьезная ошибка не только теоретическая, но и политическая. Воскрешая некоторые гегельянские представления о роли государства в истории и о взаимоотношениях народа и государства, наши историки становятся на антиисторический, антимарксистский путь в подходе к историческому процессу. Они прежде всего выхолащивают действительное классовое содержание исторического процесса, различное на разных этапах истории. Известно также, что история народных движений, как и история отдельных народов, входивших в состав

России, не получила широкого отражения в исторической концепции школы «государственников». Борьбе угнетенных классов, крестьянским движениям, национально-освободительным восстаниям и т. п. совершенно не отводилось места у тех русских историков, которые находились под влиянием гегелевской истории философии. В крайнем случае, эти массовые движения вызывали резкое осуждение, а их вожди представлялись как настоящие разрушители государства, как дикари, как регрессивные силы в истории. Сегодня все это говорил и наш «гегельянец» т. Аджемьян.

Несостоятельность этой стороны гегелевской философии истории была раскрыта еще в «Святом семействе»²⁷, где Маркс показал антиисторизм идеалистических представлений Гегеля об общественном развитии. «В философии истории Гегеля — писал Маркс, — как и в его натурфилософии, сын порождает мать, дух — природу, христианская религия — язычество, результат — начало»²⁸. Гегель, в вопросах истории стоявший на позициях идеалистической философии, не сумел возвыситься до понимания подлинно исторической роли и значения народных масс в истории. В решении Центрального Комитета партии подчеркнуто, что авторы, работавшие над III т. «Истории философии», обошли молчанием эти реакционные рассуждения Гегеля, который возвеличивал государство как земно-божественное существо. «Настойчиво защищая реакционный тип государства, — говорится в постановлении, — Гегель подчеркивает божественный суверенитет монарха и бесправие народа». В «Философии права»²⁹ Гегель пишет, что народ — это не что иное, как «бесформенная масса», действия которой «стихийны, неразумны, дики и ужасны» (стр. 328). В постановлении ЦК отмечено также, что «авторы III тома обходят молчанием и тезис Гегеля о необходимости систематической колонизации других народов», что они не раскритиковали реакционные суждения Гегеля о славянских народах, и т. п. Все эти указания ЦК партии имеют к нам самое ближайшее отношение, тем более, что все эти реакционные идеи просачиваются и в нашу советскую историографию.

Ведь не случайно, товарищи, среди некоторых наших историков имеются наряду с апологетическим изображением старого русского государства и его основных деятелей, независимо от того, к какому бы периоду они ни относились, какую бы эпоху они ни представляли, с какими бы конкретными программами они не выступали, тенденции опорочить или даже отрицать роль народных масс как движущей силы истории. Движение народных масс, их материальные интересы, их историческая борьба с эксплуататорами представляется как стихийная, слепая и страшная в своей разрушительности сила. Вот передо мной лежит лекция проф. Смирнова Павла Петровича³⁰, которую мне прислали из Историко-архивного института для рецензирования. Лекция посвящается Богдану Хмельницкому, одному из героев национально-освободительного движения на Украине, имени которого посвящен сейчас орден, увенчивающий подвиги наших лучших полководцев³¹. Как изображен Хмельницкий в этой лекции? Как изображены народные массы, которые идут за Хмельницким? Примерно так же, как изображают народные движения и т. Аджемьян, когда он говорит о «кровавом одичании» Пугачева или Шамиля, и проф. Яковлев, когда он пренебрежительно трактует восстания казаков как нападения, и акад. Тарле, когда он в одной из своих лекций изображает восстания казаков как действия «врага, стремившегося к расчленению России».

Вот что говорит проф. Смирнов о крестьянской войне на Украине против польских панов и украинских помещиков: «По всей Украине гулом разнеслись эти победы, и всюду в результате движения казаков (ведь вы помните, что Хмельницкий писал прокламации, в которых обращался к казакам с призывом защищать свои погранные права) начали подниматься крестьяне, холопы, всюду начались нападения на помещичьи замки, палаццо, жгли их, захватывали панов, их жен и детей, ксендзов и евреев и пр. Началось что-то грандиозно-страшное. Началась настоящая крестьянская война, у которой сейчас же выдвинулись свои вожди, среди них особенно выделялся Перебийнос, или Кривonos, и др. Эти вожди

действовали и там, где Хмельницкого не было, и там, где он был недалеко. Например, в Заднепровье на левом берегу, где были владения главным образом Иеремии Вишневецкого³², пылала страшная крестьянская война. «И далее: Что нужно было делать с ними? Кто же будет работать на земле не только тех панов, которые начали возвращаться и начали розыск, но и на землях самих казаков? И Хмельницкий начинает «загонять холопов до плуга» и стал требовать, чтобы с крестьянской войной было покончено. А она, между тем, продолжала бушевать по-прежнему. Крестьяне не слагают оружия, и страшные жестокости продолжаются. На Подолье во главе крестьян стоит Кривонос, у которого было до 80 тыс. человек, Харченко и др. Они захватывали местечки, жгли их, вырезали евреев. У евреев есть в календаре день скорби, который установлен в память этой крестьянской войны... Хмельницкий издал наказ казнить смертью атаманов, и он действительно карает их смертью. Он заставляет крестьян идти в послушество».

Проф. Смирнов из этой мрачно нарисованной им картины делает два неверных и немарксистских вывода. Первый — что польская война явилась только ответом на эту «страшную крестьянскую войну», и второй — что под влиянием этой крестьянской войны Хмельницкий превратился в народного врага и изменника, искавшего случая и возможности продать Украину одному из соседних государств. И вот Богдан Хмельницкий, метавшийся между Россией, Швецией и Польшей, в припадке опьянения, случайно, а не сознательно, решает присоединиться к России с намерением при случае обмануть ее. Разве это действительно объективное изображение национально-освободительного движения на Украине? Конечно, нет.

Возьмем другой пример, не менее ярко иллюстрирующий непонимание роли русского государства и народных масс в истории. Я имею в виду книгу чл.-корр. Академии наук А. И. Яковлева, по явному недоразумению получившую Сталинскую премию. Его книга «Холопы» (я беру на себя смелость это сказать, хотя не являюсь специалистом в этой области) не только не является марксистской, но и не является патриотической книгой. Написанная с позиций формально-юридической школы, книга рассматривает холопство вне всякой связи с общим процессом развития общества и изменениями в положении отдельных классов, антиисторически отождествляя феодално-крепостную и рабовладельческую систему. Русское государство по существу представляется в книге «холопским царством». Холопы-рабы — основная производительная сила Московского государства. «На холопах, — пишет автор, — не только строилось все хозяйство князей и бояр удельного времени, но при их же обязательной помощи функционировал домашний обиход князя и боярина, действовала административная и судебная власть русских феодалов» («Холопы», стр. 24). В результате этого «похолопления» (термин А. И. Яковлева) и произошло создание русского национального государства, которое в своей основе «холопское» (по Яковлеву, холоп — это видоизмененное слово «славянин», а это понятие автор сводит к немецкому слову «Sclaven» — раб). Помимо того, что специалисты-лингвисты целиком отвергают какую бы то ни было научную основательность лингвистических упражнений проф. Яковлева, допустимо ли столь легкомысленно «подкреплять» общеизвестные теории немецко-фашистских лжеученых о том, что славяне — это рабы по происхождению и по положению в общественном развитии? Как могла эта книга без всякого обсуждения советской общественностью получить Сталинскую премию?

Я привела только некоторые примеры, свидетельствующие о том, что у нас далеко не все историки, называющие себя марксистами, овладели марксистско-ленинской методологией. С другой стороны, эти примеры говорят о том, что советские историки не всегда подходят к историческим вопросам с той ответственностью, которую на них возлагает наша эпоха Великой Отечественной войны. Я считаю, например, не только теоретически ошибочной, но и политически вредной лекцию акад. Тарле на тему: «О роли территориального расширения России в XIX веке»³³. Как известно, это публичное выступление акад. Тарле в Саратове вызвало чрезвычайно большое волнение среди наших историков и особенно среди преподавателей

и студентов. В своих лекциях в Саратове акад. Тарле решил пересмотреть два основных положения, подчеркнутых в «Замечаниях» тт. Сталина, Кирова, Жданова: во-первых, положение о том, что царская Россия была «тюрьмой народов» и, во-вторых, положение, что царизм на определенном историческом этапе играл роль «жандарма Европы».

Поскольку мне в моем кратком выступлении нужно остановиться еще на книге по истории Казахской ССР, в редактировании которой я принимала участие, я хотела бы остановиться именно на первом положении. Здесь т. Аджемян указывал на то, что я, якобы, отвергала положение о том, что фактор пространства играет большую роль в условиях обороны государства. Это, конечно, неверно. Элементарное знание военной истории подтверждает роль этого фактора. Но, разумеется, я не могу согласиться с теми тезисами, которые выдвинул акад. Тарле в своем докладе «О роли территориального расширения России в конце XIX и начале XX века». Свою основную политическую и принципиальную позицию оправдания всей колониальной и внешней политики царизма акад. Тарле пытается объяснить, якобы, диалектикой: «Диалектика, — говорил он, — требует, чтобы мы смотрели на историю с точки зрения 1944 года». Я не говорю уже о том, что это — самое откровенное возрождение тезиса Покровского об истории как политике, опрокинутой в прошлое. Но и по существу, кроме вреда, такая «установка» ничего принести нам не может. Акад. Тарле аргументирует свое оправдание царской захватнической политики тем, что теперь нас, якобы, спасли пространства: «Если сейчас, — говорил он в этой лекции, — мы начинаем побеждать этого мерзкого врага, который на нас напал, то один из факторов этой победы заключается в этой громадной территории, — это один из моментов, который сейчас является одним из спасающих нас факторов. Говорить об этом факторе, о тех, кто создал этот фактор, как о каком-то недоразумении... совершенно не приходится».

Я должна оговориться, что стенограмма, которую я процитировала, автором не правлена. Может быть, т. Тарле мог бы исправить эту стенограмму в данном месте. Но я должна сказать, что это не отдельное место, а все содержание лекции в этом. Здесь исправлять трудно, так как вся лекция отвечает на вопрос о том, что СССР ныне спасли пространства, завоеванные царизмом. По этому докладу, между прочим, на заседании ученого совета Ленинградского университета была принята резолюция: принять его доклад к руководству как последнее слово советской исторической науки, как дальнейшее развитие творческого марксизма в истории. Было предложено на кафедрах обсудить этот доклад и соответствующим образом изменить программу. Я вновь хочу подчеркнуть громадную ответственность наших выступлений. Когда товарищи выступают и говорят, что первым фактором наших побед является не советский строй, а то, что царская Россия завоевала обширные пространства, а т. Аджемян договорился даже, что борьба за пространственный максимум была исторической прогрессивной задачей царской России, то я вновь и вновь хочу напомнить о политической ответственности наших выступлений. Где же у Вас граница «пространственного максимума», т. Аджемян? Не свернете ли Вы к Милюкову³⁴, который говорил о «естественных границах» России, которых никто не мог определить? И не пахнет ли от этих ненужных разговоров о «пространствах» дурным запахом всяких «теорий» о «жизненном пространстве», «восточно-азиатском пространстве» и т. п.?

Конечно, фактор пространства в обороне, о котором говорили, касаясь внешней политики России, Маркс и Энгельс, имеет большое значение. Но мы с вами, анализируя источники военной мощи нашего Советского государства, все же исходим не из этого фактора. В своей, как и всегда, очень простой, но очень глубокой содержательной статье о могуществе Советского государства³⁵ М. И. Калинин также отметил фактор пространства. Но как он этот вопрос поставил? Во-первых, он совершенно правильно самый фактор пространства взял в совокупности условий и исторических, и классовых, и естественных, то есть тех огромных ресурсов, которые открыло и использовало Советское государство. (Щербakov. Он прежде всего

берет советскую власть.) Совершенно верно. Вот с этого и начинается М. И. Калинин. Он выясняет могущество Советского государства, определяя условия, характеризующие советский строй как главный фактор в деле организации нашей победы. А что делает акад. Тарле? Разве есть хоть один намек во всей его стенограмме на роль советской власти, советского строя, рабочего класса или партии как организатора наших побед? Этого ничего нет. Он довольно решительно прошелся по всей нашей стране от Востока до Запада и решительно заявил о необходимости реабилитации колониальных захватов русского царизма, во-первых, потому, что под сталинской Конституцией народам жить стало лучше, чем когда бы то ни было раньше, и, во-вторых, потому, что русскому народу были нужны обширные пространства.

Я совершенно не принадлежу к тем историкам, которые считают, что в политике расширения русского государства нельзя видеть никаких прогрессивных моментов или факторов. Свои мысли я высказала в статье в «Правду» под названием «Великая Русь».

Я не знаю, почему редактор, написавший мне, что статья его удовлетворяет, тем не менее эту статью не только не поместил, но даже не предложил мне над ней поработать, если в чем-нибудь она требует переработки. Мне не было даже сказано, что в этой статье правильно и что неправильно. А между тем, я считала своим долгом как коммунист-историк разъяснить, как надо понимать вопрос о территориальном расширении России в определенных исторических условиях, когда складывалось русское национальное и затем многонациональное государство, имевшее на Востоке Европы свои особенности. Отмечая прогрессивность на определенных этапах борьбы за укрепление своих границ, я, во-первых, нисколько не реабилитировала политики царизма, а во-вторых, я решительно отказалась трактовать Советское государство как продолжение дооктябрьского. «Союз нерушимый республик свободных» явился не продолжением, а отрицанием «единой, неделимой» России — вернее, прочное единство СССР выросло в результате разрушения царской России как «тюрьмы народов». Вот почему мне кажутся не только спорными, но и вредными установки лекций акад. Тарле, особенно в части, касающейся Польши и Финляндии. Я думаю, что такие установки не помогают, а затрудняют нашу внешнеполитическую борьбу.

Перехожу к истории Казахской ССР. Я считаю неправильным и политически ошибочным оценку этой книги как антирусской на том основании, что в ней отрицательно охарактеризована колониальная политика русского царизма. Прежде всего, к Вашему сведению, т. Бушуев, «История Казахской ССР» была написана по предварительному плану и с предварительным обсуждением всех принципиальных вопросов. Вот у меня письмо к секретарям ЦК КП(б) Казахстана, где изложены важнейшие принципиальные положения и методологические установки, которые легли в основу этой книги ³⁶. (Бушуев. Но мы не знали об этом ничего.)

Прежде чем эта книга была написана, все эти вопросы были обсуждены в ЦК КП(б)К. Копию этого письма мы послали в Отдел пропаганды ЦК ВКП(б). Никаких возражений по существу тех концепций, которые мы в этой книге собирались излагать, не было, и мы считали, что мы подходим к вопросам изучения истории Казахстана правильно. Трудности были большие. Во-первых, это первая в нашей стране работа по истории национальных республик. Все другие работы такого рода еще пишутся. Во-вторых, и по истории Казахстана не было достаточного количества разработанных материалов и источников. Затем т. Бушуев, заявивший здесь об ошибках «Истории Казахской ССР», обвинивший ее в антирусском направлении, должен был бы привести хотя бы один факт или какие-нибудь конкретные материалы для доказательства этих оценок. Без этого трудно возражать по существу. Поэтому при всем желании поскорее исправить книгу мы не имеем для этого никаких конкретных замечаний. С единственной отрицательной (и то только в оценке царских колонизаторов) рецензией А. И. Яковлева мы принципиально согласиться не можем ³⁷.

Я должна оговориться, что ни в коей мере я не считаю, что книга по истории Казахской ССР — во всех своих частях полноценно доработанная книга. Я не считаю, что ей нужно присудить Сталинскую премию. Я об этом говорила еще в Казахстане и здесь, в Москве. Но я считаю, что возражения, которые делались до сих пор, идут не с тех позиций, которые помогли бы авторам улучшить и исправить эту книгу. Мы закончили ее весной 1943 года. Тов. Бушуев спрашивает, почему эта книга была напечатана быстро, в то время, как другие книги лежат годами. Эту книгу писали, редактировали, печатали и издавали сами казахские товарищи. Когда наш институт очутился в Казахстане и Узбекистане, мы, конечно, считали своей обязанностью, прямым партийным долгом придти на помощь казахам и узбекам в создании их национальной истории. Казахи уже лет 10 работали над историей Казахстана. Два института — Казахский институт истории, литературы, языка и письменности и Казахский институт Маркса—Энгельса—Ленина — проделали очень большую предварительную работу: изучали источники — арабские, восточные, китайские, собирали архивные материалы, изучали фольклор и т. п. Мне нужно было только помочь товарищам этот материал, собранный огромным количеством историков, объединить, продумать и дать ему правильное марксистско-ленинское направление. В октябре 1941 г. книгу начали писать. Предварительно составили проспект. В 1942 г., когда я приехала, основные части книги были уже написаны.

Было очень много спорных и трудных вопросов. Прежде всего и Б. Д. Греков по своей части и я по своей пытались показать взаимоотношения между Казахстаном и Россией в той мере, в какой по материалам и источникам я могла это сделать. Второй момент. Нам казалось очень важным выяснить, что в истории казахского народа есть принципиальный рубеж, и что этим рубежом является победа Октябрьской социалистической революции, которая возродила казахский народ как нацию, ибо до победы Октябрьской социалистической революции казахский народ не мог сложиться в нацию. Октябрьская революция помогла создать его государственность и ликвидировать его отсталость. В результате Октябрьской революции и победы социализма в СССР произошел тот исторический скачок, который Казахстан прошел в своем развитии от патриархально-феодального строя к социалистическому, минуя капитализм. Обращая особенное внимание на советский период истории казахского народа, мы имели в виду показать ему, что он всем обязан советской власти, нашей большевистской партии, нашему великому русскому народу. Эту задачу мы, в той или иной мере, выполнили. Никто из товарищей не говорил, что советский период написан не так, как нужно. Но была и другая задача. Мы писали эту книгу в условиях самого напряженного времени — в 1941—1942 годах. Немцы доходили до Кавказа и до Сталинграда — недалеко от заволжских степей Казахстана. Нужно было поднять народ на защиту своей советской родины, показать, что казахи имеют боевые традиции борьбы за независимость, за свободу. Казахи воевали неплохо и под Москвой, и под Ленинградом, и под Сталинградом. Мы хотели показать, что Великая Отечественная война укрепила дружбу народов в горниле совместной борьбы против захватчиков. Борьба против захватчиков за независимость и свободу очень ярко проявлялась в истории казахского народа, отражаясь и в его эпосе, в его литературе, в его песне. Стремясь подчеркнуть боевые героические традиции казахов, мы показали их отражение и в истории, и в литературе. Может быть, здесь мы кое в чем перегнули? Сейчас готовится в Казахстане издание на казахском языке. При дальнейшей работе над редакцией текста я постараюсь внести необходимые уточнения и поправки.

Третий вопрос, который очень важно разъяснить, касается принципиальной оценки истории колониального завоевания Казахстана. По этому вопросу среди историков-казахов было очень много сомнений, шатаний и самых противоположных позиций. Стремясь подойти к вопросу о колонизации по-марксистски, то есть объективно, конкретно и всесторонне, мы считали для себя обязательным сохранить классовый подход, без которого мы не можем обойтись в истории. Чл.-корр. Яковлев в своей рецензии, как

и акад. Тарле в своей лекции, утверждают, что русский царизм и его чиновники-колонизаторы были не только защитниками интересов русского народа, но что они несли и казахам (и другим завоеванным народам) прогресс и высокую культуру. Но последнее — объективный результат, а не политика царизма в отношении угнетенных народов. Я привыкла понимать оценки Ленина—Сталина, которых я изучаю непрерывно, таким образом, что колониально-национальная политика русского царизма отражала интересы господствующего класса русских крепостников-феодалов и что сблизить интересы русского царизма и народа (тем более, в XIX в., когда за свержение царизма боролись все лучшие люди русской нации) нельзя. Конечно, нельзя рисовать одной черной краской (мне при редактировании пришлось многое выбросить из того, что было написано, — ведь писали книгу 33 автора), но я не могла позволить себе исказить или фальсифицировать исторические факты и документы.

В этом вопросе, как и во всех, самая лучшая позиция — это марксистско-ленинская позиция, требующая объективного и всестороннего анализа и классового подхода (а борьбу классов в истории, конечно, нельзя отрывать от диктатуры пролетариата, как это делает т. Аджемьян). Стоя на этой позиции, мы стремились показать, что царизм был угнетательской силой не только в отношении казахов, но и русских, и что против этой силы русский и казахский народ выступали совместно. Они сокрушили общего врага — царизм, когда во главе общедемократической борьбы встал русский пролетариат, создавший новое по типу Советское государство и укрепивший ту дружбу народов, которая привела эти народы к национальному расцвету. Некоторые товарищи, возражая против этой книги, говорят нам: «Зачем вы так много отводите места национальным восстаниям?» Это неправильная и неправомерная постановка вопроса. У соседей казахов, узбеков, в течение XIX в. вплоть до Андиганского восстания³⁸, почти не было восстаний, а казахи восставали непрерывно. Нельзя же, чтобы все народы действовали по какой-то норме, нами установленной. Мы берем исторические конкретные факты и должны их объяснить, выяснить, почему здесь так было, а не фальсифицировать историю. Вопрос, ведь, заключается не в том, сколько было восстаний, много или мало, а в том, чтобы подойти к каждому восстанию конкретно, с точки зрения его движущих сил, целей и результатов. Мы и старались так подходить, выясняя антиколониальный или антифеодальный характер каждого из них. Например, восстание Исатай Тайманова³⁹ носило гораздо более характер крестьянской войны, а восстание Кенесары Касымова, продолжавшееся почти 10 лет, с 1837 по 1847 г., было движением политическим, направленным против русского царизма, за объединение казахов, за сохранение их независимости и самостоятельности.

Совершенно невозможно, не отказываясь от элементарнейших требований марксизма-ленинизма по вопросам национально-колониальной политики, осудить заранее все восстания какого бы то ни было народа только потому, что конечный результат этих восстаний был неудачным, или что в общем итоге присоединение той или другой страны к России было объективно прогрессивным. Тем более неправильно осуждать восстания угнетенных народов против царизма на том основании, что сейчас эти народы живут под солнцем сталинской конституции. Ленин и Сталин постоянно и многократно указывали, что колониальные захваты диктовались классовыми интересами царизма как военно-феодального империализма. Сохранение крепостнических отношений в центре России не давало возможности обеспечить достаточно емкий рынок для растущей капиталистической промышленности. Вот почему в развитии капитализма наметились две тенденции — развитие вглубь и развитие вширь. Процесс колонизации окраин надо рассматривать конкретно и оценивать исторически каждый его этап. Я согласна, что, например, колонизация незаселенных окраин Сибири, Поволжья и Казахстана было исторически прогрессивным делом. Но я не могу понять, почему на этом основании товарищи приходят к выводу, что царская Россия не была «тюрьмой народов».

Возьмем конкретную историю Казахстана. После того, как в течение

150 лет казахский народ борется за свою независимость и политическую самостоятельность, присоединение Казахстана к России стало фактом. Разве этот факт оценен в книге отрицательно? Ничего подобного. И во всей книге, и в специальной главе о колонизации Казахстана показано, что этот факт имел объективно прогрессивное значение. Вопреки намерениям русского царизма, искусственно тормозившего развитие капитализма и сохранявшего патриархально-феодалные отношения на окраинах, развитие капитализма вширь происходило. В результате Казахстан, как и другие окраины, втягивался в орбиту влияния России, происходило разложение патриархально-феодалных отношений, ускорялся переход от кочевого образа жизни к оседлому, росла социальная дифференциация казахского аула — выделялась крестьянская казахская беднота, казахские баи и феодалы переходили на сторону царизма, создавалась возможность выделения элементов прогрессивно-демократических и затем — пролетарских.

Эти элементы росли и вместе с демократическими слоями русского народа, а затем при участии пролетариата, под руководством его революционной партии стали объединяться для борьбы против царизма и империализма. Разве не есть основное требование марксизма — всестороннее, объективное и конкретное изучение какого-нибудь исторического процесса? Без изучения всех сторон процесса колонизации — экономической, социальной, политической, культурной — я не представляю себе, и никто из товарищей мне не сказал, что это неверно, как же надо подходить к вопросу оценки колонизации. Некоторые товарищи говорят, что в книге недостаточно изображена прогрессивная сторона русской колонизации в Казахстане. Возможно, что дальнейшее изучение источников позволит конкретизировать и расширить картину. Русскую колонизацию надо на разных этапах конкретно рассматривать. Не нужно забывать, что русские колонизаторы были разные: и военные, и чиновники, и кулаки, и бедняки-переселенцы, и ссыльные рабочие. В нашей книге делается попытка показать различную роль различных социальных групп русской колонизации. В дальнейшем, очевидно, надо еще более уточнить их роль.

Некоторые товарищи считают, что мы должны были в отношении истории Казахстана применить так называемую теорию наименьшего зла. Я должна сказать, что в 1939 г. наш покойный друг Е. М. Ярославский, которого мы очень ценили, который много помогал нам в нашей работе в области истории, на заседании Академии наук сделал доклад по ряду методологических вопросов истории. В этом докладе он очень резко выступал против применения оценки «наименьшего зла» решительно ко всем колониальным окраинам. Тов. Ярославский подчеркивал, что это означало бы создание какой-то специальной «теории наименьшего зла», то есть какой-то новой универсальной отмычки, вроде тех, какие были у Покровского. Такого рода «теория» не изучает конкретно каждую колониальную окраину, а заставляет подходить к изучению с заранее предвзятыми схемами, идеями и оценками. Он показал также, что «теория наименьшего зла», в частности, по отношению к Казахстану, неправильна. Тов. Ярославский возражал покойному т. Шестакову⁴⁰, который в одной из статей по истории Казахстана применил «теорию наименьшего зла», указывая, что применение этой «теории» очень легко может привести к оправданию колониальной политики русского царизма и к отказу от основной характеристики царской России как «тюрьмы народов».

Но все же мы постарались к вопросу о «наименьшем зле» в отношении Казахстана подойти с конкретным материалом. Товарищи, которые работали над этими главами, в частности Якунин, Дружинин, Зутис, Вяткин, Бекмаханов⁴¹, собрали и изучили материал конкретного характера, чтобы выяснить, была ли такая же перед казахским народом альтернатива, какая стояла в XVIII в. перед Грузией и в XVII в. перед Украиной. Те конкретные материалы, с которыми нас знакомили авторы, показали, что достаточных оснований для того, чтобы оценивать присоединение Казахстана как «наименьшее зло», в нашем распоряжении не было. (Щербakov. Нельзя ли рассказать об этих материалах?) Я бы попросила по вопросу об истории

Казахстана устроить специальное совещание авторов этой книги. Этих материалов я сейчас не имею. Между прочим, Бекмаханов, Сауранбаев, Миллер⁴², Зутис и др. изучали международную обстановку, в какой развивался Казахстан в XVIII—XIX веках. Они рассмотрели три страны — Китай, Коканд и затем возможную перспективу — Англию. В отношении Китая общий вывод был такой, что к концу XIX в. положение в Китае было таково[...] ⁴³. (Щербakov. В 1730 г. Абулхайр присоединил Казахстан к России.) Он не присоединил, он олжен был заключить военный союз с царицей Анной Ивановной, но когда делегация Тевеккеля ⁴⁴ была встречена недоброжелательно, присягу приняли только султаны Младшего и Среднего жуза. В дальнейшем отношения Абулхайра были, скорее, союзные, чем вассальные. (Бушueв. Это зависит от описания.) Если мы хотим разобраться, было ли здесь «наименьшее зло», и в других конкретных вопросах казахской истории, надо пригласить авторов, которые работали над этими вопросами. Здесь нет ни одного автора, я была только одним из редакторов книги. Мы были бы чрезвычайно благодарны за такое обсуждение потому, что вопрос о Казахской ССР имеет большое значение и для казахов, и для других национальных республик. Сейчас проблема создания истории союзных республик — актуальнейшая проблема.

Возвращаюсь к вопросу о «наименьшем зле». Угрозы завоевания со стороны среднеазиатских ханств не было. Присоединение Коканда и Хивы к царской России ⁴⁵ произошло почти одновременно или несколькими годами позднее Казахстана. (Бушueв. Они самостоятельной роли не играли.) Тем более. И, наконец, Англия. Была ли в перспективе возможность присоединения Казахстана к Англии, как, скажем, это было с Афганистаном? Конкретных материалов в отношении Казахстана не знаю. Правда, надо сказать, что англичане, очевидно, различия между Средней Азией и Казахстаном не делали. Если они строили какие-нибудь планы завоевания, а это возможно, то эти планы были более или менее далекой перспективой. Марксизм требует анализировать в истории не далекие возможности, а реальные факты и объяснять эти факты.

Мы не считали целесообразным говорить о перспективе завоевания Казахстана и с политической точки зрения. Вообще нам казалось политически гораздо более правильным и целесообразным говорить казахам не то, что присоединение к России было злом большим или меньшим, а то, что их врагом был не русский народ, а русский царизм, что против этого врага русские и казахи вели героическую борьбу. С другой стороны, мы хотели показать, что включение Казахстана в общероссийскую территорию было историческим прогрессом, способствовало сближению русского и казахского народа и приблизило их к новому историческому бытию в результате победы пролетарской революции и создания Советского Союза. (Щербakov. Старший жуз ⁴⁶ потерял территорию в пользу Китая.) Да, частями. Часть общин Старшего жуза откочевала в Ходжент. Старший жуз отдельными своими родами вышел из подчинения Китая, но боролся против Коканда. Все же на протяжении всего периода до XIX в. нет материалов о том, чтобы вся территория Казахстана была подчинена другому государству.

Щербakov. Слово имеет т. Нечкина.

Нечкина. Товарищи, я думаю, что такую дискуссию, которую мы ведем сегодня, необходимо держать на очень высокой принципиальной основе. Самое главное — наметить пути разрешения основных и очередных наших проблем. Даже не самое важное — обсудить ошибки или недостатки того или иного историка или той или иной отдельной книги, а важны общие принципиальные вопросы и линия дальнейшей работы. Я наметила для своего выступления два тесно связанных между собой теоретических вопроса, которые, по-моему, недостаточно освещены. Я хочу говорить, во-первых, о проблеме формирования русской нации и о развитии русского национального сознания. В связи с этим — о другой самостоятельной проблеме, которая, по-моему, является чрезвычайно важной для научного исследования, но совершенно не изученной, — о формировании советского

народа. Во-вторых, я хочу внести несколько организационных предложений. Но как первую теоретическую часть, так и вторую, организационную, я хотела бы предварить развитием нескольких общих вводных соображений. Первое из них таково: мы сейчас наблюдаем большое и разностороннее оживление, связанное с нашей наукой. Почему это происходит? Почему история стала действительно центром гуманитарных знаний, почему самые разнообразные слои населения нашего Союза тянутся к истории с разными запросами, сомнениями, требованиями?

От специалиста-профессора по иным, техническим, например, дисциплинам до красноармейца и колхозника мы слышим сейчас вопросы на исторические темы — то о движении Пугачева, то о русской государственности, то о славянах. Колхозники просят Академию наук ознаменовать выездом в их колхоз 200-летие со дня рождения Н. И. Новикова»⁴⁷, в усадьбе которого находится колхоз. Колхозница приходит за несколько километров на заседание только для того, как она сама говорит, чтобы узнать, кто такой был Новиков, русский деятель XVIII века. Мне думается, что этот огромный интерес и вместе с тем ясно выраженное недовольство состоянием нашей исторической науки — явление чрезвычайно здоровое и по значению большого масштаба. Оно связано с общим положением нашей страны, с величием переживаемого нами периода, находится в связи с большими проблемами, стоящими перед нашей страной. Оно связано с тем, что наша страна вступает в новый исторический период своего существования, связано с ее ведущей ролью в борьбе против фашизма в союзе с демократическими странами.

Наш советский народ задает вопрос об историческом объяснении этого всемирно-исторического этапа и роли нашей страны, предстоящего ей будущего, тех больших задач, которые перед нами стоят. Советский народ правильно требует от нашей исторической науки быть отточенным орудием в этой борьбе и правильно, законно требует исторического объяснения того, что он сейчас видит и наблюдает. Вот несоответствие состояния нашего исторического знания с величием задач настоящего и предстоящего и является источником законного недовольства, а для нас, историков, — важным сигналом. Если сопоставить все наши работы со всем новым в истории нашей страны, окажется, что мы отстали, что мы далеко не все стороны этого нового можем объяснить. Многие мы недоучитывали, многое лишь начинаем видеть и понимать в новом свете, много ранее незамеченных пробелов в нашей науке обнаруживаем. Я пробовала все эти разнообразные вопросы, возникающие и в наших специальных ученых кругах, и среди студентов, учительства и вообще в широких слоях людей, интересующихся историей, сгруппировать, сделать, так сказать, фотографию этих вопросов. Я не претендую на полную точность этой фотографии, товарищи меня дополняют, но думаю, что основные вопросы попали в поле моего зрения. Их можно сгруппировать следующим образом.

Первая группа — это вопросы, относящиеся к русской государственности и ее истории. Основное тут — вопрос о том, до какого времени сохранял царизм свое прогрессивное значение и с какого времени потерял его и стал тормозом в истории нашей государственности. К этой же группе относится вопрос о международной политике царизма, оценка ее прогрессивности и вопрос о царизме как «жандарме Европы».

Вторая группа вопросов относится к национально-колониальной политике царизма, к царизму как «тюрьме народов». Здесь очень часто совершается такая ошибка, как уравнивание понятий «Россия» и «царизм», смешение их или даже отождествление. Это вносит путаницу, порождающую очень много недоразумений и споров.

Третья группа вопросов связана с формированием русской нации, развитием русского национального сознания. К ней относится и вопрос о героическом прошлом нашего народа. Здесь возникает много сомнений. В частности, всех тревожит статья Энгельса о Бородинском сражении⁴⁸. Товарищи правильно указывают на несоответствие этой статьи с нашим пониманием битвы, а также на неправильность характеристики Кутузова.

Энгельс основал свою статью на пристрастном источнике — мемуарах немца Толя. Было бы целесообразно выяснить этот вопрос. К этой же группе относится важный вопрос о влиянии русской культуры на западную, который сейчас всех интересует.

Четвертая и последняя группа вопросов — это Россия и славянство. Эти вопросы исторически не разработаны и долго оставались в тени. Есть потребность в отчетливом разграничении реакционного панславизма от прогрессивной идеи всеславянской солидарности. Сюда же относится вопрос о спорности положений Маркса о славянских народах⁴⁹. К этой же группе относится особенно интересующий всех польский вопрос.

В каждой из указанных групп налицо значительные пробелы, имеющиеся у нас в работе историков. Но с этим оживлением в исторической науке и в работе над заполнением пробелов связана и опасность всякого рода извращений, часто граничащих с ревизией марксизма. Иногда эти ошибки проистекают от непонимания дела, иногда — от недостаточной осведомленности, иногда, может быть, они и вражеские. Мы должны быть бдительными и настороженно охранять нашу науку от каких бы то ни было извращений. И вместе с тем — думать о творческом развитии нашей науки, смело ставить крупные новые проблемы, требующие большой работы, и, может быть, подчас даже нового теоретического обоснования, проблемы, которые доселе нами не ставились. В отношении тех опасностей, которые мы встречаем на этом пути, мы уже, по-моему, на сегодняшнем заседании имели несколько ярких демонстраций. Чрезвычайно неправильны, например, положения, которые развивал т. Аджемян. На целом ряде положений, которые развивал т. Бушуев, я не стала бы останавливаться, если бы т. Бушуев не выступил на заседании, имевшем принципиальное значение. Я руководила этим заседанием, оно было созвано мною в связи с подготовкой второго издания II т. учебника по Истории СССР (Россия в XIX в.).

Расскажу попутно в качестве примера указанных опасностей и искажений об этом выступлении. Указывая, что наш вузовский учебник «полностью пережил себя» и нуждается в коренной переработке, т. Бушуев коснулся важного вопроса об оценке прогрессивной деятельности царизма на разных этапах. Он считал, что у нас «непомерно раздута аракчеевщина, что о ней нужно сказать вскользь, попутно», упомянув и о «положительных сторонах государственного творчества в эпоху реакции» (читаю по сделанным мною во время заседания кратким записям). Это глубоко вредная позиция. Это является опасным и ложным. «Напрасно очерняется политика Николая первого», — говорил далее т. Бушуев, — как будто бы Николай, продолжая цитировать его слова, «действовал без общественного мнения. Если он гонял сквозь строй, то и в Англии того времени тоже секли»; говоря о Николае I, мы будто бы раздуваем вопрос об его реакционности. В вопросах оценки внешней политики царизма мы будто бы идем на поводу у революционного движения. В этом месте я его прервала, и он выразил этим недовольство. «Какой-нибудь революционер, — продолжал т. Бушуев, — в памфлетном порядке что-нибудь скажет, а мы повторяем». Это относилось к проблеме «жандарма Европы». «В учебнике, — говорил т. Бушуев, — раздут польский вопрос, недооценен Катков, точки зрения которого иногда и правильны. Я бы на Польшу сейчас 10 катковых выпустил». Почитая эту фразу остроумной, он несколько раз ее повторил. Но т. Бушуев, очевидно, не понимает, что Катков — реакционный публицист, представитель самого махрового великодержавного шовинизма, а главное — человек, для которого не существует различий между демократической Польшей и Польшей панской, для которого поляк есть всегда вообще мятежник, негодяй, изменник, а Польша — гнездо мятежа, подлежащее немедленному уничтожению. Поэтому выражение о том, что на Польшу «сегодня» стоит выпустить 10 катковых, мне кажется политически ложным и теоретически чрезвычайно несостоятельным. Судите сами, можно ли все изложенные выше положения считать «развитием идей» т. Сталина в статье об Энгельсе («Большевик, № 9), как утверждает т. Бушуев в сегодняшнем выступлении. Думаю, никак нельзя.

Может быть, выступление т. Бушуева не оставляло бы такого тяжелого

впечатления, если бы он не кончил его следующим неуместным замечанием: «Я добьюсь от ЦК проведения в жизнь этих взглядов» (т. Бушуев был работником аппарата ЦК). Мне кажется; что это выражение — «Я добьюсь от ЦК проведения в жизнь этих взглядов» — неуместное выражение. Мы так не говорим, это не наш язык. Кроме того, это нарочито подчеркивает какую-то «поворотность», принципиальную новизну этих взглядов. Согласитесь, что не стоит «добиваться» признания каких-либо распространенных и общепризнанных марксистских положений. Если он счел необходимым чего-то «добиваться», очевидно, он этому приписывал какую-то особую «новизну». Все это внесло смущение в ряды историков. Я думаю, что т. Бушуевым руководили самые благие намерения. Он полагал, что говорит нечто очень новое и очень истинное. Но его положения не истинны, а ложны, и он не только не говорит ничего нового, но все его положения основательно пахнут нафталином и несмотря на это сильно изъедены молью. Я думаю, что точка зрения, которая хоть в какой-то мере реабилитирует и замазывает аракчеевщину, точка зрения, которая хоть в какой-то мере снимает проблему царизма — «жандарма Европы» при Николае и уравнивает на том основании, что и «в Англии секли и в России гоняли сквозь строй» — социальный и политический уровень России того времени и Англии, — неправильная точка зрения. Думаю, что мы не должны идти по этому пути.

Перехожу теперь к постановке первого намеченного мною теоретического вопроса — развития русской нации, русского национального сознания. Этот вопрос окружен молчанием в марксистских исторических работах, в научной литературе. Между тем, вопрос законный, назревший для изучения, очень серьезный. Полагаю, что надо заняться этой проблемой. Учитывая указания т. Сталина о том, что нация создается на переломе от феодализма к капитализму, мы должны внимательно вдуматься в те четыре признака нации, которые даны т. Сталиным: 1) устойчивая общность теории, 2) общность языка, 3) общность экономической жизни, 4) культуры и национального характера ⁵⁰. Вдумываясь в эти четыре признака, мы сразу замечаем, что они сами — исторически развивающиеся явления, имеют длительный период исторического развития и лишь затем приходят к определенному единству. Мы не изучаем этого становления, а его необходимо изучать. Возьмем известную цитату т. Сталина о Петре I как о государе, который представлял помещиков и купцов ⁵¹. Мы эту классовую сторону подробно разбираем. Мы подробно разбираем и другую сторону положения — об эксплуатации крестьянства, о том, что с него «драли три шкуры». Но мы совершенно не обращаем внимания на то, что т. Сталин назвал Петра национальным царем помещиков и купцов. Эту сторону дела также необходимо исследовательски разбирать.

Когда мы говорим о формировании русского национального сознания, особенно в связи с героическим прошлым нашего народа, которое является остро отточенным оружием сегодняшнего дня, мы нередко забываем о существовании двух наций в каждой нации. Мы не ставим исследовательски проблему, поставленную Лениным и неоднократно им подчеркнутую, о том, что есть две нации в каждой современной нации: «Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам, — пишет Ленин. — Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова» (Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Соч. Т. XVII, стр. 143) ⁵². «Я — русский, и Россия — моя родина» — формирование этого сознания было неразрывно связано в нашей истории с процессом развития передовой русской общественной мысли. На всех этапах своей деятельности русское революционное движение связывало свои лозунги с раскрытием русского и национального. Оно никогда от этой темы не отказывалось. Оно вместе с тем всегда полагало водораздел между двумя патриотизмами — ложным, реакционным, квазипатриотизмом, который только маскировал названием «патриот» свою реакционную сущность, и подлинным передовым патриотизмом, насыщенным демократическим содержанием.

Еще декабристы назвали свое первое тайное общество «Обществом истинных и верных сынов отечества», явно подчеркивая этим, что есть другие «сыны отечества», не истинные и не верные. Вспомним, что Радищев, один из зачинателей русского революционного движения, назвал свою работу «Что есть истинный сын отечества». Через Герцена, Белинского и Чернышевского на разных этапах русского революционного движения развивалось все более и более глубокое понимание того, что такое «русское», «национальное». Пролетарский период революционного движения унаследовал это понятие, поднял его на новую высоту, обогатил его. Та «национальная гордость великороссов», о которой писал Ленин, является гордостью большевика. Замечательная особенность русского передового национального сознания — его формирование в глубочайшей связи с русским революционным движением, в противоборстве с ложным «патриотизмом», со второй культурой гучковых и пуришкевичей. Вот этот момент должен занять очень большое место в крупной научной проблеме — формировании русского национального сознания.

Кроме того, у русского национального сознания есть другая особенность. Отметим то отличие русской культуры от западноевропейской, что русская литература не разработала в своем творчестве апологии Растиньяка⁵³, ей осталось чуждым художественное оправдание образа хищника, стяжателя. Еще одна особенность. Русская национальная культура не создала образов клерикальной идеализации, ей остались чуждыми образы, подобные «Le Rêve» E. Zola. Еще одно: русская литература в своих художественных образах заклемила мещанство, предала осмеянию образы мещанского уюта и благополучия. У нас не возникло образов, подобных гётевскому произведению «Герман и Доротея»⁵⁴. Их разрабатывала именно немецкая литература. Но у нас образы мещан от Помяловского до Горького — это разоблачение мещанства.

Эти замечательные особенности русской национальной культуры, русского национального сознания должны подлежать глубокому и внимательному изучению. Наконец, такая особенность: отсутствие в русской национальной культуре элементов национальной ограниченности, отрицательного отношения к другим народам. Мы встречаем в русской культуре глубокое сознание близости народов. Пушкин свыше 100 лет тому назад полагал свою славу не в том, что его узнает Европа или Америка, а в том, что слух о нем пройдет «по всей Руси великой»! Он хотел, чтобы его имя назвал «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус и друг степей калмык». А в пушкинское время ведь тунгусы и калмыки были совсем дикими, забитыми народами. Но он именно в них в будущем полагал свою славу. Вот историческое формирование этих особенностей и требует научного раскрытия, должно быть очередной нашей задачей.

Мы совсем не занимаемся одной очень важной, еще не поставленной в науку проблемой — проблемой формирования советского народа. Я думаю, что этот вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно стать в порядок научного дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ — это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто новое и более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию.

Существеннейшей стороной понятия «советский народ» является то, что в этой форме народ стал деятелем истории, и ход истории ускорился. Ускорение исторического процесса связано со вступлением широких народных масс в историю. Такое объяснение явлению ускорения развития исторического процесса в наше время дал Ленин: история ускоряется в связи с увеличением объема исторически действующих народных масс, которые как деятели истории вступают в исторический процесс. Понятие советского народа связано с этим вступлением масс в историю. Историю делают люди.

Зададим себе вопрос о том, всякая ли деятельность человека является исторической. Очевидно, нет. Думаю, что исторической должна называться та человеческая деятельность, которая содействует неодолимости нового. Именно в советской стране масса выступила на защиту неодолимости нового, это оказалось деятельностью советского народа. Мы на примере нашего народа видим сотни и сотни людей, которые становятся деятелями истории. Раньше, изучая Отечественную войну 1812 г., мы могли пересчитать по пальцам всех руководителей партизанских отрядов. А вот у нас только в одном из списков партизан, награждаемых к 25-летию Красной Армии, в списке, который касался не всего фронта, а лишь нескольких областей, было свыше 900 имен. Вот простой пример вступления масс в историю, убыстрения исторического процесса. Это явление связано с понятием советского народа.

Перехожу к организационным вопросам. Мы должны прямо и откровенно перечислить все наши нужды, просьбы, отметить слабые стороны в организации нашей работы, которые нас тревожат. Я скажу откровенно, что первый вопрос — это слабость общего руководства историческим участком работы, отделом гуманитарного знания. У историков нет застоя, но их разнообразная активность не имеет должного направления и руководства. Не можем же мы претендовать на частоту таких встреч, как сегодняшняя. У нас много текущих, повседневных трудных вопросов, по ним надо получить совет и указание. Но советоваться не с кем. Тов. Ярославский оказывал нам большую помощь, но после его смерти место осталось незамещенным. Наши требования к руководителю были бы сейчас еще более высокими. Руководитель, с которым можно посоветоваться по трудным вопросам принципиального значения, должен соединять очень крупный политический авторитет с личной причастностью к исторической работе, с осведомленностью в исторической работе. Он, образно выражаясь, должен знать, что такое шелест страниц архивных исторических документов, которые перелистывает историк. Он должен понимать смысл, вкус и особенности исторической работы, разбираться в исторической эвристике, в лаборатории добывания исторического вывода. Сейчас, когда руководители партии и правительства к нам приходят на помощь, с нами беседуют, мы получаем значительную помощь. Но я говорю о повседневной помощи, этой помощи пока что нам получить неоткуда.

Второе. Руководство наше недостаточно улавливает основное в жизни историка. Я беру на себя смелость сказать, в чем это основное состоит, что является основной затаенной мыслью и болью каждого историка, сидящего сейчас здесь, в этом зале, и историков, находящихся за пределами этого здания. Историк стремится сейчас к углубленной исследовательской работе, у каждого есть любимый монографический замысел и желание сосредоточиться на исследовательской работе. Но нам не дают возможности это сделать. Мы завалены огромным количеством популяризаторских заданий полукомпилятивного характера. Мы даем нередко скороспелые обобщения, экстренные выводы. Дайте нам углубленно поработать. Поставьте работы монографического характера как центральные задания. Дайте целесообразное русло этому здоровому стремлению. Надо прямо сказать, что урывками, ночами и чуть ли не контрабандой приходится историкам отрывать время для своей любимой монографической темы. Это — наша общая беда.

Третье, связанное со вторым: где у нас новые книги по специальным, узловым темам истории нашей Родины? Вот объемистая новая книга, специально посвященная Ивану Грозному, вот другая — о Петре I. Где они вышли? В Англии, в Лондоне. А у нас таких больших работ о нашей же истории нет. Переиздание небольшой, очень интересной книжки Виппера об Иване Грозном — и все. В этом отношении мы крайне бедны. В Филадельфии, в Америке, издана большая книга — 400 страниц — о декабристах (Mazour A. The first Russian revolution 1825)⁵⁵, а у нас специальную книжку о декабристах оказалось невозможным напечатать.

Четвертое. Мы лишены возможности своевременно ознакомиться с новой западноевропейской литературой, которая посвящена истории нашей Родины, темам истории СССР. Мы ее попросту не знаем. Она не достигает

наших библиотек, не комплектуется. Мы еще не прочитали новую шведскую литературу о Петре I, о Северной войне, которой там немало вышло. Мы не в курсе английских, американских исторических изданий о нашей же истории. Надо с этим покончить. Нашей стране предстоит большое будущее, она на мировую арену вышла, а мы еще новой литературы не прочитали. Положение ненормальное.

Пятое. Нам негде печататься. У нас нет научных исторических журналов, где можно было бы напечатать детальную исследовательскую статью. У нас есть «Исторический журнал», чисто популярный, — и все. А посмотрите, сколько научных исторических журналов в Западной Европе, в Америке. Нам негде печатать специальные исторические работы. Правда, у нас есть полумифические так называемые «Исторические сборники», о которых можно просто сказать — то ли они есть, то ли их нет. Кажется, что какой-то один номер когда-то выйдет, но больше мы ничего не можем сказать. Нам нужна специальная журнальная литература, где бы мы могли печатать статьи научного исследовательского характера. Нам нужен исследовательский научный журнал, и не один, а несколько. Во-первых, нужен журнал по истории СССР, во-вторых, журнал по новой истории западной или по всемирной истории. В-третьих, нам нужен специальный журнал по средним векам. Одним журналом дело не обойдется. Кроме того, надо двинуть в дело лежащие подготовленные к печати материалы, которых у нас имеется много, говорят, до 700 печатных листов.

Шестая наша беда — диссертации. Надо запретить обсуждение и защиту докторской диссертации, которая не напечатана. Надо решительно поднять уровень наших требований к диссертациям, покончить с тем шаблоном, который у нас существует: диссертация не на особенно высоком уровне, «с одной стороны», она годится, с «другой» — не годится, напечатана по своей неподготовленности быть не может, но все-таки получает ученую степень. Установилось благодушное штампование сравнительно низких по качеству работ. Надо резко поднять критерий при оценке диссертационных работ.

Седьмое — постановка дела со Сталинскими премиями. Сталинская премия — высочайшая награда ученого. Она подобна в какой-то мере ордену, является крупнейшим правительственным, общественным признанием, и она должна даваться только тем работам, которые вслед за этим должны рассматриваться как руководящие. Но здесь крайне неблагоприятно. Не могу забыть одного растерянного профессора, который говорил со мной во время обеда в столовой. «Что мне делать, — говорил он, — мне прислали работу, которая, если положить ее на пол, достигает верха моего письменного стола, и потребовали через два дня дать о ней отзыв в Комитет по Сталинским премиям». Когда я его с ужасом спросила, как же он выйдет из этого положения, он ответил: «Что ж, как-нибудь дам отзыв». Ясно, что такую работу он и прочесть не успеет, не то что серьезно продумать. В. О. Ключевский требовал полгода для отзыва на докторские диссертации. Все это просто несерьезно. Позволю себе сказать свое личное мнение по одному вопросу. Мне думается, что Сталинская премия не может быть взята обратно, отнята. Мы знаем, что даже орден может быть отобран, воинское звание отнято, но когда? В случае последующего преступления человека. Но книга не может совершить последующего преступления. Она есть такая, как есть. Очень желательно Сталинские премии никогда обратно не отбирать. Вот случай, который произошел с III томом. Надо приветствовать решение, что лишь через шесть месяцев после выхода книги в свет и после общественной оценки теперь будут даваться Сталинские премии. Восьмым вопросом я наметила вопрос о кадрах и аспирантуре, девятым — о формах исторической общественности. Но время мое уже истекло. Другие выступающие, несомненно, скажут об этом, поэтому я кончаю.

Щербakov. Перерыв придется сделать. О следующем заседании условимся так — в понедельник в 2 часа 30 минут.

(Продолжение следует.)

Примечания

1. Список выступавших на совещании: Аджемян Х. Г. (р. 1908) — поэт, переводчик, по образованию философ, в 1944 г. — член Союза советских писателей; Аманжолов С. А. (р. 1903), в 1944 г. — редактор-переводчик Главного политического управления Красной Армии, капитан, занимался вопросами казахского языкознания; Базилевич К. В. (1892—1950), в 1944 г. — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, труды по истории внешней политики, классовой борьбы, социально-экономических отношений в феодальной России; Бахрушин С. В. (1882—1950), ученик В. О. Ключевского, в 1944 г. — член-корреспондент АН СССР, руководитель сектора истории СССР до конца XVIII в. Института истории АН СССР, труды по истории России XVI—XVII вв., истории сибирских народов и русской колонизации Сибири, истории дипломатии; Бушуев С. К. (ум. 1958), в 1944 г. — профессор, директор Высшей дипломатической школы, ранее — научный сотрудник и ученый секретарь Института истории АН СССР, труды по истории русской дипломатии и революционного движения на Кавказе; Волгин В. П. (1879—1962), член КПСС с 1920 г., в 1944 г. — академик, вице-президент АН СССР, труды по истории социалистических и коммунистических идей домарковского периода; Волин (Фрадкин) Б. М. (1886—1957), член КПСС с 1904 г., партийный работник, историк, в 1944 г. — редактор «Исторического журнала», труды по истории КПСС; Генкина Э. Б. (1902—1978), член КПСС с 1920 г., в 1944 г. — доктор исторических наук, профессор Московского университета, с 1943 г. — член авторского коллектива II т. «Истории гражданской войны в СССР», труды о государственной деятельности В. И. Ленина, истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР; Городецкий Е. Н. (1907—1993) — ученик С. В. Бахрушина, в 1944 г. — кандидат исторических наук, лектор ЦК ВКП(б), труды по истории Октябрьской революции и становления советского государства; Греков Б. Д. (1882—1953), в 1944 г. — академик, директор Института истории АН СССР, труды по истории Киевской Руси, древней истории славянских народов, русского крестьянства до XVIII в.; Державин Н. С. (1877—1953), филолог и историк, в 1944 г. — академик, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, труды по этногенезу славян, истории русской литературы; Ефимов А. В. (1896—1971), в 1944 г. — член-корреспондент АН СССР, руководитель кафедры всеобщей истории Московского университета, труды по истории русских географических открытий, дипломатии; Ковалев С. М. в 1944 г. — кандидат исторических наук, зав. отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); Минц И. И. (1896—1991), член КПСС с 1917 г., в 1944 г. — член-корреспондент АН СССР, руководитель кафедры истории СССР Московского университета, труды по истории КПСС, Октябрьской революции и гражданской войны в СССР; Нечкина М. В. (1901—1985), в 1944 г. — доктор труды по истории общественного и революционного движения в России в XIX в.; Панкратова М. М. (1897—1957), член КПСС с 1918 г., в 1944 г. — член-корреспондент АН СССР, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, труды по истории российского и западноевропейского рабочего движения, революции 1905—1907 гг. и Октябрьской революции 1917 г. в России; Пичета В. И. (1878—1947), в 1944 г. — член-корреспондент АН СССР, руководитель сектора славяноведения Института истории АН СССР, труды по истории Польши, Литвы, Белоруссии, классовой борьбы в России; Рубинштейн Н. Д. (1897—1963), член КПСС с 1944 г., в 1944 г. — доктор исторических наук, профессор Московского университета, труды по истории России XVIII в. и историографии; Сидоров А. Л. (1900—1966), член КПСС с 1920 г., в 1944 г. — доктор исторических наук, сотрудник Комиссии по истории гражданской войны в СССР, труды по экономической истории России начала XX в. и истории революционного движения; Сыромятников Б. И. (1874—1947), в 1944 г. — доктор юридических наук, профессор Московского университета, труды по истории русского права, о реформах Петра I; Тарле Е. В. (1875—1955), в 1944 г. — академик, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, труды по истории России и Франции XVIII—XIX вв., о Наполеоне I; Толстов С. П. (1907—1976), член КПСС с 1944 г., археолог и этнограф, в 1944 — доктор исторических наук, директор Института этнографии АН СССР, труды по древней истории Средней Азии; Яковлев А. И. (1878—1951), в 1944 г. — член-корреспондент АН СССР, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, труды по социально-экономической и военно-политической истории России XVI—XVII веков.

На заседании 1 июня 1944 г. присутствовали: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Васецкий Г. С. (ум. 1983, в 1944 г. — доктор философских наук, главный редактор Госполитиздата), Волгин, Генкина, Городецкий, Державин, Еголин А. М. (1896—1959), в 1944 г. — доктор филологических наук, зав. отделом художественной литературы Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (далее — УПА), Ефимов, Зуева Т. М.

- (1905—1969, член КПСС с 1920 г., в 1944 г. — научный сотрудник Института истории АН СССР, сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), Ковалев, Кружков В. С. (1905—1991), философ, в 1944 г. — директор ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), Кузаков К. С. (в 1944 г. — зав. отделом УПА ЦК ВКП(б), Лебедев В. И. (ум. 1966, в 1944 г. — профессор Московского университета), Минц, Мишулин А. В. (1901—1948, в 1944 г. — доктор исторических наук, зам. зав. Отделом школ УПА ЦК ВКП(б)), Морозов М. А. (преподаватель истории, в 1944 г. — зам. зав. отделом УПА ЦК ВКП(б)), Нечкина, Панкратова, Пичета, Поспелов П. Н. (1898—1979, в 1944 г. — доктор исторических наук, редактор «Правды»), Рубинштейн, Светлов В. И. (в 1944 г. — профессор, доктор Института философии АН СССР, старший научный сотрудник Института истории АН СССР), Сидоров, Сыромятников, Тихомиров М. Н. (1893—1965, в 1944 г. — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР), Толстов, Удальцов А. Д. (1883—1958, в 1944 г. — член-корреспондент АН СССР, зам. директора Института истории АН СССР), Федосеев П. Н. (1908—1990, философ, в 1944 г. — зам. начальника УПА ЦК ВКП(б)), Хвостов В. М. (1905—1972, историк, в 1944 г. — сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), Шамберг М. А. (1902—1988, член КПСС с 1917 г., в 1944 г. — зам. зав. Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б), Шарова П. Н. (в 1944 г. — научный сотрудник Института истории АН СССР), Шаталин Н. Н. (1904—1984, член КПСС с 1925 г., в 1944 г. — зам. начальника Управления кадров ЦК ВКП(б), Щербаков А. С. (1901—1945, в 1944 г. — секретарь ЦК и МК ВКП(б), начальник Главного политуправления Красной Армии, председательствующий на заседаниях совещания), Яковлев Н. Н. (1898—1970, член КПСС с 1920 г., в 1944 г. — кандидат исторических наук, зав. Отделом школ УПА ЦК ВКП(б).
2. Дискуссия состоялась в 1940 г., в ней принял участие Бахрушин, Пичета, А. И. Яковлев и др.
 3. Покровский М. Н. (1868—1932) — член КПСС с 1905 г., зам. наркома просвещения, академик АН СССР, автор «Русской истории с древнейших времен» (тт. 1—5. М. 1910—1914), «Русской истории в самом сжатом очерке» (М. 1920), трудов по истории внешней политики, революционного движения, историографии. В 1936—1938 гг. в решениях ЦК ВКП(б) была дана резкая в значительной мере необоснованная критика исторических взглядов Покровского и его школы.
 4. Речь идет о статье Бушуева по поводу сборника «25 лет исторической науки в СССР» (1942) под редакцией В. П. Волгина, опубликованный в № 1 за 1943 г. журнала ЦК ВКП(б) «Большевик».
 5. Речь идет о книге «Развитие социалистических идей и сталинская Конституция» (М.-Л. 1942).
 6. Речь идет об «Истории Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней», подготовленный авторским коллективом из 33 человек. Книга была издана АН Казахской ССР в 1943 г. в Алма-Ате под редакцией А. М. Панкратовой и М. Абдыкалыкова. В то же время А. И. Яковлев написал на нее рецензию, копия которой была направлена в УПА Д (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 224, лл. 23—24).
 7. См. примеч. 4.
 8. РУБИНШТЕЙН Н. Л. Русская историография. М. 1941. В книге освещено развитие исторической науки в России древнейших времен до 1917 г., подчеркнута позитивная роль в этом процессе немецких историков, работавших в России в XVIII в., в том числе А.-Л. Шлецера (1735—1809), адъюнкта Петербургской АН в 1761—1767 гг., автора трудов о русском летописании.
 9. Речь идет о Московском университете.
 10. Деборин А. М. (1881—1693), член КПСС с 1928 г., философ, в 1939—1941 гг. — академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР, с 1941 г. — в Институте истории АН СССР.
 11. В № 9 журнала «Большевик» за май 1941 г. опубликовано письмо И. В. Сталина членам Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1934 г. «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 22).
 12. Большевик, 1941, № 9, с. 3.
 13. В феврале 1944 г. Бушуев выступил в Институте истории АН СССР по докладу Нечкиной о переиздании II т. учебника по истории СССР XIX в. для высшей школы. 22 февраля 1944 г. в письме на имя Нечкиной он изложил свои замечания на учебник, копию этого письма направил в УПА ЦК ВКП(б) (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 28—30).
 14. Парижский трактат — мирный договор, заключенный в 1856 г. между Россией, Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией, завершил Крымскую войну 1853—1856 годов. По нему Россия возвращала Турции Карс, Черное море объявлялось нейтральным, Россия и Турция не могли держать в нем военный флот. А. М. Горчаков (1798—1883) — канцлер и министр иностранных дел России, в 1871 г. добился отмены ограничительных статей Парижского договора; поэт Ф. И. Тютчев (1802—1873) — в 1848—1858 гг. служил в Министерстве иностранных дел, с 1858 г. — председатель Комитета иностранной цензуры.
 15. И. С. Аксаков (1823—1886) — публицист и общественный деятель, был одним из идеологов, славянофилов; «Drang nach Osten» (натиск на Восток) — выражение, характеризовавшее захватническую политику германских феодалов и империалистов в отношении стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы.

16. Так в тексте.
17. Речь идет о редакционной статье «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в.» в № 7—8 журнала «Большевик» за 1944 г., которая касалась III т. «История философии» (тт. I—III, 1940—1943), подготовленный Институтом философии АН СССР. В статье излагалось содержание постановления ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 г. «О недостатках в научной работе в области философии».
18. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии (1886 г.). М. 1940; МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 21, с. 274.
19. Соловьев С. М. (1820—1879) — русский историк, автор многотомной «Истории России с древнейших времен» (М. 1851—1879); Ключевский В. О. (1841—1911) — русский историк, автор трудов по истории сословий, крепостного права, финансов, государственных учреждений России, «Курса русской истории», университетских курсов по источниковедению, русской историографии и др.
20. Речь идет о брошюре «De le démocratie en France», написанной в 1849 г. французским историком и государственным деятелем Ф. Гизо (1787—1874), одним из создателей домарксовской теории классовой борьбы.
21. Кенесары Касымов (1802—1847) — хан казахского Среднего жуза, в 1837—1847 гг. возглавил движение против установления власти России в Казахстане.
22. Так в тексте.
23. Выступление Аджемьяна почти целиком повторяет его статью «Об исторической сущности кавказского мюридизма» (1943—1944), написанную для «Исторического журнала» (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 223, лл. 15—65). В журнале статья не была опубликована.
24. Речь идет о докладе Панкратовой в конце апреля 1944 г. в клубе Союза советских писателей, в котором она критиковала взгляды Аджемьяна, в частности по вопросу о классовой борьбе.
25. Пантюркисты проповедовали объединение под властью Турции всех тюркоязычных народов; энверсисты — сторонники Энвер-паши (1881—1922), одного из лидеров младотурок — участников освободительного движения в Турции в начале XX века.
26. Государственная школа — одно из направлений русской историографии второй половины XIX — начала XX в., сторонники его считали государство главной движущей силой исторического процесса; Чичерин Б. Н. (1828—1904) — историк, юрист, философ, представитель государственной школы.
27. «Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и кампании» — работа К. Маркса и Ф. Энгельса, написанная в 1844 г. (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 2, с. 3—230).
28. Там же, с. 185.
29. «Основы философии права» (1821 г.).
30. Смирнов П. П. (1882—1947) — доктор исторических наук, с 1938 г. профессор Московского историко-архивного института, автор трудов по истории русского города XVI—XVII веков.
31. Орден Богдана Хмельницкого был учрежден в октябре 1943 года.
32. Кривонос М. (ум. 1648) — казачий полковник, сподвижник Б. Хмельницкого в освободительной войне против Польши 1648—1654 гг.; Вишневецкий И. М. (1612—1651) — польский магнат, один из руководителей польских войск в борьбе с Б. Хмельницким.
33. Лекция «О роли территориального расширения России в XIX—XX вв.» была прочитана в марте 1944 г. на ученом совете Ленинградского университета (находился в эвакуации в Саратове). Стенограмма этой лекции после совещания историков была направлена в Тарле в УПА (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 134—141).
34. Милкоков П. Н. (1859—1943) — политический деятель, историк, публицист, один из организаторов партии кадетов и ее лидер; автор трудов по истории России XVIII—XIX вв. и Октябрьской революции 1917 г., «Очерков по истории русской культуры», мемуаров.
35. Могущество Советского государства — Большевик, 1944, № 7—8.
36. Речь идет о письме от 14 марта 1943 г. ответственных редакторов книги М. Абдыкалыкова и А. М. Панкратовой в ЦК КП(б) Казахстана и СНК Казахской ССР. Его копию Панкратова 18 марта 1944 г. с препроводительным письмом направила Щербакову (ВЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 224, лл. 12—35).
37. См. примеч. 6.
38. Андижанское восстание — антиколониальное движение дехкан и мардикеров в Ферганской области в мае 1898 года. Феодалная знать пыталась его использовать для восстановления Кокандского ханства.
39. Тайманов Исатай (1791—1838) — один из руководителей антифеодального и антиколониального восстания в Букеевской орде в 1836—1837 годах.
40. Ярославский Е. М. (Губельман М. И.) (1878—1943) — деятель ВКП(б) и советского государства, член партии с 1898 г., академик АН СССР, редактор «Исторического журнала», автор трудов по истории ВКП(б) и революционного движения в России; Шестаков А. В.

- (1877—1941) — член КПСС с 1903 г., член-корреспондент АН СССР, автор трудов по аграрной истории России, первого учебника по истории СССР для начальной школы.
41. Якунин А. Ф. — автор трудов по истории народов Средней Азии и Казахстана; Дружинин Н. М. (1886—1986), в 1944 г. — доктор исторических наук, труды по социально-экономической истории, общественной мысли и революционного движения в России XIX в., Зитус Я. Я. (1893—1962), в 1944 г. — доктор исторических наук, труды по истории народов Прибалтики XVIII—XIX вв.; Вяткин М. П. (1895—1967), в 1944 г. — доктор исторических наук, труды по социально-экономической истории Средней Азии и Казахстана; Бекмаханов Е. Б. (1915—1966) — автор трудов по истории Казахстана.
 42. Суранбаев Н. — историк, один из авторов русско-казахского словаря для начальной школы (1942); Миллер А. Ф. (1901—1973) — востоковед, доктор исторических наук, труды по новой и новейшей истории стран Ближнего и Среднего Востока.
 43. Так в стенограмме. Пропуск в записи.
 44. Абулхайр (1693—1748) — хан казахского Младшего жуза, в 1731 г. принял российское подданство и этим актом положил начало добровольному присоединению Казахстана к России; Тевеккель (ум. 1598) — казахский хан, вел борьбу за независимость Казахстана от Бухарского ханства, являлся сторонником сближения с Россией.
 45. Кокандское ханство (1710—1876) — феодальное государство в Средней Азии, выделилось из Бухарского ханства, в 1876 г. вошло в состав России как Ферганская область; Хивинское ханство (XVI — нач. XX в.) — феодальное государство в Средней Азии, в 1873 г. признало протекторат России, сохранив автономию. После свержения хана в 1920 г. была образована Хорезмская народная республика, которая в 1924 г. вошла в состав республик Узбекистан и Туркмения.
 46. Старший жуз — группа казахских племенных объединений в районе Семиречья, в 1860 г. территория вошла в состав России.
 47. Новиков Н. И. (1744—1818) — русский просветитель, писатель и издатель.
 48. Речь идет о статье Ф. Энгельса «Бородино» (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 14, с. 256—262), написанной в 1858 году. Результаты сражения Энгельс оценивал как победу Наполеона.
 49. Вероятно, речь идет о статьях Энгельса «Борьба в Венгрии», «Демократический панславизм (1849)» и др. (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 6, с. 175—186, 289—306).
 50. СТАЛИН И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2, с. 290—367.
 51. «Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев» — цитата из беседы И. В. Сталина с немецким писателем Э. Людвигом (1881—1948) 13 декабря 1931 г. (СТАЛИН И. В. Соч. Т. 13, с. 105).
 52. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 24, с. 129.
 53. Растиньяк — персонаж романа Бальзака «Отец Горио» и других произведений, которому сделка с совестью и моральное падение открывают путь к богатству.
 54. «Мечта» Э. Золя (1888 г.); поэма И.-В. Гете «Герман и Доротея» (1797 г.), по жанру близка к идиллии.
 55. Виппер Р. Ю. (1859—1954) — академик АН СССР, речь идет о переиздании в 1942 и 1944 гг. его работы «Иван Грозный», написанной в 1922 г.; книга — MAZORA. The first Russian revolution. 1825. The Decembrist movement — была издана в 1937 г. Калифорнийским университетом.
 56. «Исторический журнал» (1937—1945) — ежемесячный научно-популярный журнал Общества историков-марксистов, с 1941 г. — Института истории АН СССР.
 57. Речь идет о т. III «История философии» (М. 1940—1943), подвергнутом острой критике в постановлении ЦК ВКП(б) от 1 мая 1944 года. Поскольку всему трехтомному изданию была уже присуждена Сталинская премия, ЦК постановил, что премия «не распространяется на III-й том этого издания». Отмечая серьезные недостатки в организации обсуждения и рецензирования представляемых на премию работ, ЦК постановил, что работы по общественным наукам могут рассматриваться Комитетом по Сталинским премиям не ранее, чем через полгода после их опубликования (РЦХИДНИ, т. 17, оп. 3, д. 1050, лл. 151, 152).

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки

(с древнейших времен до наших дней)

Глава XV. Древний Египет

Жители древнего Египта именовали свою страну «Та Кемет» («Черная земля») в отличие от окружающих ее пустынь — «Красной страны». Греческое — Айгюптос — происходит от одного из названий города Мемфис — «Хетка-Птах» (владения души Птаха, главного бога-покровителя этого города). В древности переднеазиатские народы называли эту страну Маган или Мусур, что сохранилось и в современном арабском — Миср.

1. *Природные условия и население.* Территория Египта простирается от труднопроходимых первых нильских порогов на юге до Средиземного моря. С запада к Нильской долине подступают песчаные отроги Ливийского плоскогорья. Ширина долины в Верхнем Египте колебалась от одного до двадцати километров. Нижний Египет занимает широко разветвленная дельта могучего Нила.

На протяжении всей истории Египта эта река играла важнейшую роль в жизни и развитии страны. Ее воды несут массы частиц горных пород, остатки буйной тропической растительности. После широких паводковых разливов долина покрывалась благодатнейшим илом. Именно эта плодородная и легкая для обработки почва, являющаяся источником стабильных урожаев, составляет главное богатство Египта. В эпоху неолита ранние пастушеские и земледельческие племена селились на окраинах Нильской долины. Они располагали современными по тем временам каменными орудиями и определенными навыками в области земледелия. Но лишь с появлением медных орудий начала осваиваться сама речная долина. В первой половине IV тыс. до н. э. закладываются элементы бассейновой системы, ставшей основой сложного ирригационного хозяйства.

Территория Египта и прилегающие к ней области были богаты природными ресурсами: строительным камнем, белым известняком. Широко использовался тростник, в том числе для сооружения лодок, а также выработки ценного материала для письма — папируса. На Синайском полуострове добывалась медь, из Эфиопии поступало золото, ценные породы дерева.

Племена, осевшие в долине Нила, не были этнически едины. Дошедшие до нас раскрашенные плоские рельефы дают представление о внешнем облике древних египтян, которые были среднего роста, широкоплечи, с прямо поставленными черноволосыми головами.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 1—3, 5—6, 11—12.

Автор XV главы — Кардаш Алла Иосифовна, кандидат исторических наук.

Сохранились изображения и соседей египтян: светлокожих ливийцев, выходцев с Востока, из Передней Азии — высоких с желтоватой смуглой кожей, выпуклым носом, с характерными бородками; южан — темно-фиолетовых обитателей Нильской Эфиопии или Нубии. На рельефах встречаются черные курчавоголовые негроиды из племен Южного Судана.

2. *Периодизация и источники по истории древнего Египта.* Периодизация истории древнего Египта связана с традицией, заложенной Манефоном, жрецом, современником Александра Македонского. В своей двухтомной истории Египта он разделил ее на три периода: Древнее, Среднее и Новое царство, а всех правителей объединил в 30 династий. За последние годы эта периодизация уточнена на основании многочисленных, выявленных позднее источников. Источники по истории Египта — эпиграфические, археологические, вещественные, письменные — многочисленны. Сохранились монументальные творения архитектуры, скульптура, многие литературные памятники.

3. *Раннее царство.* Это — период с XXXI по XXVIII вв. до н. э., правления первых двух династий, когда завершается длительный процесс борьбы за объединение Верхнего и Нижнего Египта. Манефон считал объединителем Египта фараона Менеса (Мину), основателя I династии. Но еще до Менеса Верхний и Нижний Египет удалось объединить фараону Нармеру, который на рельефах изображен в короне белого и голубого цвета, что символизировало единство двух частей страны.

Однако в этот период окончательное объединение страны еще не произошло. Нижний Египет на всем протяжении Раннего царства пытался вернуть независимость. Цари же Раннего царства происходили из Верхнего Египта. В эпоху Раннего царства была создана ирригационная система, которая постоянно совершенствовалась. Широкое развитие получили металлургия, льноводство, садоводство.

В этот период складывается основа мощного и разветвленного общегипетского государственного аппарата, чего требовало усложнение хозяйственной деятельности. Об общественных отношениях этого периода мало что известно. Согласно источникам, существовало большое многоотраслевое царское хозяйство: «дома царя» и «дома царицы». Вельможи кормились, вероятно, за счет этого хозяйства.

Период Раннего царства характеризуется как непрекращающимися конфликтами между номархами (правителями номов — областей), так и внутридинастийными противоречиями. Поражение Севера и прекращение династических распрей привели к окончательному объединению страны.

4. *Древнее царство* существовало с XXVIII по XXIII вв. до н. э. (III—VI династии). В этот период произошло окончательное и полное объединение страны.

Во главе государства стоял царь — фараон (этот греческий термин восходит к древнеегипетскому — Большой дом). Фараон обладал неограниченной политической, религиозной, судебной, экономической, военной властью. Первым помощником царя был верховный сановник — чати, руководивший от его имени хозяйственной деятельностью в стране и управлявший судебной палатой. Некогда независимые номы превратились в административно-хозяйственные округа единой державы и были в полном подчинении центральной власти. Важнейшие должности занимали люди, состоявшие в кровном родстве с фараоном.

Централизованное управление государством осуществлялось при помощи огромного бюрократического аппарата. Еще в период раннего царства начало складываться постоянное войско; основу его составляла пехота, вооруженная луками. Специальные грузовые речные суда доставляли воинов к месту сражения. На севере и юге располагались оборонительные сооружения, занятые военными гарнизонами. Внутренний порядок поддерживала полиция, которая состояла, главным образом, из жителей Северной Нубии — маджаев, некогда покоренных египтянами.

Символами неограниченной власти фараонов III и IV династии являлись пирамиды, поражающие своим совершенством и величиной, вызы-

вавшие священный трепет у подданных. Фараоны начинали строить пирамиды еще до своего восхождения на престол. Строились они десятилетиями, поглощая огромные материальные и людские ресурсы. Пирамиду возводили специально обученные рабочие отряды. Широко использовался и труд неквалифицированных вспомогательных работников. Таким образом, большая масса тружеников отвлекалась от производительной деятельности в сельском хозяйстве и ремесле.

Рельефы на стенах пирамид и другие памятники дают представление о системе хозяйств (царских, храмовых, вельмож) и составе работников. Большое хозяйство вельможи состояло из главной усадьбы и многих владений. В штате служащих были писцы, надсмотрщики, управляющие, организующие труд работников: земледельцев и пастухов, огородников и садоводов, строителей, ткачей, столяров, каменотесов, судостроителей и даже художников и скульпторов. В общих больших ремесленных мастерских — они назывались «палаты мастеров» — работали только мужчины. Женщины трудились отдельно в ткацких мастерских. Характерной формой организации труда в полеводстве были рабочие отряды, которые создавались в период сева и уборки урожая.

В общественной структуре Древнего царства были и рабы (термин бак известен еще с эпохи Раннего царства). Преимущественно это были египтяне, поработанные в период конфликтов между номами. Впрочем подлинный механизм их закабаления неизвестен. Средний социальный слой образовывали чиновники, жрецы, связанные с заупокойным культом, скульпторы, врачи. Сохранились многочисленные погребения, иногда очень богатые, принадлежащие людям этой прослойки.

Древнее царство характеризуется активной внешней политикой. Множество надписей повествуют о походах и торговых экспедициях, о добыче полезных ископаемых за пределами Египта. Большой поход в Эфиопию совершил основатель IV династии фараон Снофру, захватив богатую добычу — 7 тысяч нубийцев и 200 тысяч голов скота. Из Ливии он привел 1100 пленных. Фараоны V династии также совершали походы в Ливию и далекий Пунт (современное Сомали). В страну поступали черное дерево, слоновая кость из Нубии, кедр из Финикии, золото из Пунта и рабы из разных областей.

Внутреннее положение страны между тем не было спокойным. Продолжались междоусобные войны между сыновьями фараонов. Переход к V династии был отмечен началом общегосударственного почитания культа бога Ра. Происходят и социальные перемены — в число знати входят теперь люди, не связанные родством с царем.

Вся вторая половина эпохи Древнего царства характеризуется усилением борьбы номов против центральной власти. Письменных свидетельств этой борьбы не сохранилось, но гробницы номархов ко времени VI династии превосходили своей роскошью не только погребения вельмож, но и царей. В период VI династии было подорвано экономическое могущество мемфисских царей, ослабевает центральная власть. После смерти фараона Пиопи II, который царствовал 100 лет, власть Мемфиса приобретает весьма условный характер. Около 2200 г. до н. э. страна распадается на номы.

5. *Первый переходный период (ок. 2250 — ок. 2050 гг. до н. э.).* Между концом Древнего и началом Среднего царства история Египта была отмечена раздробленностью и большими социальными потрясениями, ожесточенной борьбой за новое объединение страны. Конфликты и борьба номов привели к разрушению ирригационной системы, упадку экономики. Источники, относящиеся ко времени VII—XI династий, полны упоминаний о страшных голодных годах, волнениях низших слоев египетского общества. Большой, сильно поврежденный Лейденский папирус № 344 — «Речение Ипувера» рассказывает о социальных потрясениях в Египте: «...вся страна перевернулась подобно гончарному кругу». Рассказчик скорбит об участи богатых, о разоренных и сожженных домах, разрушенных судебных палатах. По словам Ипувера хозяевами в стране стали варвары и азиаты. Он призывал к восстановлению старых порядков. О сходных событиях рас-

сказывает и папирус Нофферсху, хранящийся в Государственном эрмитаже (г. Санкт-Петербург), также призывающий к объединению страны и восстановлению единой власти и традиционного порядка.

Памятники позволяют проследить ход борьбы за восстановление единства. Сначала фараоном стал номарх Гераклеополя Хети или Ахтой. Ему удалось объединить часть Верхнего Египта. На юге страны усилились Фивы. В поучении своему сыну Мерикару Ахтой III рекомендует жить в мире с Южным царством. Но столкновение было все-таки неизбежным. И только около 2400 г. до н. э. фиванский царь Ментухотеп I овладел властью над всем Египтом. Начинается эпоха Среднего царства.

6. *Среднее царство* (2050—1750 гг. до н. э. — период правления XI—XIV династий). Он был отмечен быстрым расцветом и последовавшим за этим упадком Египта.

Последние фараоны XI династии, носившие одинаковые имена Ментухотепов в течение 40 лет правили уже объединенным Египтом. Однако вершины своего могущества Египет достигает при фараонах XII династии (начиная примерно с 2000 года до н. э.). Они переносят столицу из южных Фив на западный берег Нила в район Фаюмского оазиса. Столица называлась Ит-Тауи («Овладевший обеими землями»). Цари стремились укрепить свою власть в районе Дельты, упрочить единство страны. Цари XII династии боролись с ливийскими и переднеазиатскими племенами, которые вторгались в Египет, пользуясь его раздробленностью.

Расцвет государства приходится на время правления Сенусерта III, Аменемхета III. При последнем завершилось крупное ирригационное строительство в районе Фаюмского оазиса. При нем же был построен знаменитый Лабиринт, вероятно будущий заупокойный комплекс. После его смерти наблюдается упадок Египта. В период XIII и XIV династий страна снова распалась на две части.

7. *Второй переходный период* (продолжавшийся более 200 лет — XVIII—XVI вв. до н. э.), был отмечен явной нестабильностью власти. Дошедшие от того времени царские списки содержат имена двухсот фараонов. Ими иногда становились люди незнатного происхождения — прежде всего военачальники, выдвинувшиеся во время непрекращавшихся смут.

Страна становится объектом иноземного завоевания; на Египет обрушились гиксосы — кочевые племена из Южной Сирии и Северной Аравии. Ослабленный смутами Египет не смог оказать сопротивление захватчикам. Их боевые колесницы были доселе неведомы египтянам. Гиксосы захватили восточную часть Дельты, где основали свою столицу город Аварис. Отсюда они совершали постоянные набеги на южные районы, сжигая и разрушая города и храмы, убивая и уводя в рабство множество египтян. Более 100 лет находились гиксосы в Египте, постепенно продвигаясь все дальше на юг страны. Однако цари их, причисленные Манефоном к XV, XVI династиям, так и не сумели полностью подчинить себе Египет.

Борьбу за освобождение страны от захватчиков возглавили цари XVII династии (из Фив). Ее продолжил Камес. Он создал армию, флот и двинулся к Дельте, к столице гиксосов Аварису. Однако, волнение, начавшееся на юге страны не позволили ему продолжить военные действия.

Окончательную победу над гиксосами одержал брат Камеса Яхмос I (Амасис I). Он вступил на престол около 1600 г. до н. э. С этого времени начинается период Нового царства.

8. *Великая Египетская держава в период Нового царства* (ок. 1580—ок. 1085 гг. до н. э.). Правление XVIII, XIX, XX династий — самый примечательный период в истории Египта. Это связано прежде всего с освобождением от завоевателей, а также перевооружением армии. У гиксосов египтяне позаимствовали боевые колесницы. В этот период Египет покорил огромную территорию — как на востоке (Палестину, Сирию, Митанни, значительную часть Вавилонии), так и на юге (Нубию, Эфиопию). Гигантский приток материальных и людских ресурсов способствовал развитию производительных сил. Были сделаны важные технические усовершенствования

в металлургии, ткацком деле, усовершенствован плуг. Было освоено стеклоделие, использовались водяные и песочные часы.

Фараоны XVIII династии обратили в рабство массу захваченных в походах пленных. Так фараон Тутмос III только одному храму в Фивах, помимо огромного количества золота и ценных пород дерева, подарил более 100 000 рабов. Судьба самого Тутмоса III сложилась не просто. Его мачеха царица Хатшепсут после смерти мужа в течение 22 лет не желала отдать ему правление страной. Она восседала на троне в мужской одежде и даже с традиционной мужской бородкой. Хатшепсут занималась широкой строительной деятельностью. При ней были построены прекрасные храмы и дворцы. Особенно знаменитым был террасный храм в ее честь. Сразу же после смерти мачехи Тутмос III приказал многое из построенного ею разрушить, а имя ее стереть на всех рельефах и надписях.

Военная деятельность Тутмоса III была весьма успешной. Об этом сообщают анналы, составленные его придворным писцом Чанини. Была одержана впечатляющая победа при Мегиддо (в Палестине), открывшая египтянам дорогу в Сирию, где они вышли к Каркемишу на р. Евфрат.

Важное значение для истории Египта имели реформы Аменхотепа IV (1372—1354 гг. до н. э.). В египетском обществе назревал глубокий социальный кризис. Интересы служилой знати (немху), ставшей опорой фараонов, пришли в противоречие с интересами старой родовой столичной и местной знати. Возрастало влияние разбогатевшего после войн фиванского жречества, стремившегося к захвату власти, что неизбежно привело бы к новому распаду Египта (это предвидение Аменхотепа IV сбылось в конце Нового царства в XI в. до н. э., когда царем стал фиванский жрец, а Египет снова распался на два царства).

Мудрый молодой фараон сумел не допустить развязывания конфликта. Свои реформы он проводил постепенно. Чтобы ослабить влияние культа фиванского бога Амона, царь ввел новый общегосударственный культ бога Атона, почитаемого в образе солнечного диска с отходящими от него лучами — руками, дарующими стране все блага жизни. Это вовсе не означало упразднения древнеегипетского многобожия, но давало надежду на мир и единение страны. Не случайно, первый храм, посвященный Атону, царь повелел построить именно в Фивах. Самого себя он провозгласил первосвященником Атона — Эхнатомом.

Но фиванское жречество не желало идти на уступки. На шестом году правления Аменхотепа IV борьба обостряется настолько, что царь вынужден был покинуть Фивы. Он строит новую столицу в 300 км севернее Фив — Ахетатон («Горизонт Атона»). За 10 лет здесь был воздвигнут настоящий шедевр градостроительного искусства. Улицы были строго спланированы вдоль Нила. Великолепные дворцы и храмы, богатые дома служилой знати украшали город. Дворец царя соединялся изящным мостом с храмом бога Атона. В этом переходе было так называемое «окно явлений». В нем царь ежедневно являлся народу со своей женой Нефертити и дочерьми. Значительно упрощен был придворный этикет. Немху благодаря реформам Эхнатона получили новые должности в государственном аппарате, что способствовало разрешению социального конфликта. Для упрощения делопроизводства и развития литературы проведена была и реформа языка. Сам фараон сочинял восторженные гимны богу Атону. Получило расцвет новое направление в искусстве — реалистическое, т. наз. амарнское. Сохранилось множество раскрашенных рельефов с изображениями царя и царицы, их дочерей, широко известные скульптурные портреты Нефертити (супруги Аменхотепа IV).

Ранняя смерть молодого царя показала непрочность предпринятых им реформ. А обе, ранее враждовавшие группы знати примирились друг с другом, получив желаемое. Поэтому слабые преемники царя-реформатора скоро отошли от его начинаний.

Молодой царь Тутанхатон, изменив свое имя на Тутанхамон под давлением матери и жрецов, переехал в Фивы, но от основных идей реформы не отказался. Разрушение Ахетатона и ликвидацию последствий

реформы Эхнатона следует по-видимому приписать Эйе, бывшему когда-то верным сподвижником царя-реформатора, начальником его войска. Ему-то досталась власть после недолгого правления Тутанхамона. Он — ревностно служил фиванскому жречеству.

Завоевательная политика египетских фараонов была продолжена при царях XIX династии. Успехи Рамзеса II (1301—1235 г. до н. э.) способствовали восстановлению могущества и влияния египетской державы. Это был талантливый полководец и мудрый политик. После 16-летней войны из-за города Кадеш Рамзес предложил хеттам заключить мирный договор, который был подписан в 1280 г. хеттским царем Хатусилем III и Рамзесом II и скреплен впоследствии женитьбой фараона на дочери хеттского царя.

Рамзес ведет широкое строительство в Фивах, Абидосе, Нубии. В отвесной скале был вырублен пещерный храм с гигантскими статуями самого фараона. И поныне Абусимбельский храм поражает своим величием.

При преемниках Рамзеса II Египет переживает упадок. Через Палестину в страну проникают «народы моря», а одновременно в Египет вторглись ливийцы. Фараонам XX династии еще некоторое время удавалось поддерживать независимость страны. Но постепенно внутренняя нестабильность усиливается. При Рамзесе VI Египет полностью лишается своих завоеваний. Наметившееся еще при Аменхотепе IV политическое и экономическое размежевание между Нижним и Верхним Египтом усиливается. Верховный жрец бога Амона в Фивах Херихор становится фараоном. Происходит новый распад Египта.

С прекращением XX династии и перехода трона к слабым правителям XXI династии Новое царство прекратило свое существование (1085 г. до н. э.).

9. *Поздний (Ливийско-Саусский и Персидский) период (XI—IV вв. до н. э.)* характеризуется дальнейшим упадком Египта. Он становится объектом иноземных захватов, здесь правят иноземные династии.

К началу XI века до н. э. Египет распался на Нижнеегипетское — с центром в Тинисе, расположенном на северо-востоке Дельты, и Верхнеегипетское — со столицей в Фивах царства. Сирия, Палестина и Финикия освободились от египетского влияния. Северная часть страны была занята ливийскими военными поселенцами. Их вожди были в союзе с местной египетской властью. Власть фараонов XXII династии (X—VIII вв. до н. э.), основанной ливийским военачальником Шешонком I, была непрочной и вскоре Нижний Египет распался на ряд областей.

В конце VIII в. до н. э. значительную часть Верхнего Египта с Фивами захватили нубийцы, поддержанные местным жречеством. Нубийцы разгромили правителей Нижнего Египта, опиравшихся на помощь ливийцев.

В 671 г. до н. э. ассирийский царь Ассархадон разгромил нубийцев и захватил Мемфис. При фараоне XXVI (Саусской) династии Псамметихе I Египет был освобожден от захватчиков и воссоединен. Правление этой династии было отмечено войнами с Сирией, Палестиной, Вавилонией, греками. В 525 г. до н. э. персы во главе с Камбизом нанесли поражение египтянам и персидский царь был провозглашен фараоном (XXVII династия). Несколько раз Египет восстанавливал свою независимость, но в 332 г. до н. э. был завоеван Александром Македонским и стал частью его империи, после распада которой власть перешла к Птолемаем. Начался период эллинизма. Птолеми правили Египтом вплоть до 30 г. до н. э. После смерти Антония и Клеопатры он становится римской провинцией, а в 642 г. был завоеван арабами.

10. *Культура древнего Египта* возникла в глубокой древности. Ее истоки берут начало в догосударственный период.

Выдающимся достижением древних египтян была своеобразная система письменности — иероглифическое письмо. Оно использовалось прежде всего для торжественных надписей на камне (само его название произошло от греческих слов, означающих «священный» и «то, что вырезано»). С течением времени система письма упрощалась, появились звуковые сочетания, слоги. Письменность из картинной превратилась в звуковую. В пос-

ледный период истории древнего Египта получило распространение демотическое письмо (скоропись).

За три тысячи лет в Египте была создана богатая художественная литература, отличавшаяся многообразием жанров и утонченной образностью. Как и у других народов, истоки этой литературы — в устном народном творчестве. Сказки — «О двух братьях», «О правде и кривде» и др. — отражают разные стороны народной жизни. Их главная идея стремление к справедливости, конечному торжеству незаслуженно страдающего праведника, восхищение перед благородством и честностью достойных людей.

Многие мотивы древнеегипетской литературы получили развитие в культуре других народов, в том числе и Библии.

Стремление к познанию человека, его судеб пронизывает всю древнеегипетскую литературу. Оно звучит даже в гимнах богам, но особенно сильно в лирической поэзии, отличавшейся изысканностью и тонкостью в описании человеческих чувств. Большое место в древнеегипетской литературе занимают описания путешествий, дидактические произведения, светская и религиозно-философская поэзия.

Религия и жречество в Египте возникли задолго до формирования государства. С течением времени значение культов менялось, хотя фетишизм и тотемизм сохранились надолго. Особое место в религии древних египтян занимает заупокойный культ, вера в то, что смерть это всего лишь переход человеческого существа в иной мир (отсюда мумификация, размещение в могилах пищи, оружия, всевозможных статуэток животных и людей, магические надписи и заклинания). Этот культ получил особенно сильное отражение в «Книге мертвых». Геродота в V веке до н. э. поразил культ животных. Египтяне поклонялись почти всем животным. Одним из самых почитаемых был бык. В Мемфисе олицетворением местного бога стал бык Апис, культ которого связан с поклонением Осирису. Культ богини Хатхор вырос из почитания коровы.

Очень рано исключительное значение приобретают солнечные божества Ра, Атум, Амон. Особое место занимал культ царя, личность которого обожествлялась. Фараон играл главную роль в земледельческих мистериях — при начале разлива Нила он бросал папирус в реку с приказом начать разлив, он же начинал пахоту и срезал первый сноп нового урожая.

С поклонением умершему царю связан культ всеегипетского бога Осириса, воплощающего животворящую силу природы. Плутарх передает подробности мифа об этом самом почитаемом в Египте боге, который был плодом любовной связи бога земли Геба и небесной богини Нут. Богиня Нут помимо Осириса родила Сетха, Исиду и Нефтиду. Согласно египетской мифологии, Осирис вывел египтян из состояния дикости, дал им законы, научил земледелию, выращивать виноград и хлеб. Повсюду его встречали с почестями, как благодетеля человечества. Но его брат Сет тайно вступил в сговор с 72 другими богами и убил Осириса и супруга его Исиду родила в тростнике у Нила младенца Гора. Мальчика спрятали, Исиду с помощью бога Ра и жрецов нашла мужа и воскресила его. Египетские источники дополняют рассказ Плутарха рассказом о ее поминальном плаче «Приди в свой дом!», который позднее стал прототипом всех причитаний по умершим. Обрядовый цикл, связанный с Осирисом, длится пять дней и превращается в настоящую мистерию. Обряды сопровождают звуки флейты, арфы, тимпана. Все украшено множеством цветов. Это действие можно считать началом театральной драмы.

Важное место в древнеегипетской мифологии занимает бог Тот (бог луны, мудрости, письма и счета, покровитель наук, писцов, священных книг и колдовства).

О влиянии религии на архитектуру свидетельствуют великие пирамиды Древнего царства. Вместе с тем это не просто заупокойные сооружения, но символы власти царя, стоящего во главе сильного централизованного египетского государства. Фараоны высоко чтили архитекторов своих пирамид, и их статуэтки хранились в царских гробницах. Среди архитектурных шедевров Египта важное место занимают величественные храмы в Карнаке

и Луксоре, террасные храмы Хатшепсут, украшенные ее прекрасными статуями, храм Рамзеса II в Абу-Симбеле и др.

Египетская скульптура рано приняла портретные черты, что связано с практикой мумификации, когда изготовлялась гипсовая маска.

Большое развитие получили в Египте научно-практические знания — строительное дело, математика (в частности — геометрия), астрономия. Египтяне точно подсчитали число «пи» — 3,16. Их календарь насчитывал 360 дней плюс 5 дней на религиозные праздники. С небольшими поправками при Юлии Цезаре этим календарем Европа пользовалась до 1582 г., а Россия до 1918 года.

Мумификация способствовала развитию медицины, в частности, хирургии. 42-х метровый медицинский папирус Эберса свидетельствует, что египтяне хорошо знали функции человеческого организма и умело врачевали людей.

Многовековая египетская цивилизация внесла огромный вклад в культурный фонд человечества. Она оказала мощное влияние на культуру народов Финикии, Сирии, Палестины, Эфиопии, Нубии, коптов, хеттов, ливийцев, весь античный мир, передавший ее наследие европейцам.

Глава XVI. Цивилизации Древней Африки

Древние греки называли Африку Ливией. Само слово «Африка», происходило, по-видимому, от финикийского «афора». Так называли территорию вокруг Карфагена. Средневековые арабские географы связывали термин «Африка» с арабским словом «фарака» (отделение), имея в виду земли, отделенные от Европы Средиземным морем. Позднее это название было распространено на весь континент.

1. Природные условия, население. Условными линиями тропиков Африканский континент делится на три части: Северную, Тропическую и Южную. Африка поражает разнообразием природно-географических ландшафтов. На ее территории расположены саванны, пустыни и полупустыни, леса и редколесье. Континент богат природными ископаемыми, которые начали разрабатываться еще в глубокой древности. Разнообразие природно-географических условий наложило свой отпечаток на всю историю и взаимоотношения народов, населявших Африку.

Большой пестротой и сложностью отличается этно-лингвистическая структура и история Африканского континента. На его пространствах жили, мигрировали и перемещивались друг с другом различные этносы и расы. При этом необходимо учитывать и то, что природные особенности Африки, естественно-географическая расчлененность ее регионов во многом затрудняли в древности процессы миграции, что способствовало обособлению цивилизационных очагов, сдерживало темпы общественного и культурного развития, ограничивало связи между различными частями континента. Наиболее развитыми были области Северной и Северо-восточной Африки, имевшие непосредственные связи со Средиземноморьем и Южной Азией, где и возникли ранние цивилизации — древнеегипетская, кушитская, а также мерозитская, гарамантская и аксумская.

Климатические условия Африки не способствуют сохранности предметов деятельности человека. Тем не менее археологические исследования позволили ученым прояснить некоторые страницы древней истории Африки. Большое значение имело открытие наскальных изображений в Сахаре (вдоль «дорог колесниц»). Эти фрески содержат изображения людей трех рас — белой, евразийской и двух негроидных — эфиопской и негрской. Это подтверждает сведения, содержащиеся в древнеегипетских текстах о том, что в Сахаре жили две группы ливийцев — «черных» и «светлых».

По мнению многих ученых, на территории Сахары в III—IV тыс. до

н. э. существовала благоприятная среда для жизни и деятельности охотников, скотоводов, рыболовов. Леса, саванна были местом обитания крупных животных (слоны, жирафы). Следы процветания многих районов Сахары находят и современные археологи. Одной из причин опустынивания Сахары была человеческая деятельность — огонь и пожары, разрушение и эрозия почвенного покрова, уничтожение лесов. Климатические изменения довершили превращение Сахары в труднопроходимый барьер между Северной и Тропической Африкой. Появление земледелия в Средиземноморской Африке археологи относят к VI тыс. до н. э. Начало тропического земледелия последние исследования датируют 1200—380 гг. до н. э.

Скотоводство проникло в Африку скорее всего через Суэцкий перешеек. Археологические находки датируют его V тыс. до н. э. До превращения в пустыню Сахара была одним из важнейших районов скотоводства. Затем началась миграция скотоводов на юг; земледельческое население Сахары вытеснили предки нынешних берберов, сомали, массаев. Одновременно происходило и смешение разных этнических групп.

Начальный период железного века в Африке датируется I тыс. до н. э. (Египет, Куш), появление железа в Тропической Африке относится к I—V векам н. э., а в Южной Африке к еще более поздним временам.

2. *Карфаген.* Появление в Северной Африке представителей «народов моря» — с Крита и из Финикии — относят к I тыс. до н. э.¹ Наиболее значительную роль играл Карфаген (Новый город), основанный в 825 г. до н. э. выходцами из финикийского города-государства Тира. На протяжении нескольких веков Карфаген был крупнейшим торговым центром Средиземноморья. Он обладал мощным флотом, самым совершенным в ту эпоху. Карфагенские колонии распространялись вплоть до Гибралтара. В период своего наивысшего расцвета — к середине V в. до н. э. Карфагенская держава, укрепившая свои позиции в Южной Европе и Зап. Средиземноморье представляла собой конгломерат племен и народностей, политически и экономически слабо связанных между собой. Исконное население — ливийцы, берберы, нумидийцы были по сути дела бесправны в этом карфагенском обществе.

В ходе колонизации средиземноморского побережья Африки Карфаген поставил под свой контроль ранние государственные образования на территории Нумидии (вост. часть современного Алжира). Нумидийцы неоднократно восставали против карфагенского господства. В самой Нумидии не прекращалась борьба между основными племенами — массилами и мазезилами. После перехода кочевых племен к оседлости возникли города Цирта (совр. Константина), Тугга (совр. Дугга).

Мавретанию (зап. терр. Алжира и вост. терр. Марокко) в конце II тыс. до н. э. подчинили себе финикийцы. В III веке до н. э. Мавретания находилась под властью Карфагена, а после его падения попадает под римское влияние. В Мавретании шел процесс разложения родового строя, складывалось рабовладельческое государство. Многие страницы истории древней Мавретании остаются пока неизвестными.

Социальная структура Карфагена отличалась значительной сложностью. Город окружали крупные и высокопродуктивные рабовладельческие поместья. Значительная часть земель обрабатывалась местными жителями (не рабами, но ограниченно свободными, зависимыми людьми), обязанными платить налог в размере 1/10 части урожая, а иногда и больше. Важную роль в производстве и общественной жизни играли свободные мелкие производители (особенно в сфере ремесла). Карфагенский плебс был занят в ремесле и портовых работах, получая подачки от правящей олигархии. Представители узкой группы богатейших семей избирались на верховные должности, в Совет 30, Совет старейшин и Совет 104. Народное собрание не играло существенной роли. Внутри правящей олигархии не прекращалась борьба за власть. Периодически вспыхивали конфликты между крупными землевладельцами и наиболее влиятельными представителями торгово-ремесленных слоев, особенно заинтересованных в активной экспансионистской внешней политике.

Тяжелейшие испытания выпали на долю Карфагена во время трех Пунических войн с Римом (264—146 гг. до н. э.). 1-я Пуническая война в ходе которой прославился знаменитый карфагенский полководец Гамилькар, не принесла успеха карфагенянам, но и римляне не сумели добиться своей заветной цели: сломать мощь Карфагена. По условиям мира, заключенного в 241 г. до н. э., Карфаген лишился принадлежавшей ему части Сицилии и ряда островов. Воспользовавшись восстанием наемников, ливийцев и рабов против Карфагена, римляне захватили Сардинию и Корсику. Борьба Рима и Карфагена за господство на Средиземном море продолжилась во время 2-й Пунической войны (218—201 гг. до н. э.). В анналы военной истории вошел поход Ганнибала через Иберию, Галлию, Альпы в Северную Италию, который стоил жизни тысячам карфагенских бойцов. Ганнибал одержал победу в битве при Каннах (216 г. до н. э.), но затем военные действия переместились в Африку. На сторону Рима перешел нумидийский царь Масинисса. Ганнибал был вынужден просить мира, который и был заключен на очень тяжелых для Карфагена условиях. Карфаген отказался от Испании в пользу Рима, согласился на запрещение вести военные действия в Африке без римского согласия, а также на уничтожение карфагенского флота и выплату огромной контрибуции. В 149 г. до н. э. началась 3-я Пуническая война, которая велась на территории Карфагена. Город был взят римлянами и разрушен. Часть принадлежавшей Карфагенской державе территории была передана нумидийцам, а другая превращена в римскую провинцию.

Карфагенская культура испытала сильное влияние соседних культур: египетской, хеттской, месопотамской, греческой и потому приобрела синкретический характер. Широко известны были в Карфагене греческие классики — Гомер и Эвклид. Карфагенские специалисты в области судостроения и мореходства, географы, астрономы и агрономы славились в древнем мире. Религия карфагенян в основном следовала финикийским традициям. Главными божествами были Тиннит — богиня луны, покровительница города, воплощение мудрости и изобилия, животворящих сил природы и Ваал-Мелькарт — божество умирающей и воскрешающей природы, бог, дарующий жизненные силы и устрашающий врагов. Поклонялись карфагеняне и богу войны — Молоху, которому иногда приносились и человеческие жертвы.

3. *Куш и Мероэ*. Государство Мероэ возникло в VIII веке до н. э. Основой его территории была принильская долина между 3 и 6 нильскими порогами (территория современного Судана). В египетских текстах название Мероэ появляется впервые в V в. до н. э. До этого египтяне называли это государство — Куш.

Влияние Египта на эту часть Африки было значительным. Временами Куш становился одной из провинций Египта, а в период его упадка (около 700 г. до н. э.) цари Куша основали XXV династию фараонов. После нападения ассирийцев на Египет (671 г. до н. э.) их власть над Египтом была утрачена. И Куш, и Мероэ были известны в древнем мире. В Библии, в Деяниях апостолов упоминаются мероитские слова, римский географ Страбон описывает события, связанные с войнами Куша — Мероэ с римлянами (23 г. до н. э.), Геродот рассказывает о храме Солнца в Мероэ, развалины которого изучили современные археологи. Религия кушитов долгое время была связана с египетской. Они переняли традиции строительства пирамид для усопших царей, но их пирамиды были и иной формы, и гораздо меньших размеров. Исследование уцелевших пирамид дает возможность утверждать, что государство Мероэ достигло расцвета в период с 250 г. до н. э. до начала II века н. э.

Высокий уровень торговых связей (со Средиземноморьем), а самое главное, развитие металлургии (Мероэ было богато железными рудами) способствовали процветанию мероитского царства. Отсюда шли золото, слоновая кость, черное дерево, камедь, звериные шкуры, страусовые перья, рабы, а в обмен поступали товары Средиземноморья.

Проблема конца мероитской цивилизации остается дискуссионной.

Последние исследования² позволяют предположить, что цивилизация Мероз существовала вплоть до XIII в. н.э. Под влиянием миграции племен с востока в долину Нила столица государства переместилась на юг, в Собу.

Можно ожидать, что археологические находки, а также расшифровка кушитского языка помогут ответить на ряд вопросов о судьбе этого народа, достигшего столь высокого уровня развития. Но уже имеющиеся данные позволяют утверждать, что кушиты были африканским народом³.

4. *Аксумское царство* возникло на территории современной Эфиопии в центре плоскогорий Тигре. Археологические находки позволяют датировать начало аксумского периода I в. н.э. Населяли Аксум семитские и кушитские племена.

История первых правителей Аксума малоизвестна. Неизвестны и границы этого государства. По некоторым данным Аксум был раннеклассовым обществом. Основой экономической и социальной жизни была община свободных крестьян. Возникли государственная собственность на землю, а также храмовые хозяйства. Рабство было ограниченным, носило скорее домашний характер. Рабы (военнопленные) вывозились в Египет, Персию и Византию. Географическое положение Аксума, развитие торговли через порты Красного моря сыграли важнейшую роль в расцвете Аксума во II—IV вв. н.э. Из надписи на стелле царя аксумитов Эзаны известно, что аксумиты завоевали Куш (первая половина IV в. н.э.), позднее Химьяритское царство в Южном Йемене⁴. Во время правления Эзаны началась чеканка монет, верховный правитель страны стал называться «негусэ негест» — царь царей. Этот титул просуществовал в Эфиопии до 70-х годов нашего столетия. К той же эпохе относится и расцвет ремесел, совершенствование обработки земли. Для материальной культуры, возникшей в этом регионе, характерны террасирование склонов и ирригация, строительство крепостей на вершинах холмов, а также фаллический культ.

В IV в. Аксумское царство приняло христианство. К VI в. относится начало падения Аксумского царства — персы вытеснили его с юга Аравии. Зарождение ислама привело к нарушению связей с Ближним и Средним Востоком. Преемником Аксума стало Эфиопское царство, к которому перешли многие достижения аксумской цивилизации (музыка, пение, танцы, изобразительное искусство, архитектура).

5. *Гараманты*. Самобытной древнеливийской цивилизацией было царство Гарамантида⁵. Время его возникновения, границы и причины исчезновения неизвестны, как и язык гарамантов, о которых упоминают Геродот и Плиний старший. Столица царства — город Гарамма (Джерма) в Ливии, исторической области Феццан.

Археологам удалось подтвердить, что на территории, населенной гарамантами, существовала самобытная цивилизация. Подтвердились сведения о знаменитых боевых колесницах гарамантов, запряженных лошадьми. Бесспорно и влияние римской культуры в I—III веке н.э. Скотоводство и земледелие были главным занятием гарамантов. К VIII веку относятся последние сведения о гарамантах. Некоторые ученые предполагают, что наследниками гарамантов могут быть туареги⁶.

6. *Северная Африка. Рим — вандалы — Византия*. Победа над Карфагеном привела к установлению римского владычества в Северной Африке. В первые его века этот регион под воздействием римской цивилизации пережил период экономического подъема, особенно в городах. При Сулле, Цезаре и Августе на завоеванной территории были организованы колонии переселенцев — ветеранов римской армии, которые были наделены большими земельными участками. Сразу же после завоевания Северная Африка была разделена на несколько частей. Провинция Африка включала в себя древнюю территорию Карфагена и часть древнего царства Нумидии. Римский проконсул находился в Карфагене. Во II веке н.э. Нумидия стала отдельной провинцией. Древнее Мавретанское царство было разделено на Цезарейскую Мавретанию и Тингитанскую Мавретанию. В Африке были сосредоточены значительные силы римской армии: легионы, состоявшие из римских граждан и вспомогательные отряды, сформированные из местных

жителей, неграждан империи. Мощные отряды были расположены на южной границе Римской империи. На всем ее протяжении были возведены оборонительные сооружения. Legionеры следили за движением кочевников по ту сторону границы. Римская армия несла не только защитные функции, но и занималась строительством дорог, плотин, городов. По эдикту императора Каракаллы (212 г.) права римского гражданина получали все свободные люди, проживавшие на территории империи, а не только те, кто служил в армии.

В середине III в. н. э. Северная Африка являлась одной из наиболее развитых в экономическом отношении областей Римской империи. Зерновое хозяйство, а также разведение оливок и винограда прочно закрепило за ней роль важнейшего поставщика сельскохозяйственной продукции.

Через крупные портовые города — Карфаген, Цезарию, Шентис, Гиппо Региус вывозились зерно, масло, керамические и мраморные изделия, животные для цирковых игр, а в Африку поступала мануфактура, стекло и т. д. Северная Африка поддерживала торговые связи не только с Римом, но и с Ближним Востоком, Галлией, Черной Африкой. Интенсивно росли торговля и города, населенные в основном средними и муниципальными землевладельцами. Городское землевладение было тесно связано с применением рабского труда. К началу III в. рабовладельческая вилла стала типичной хозяйственной формой в африканских провинциях. Вместе с тем на землях императора и сенатской знати широкое распространение в I—II вв. н. э. получил другой тип хозяйственной организации — крупное имение, обрабатывавшееся колонами — арендаторами небольших земельных участков (парцелл), постепенно прикреплявшимися к земле. По мере расширения возделывавшейся территории, захватываемой у туземных племен, обе эти формы проникали в новые районы. Однако местные древние виды социально-экономической организации сохранились и после римского завоевания. В горных районах Мавретании и Нумидии, продолжали существовать родоплеменные поселения берберов.

Социальные отношения в африканских провинциях представляли собой сложную и пеструю картину. Здесь сталкивались интересы сенатской аристократии, высшего городского сословия (куриалов), ветеранов-легионеров.

Римская Африка насчитывала около 500 больших и малых городов. К древним ливийским и карфагенским городам прибавились новые города, построенные римскими ветеранами по привычному для них типу. В этих поселениях были термы, театры, цирки, крытые рынки, акведуки, триумфальные арки, в центре города — площадь для собраний. Виллы богатых римлян не уступали по убранству Риму и Помпее. Римляне поощряли изучение истории и географии Африки, они обобщили сведения, собранные карфагенянами, египтянами и греками. Одна из книг «Географии» Страбона целиком была посвящена Африке.

На рубеже новой эры, в 19 г. до н. э., римский полководец Корнелий Бальбус предпринял попытку пересечь Сахару. Он достиг, по свидетельству историков, Нигерии, побывал в Гадамесе и Джерме (современная Ливия). В 70 г. н. э. Септим Флипп пересек Гараму и достиг нагорья Тибести. (совр. — Чад). Так римляне установили первые контакты с негритянским миром. Особую роль в этих контактах сыграли кочевые племена, которые были посредниками между Средиземноморьем и Черной Африкой.

С развитием оседлого земледелия многие бывшие кочевники образовали достаточно многочисленный слой мелкого крестьянства, привязанного к своей земле и заинтересованного в мире и стабильности. Но далеко не все кочевники соглашались изменить традиционный образ жизни. Вытесняемые со своих привычных кочевий они становились враждебными римской власти. Южные районы Северной Африки, населенные кочевыми племенами, неоднократно становились очагами антиримских восстаний, которые с трудом подавлялись римскими войсками.

Местное население постепенно воспринимало римский образ жизни. Была запрещена полигамия. Шла латинизация местной культуры. Латынь становилась единым общим языком городского и оседлого крестьянского

населения. Появилась африканская литература, созданная на латыни. Наиболее знаменитый ее представитель Апулей (ок. 125 — ок. 180 г.), автор «Метаморфоз в IX книгах» («Золотой осел») и «Апологии». Трансформировалась и религия. Древние божества слились с римскими. Карфагенская богиня Танит отождествлялась с римской Юноной. В городах утвердился культ римского императора, в честь которого воздвигались храмы и статуи.

Христианство проникло в Северную Африку вместе с появлением в городах иудейских общин. И здесь христианам пришлось пережить гонения, организованные против них римскими властями за то, что они не желали исповедовать культ римского императора. В 202 г. в годы правления Септимия Севера семь христиан, среди них две женщины, были отданы на растерзание диким зверям в амфитеатре Карфагена. Самые жестокие гонения на христиан пришлось на годы правления Диоклетиана (284—305 гг.) и Галерия (293—311 гг.).

В конце II — начала III века в Африке жил теолог и писатель Тертуллиан, который стремился опровергнуть обвинения, выдвинутые против христиан. Блаженный Августин (354—430 гг.), автор знаменитого произведения «О граде Божьем», был епископом североафриканского города Гиппона.

В период кризиса Римской империи политика императора Максимиана (235—238 гг.) встретила резкое сопротивление имущих слоев африканских провинций. Именно в Африке в 238 г. был выдвинут первый из «провинциальных императоров» проконсул Гордиан, ставленник земельной знати и городской верхушки, недовольных земельными конфискациями и налоговой политикой Максимиана. Но в дальнейшем африканские провинции, где собственно разгорелся первый очаг этой борьбы, не принимают во внутриимперской борьбе заметного участия. Причиной тому было резкое усиление натиска туземных берберских племен на романизованные и урбанизованные районы Северной Африки, особенно в Мавретании; в отдельные периоды мятежные племена захватывали и значительные районы Нумидии. Эти племена объединялись в сильные военные союзы и, нередко пользовались поддержкой местного сельского населения. Центральная императорская власть, обессиленная внутренней борьбой и войнами на Дунае, Рейне и на Востоке, не могла оказать значительной военной поддержки африканским провинциям. Поэтому защиту от кочевых племен нередко приходилось брать на себя самим жителям североафриканских городов.

Восстание 238 г., набеги берберов, общее напряженное военное и экономическое положение империи — все это обусловило развитие тенденций экономического упадка в африканских провинциях. Хотя этот упадок и не был столь глубоким и всеобщим, каким его считают некоторые исследователи, все же современникам экономическое положение провинций представлялось очень тяжелым.

К периоду кризиса III в. относятся серьезные сдвиги в идеологической жизни широких слоев провинциального населения. В городах растет число христиан. Резкое ухудшение условий жизни, войны и конфискации, растущее сознание непрочности земных благ и земного бытия создавали благоприятную почву для христианской проповеди в муниципальных кругах. В то же время христианство, очевидно, все шире распространяется и среди эксплуатируемых слоев сельского населения: иначе трудно объяснить значительную роль этих слоев в религиозной борьбе, развернувшейся в IV в. внутри христианской церкви. Усложнение социального состава христианских общин вело к развитию внутренних противоречий, которые особенно ярко обнаруживались во время гонений, на христиан.

Произошел раскол африканских христиан — на цецилианистов или католиков и донатистов, бывших в оппозиции к римской власти. После превращения христианства в государственную религию многие возникшие в нем религиозные течения были подавлены, но их влияние еще долго ощущалось в этом регионе.

Донатисты выступали против всяких компромиссов с государственной властью, они не признавали епископов и священников, чем-либо

запятнавших себя. В IV веке возникает учение монофиситов о единой божественной природе Иисуса Христа, в отличие от ариан, настаивавших на его человеческой природе. Арианство возникло и поддерживалось в Египте. Монофиситство же распространилось в Северо-Восточной Африке. Копты и эфиопы и поныне исповедуют монофисизм. В Римской Африке зародилось и монашество. В III в. стало популярным пустынноничество. Отшельники (анакореты) должны были проводить время в молитвах, ограничивать себя в пище и питье. Затем они стали группироваться в общины. Первая монашеская община была основана в Римской Африке в 323 году.

Социальные противоречия в африканских провинциях периодически давали о себе знать в виде восстаний против римского владычества. К социальным столкновениям присоединялось вражда религиозных партий (III—IV вв.). Донатистам сочувствовали бедные ремесленники, крестьяне, особенно рабы. Отряды беглецов восприняли учение донатистов. Испуганные нашествием грозных мстителей посессоры и ростовщики называли их циркумцеллионами (околоподвальниками), сами же представители левого крыла донатистов называли себя агонистиками — борцами за веру, воинами Христа.

В 340 г. повстанцы, руководимые берберийскими князьями Аксило и Фазира, потерпели поражение от римских легионов. Но борьба продолжалась. Непрерывные восстания делали африканские провинции Рима слабым местом империи. В V в. они были легко завоеваны вандалами, переправившимися в Африку из Испании.

Пятивековое римское присутствие наложило на средиземноморское побережье Африки сильную печать. Еще в конце VI в. в стиле жизни местного населения ощущалось сильное влияние Рима. Во внутренних же районах, и, особенно на Западе, возрастают мощь и влияние берберских государственных образований, сложившихся в Мавретании и Нумидии. Набеги берберов изматывали и византийские войска. В конце VI в. Мавретания почти полностью освобождается из под контроля Византии.

Римские провинции Северной Африки были практически беззащитны против военных набегов вандалов. Большинство городов не имело оборонительных стен. Созданная при императорах система пограничных укреплений была направлена против кочевников центральных районов и состояла из небольших крепостей, заселенных солдатами-поселенцами. К тому же она отстояла на многие сотни километров от того пути, по которому двигались новые завоеватели. Римские войска были немногочисленны: единственный легион стоял лагерем в Бомбезе (совр. Алжир). Часть легионеров императоры посылали в другие регионы империи. Практически вандалы в Северной Африке не встретили военного сопротивления. Против них выступили только отдельные города, например, Гиппус Региус, где оборону организовал знаменитый епископ Августин.

В отдельных городах сохранились сенаты, городские курии со своей структурой, социальной организацией и относительной независимостью. В руках куриалов была сосредоточена основная земельная собственность, равно как и денежные накопления и иное богатство. Не удивительно, что основная враждебность вандалов, их репрессии обрушились прежде всего на куриалов.

О социальной организации вандалов сведений у древних авторов сохранилось очень мало, но те, которые имеются, позволяют полагать, что она была подобна той, что существовала у многих германских племен, находившихся на переходной стадии от военной демократии к государству. Есть веские данные в пользу того, что с приходом вандалов римское деление на провинции было ликвидировано и были образованы округа, в которых размещались определенные части войска вандалов возглавляемые тысячниками, одновременно правившими этими административно-финансовыми округами.

Часть земли стала доменом короля, другая была отдана во владение войску. Прежние владельцы — римские куриалы были лишены своих земельных владений. Источники полны сведений о жестоком отношении

вандалов к римлянам. Сообщения древних авторов о массовых изгнаниях римлян из Африки, об отобрании у куриалов их земель и богатства, об отправлении многих тысяч их в ссылку в пустыню, о закрытии и осквернении официальных (кафолических) церквей и о преследованиях их епископов и священников в целом не являются преувеличением. Многие города были разрушены или пришли в упадок. Большой ущерб понесли системы водоснабжения и орошения, сельское хозяйство и ремесло пришли в упадок. Никакого строительства при вандалах не велось.

Примерно в середине IV в. вандалы приняли христианскую религию — в форме арианства, осужденного на I Вселенском соборе в Никее в 325 г. как ересь. Вандалы пытались обратить в арианство всех римлян, живших в Северной Африке. Вандалы целиком восприняли культуру покоренных ими римлян. Они заставили римских ремесленников работать на себя.

В 534 г. талантливый полководец византийского императора Юстиниана I — Велизарий восстановил власть империи в Северной Африке. В VII веке Сев. Африка перешла под контроль арабских завоевателей. Возникает и формируется новая арабская цивилизация.

7. *Древние культуры Тропической Африки.* О наличии в этом регионе VII—VIII вв. н. э. очагов цивилизаций с развитыми общественными отношениями, письменностью, материальной культурой мы не имеем никаких сведений. Археологические исследования последних десятилетий позволяют предполагать существование в разных районах Тропической Африки общностей, отличавшихся, как считает Л. Е. Куббель, определенными чертами материальной и духовной культуры, которые можно было бы называть предцивилизациями или протоцивилизациями⁷. Эти локальные очаги обнаружили в Западном Судане и сопредельной с ним сахельской зоне, в отдельных пунктах бассейна реки Нигер, на африканском побережье Индийского океана.

Активное развитие локальных цивилизаций относится к более позднему периоду, но безусловно они не могли возникнуть в одночасье, а были подготовлены, хотя и не многочисленными контактами с культурами северной и северо-восточной Африки. Конечно развитие цивилизации во внутренних районах Тропической Африки протекало крайне сложно; некоторые народы (бушмены) вплоть до наших дней стояли в стороне от этого процесса, другие преодолев природные трудности перешли к созданию поселений, разделению труда, торговле, земледелию, создав уникальный симбиоз культур Южной и Тропической Африки.

Примечания

1. История древнего мира. Расцвет древних обществ. М. 1989, с. 399.
2. БЕРЗИНА С. Я. Мерз и окружающий мир. М. 1992.
3. ШЕННИ М. Древние африканские государства. М. 1982, с. 22.
4. История Африки в древних и средневековых источниках. М. 1990, с. 161.
5. Гарамантида (африканская Атлантида). М. 1994.
6. ЛОТ А. Туареги Ахаггара. М. 1989.
7. Древние цивилизации. М. 1989, с. 75.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Записки для немногих

А. В. Головнин

Служба в Министерстве внутренних дел с 1843 по 1848 год

В феврале 1843 года Головнин перешел на службу в Министерство внутренних дел из канцелярии статс-секретаря Лонгинова, причем на место, которое он занимал в этой канцелярии, поступил тот самый граф Толстой, который в 1866 г. по увольнении Головнина от должности министра народного просвещения был назначен министром просвещения¹

В Министерстве внутренних дел Головнин служил секретарем в Особенной канцелярии министра. Это было вскоре по назначении министром Льва Алексеевича Перовского во время самой кипучей его деятельности. Особенной канцелярией управлял Владимир Иванович Даль, известный в литературе нашей под псевдонимом Казака Луганского, и к которому Перовский имел в то время большое доверие. В Особенную канцелярию министр передавал на время из департаментов министерства разного рода дела, которые желал вести под своим личным ближайшим наблюдением по их особенной важности, или по которым желал иметь доклады, записки, отношения, писанные большим знатоком всех тонкостей русского языка, каковым являлся Даль. По этим уже обстоятельствам служба в Особенной канцелярии МВД особенно после занятий в канцелярии статс-секретаря Лонгинова, казалась Головнину весьма интересною и приятною и он работал со всем нерасчетливым увлечением молодости, приходя в канцелярию прежде 8 часов утра и оставаясь там до 4-х часов пополудни. Летом он для этого каждый день утром приезжал с дачи на Петергофской дороге, где жила Авдотья Степановна, и к обеду, утомленный, возвращался на дачу. Иногда он оставался ночевать в городе.

Дела, которые производились в Особенной канцелярии, были действительно весьма интересны, как например, разная переписка по преобразованию губернских правлений, по преобразованию земской полиции, по составлению описаний разных раскольничьих сект, по комиссии для разбора разного рода мошенников, пойманных в Петербурге, вследствие особых распоряжений министра внутренних дел, который желал доказать фактами всю недостаточность и неустройство полиции, находящейся в ведении петербургского генерал-губернатора. Сверх того, в Особенной канцелярии составлялись некоторые записки по делу о политических замыслах Петрашевского. Все эти дела знакомили Головнина с той стороной жизни России и ее администрации, которые были для него вовсе неизвестны. Сверх того, ежедневные разговоры и работы с Далем, который знал превосходно особенность русского языка и разные стороны быта русского народа, были также весьма интересны. В это время всё свободное от службы время Даль употреблял на обработку собранных им богатых материалов для составления изданного им впоследствии толкового русско-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, № 1.

го словаря и приводил в порядок огромное собрание пословиц и сказок, которые он записал во время жизни в разных концах России. Все эти работы Головнин видел весьма близко и они внушали ему большое уважение и сочувствие к почтенному труженику.

Некоторые обстоятельства производили на Головнина грустное впечатление, так например, пойманные в Петербурге карманные воры и мошенники² не предавались суду обыкновенных судебных мест, как бы следовало по закону, но преступления их разбирались в особой комиссии и наказания присуждались административным порядком. Ведомости о решениях комиссии, причем преступление описывалось в нескольких строках, представлялись государю Николаю Павловичу на утверждение и государь, основываясь на этих-то кратких ведомостях или утверждал приговор комиссии, или весьма часто усиливал наказание. Относительно раскольников и Перовский и Даль отличались отсутствием веротерпимости, склонялись к мерам весьма жестоким и старались придать им большое политическое значение. Все это было совершенно противно убеждениям Головнина и он не остановился сказать Далю прямо, что систему, предлагаемую им относительно раскольников, следует назвать инквизициею. Далю это было весьма неприятно и он заставил Головнина два раза повторить это слово, но к чести его должно сказать, что никогда не мстил Головнину за эту выходку.

Наконец в деле Петрашевского, которое велось одним из высших полицейских агентов Министерства внутренних дел, известным в то время Липранди, Головнин не мог видеть без чувства негодования, что преступные сборища, бывавшие у Петрашевского и давно известные г. Липранди, который посылал туда своих агентов-подстрекателей, долго терпелись полицией дабы разузнать все, что замышлялось заговорщиками и, вследствие того, пустые в начале сходки приобретали более и более преступное значение и увлекали более и более молодых людей, которые потом должны были сильно пострадать. Если б эти сходки были прекращены в начале, вина самого Петрашевского была бы гораздо менее, а целые десятки молодых людей вовсе не были бы привлечены к этому делу, принявшему размеры огромного политического заговора и организованного тайного общества, вследствие того, что сама полиция, так сказать, способствовала своею терпимостью и подстрекательством образованию оною.

В это же время Головнин с грустью узнал о бесчестном поступке одного весьма ученого, остроумного и любимого им человека, который был употреблен для работ по делам раскольников и бывал для этого в Галиции, где русские выходцы раскольники устроили свой монастырь и имели своих архиереев, которые оттуда приезжали тайно в Россию, жилали у наших раскольников и посвящали им попов. Не довольствуясь учеными исследованиями, помянутое лицо сблизилось в Галиции с раскольниками, жило у них, пользовалось их гостеприимством, узнало их тайны и потом по прибытии в Россию тех самых людей, у которых в келиях оно было столь радушно принято, предало полиции и эти люди заплатили за свою доверчивость долгим заточением в крепостях. Этот первый случай разочарования в человеке, которого Головнин считал честным и благородным, глубоко огорчил его. Впоследствии подобные случаи повторялись в разных видах и если не менее огорчали, то уже не так удивляли его. Этот случай и вообще все, что Головнин видел в Министерстве внутренних дел касающееся тайной полиции и перлюстрации частных писем³, внушило ему на всю жизнь отвращение и недоверие к этим отраслям административной деятельности. Он не понимал, как можно верить шпионам, которые соглашаются втираться в доверие других людей и потом продают их, и почему наказание человека явно подлого может иметь какой-либо вес, когда он доносит на человека, против которого люди честные ничего не показывают. Головнину казалось, что явные ревизии, осмотры, открытые донесения начальников и губернских властей, заслуживают несравненно больше доверия; наконец, что касается перлюстрации, то это средство, не говоря уже о нечестной стороне оною, заслуживало, по его мнению, еще менее доверия, ибо тут никакой уже контроль невозможен. Агент перлюстрации вскрывает письмо, делает выписку и посылает самое письмо по адресу. Каким средством поверить, что выписка сделана верно, что в ней ничего не прибавлено и не убавлено, что из письма самое важное не упущено. Можно ли поручиться, что агент, способный на столь бесчестную работу, не способен из личных видов многое просто выдумать.

Головнин удивлялся, для чего многие правительства прибегают к этим двум ненадежным орудиям полиции, когда есть средство несравненно более действительное против всякого рода злоупотреблений, а именно — свобода печати.

При свободе печати всякие ложные учения встречают отпор и противодействие путем убеждения, а не полицейского преследования, и истина неминуемо должна торжествовать; злоупотребления административные не скрываются во мраке, но обнаруживаются немедленно и потому уже число их уменьшается, истинные потребности народа высказываются явно, открыто, громко, и тем самым правительству становится легче удовлетворять им и, зная постоянно истину, оно не впадает в ошибки и тем самым не подрывает своего собственного существования, но, напротив того, удовлетворяя истинным потребностям граждан, уменьшая непрерывно злоупотребления, приобретает большую силу и прочность, ибо приобретает доверие граждан. Перлюстрация и тайная полиция редко открывали заблаговременно политические заговоры, но часто вводили правительство в заблуждение, соделывали их ненавистными и служили частным ненавистям и интригам против лиц. Действительно начальники тайной полиции и перлюстрации имеют возможность очернить каждого перед лицом монарха, представляя просто выдуманные донесения шпионов, изобретенные подметные безымянные письма, выписки из несуществовавших писем и т. п. Действуя систематически, медленно, ловко, можно постепенно внушить монарху совершенно ложные мнения о разных лицах. Предполагая, что главные начальники этих двух орудий администрации — суть лица вполне честные и неспособные на выдумки и клевету, не должно забывать, что они сами находятся в руках низших своих агентов, которые могут весьма ловко их обманывать и что мрак, которым покрыты эти механизмы управления, содействует обману.

Наконец, история разных государств и примеры существующих правительств ясно показывают, где народы счастливее и правительства безопаснее и прочнее: там ли, где существуют организованные доносы, шпионство, тайные полиции, перлюстрация, административный произвол, система полицейского преследования, или там, где ничего этого нет, где царствует законность, допущен простор и полная свобода печати.

Имея эти убеждения, Головнин понимал однако очень хорошо, что применение их к делу, осуществление теории на самой практике не может последовать вдруг, разом, ни даже скоро, но что должно идти медленным путем развития человеческих обществ и что при этом каждое поколение делает шаг вперед, а следующее поколение уже пользуется этим шагом; что достижение улучшений в государственном устройстве и быте путем переворотов приносит более вреда, чем пользы, а что правильный и благотворный ход улучшений есть тот, который совершается по инициативе и при руководстве самого правительства и не вызывается мятежными движениями снизу. В этом отношении освобождение крестьян, учреждение земских собраний, судебная реформа представляются у нас блестящим примером государственной мудрости.

Имея эти убеждения, Головнин старался действовать сообразно с оными, высказывал их совершенно откровенно великому князю Константину Николаевичу, при котором состоял 10 лет и потом, будучи сам министром народного просвещения, никогда не употреблял шпионов, не допускал доносов, бросал в огонь, не читая, безымянные письма, никогда не обращался к ведомству, которое занималось перлюстрацией, старался сколько возможно не иметь секретных распоряжений, назначал явные, гласные ревизии, всемерно домогался уничтожения цензуры, допускал по предметам учебного ведомства полную гласность и, подвергаясь сам нападениям прессы, никогда не жаловался на них и не соглашался на меры преследования.

Вообще, чувствуя глубокое отвращение к полицейско-преследовательной деятельности, он старался сколь возможно менее быть полицмейстером и сколь можно более — педагогом и заменять полицейские меры распоряжениями административными.

Все это относится однако ко времени гораздо позднему. Здесь же следует воротиться к годам его службы в Министерстве внутренних дел.

Осенью 1845 г. Головнин получил весьма интересное для него поручение. Он был послан при товарище министра внутренних дел тайном советнике Сенявине в Лифляндию для составления обзора происходившего в то время в этом крае перехода целых масс сельского населения латышей и эстов в православие. Он провел

несколько месяцев в Риге и только в конце декабря воротился в Петербург, составив записку, которую Сенявин, изменив по своим убеждениям, представил министру.

Да того времени Головнин вовсе не знал Лифляндии и не бывал в Риге. Особенности этого края: замечательная степень просвещения высших классов общества, прекрасная обработка полей, населенность края образованными помещиками и рядом — нищета крестьянина, средневековые законы и обычай, вид самой Риги, живо напоминавшей старинные города Германии, наконец, раздражение помещиков и всего образованного сословия и упрямое, молчаливое стремление народа переменить веру, возбужденные политические страсти — всё это составляло для Головнина в высшей степени интересное зрелище, которому он не видел ничего подобного в коренных русских губерниях.

В Риге он познакомился с многими помещиками и служащими из немцев и сблизился с посланным туда по тому же делу флигель-адъютантом К. Ф. Опочининым⁴ и блестящим, даровитым и в то время еще молодым чиновником особых поручений генерал-губернатора, П. А. Валуевым⁵. Опочинин, изучая положение Лифляндии и события того времени, старался, кажется, быть беспристрастным. Валуев, видимо, склонялся на сторону немцев и местных помещиков. Он отличался большою начитанностью, обладал необыкновенною памятью и прекрасно декламировал стихи на разных языках.

В Риге Головнину случилось быть в тамошних клубах, из коих некоторые суть весьма старинные учреждения, сохранившие разные курьезные обычаи. Он обедал у некоторых купцов, бывал у генерал-губернатора Головина и у некоторых помещиков. Всего более поражает в Риге, сравнительно с городами коренных русских губерний — это печать истории. На каждом шагу видишь почтенную древность, видишь остатки прошедшего, видишь, что город этот жил преждею старинною жизнью и сохранил к ней уважение, сохранил о ней память. О замечаниях своих в Лифляндии Головнин писал 10/21 декабря 1845 г. из Риги в Палермо дяде своему капитану I ранга Феопемпту Степановичу Лутковскому⁶, с которым был в самых дружеских откровенных отношениях, следующее: «Главный факт, или явление, около которого теснятся, с коим связываются все прочие, есть переход крестьян лифляндских, латышей и эстов, в православие. С начала весны до нынешнего времени их присоединилось до 14 тыс. человек⁷, обою пола и всех возрастов, крестьян государственных и помещичьих. Вот факт. Затем два главных вида воззрения на него: дворянство, купечество и евангелическое духовенство утверждают, что крестьяне обмануты, что эмиссары православного духовенства склонили их переменить веру обещанием разных выгод, как то: землею помещиков, денег, освобождения от рекрутской повинности, от подушных податей и пр., следовательно, что нет ни малейшей искренности в присоединении народа, что рано или поздно он разуберется в своих надеждах, и тогда отчаяние доведет его до крайности. Затем некоторые утверждают, что голод, который последует в половине зимы, вследствие нынешнего неурожая, подвигнет крестьян против помещиков и они опасаются Сицилийской вечери; другие говорят, что беспорядки начнутся весною в Юрьев день, как время обыкновенного возобновления контрактов между помещиками и крестьянами. Противная сторона, т. е. православное духовенство и некоторые чиновники из русских, уверяют совершенно в противном, а именно, что крестьяне, холодные к лютеранскому богослужению по бедности его в наружном блеске, не любящие пасторов, которые слишком далеки от них и не исполняют своих обязанностей, обратились к православной церкви с полной искренностью, желая найти удовлетворение своим высшим духовным потребностям и нисколько не помышляя о земных выгодах, а что слухи о них распускают сами помещики и пасторы. Обе партии имеют своих представителей в Петербурге и предводителей здесь.

Сверх показанного разделения здесь совершенно отделены: партия (ибо это нельзя назвать обществом) купцов, к коей принадлежат некоторые чиновники из дворян; местное дворянство, весьма, впрочем, собственно в Риге, малочисленное; высшие чиновники и иностранцы. Дворянство и купечество крайне не любят друг друга. Первое бедно и потому не может тягаться со вторыми, а второе чрезвычайно надуту, боясь унизить себя малейшей вежливостью. Местное дворянство дорожит своими преимуществами, а купечество привилегиями и потому видят в чиновниках людей, которые непременно хотят их нарушить. Все это производит много противоположных интересов и вражду между ними, которая ныне усилилась: у дворянст-

ва — по случаю религиозных дел, а в купечестве — по случаю назначенной Министерством внутренних дел ревизии городских присутственных мест и хозяйства, кои целые века оставались при своих древних обычаях неприкосновенными. Духовенство евангелическое раздражено до крайности, ибо оно теряет, кроме влияния на прихожан, доходы свои. Это сцепление обстоятельств производит, что лица каждой партии действуют против других здесь и в Петербурге, толкуют, хлопочут, тревожатся, копошатся, но общая черта этого волнения есть та, что русские действуют умнее и хладнокровнее, потому, может быть, что они ничего не теряют, а немцы, которые боятся за себя, совсем потеряли благоразумие. В обществах нет другого разговора, как о присоединении крестьян к православной церкви, причем рассказываются разные, большею частью, выдуманные происшествия о вероятности беспорядков, восстаний и пр.

Правительство смотрит на эти события, кажется, как на важные дела, ибо в течение нынешнего года перебивали здесь три директора департаментов Министерства внутренних дел: Лекс, фон-Поль и Скрыпицын, действительный статский советник Липранди, наконец, товарищ министра внутренних дел и, сверх сего, 15 чиновников министерства. Военное ведомство имеет здесь: свиты генерал-майора Крузенштерна, флигель-адъютантов: Опочинина, Анненкова и Яфимовича; кажется, что не слишком опасаются беспорядков, ибо прислано сюда только 200 казаков Атаманского дивизиона. Натурально, что у всех из помянутых лиц свой взгляд на вещи, смотря по тому, с кем кто сблизился и потому донесения их не могут быть совершенно сходны. В этих-то противоречиях и ловится правда. Но, вообще, неприятно быть тут действующим лицом и даже зрителем, ибо невольно попадешь в какую-нибудь сплетню и, бывши хорош с одним, тем самым рассердишь другого. Во время всей этой кутерьмы крестьяне спокойно являются к православным священникам в Риге, Лемзале Венден, Верро, Дерпт, деревнях: Черное село, Нос и пр., им прочитывается объявление, что с принятием православия не соединены никакие земные выгоды и затем, так как они остаются при своем желании, их тут же присоединяют, совершая святое миропомазание. Засим они возвращаются на мызы и принимаются за прежние работы. Некоторые приходят в Ригу с жалобами на притеснения помещиками и арендаторами за принятие ими православия. Все вышесказанное можно, кажется, выразить следующими словами: в Лифляндии, происходит ныне замечательное событие — обращение крестьян в православие и продолжается давнишнее трение трех элементов: германского, туземного и правительственного. Последний был некогда польский, потом шведский, а ныне русский. От всего этого происходит сильная борьба партий, бездна интриг и сильное волнение умов.

Для объяснения причин этого явления надобно обратиться к истории древней Ливонии и к современным происшествиям. Первая укажет, как были веками подготовлены нынешние события, а вторые покажут как они произошли в наше время.

История постоянно свидетельствует о двух главных чувствах в латышах и эстах: ненависти к завоевателям, которые сделались потом помещиками, и холодности и равнодушия к религии. Первое происходило от векового угнетения народа баронами, второе — от неисполнения пасторами своих обязанностей: сначала по причине незнания ими туземных языков, ныне — от огромности и населенности приходов и слишком высокого образования гг. пасторов. Угнетение было так сильно, что многие летописцы говорят со страхом о бесчеловечных наказаниях, коим подвергались крестьяне, посланец Стефана Батория на торжественном собрании дворянства укорял их в бесчеловечии. То же чрез двести лет повторил от имени Екатерины II генерал-губернатор граф Броун. Это объясняет чувство крестьян, которое дошло до нашего времени. Теперь они еще называют дворян саксами, как прежде называли завоевателей. Густав Адольф хотел улучшить положение народа, но рано умер, также Карл XI, который однако предписал оценить землю всех владельцев и повинности крестьян, в так называемых вакенбухах¹, и определил, чтоб за пользование землей крестьянин платил только определенные вакенбухом повинности. Положение 20 февраля 1804 г. старалось усовершенствовать вакенбухи и положение крестьянина было тогда относительно хорошо. Он был крепостной, но имел обеспеченное положение, имел свою землю, за которую платил определенные законом повинности, и более того помещик не смел требовать. В 1816 и 17 годах лифляндское дворянство увидело, что соседние курляндское рыцарство и эстляндское дали личную свободу своим крестьянам, оставив себе землю в полную собственность. Таким

образом, дворянство освобождалось от тягостей, сопряженных с владением крепостными людьми, и получало вольных работников, о коих не заботилось, но коим могло предписывать условия, какие захочется. Лифляндские дворяне вскоре поняли — сколько эта перемена выгодна, и сделали то же у себя. Положение о крестьянах лифляндских 1819 г. было следствием этого: Добровольный договор сделался основанием обязанностей крестьянина, но обеспечение в исполнении его существует только для помещика, и он независим при заключении договора, а не крестьянин. По сему крестьянин потерял связь с землей, обеспеченное положение и получил взамен номинальную свободу. Вот результат закона 1819 г., коим дворянство хвасталось как подвигом бескорыстия.

Другое чувство, которое развивалось в лифляндских крестьянах одновременно с чувством ненависти к помещикам — есть холодность к лютеранской религии и нелюбовь к пасторам. Религия эта действует только на ум, но не имеет ничего наружного, чтоб действовать на чувства грубого, необразованного крестьянина, а пасторы сначала по незнанию туземного языка, а потом по причине огромности приходов, разбросанности населения и слишком одностороннего образования не привязали к себе народ. Притом они постоянно находятся в обществе дворян, сами более помещики и стараются более об извлечении посредством своей духовной власти материальных выгод, чем о нравственности и религиозном образовании. К этому присоединилось третье обстоятельство, которое еще более отдалило народ от лютеранской веры и дало ему склонность к переходу — влияние Моравского братства^{II}. Гернгутеры пришли в Лифляндию еще в прошедшем столетии, пользовались покровительством Екатерины II и милостями императора Александра, а в нынешнем веке чрезвычайно увеличили число своих последователей. Своими сходбищами, тайнами, мистическим учением они прельстили крестьян, которые с большею охотою посещают гернгутерские молитвенные собрания, где им читают понятные для них нравоучительные книжки, чем кирки, в коих нелюбимый пастор фразит, говорит отвлеченные, недоступные крестьянам рассуждения, или убеждает их повиноваться слепо помещикам. Гернгутеры убедили своих последователей не пить вино, научили их опрятности и тем имели благодетельное влияние на народ, а ссорами своими с евангелическим духовенством уменьшили в народе последнее уважение к нему.

Между тем издавна существовали в Лифляндии церкви православные. Народ любил в некоторых местах посещать их, приносил больных детей к русским священникам для окропления святой водою, звал их к себе для службы молебнов и пр. Тысячи латышей и эстонцев-лютеран ходили ежегодно в Печорский монастырь в Псковскую губернию к бывающему там крестному ходу. Даже русские священники в Дерпте и Якобштате получали главный доход свой от крестьян лютеранского исповедания. Следовательно, в народе было давно уже чувство ненависти к помещикам и живое ощущение необходимости выйти из нынешнего бедственного положения, холодность к своей религии и нерасположение к пасторам, привычка, так сказать, перехода в Моравское братство, а в некоторых — расположение к православной церкви. При этих обстоятельствах слухи о переселении нескольких евреев из Курляндской губернии в южные и рассказы бессрочно-отпускных солдат о превосходстве положения русского мужика в привольных местах Средней и Южной России внушили крестьянам желание переселиться. Пошли между ними толки, разговоры, они стали собираться для этого в корчмах и отправлялись толпами в Ригу с просьбами о дозволении переселиться к генерал-губернатору, жандармскому офицеру и, в особенности, к преосвященному Иринарху, епископу Рижскому, который обещал им свое покровительство.

Некоторые крестьяне, подавшие тогда просьбы епископу о дозволении переселиться, изъявили также желание или, правильнее, согласие принять православие, но это обстоятельство не имело последствий, ибо дела приняла совершенно гражданский оборот. Сходбища крестьян в корчмах, отлучка их в Ригу без дозволения помещиков и целыми толпами, отказ их полициям выдать зачинщиков, вынудили строгие меры. Целая гренадерская дивизия была прислана в Лифляндию. Сопrotивления вооруженною рукою со стороны крестьян не было, но они убегали в леса, когда приближалось войско, а земской полиции угрожали и не выдавали своих предводителей. Эти люди были взяты силой. Учреждены военно-судные комиссии, и они были наказаны шпицрутенами. Два военных движения были совершены тогда

без употребления, однако, оружия: одно — в Гейлигензе, где толпа крестьян ушла в лес с дубинами, угрожала ордингерихтеру III, но увидев войска, разбежались, и другое — около Кокенгузена в Ней-Беверсгофе где крестьяне разбежались в густые леса. 60 кв. верст леса были окружены войском с артиллерией и, сходясь к центру, войска принудили крестьян выйти. Один мужик был взят с заряженным ружьем. Таким образом, волнение было подавлено силой, но причины его не искоренены. Епископ Иринарх вызван из Риги и многие священники. Он, впрочем, был после награжден, а последние получили лучшие места в столице. Дворянство в первую минуту страха согласилось сделать большие уступки в пользу крестьян, и комиссия, назначенная дворянством под председательством ландмаршала Этингена, представила проект о том, составленный ландратом Самсон фон Гимельстиерна цу Лустифер, известным законоведцем, но страх прошел, и партия барона Нолькен цу Луниа, не соглашавшаяся на уступки, одержала верх на ландтаге, или собрании дворян. Ландтаг постановил, впрочем, некоторые правила в пользу крестьян, но и они рассматривались 3 года в Петербурге, изменены здесь и распубликованы только в ноябре 1845 совсем уже в другом виде. Они известны под названием 77 пунктов к Положению о лифляндских крестьянах 1819 года IV.

Неудовольствие крестьян и бедственное их положение усилилось неурожаиями последних лет, и необходимость перемены еще живее стала чувствоваться ими. Холодность к своей религии оставалась та же, а Моравское братство еще более отклоняло их от лютеранства. В таком положении дела произошли события 1845 г., которые произвели столько шума в Петербурге, привели в сильнейшее волнение все германское население Лифляндии и вызвали посылку туда 200 казаков, нескольких флигель-адъютантов и, наконец, товарища министра внутренних дел.

Происшествия сего года состояли в следующем: зимой 1845 года около 100 человек рижских гернгутеров, латышей, большею частью отставных солдат, наняли, с дозволения лютеранского пастора Трея, комнату для молитвенных собраний своих отдельно от немцев. Трей сам ходил к ним, но это им не понравилось и они стали собираться без его ведома. Тогда он запретил им эти сходбища и приказал запереть комнату. Они обратились к преосвященному Рижскому Филарету с просьбой дозволить им эти собрания. Он отвечал, что не может сего сделать, ибо они — лютеране. Тогда они изъявили согласие принять православие с тем, чтоб служба отправляема была для них по-латышски и чтоб им было дозволено читать их книжки. По докладу Синода на это последовало соизволение государя и люди сии были присоединены. Между ними были знаменитые теперь в Лифляндии брадобрей Карл Эрнст и латыш Балот, которых немцы обвиняют в недобросовестной пропаганде и приписывают им начало всего дела. Помощником их немцы называют некоего Бюргера, который перешел тоже в православие еще прежде и был чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. Поступок гернгутеров чрезвычайно растревожил немцев, тем более, что в Пскове была учреждена пред тем для русских священников кафедра латышского и эстонского языков, а книги православного богослужения и молитв были переведены на эти языки. Началось преследование присоединившихся, многие из них были высланы из Риги под предлогом неисправности паспортов и, разойдясь по Лифляндии, они рассказали, что присоединены к православной церкви по воле государя, что для них служат обедню по-латышски и пр. Немцы обвиняют их в том, будто они склоняли крестьян к переходу в православие обещанием разных выгод: земель помещичьих, освобождения от рекрутства, податей, обещанием денег и т. д. Достоверно то, что слухи об этих выгодах появились кой-где, а публикации генерал-губернатора, вследствие настояний немцев, что слухи сии ложны, распространили их по всей губернии, и были многими поняты в противном смысле. Объявление, что присоединяться дозволяется, но с тем, чтоб желающий получил увольнительное свидетельство на отлучку, было понято за повеление и движение крестьян, сначала незначительное, к концу осени усилилось и целые сотни стали ежедневно приходиться к православным священникам в Ригу, Дерпт, Верро, Венден, Лемзаль, село Черное, Нос и пр. Высочайшие повеления, которые по сему последовали, служат образцом беспристрастия и светлого взгляда на предмет. Так например, государь император повелел сообщить генерал-губернатору, что отказа в присоединении быть не может, если соблюдены требуемые законом формы при изъявлении желания, что это должно быть сделано лично каждым, а не чрез поверенных, что крестьянам должно внушать, что они не получают

никаких выгод от перехода в православие, но что, если они делают это с искренностью, то он не может и не хочет запрещать им сего и пр. Повеления сии последовали в разное время, но все имеют один смысл, т. е., что в случае искренности желания переменить веру, препятствия быть не должно, что о степени искренности имеет судить православное духовенство, а гражданское начальство должно заботиться о сохранении порядка и спокойствия и т. д.

Несмотря на это в отсутствие государя немцы предавались самым нелепым надеждам. Они думали, что он вовсе запретит присоединение, а самые жаркие приверженцы лютеранства, утверждая, что православное духовенство при совершении святого миропомазания не соблюдало всех предписанных законом правил и что, следовательно, присоединение, как контракт без должных форм — ничтожно, надеялось даже, что указом будет объявлено, что все совершившееся не имеет силы и что миропомазаные остаются по прежнему лютеранами. В половине декабря получены повеления: 1) в тех местах, где есть присоединившиеся, устроить церкви, для чего разделить Лифляндию на приходы. Бывшие моряки, а ныне чиновники МВД, Потулов и Шишмарев, поехали с русскими священниками выбирать места для церквей, а у преосвященного готовы иереи, знающие туземные языки, и 2) наблюдать 6-месячный промежуток между изъявлением желания присоединиться, или записыванием, и самим миропомазанием, чтоб дать крестьянам время подумать.

В таком положении была Лифляндия в конце декабря 1845 года, когда товарищ министра отправился в Ковенскую, Виленскую и другие 5 губерний, пострадавшие от неурожая, а я поехал в Петербург».

В другом письме от 24 января 1846 г. Головнин писал Ф. С. Лутковскому из Петербурга: «И. Г. Сенявин при прощании со мной в Риге просил написать историческую записку о мерах, которые были приняты правительством для улучшения быта лифляндских крестьян и сравнительную записку положения земледельца в Лифляндии и России. Эти две работы в особенности занимают меня. Вопрос о лифляндских делах здесь разрешен, как должно было предполагать. Невозможно, чтоб царь православный противился введению православия и чтоб просвещенный администратор не желал единства государству, составленному из разнородных частей. Но то и другое нужно было положительнее высказать, чтоб заставить молчать людей противоположного мнения и теперь все утихло. Для изыскания мер к улучшению положения крестьян здесь учреждается комитет, в который вызываются также лифляндский ландмаршал и 4 депутата, из коих два назначены генерал-губернатором, а два будут выбраны дворянством. Первые два суть: ландрат Самсон фон Гимельстиерна пу Лустифер, а второй — барон Фелькерзам, а буде первый откажется по старости, то — барон Брюнинг-сын. Сенявин еще разъезжает по неурожайным губерниям, а я чрезвычайно рад, что воротился. Впрочем, поездки, подобные моей полезны во многих отношениях и мне очень хотелось бы съездить летом в Крым и на Кавказ. Едва ли удастся, потому что министр вызвал меня из Риги, сказав, что я ему нужен здесь, особенно на случай болезни Даля. На днях я был у князя Меншикова, который очень много говорил мне о лифляндских делах. Он ультраконсерватор и не хочет никаких перемен».

19 марта того же 1846 года Головнин писал Ф. С. Лутковскому, между прочим: «Лифляндский комитет продолжает свои занятия по предмету улучшения быта крестьян. Я смотрю тем с большим интересом на эти дела, что со временем придется и в наших губерниях о том же думать. Депутаты лифляндского дворянства подали различные мнения: некоторые полагают, что для обеспечения сословия крестьян и, чтоб дать им оседлость и внушить привязанность к земле, необходимо дать сословию крестьян часть земель, принадлежащих дворянству, с тем, чтоб помещик имел право переменять на этой земле крестьян, но не обращать ее в собственное пользование. Партия консервативная утверждает напротив, что дворяне не должны делать уступок, ибо, если дать крестьянам сегодня одно, тогда завтра они потребуют и другого, а что добровольный договор должен связывать землевладельца с крестьянином. Это, как видите, вопросы чрезвычайно важные и любопытные. При разрешении их трудно соединить чувства филантропии с понятиями о праве дворян, которое образовалось исторически и несомненно, и с предостережениями опыта, который показал — сколько беспорядков и волнений может произойти, если угодить требованиям народа».

Весьма замечательны относительно положения лифляндских крестьян

следующие слова графа Канкрин (бывшего министра финансов), которые были написаны им в его дневнике 8 ноября 1840 г., в бытность его близ Дерпта в его имении. «Отмена крепостного права определенно повредила здешнему крестьянину, поскольку она была основана на ошибочном принципе личной свободы без владения землей. Крестьянин, как временный арендатор, стал ленивым; лучший старается прежде скопить денег, чем улучшить дом, двор и землю. Хотя никто не прогоняет хорошего хозяина, но это все же может случиться, и ныне крестьянин рассматривает [свое] имение как нечто чуждое, иногда даже умышленно его ухудшает.

Поэтому я прежде старался движение направлять в сторону превращения крестьянина в наследного арендатора, но было еще рано. Одному, пожалуй, нельзя что-либо предпринимать»^V.

Знакомство с удельным ведомством

По возвращении в Петербург Головнин обратился к прежним своим занятиям в Особенной канцелярии министра внутренних дел. Сверх дел, которые передавались в эту канцелярию Л. А. Перовским, который был в то же время товарищем министра уделов, Головнину случалось докладывать ему дела Департамента уделов и это обстоятельство ознакомило его с удельным ведомством. Притом он был послан однажды на несколько недель в находившееся близ Петербурга, по Выборгской дороге, Удельное земледельческое училище для составления описания онога на английском языке для американского посланника.

Удельные имения, составляющие нераздельную собственность императорской фамилии, члены коей пользуются доходами с оных, которые взимаются Министерством уделов, представляли в то время образец благоустройства. Уже много лет на этих имениях не было недоимок, существовали огромные капиталы, которые дозволяли прикупать в удел значительные имения, и эти покупки совершались с выгодой для удела (например, приобретение имений графини Орловой-Чесменской в Симбирской губ.); в имениях находились большие запасы хлеба, общественные крестьянские капиталы, банки, взаимное застрахование крестьянских строений, школы, больницы, церкви; крестьяне видимо богатели. Эти блестящие результаты произошли от следующих распоряжений:

1) Для соединения в небольшом числе губерний удельных имений, разбросанных перед тем почти во всех концах России, совершен был обмен с имениями казенными, причем выбраны и взяты в удел лучшие, богатейшие и исправнейшие имения, а плохие поступили в государственные имущества.

2) Соединением в 9 губерниях вместо 36 губерний всех имений удела сокращены значительно расходы по управлению и уменьшено число удельных контор.

3) Введением в удельные имения общественной запашки и назначением служащим по уделу известного процента с доходов запашки, открыт новый источник весьма значительного дохода, независимо от оброка с крестьян.

4) Введением круговой поруки крестьян при платеже оброка выведены недоимки.

5) Подробным исследованием и описанием каждого имения открыты новые оброчные статьи и увеличен доход с прежних.

Должно сказать, что Л. А. Перовский до назначения его министром внутренних дел ежегодно объезжал часть удельных имений и вникал во все подробности состояния оных.

Удельное земледельческое училище было, по мнению Головнина, ошибкою управления Л. А. Перовского и вовсе не достигало цели. Покупка для него земли, возведение многочисленных зданий, снабжение машинами и инструментами, ежегодное содержание в нем 200 учеников и многочисленных служащих лиц стоило огромных сумм. Цель состояла в том, чтоб научить молодых крестьян разумному сельскому хозяйству и разным мастерствам, дабы по возвращении их в удельные имения селить их в образцовые усадьбы, которые служили бы прочим крестьянам примером рационального, правильного, по правилам науки веденного сельского хозяйства. Эта цель вовсе не достигалась. Молодые крестьяне, воспитанные в Удельном земледельческом училище, возвращаясь на родину, находили выгоднее для себя заниматься каким-либо ремеслом или определяться на службу в писаря,

конторщики, и почти не было примера, чтоб собственно сельскому хозяйству их стали подражать другие крестьяне.

Удельное начальство видело это и после кончины Л. А. Перовского Удельное земледельческое училище было совершенно преобразовано.

Знакомство с замечательными лицами

Служба в Министерстве внутренних дел доставила Головнину знакомство со многими замечательными личностями, о которых он вспоминает с большим удовольствием.

Не говоря уже о самом В. И. Дале, о котором было сказано, он встречался у него с несколькими нашими учеными и литераторами и, между прочим, познакомиться с замечательно умным, образованным и талантливым писателем Юрием Федоровичем Самариным, принадлежавшим к так называемым московским славянофилам. Самарин в то время обратил на себя общее внимание своими рукописными письмами из Риги, за которые он был посажен на две недели в крепость и по выходе из оной получил лично от государя Николая Павловича изъяснение своей вины и разные наставления. В этих письмах, отличающихся правдивостью и большим талантом изложения, представлено положение русского населения в Лифляндии, не соответствующее ни справедливости, ни достоинству великой империи, и странные претензии тамошних немцев, нередко оскорбительные для русских. Впоследствии Самарин был одним из главных деятелей в деле освобождения крестьян и уже по этому имя его не должно быть забыто в России.

В числе чиновников Особенной канцелярии Министерства внутренних дел находился другой даровитый писатель — Иван Сергеевич Тургенев, которого «Записки охотника», отличающиеся невыразимою прелестью рассказа и живыми описаниями природы и деревенской жизни, останутся навсегда одним из лучших произведений русской словесности. Читая «Записки охотника», как бы дышишь воздухом полей и леса и живо видишь картины, рисуемые автором. Насколько Тургенев был гениальным писателем и приятным рассказчиком, настолько он был плохим чиновником и через несколько времени перестал приходить в канцелярию. Впрочем, жаль было бы употреблять его перо на бюрократический труд наших департаментов и канцелярий.

В это же время служил в Министерстве внутренних дел редактором журнала министерства третий даровитый писатель и замечательный ученый Николай Иванович Надеждин. Ум, ученость, начитанность, неистощимое остроумие и неподражаемый талант рассказчика делали его самым приятным собеседником. У него собирались часто по вечерам многие замечательные личности, время бежало совершенно незаметно и об этих вечерах Головнин сохранил воспоминания самые приятные. У Н. И. Надеждина он встречал двух братьев Ханыковых и двух братьев Милютиных. Яков Владимирович Ханыков был человек весьма образованный, блестящий своими знаниями и, к сожалению, слишком рано умер. Николай Владимирович обладал более глубокими знаниями и был одним из наших лучших ориенталистов. Дмитрий Александрович Милютин (впоследствии военный министр) был уже тогда известен как замечательный военный писатель и историк и был особенно симпатичною личностью. Брат его Николай Алексеевич уже в то время, будучи на службе в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, оказывал большие административные способности, которые впоследствии проявились с большим блеском в деле упразднения крепостного права и реформах в Царстве Польском. Головнин считает, что из всех государственных людей России, которых ему случалось видеть и знать близко, Николай Алексеевич Милютин всех выше как по своему уму, так и по специальным, так сказать, административным способностям и по тем результатам, которых ему удалось достигнуть. Николай Алексеевич Милютин был, в сущности, главным деятелем крестьянской реформы. Ему принадлежат мысли, изобретение средств, победа над препятствиями, внутреннее, так сказать, руководство и ведение всего дела. Затем ему принадлежит мысль, изобретение законодательных и административных мер, которые совершенно изменили Польшу в 1865 и 1866 годах.

Говоря о всех помянутых лицах, Головнин выставляет только достоинства их, а не упоминает о недостатках. Это дает, конечно, его рассказу вид односторонности

и это он очень хорошо чувствует, но он вовсе не предположил себе представить все стороны этих лиц. Он старается забывать их невыгодные стороны и должен сказать, что воспоминания о их достоинствах, о их заслугах доставляет ему наслаждение. Вспоминая прошедшее, он старается приводить себе на память только хорошее и проводить пред воображением только радостные и утешительные картины. В молодости, мечтая о будущем, мы рисуем себе только светлый образ, приятные надежды. Когда приходится жить в воспоминаниях прошедшего, почему же не стараться ограничивать эти поиски в прошедшем старанием и усилиями отыскивать там только отрадное, только утешительное. Должно, к сожалению, сказать, что это не всегда возможно и что в настоящих записках нередко придется упоминать о событиях грустных, говорить о разочарованиях, о неудавшихся усилиях, об обманутых надеждах. По крайней мере, следует ограничивать эту грустную сторону жизни пределом необходимости и описывать более свои ошибки, чем ошибки других.

Занятия по Русскому географическому обществу

Независимо от службы по Министерству внутренних дел с 1845 г. начался для Головнина новый ряд занятий по должности секретаря Русского географического общества, которую он принял по предложению учредителя и вице-президента этого общества адмирала Федора Петровича Литке⁶.

Русское географическое общество было учреждено по мысли и стараниями Федора Петровича Литке для изучения России в отношении географическом, статистическом и этнографическом и распространения сведений о ней как в самой России, так и за границей.

В продолжении первых 20 лет существования оно, своими учеными экспедициями, разными учеными работами и изданиями оно принесло огромную пользу, и адмирал Литке был руководителем трудов общества и одним из главных его деятелей.

Головнин был первым секретарем общества в эпоху самого зарождения общества и в первые годы его деятельности, когда надобно было все устраивать, организовать, начиная с материальной стороны (квартиры, мебели, освещения) и канцелярского порядка и переходя к ученой переписке по предположенным чисто ученым работам.

Работы в Географическом обществе его чрезвычайно интересовали и доставляли ему положительное удовольствие; общие собрания бывали раз в месяц, но заседания совета, где, собственно, сосредоточивались главная деятельность общества, бывали еженедельно. В этих заседаниях, под председательством Ф. П. Литке собирались между прочим вечером по средам: П. Н. Фус, непрменный секретарь Академии наук; адмирал барон Врангель, бывший впоследствии управляющим Морским министерством; М. Н. Муравьев, впоследствии министр государственных имуществ и виленский генерал-губернатор; Ф. Ф. Берг, потом генерал-фельдмаршал и наместник Царства Польского; К. В. Чевкин, бывший после министром путей сообщения и председателем Департамента экономии Государственного совета; А. М. Княжевич, впоследствии министр финансов и др.

Сверх этих лиц Головнин познакомился в Географическом обществе со многими нашими учеными: Кепшеном, Шегреном, Кастреном, Бэром, Гельмерсеном, Струве, Гофманом, Ленцем, Савичем и др. Знакомство с этими лицами имело для него особую привлекательность и вводило в новый мир идей и размышлений. С особою признательностью он вспоминает, что эти лица, стяжавшие себе европейскую известность своими трудами, оказывали доброе внимание ему, еще ничем не заслужившему оно, и радушно, ласково принимали его.

Сверх обыкновенной весьма разнообразной переписки от имени общества с разными лицами и учреждениями, сверх личных сношений как с членами, так и с другими лицами и изготовления протоколов как общих собраний, так и заседаний совета, на обязанности секретаря лежало составление годовых отчетов общества. Головнинным были вследствие этого составлены и напечатаны как отдельно, так и в записках Русского географического общества:

1) Записка об основании общества и занятиях его с сентября 1845 по май 1846 года. 2) Отчет Русского географического общества за 1845 и 1846 годы.

3) Отчет общества за 1846/7 годы.

4) Отчет за 1848 г. (составлен уже в бытность Головнина членом общества).

В приложении № II к настоящим запискам представляется извлечение из этих работ^{VI}.

Головнин сохранил особенно приятные воспоминания об одном из последних общих собраний Географического общества, в котором он является еще как секретарь общества и читал записку о работах оногo. В этом собрании присутствовал бывший в то время министр народного просвещения и президент Академии наук граф Уваров, которого Головнин особенно уважал за все, что он совершил для просвещения в России и за его ученые звания, но с которым, впрочем, не был знаком. Головнин сидел возле Уварова, который по выслушании записки, сказал ему весьма лестное приветствие, а потом пригласил побывать у него. Тогда граф Уваров предложил Головнину должность секретаря в Министерстве народного просвещения. Это предложение доставило ему большое удовольствие, но он не мог принять оногo, ибо в то время по болезни должен был временно вовсе оставить службу.

Выход в отставку в феврале 1848 г. и путешествие по России

Усиленные занятия: утром — в Министерстве внутренних дел, вечером — в Географическом обществе, имели последствием сильные приливы крови к голове и разные золотушные сыпи — следствие острот крови и неправильного кровообращения. По этой, собственно, причине, а вовсе не по каким-либо неприятностям Головнин вышел в отставку в феврале 1848 г., а вслед затем оставил службу в Географическом обществе. Располагая вполне своим временем, он отправился путешествовать по России туристом, желая соединить полезные для восстановления здоровья поездки с изучением отечества.

В то время еще не было железной дороги в Москву, и потому он ехал по шоссе в тарантасе. Он останавливался в разных городах и заезжал по сторонам в местности, которые были почему-либо интересны.

В Новгороде он прожил несколько времени, осматривая многочисленные монастыри, занимаясь в их архивах и библиотеках, и стараясь узнать внутреннюю жизнь и обычаи монастырские. Оттуда он ездил в Грузино, любимое местопребывание некогда могущественного Аракчеева, в созданные им военные поселения, в Званку, поместье Державина на крутом берегу Волхова, в Старую Руссу на соляные варницы, в Иверский монастырь на живописном Валдайском озере, в Осташков и монастырь Нила Столобенского на озере Селигере, в Тверь, в Новый Иерусалим, в Москву и окрестности, где провел несколько недель, в Рязань, в село Гулынки и разные местности Рязанской губ., в Муром, Владимир, Нижний Новгород, где провел несколько недель во время ярмарки, в Казань на развалины Болгар, обратно в Нижний, в Шую, Иваново, Ярославль, Кострому, Рыбинск, Углич и вернулся в Петербург поздно осенью 1848 года.

Путешествие это, к коему Головнин систематически приготовился в течение предыдущей зимы чтением всего, что он мог собрать о помянутых местностях и многочисленными выписками, было для него весьма интересно, поучительно и оставило самые разнообразные впечатления. Вообще он встречал везде большое гостеприимство и все вообще лица, к коим ему случалось обращаться, изъявляли полную готовность быть ему полезными.

В то время все еще в России было спокойно и дела шли старым заведенным порядком. Дворянство пользовалось крепостным правом, имело многочисленную прислугу, даровых работников, закладывало имения в ломбарде, весьма легко получало отсрочки и разные льготы в уплате долгов, давало обеды, балы, веселилось в поместьях и губернских городах, мало читало и мало думало, готовило сыновей в гвардию, а из дочерей старалось образовать светских барышень с отличным французским произношением. В губерниях отличались роскошью и великолепными обедами винные откупщики, которые давали от себя добавочное жалованье чинам полиции и судебных мест. Чины эти жили спокойно и мирно. Губернаторы и архиереи пользовались большим почетом. Иногда ревизия из Петербурга нарушала обычную тишину. Газеты и журналы, состоя под надзором цензуры, не осмеливались говорить открыто ни о правительственных лицах, ни о распоряжениях

правительства, но условным языком проводили между молодежью разные ложные, нелепые теории и вредные учения, порождения больных, беспокойных умов Западной Европы.

Выше было сказано, что Головнина принимали вообще радушно, некоторые лица удивлялись его фантазии путешествовать по России и полагали, что, вероятно, у него есть какие-нибудь дела.

Вспоминая это время, одно из самых приятных в его жизни, он должен с благодарностью упомянуть о семействе старика Ивана Александровича Набокова в Новгороде, о наших известных московских писателях — Снегиреве, Хомякове, Шевыреве и Погодине, о Николае Максимовиче Княжевиче и Дмитрие Николаевиче Маслове — в Рязани, Борисе Ефимовиче Прутченко — в Нижнем Новгороде, казанском губернаторе Баратынском, попечителе тамошнего учебного округа Владимире Порфирьевиче и брате его Оресте Порфирьевиче Молоствовых и профессоре Казанского университета Казембеке как о лицах, у которых он встретил особенно ласковый, радужный прием. У Ивана Александровича Набокова, Н. М. Княжевича Б. Е. Прутченко он жил несколько времени в доме.

Выше сего были изложены впечатления, произведенные на Головнина положением крепостных крестьян и отношениями их к помещикам. Здесь остается упомянуть о некоторых других предметах, которые особенно поразили его.

В течение 1848 г. он побывал в 17 монастырях и в каждой губернии ездил к местному архиерею. Его поражало преобладание наружной, обрядовой стороны и отсутствие внутренней, главной жизненной части религии, т. е. учения, проповеди, влияния на нравственность. При подобном отличительном характере служителей церкви едва ли можно ожидать прочности и твердости религиозных убеждений в пастве. Высшие сословия должны неминуемо идти к религиозному индифферентизму; в низших — усиливаться раскол; между молодежью беспрепятственно распространяться разные вредные учения, которые не встречали отпора и противодействия со стороны тех, кому следовало бы быть учителями нравственности. Кастовое устройство духовенства, назначение священников не по призванию, жалкое воспитание в духовных училищах, управление епархиями архиереями из монахов, вовсе незнакомых с административною частью и требованиями мира, подчинение церкви светской власти и полицейское содействие служителям алтаря в отношении к раскольникам, отсутствие веротерпимости⁹, все это служит прямо ко вреду православия, религии вообще и подрывает самые основы народной нравственности. Монастыри не могли не произвести на Головнина самого грустного впечатления. Он решительно не мог понять возможности многочасовой молитвы и во всем образе жизни монахов видел действия противоестественные и не согласные с смыслом евангельского учения и высокими целями христианства, и с обетами, которые произносятся при вступлении в монастырь. Ему казалось, что в монастырях должны быть богадельни, больницы, школы и что вся жизнь иноков должна состоять, после краткой молитвы, в безмерном уходе за увечными, больными, страждущими и начальном обучении в школе, также в собственноручном труде, обработке монастырских полей, также в собственноручном труде, обработке монастырских полей, огородов, содержании монастырей в чистоте и проч., но он решительно не понимал благочестия в жизни здоровых монахов, которые проводят большую часть суток в стоянии в церкви на молитве, имеют камердинеров под названием послушников и освобождены от всякого труда.

Женские монастыри, которые Головнину случилось видеть, произвели на него такое же, но менее грустное впечатление, ибо он встречал там много престарелых, больных женщин, испытавших много горя в жизни и удалившихся в монастырь по неимению приюта в мире, притом неспособных уже ни к какой работе. Вид великолепных и многочисленных монастырских церквей не поражал Головнина, ибо ему приятнее было бы видеть одну церковь, но при ней большую богадельню, школу, больницу. Наконец, целый мир сплетен и пересудов совершенно искажал все значение лиц, так называемого «ангельского чина». Впрочем, справедливость требует сказать, что между православными епископами находятся многие, которые отличаются глубокою ученостью, и что духовная наша литература несравненно богаче, чем полагают вообще светские лица, весьма мало с нею знакомые.

В июне 1848 г., описывая свое путешествие по России, Головнин писал, между прочим, Ф. С. Лутковскому о монастырях следующее: «Разъезжая в Новгороде по

монастырям и заходя в одном и том же монастыре к нескольким монахам, мне случалось много раз в день пить чай; очевидно, что если б указ Петра Великого об упразднении монастырей был исполнен, а не отменен в последующее царствование, то кяхтинская торговля наша не имела бы нынешнего обширного развития. Бесспорно, что как потребители чая, монахи и монахини приносят большую пользу, и весьма значительная часть денег, жертвуемых набожными людьми в монастыри, переходит в поднебесную империю, где оживляет чайные плантации. Перебывав с тех пор, как мы расстались с Вами, в разных губерниях в 17 монастырях, получив благословение весьма многих архимандритов и игуменов, испив с ними многие и многие чашки чая, я с грустью вижу, что в этих учреждениях молитва обращена как бы в физический труд, ибо по природе человека духовной действие не может продолжаться несколько часов сряду, а держать тело несколько часов в вертикальном положении нельзя не считать трудом физическим. Слушать в это время чтение невозможно, ибо оно производится так невнятно, так быстро, что ничего нельзя разобрать и понять. Мало монастырей, где я находил практически полезные заведения. В этом отношении следует отдать полную справедливость Троицко-Сергиевской лавре, которая поразила меня обширностью своих истинно полезных заведений, содержимых в большом порядке. В школе учатся 200 мальчиков. Больница открыта каждому. Странствие есть билет для входа. Богадельня доставляет приют многим, которые шатались бы как нищие или умерли бы на улице. Конечно, если кто хочет употребить деньги с истинной пользой, то лучше всего сделает, если опустит их в кружку лавры, назначенную для подаваний на эти собственно заведения.

Возле лавры я был у митрополита Филарета во вновь устроенном ските. Он подарил мне экземпляр своих сочинений. При всем глубоком уважении моем к его высокому уму и учености, я должен сознаться, что его скит не оставил во мне приятного впечатления. Это не есть скромная пустынь, куда удалилось несколько стариков, чтобы провести немногие остающиеся дни в отдалении от шума житейского, снискивая скудную пищу своими руками и припадая с молитвой к престолу всевышнего, чтоб изъявлять ему покорность в страданиях, благодарить за испытанные в жизни радости, благодарить и за страдания. Нет, этот скит есть прекрасно устроенное заведение, где 30 взрослых мужчин, здоровых и сильных, проводят большую часть суток в стоянии в церкви в то время, когда один из них читает невнятно молитвы, каноны, псалтырь. Псалтырь читается в скиту непрерывно весь день и всю ночь. Я никак не могу поверить, чтоб молитвенное настроение души могло продолжаться так долго, чтоб была какая-нибудь польза от столь продолжительного стояния в церкви, чтоб подобная жизнь, без всякого труда на пользу ближнего, соответствовала духу христианской религии».

Выше было сказано, что из Новгорода Головнин ездил в Званку и в Грузино.

В Званке еще был цел большой господский дом, в котором жила Державин, но уже вовсе не было мебели. Старинный запущенный сад живописно сходил к реке по крутому берегу Волхова. Вид заброшенный усадьбы производил грустное впечатление. Сколько русских перебывало в Фернее и много ли съездило в Званку! Между тем знаменитый владелец Званки, слава и гордость России, доставил нам много самых чистых высоких умственных наслаждений. Головнин знал наизусть главные его произведения и часто вспоминал их. Ему казалось, что по крайней мере, кабинет поэта следовало бы сохранить в том самом виде, в каком он был при его жизни и неуважение к его памяти производило прискорбное чувство. Вообще должно сказать, что в России мало встречается хорошо сохранных остатков старины и жилищ людей, которыми она вправе гордиться.

В Грузине дом и сад недавнего временщика содержались в 1848 г. в большем порядке. Характер Аракчеева, наружное смирение с колоссальною внутреннею гордостью, являлся в разных надписях, как например, «без лести предан» — слова, составлявшие известный девиз его; «Государю-благодетелю по смерти его» — надпись на памятнике императору Александру и т. п. Аракчеева хорошо еще помнили, но воспоминания о нем были тяжелые. Кажется, что лучшее, что он сделал и что хорошо сохранилось и приносило пользу — это узкие шоссейные дороги, соединявшие между собою разные деревни. Военные поселения, которые Головнин еще застал в Старой Руссе, были решительно неудачною и даже вредною попыткою и сами местные начальники сознавались в этом. Они составляли огромную тягость, были причиной больших неудовольствий и пользы не приносили.

О поездке в Грузино, Старую Руссу и Новгород Головнин писал между прочим в июне 1848 г. Ф. С. Лутковскому: «В Грузино бывший лакей Аракчеева принес мне рифмованное описание прежней тяжелой жизни в Грузине, когда на всех тяготело там иго грозного помещика, и удовольствий нынешней беспечной жизни без барщины и больших работ. Стихи грузинского либерала весьма недурны.

В Новгороде мещане знают много из его древней истории и рассказывали мне о Марфе Посаднице, казнях Грозного, битвах и сопротивлении новгородцев и пр. Некоторые имеют даже портрет Марфы.

В окрестностях Старой Руссы, где издавна стоят войска гренадерского корпуса, мне рассказывали офицеры, что пребывание войск до того испортило нравственность народа, что теперь связка кренделей есть цена невинности и что родители сами приводят дочерей, чтоб по крайней мере взять подороже, ибо в противном случае и даром пропадет. Странное население составляют там пахотные солдаты, остатки прежних военных поселян. Они подчинены военному начальству, носят военный кафтан, бреют бороды, но никакой военной службы не отправляют, и ставят рекрут подобно крестьянам других ведомств».

В Москве Головнин часто виделся в то время с Погодиным, Шевыревым, Хомяковым и особенно с Снегиревым, почтенным стариком, большим знатоком московских древностей и истории каждой улицы, каждой московской церкви. Головнин старался познакомиться с воззрениями и стремлениями так называемых московских славянофилов, которым придавали тогда в Петербурге какое-то политическое значение, но эти воззрения представлялись крайне туманными. Сочувствуя этим лицам в стремлении изучать нашу старину, сохранять памятники нашей древности, Головнин не мог однако понять, что было бы возможно и полезно возвращаться к прежнему образу жизни, к прежним обычаям и находил, что нельзя отречься от единения с успехами европейской цивилизации. Ему казалось, что должно заимствовать хорошее как в Западной Европе, так и в воспоминаниях древней Руси и выбирать лучшее.

Вообще он никогда не мог въезжать в Москву без особого чувства благоговения к ее историческим святыням и ее высокому значению в жизни России и всегда видел в ней что-то родственное, близкое, сердечное, но он не мог желать этому, дорогому для русского, городу застоя и удаления от всего того, что составляет неоспоримый успех развития человека. По всему этому речи славянофилов были ему как-то непонятны. Он видел в них фразы, искусственность, преувеличение и не мог добаться практического смысла, не мог угадать, чего же они хотят, что бы наконец они сделали, если бы в их руках очутилась правительственная власть.

Мечты славянофилов сливались часто с политическими стремлениями панславизма и это видно во многих прекрасных стихотворениях ¹⁰ даровитого Хомякова, но эти стремления Головнин считал утопическими видениями поэта и не мог придавать им никакого серьезного значения. Он полагал даже, что если б внешняя политика России приняла подобное направление и поставила себе целью соединение всех славянских племен, то это имело бы только последствием восстановление всей Европы против России.

Из Москвы Головнин писал к Ф. С. Лутковскому, состоявшему при воспитании великого князя Константина Николаевича: «Если когда-нибудь разговоритесь о Москве с великим князем, то посоветуйте ему заехать там в архив Министерства иностранных дел. Там никто из особ императорской фамилии не бывает, а между тем там премного самых любопытных старинных грамот, книг, рукописей и пр. Там хранится подлинная переписка Отрепьева с семейством Мнишек, много писем Петра, договорные грамоты России с другими государствами подлинная грамота об избрании Романовых на царство. Она написана на обеих сторонах большого листа и начала было распадаться. Вместо того, чтоб сохранить ее, положив между двумя стеклами, которые запаять, ее наклеили на толстый лист бумаги и тем самым закрыли множество подписей. Драгоценный акт этот свернут как бы простой лист бумаги и хранится в сыром здании, которое зимой не топится».

Нижний Новгород с его живописным, великолепным местоположением, видом ярмарки с ее кипящею жизнью, разнообразием населения, величественная Волга, множество церквей — все это производило на Головнина сильное впечатление и он не мог довольно налюбоваться этим видом. Каждый день он ходил на ярмарку и знакомился с купцами, к которым имел рекомендательные письма. Особенность

способов производства торговли, эта смесь какого-то первобытного состояния оной, требований и обычаев азиатцев с некоторыми приемами европейских купцов поражала его и здесь, более чем где-либо, являлось и резко поражало наблюдателя отсутствие цивилизации, невежество, грубость, непонимание настоящих выгод и в то же время передвижение миллионов и огромная деятельность.

Продажа огромного количества товаров без денег в кредит, на долгие сроки, счет на бирки огромных сумм, запрашивание высоких цен и постепенная обоюдная сбавка за неисчислимым числом чашек чая, божба и клятвы на счет невозможности сделать уступку, которая чрез несколько минут являлась, грязь, нечистота, мелочная скупость и рядом — безрасчетные расходы у владельцев огромных сумм, все это соединялось на тесном пространстве ярмарки и все это доказывало одно — необходимость большого образования.

Должно при этом сказать, что потребность образования нигде не ощущалась самими жителями. Во время всего путешествия своего в 1848 г. по разным губерниям Головнин нигде не слышал жалоб на недостаточное число училищ, библиотек, учителей, весьма редко встречал кой-где одну или две газеты, одну или две книжные лавки и то только в губернских городах, а публичные библиотеки, в которые ему случалось заходить, находил обыкновенно без читателей. Библиотеки эти были крайне бедны и состояли большею частью из переводных романов. В то же время процветала в тех же местностях кухонная часть и у богатых помещиков нередко можно было встретить по 4 и 5 крепостных повара, которые учились у французов в С.-Петербурге и Москве. За жирными и роскошными обедами и ужинами, которые составляли как бы второй обед, выпивалось замечательное количество вина. Все это легко переваривалось желудками лиц, не утомленных никаким умственным трудом.

О пребывании своем в Нижнем Новгороде Головнин писал Ф. С. Лутковскому 30 августа 1848 г. из Казани: «В Нижнем я провел три недели, в течение коих почти каждый день бывал на ярмарке, познакомился с некоторыми купцами, пил с ними чай и разумеется расспрашивал о торговле. Оказывается, что мы ничего не знаем верного — сколько здесь бывает товаров, на какую сумму, куда и сколько посылается и в чем именно заключаются торговые обороты, барыши и убытки. Цифры, которые показываются в официальных донесениях и в сочинениях частных лиц не только не имеют приблизительной верности, но, напротив того, они умышленно бывают неверны и, следовательно, выводы, на них основанные, также неверны».

В Казани Головнин познакомился с несколькими профессорами университета и это знакомство оставило ему более приятные воспоминания, чем беседы с помещиками и административными личностями. Мусульманская часть города с ее мечетями впервые показала ему черты востока, который он потом видел на Босфоре в другом блестящем виде.

В то время еще находился в Казани восточный факультет, но некоторые профессора имели по одному слушателю, и молодые люди, которые посвятили лучшие годы жизни на изучение восточных языков, бывали принуждены для пропитания определяться учителями географии и арифметики в училища по уездам. Таким образом, все труды их оказывались потерянными, и они принуждены были заниматься делом, к которому вовсе не готовились. Библиотека Казанского университета и некоторые учебные кабинеты его были весьма богаты, но мало пополнялись. Вообще во всех учебных заведениях, где ему случалось тогда бывать, Головнин слышал жалобы на недостаток книг и вообще учебных пособий, без коих лучший преподаватель не в состоянии с желанием успехом исполнять свои обязанности¹¹.

Вступление в службу по морскому ведомству

По возвращении в Петербург Головнин по предложению князя А. С. Меншикова принял в ноябре 1848 г. должность чиновника для особых поручений при начальнике Главного морского штаба. Князь Меншиков был одновременно начальником Главного морского штаба, управлял Морским министерством и занимал место генерал-губернатора Финляндии.

Он не давал Головнину никаких поручений, никаких занятий, но, принимая ласково, разговаривал о разных предметах, касавшихся других ведомств и часто сам отыскивал в своей богатой библиотеке разные замечательные книги и давал ему для

прочтения. Таким образом, Головнину предстояло самому составить себе служебные занятия.

Занятия Финляндиею

Полагая, что в Морском министерстве по специальности предмета он не найдет полезной работы и что административными делами Финляндии уже занимается при князе Меншикове достаточное число доверенных чиновников, Головнин постарался заняться учеными статистическими работами относительно Великого Княжества. С этой целью он стал учиться шведскому языку, выписал некоторые финляндские газеты и разные книги, которые касались этого края, читал их, делал выписки, а летом 1849 и 1850 года, с разрешения князя Меншикова, ездил на несколько времени в Финляндию. Край был уже ему несколько знаком по поездке туда летом 1842 года.

Путешествия 1849 и 1850 года, к которым он систематически приготовился, были для него интересны. Он несколько раз побывал в Выборге и близ него, в Монрепо, у старика барона Николаи, отца его лицейского товарища, на Иматре, в Сердоболе, на Сайминском канале, в Фридрихсгаме и в имении князя Меншикова — Аньяле, в Борго, Гельсингфорсе, Або, Тавастгусе, Тамерфорсе, Нейшлоте, Куопио, Улеборге, Торнео, и на горе Авасакса, откуда 12 июня 1849 г. любовался полуночным солнцем. Несколько раз ему случилось проходить по живописным шкерам на пароходе, а внутри края он ездил и в коляске, и в финляндских таратайках, запряженных в одну лошадь и замечательных быстротою езды по превосходным финляндским дорогам. Об этих поездках, иногда в светлые летние ночи, по самым живописным местам, по дорогам, выющимся по гранитным горам, в сосновых ароматических лесах, по берегу бесчисленных и необыкновенно прозрачных озер Головнин вспоминает с особым наслаждением. После путешествий по России Финляндия представляла ему все особенное, другое, новое и все это живо интересовало его.

Результатом путешествия Головнина по Финляндии в 1849 и 1850 гг. было статистическое описание городов Великого Княжества, составленное на основании сведений, собранных на местах и почерпнутых им в разных книгах и местных временных изданиях. Это описание, составившее большой рукописный том, он представил князю Меншикову. Собственно для себя он собрал много любопытных замечаний о политическом положении края, разных партиях, которые там существовали, их различных стремлениях и воззрениях и чувствах финляндцев к России. Еще в 1842 г., когда поездка его в Финляндию была прогулкой, он был свидетелем, как на большом обеде в гостинице, музыканты из финляндцев отказались исполнить желание нескольких русских, которые просили их сыграть русский народный гимн «Боже, царя храни», музыканты отзывались незнанием и предлагали взамен оного играть финляндский национальный гимн¹².

Подобные случаи до сих пор (1866) в разных видах повторяются. В книжных лавках находились везде для продажи портреты шведского короля (доказательство, что они находили покупателей) и нигде не встречался портрет русского императора. Русские, жившие по разным причинам в Финляндии, везде говорили Головнину, что финляндцы отличаются совершенным незнанием России и непонятной ненавистью ко всему русскому. Они и не хотят знать России и ненавидят ее, хотя не могут указать ни на что дурное или вредное, что Россия им сделала и, хотя сами сознаются, что во время шведского владычества им было несравненно хуже и сознаются, что русские государи не нарушали финляндской конституции, которую обещали исполнять.

Может быть это обвинение против финляндцев в ненависти к России несколько преувеличено, но в нем много и правды. Причины их нерасположения к русским многозначительны. Финляндцы вообще бедны, умеренны в своих желаниях и образе жизни, но горды и домоседы. Оттого весьма немногие из них бывают в России и весьма немногие знают русский язык. Поэтому уже они России вообще не знают и вообще отличаются узкими взглядами. Те из них, которые бывают по службе в русских губерниях, чувствуют себя, вследствие своей бедности, в каком-то униженном, как бы зависимом положении и уже по одному этому недовольны, а привыкнув к законности, не легко переносят произвол, которому в разных видах подвергаются.

Между тем многое возбуждает в них зависть. Русское гостеприимство и хлебосолюство представляется им только нерасчетливостью и мотовством и редко когда внушает признательность. В самой Финляндии бывают большею частью русские, которые не в состоянии внушить большого уважения и сочувствия к России. Внутри края и в отдаленных городах это большею частью армейские или казачьи офицеры, мало образованные и нередко нетрезвой жизни, а в Гельсингфорсе летом на водах модные дамы и молодые люди, отличающиеся слишком нецеремонным обращением, широко расходующие деньги, отчего в Гельсингфорсе все становится дороже и многие скромные финляндские семейства уезжают оттуда на лето. Так было в 1842, 1849 и 1850 годах, когда Головин жил в Финляндии. Может быть после того многое изменилось.

Относительно правительства финляндцы соглашались, что права их, выговоренные в конституции, не нарушались, т. е. что без согласия сейма законы не изменялись и не издавались новые, налоги не увеличивались и новые не налагались, не были введены рекрутские наборы и войска Финляндии были употреблены на службу вне края не иначе, как их собственному желанию¹³. Они отдавали также справедливость русскому правительству в том, что все доходы Финляндии расходовались в самой Финляндии на ее нужды, но в то же время говорили, что во все царствование императора Николая сейм не созывался, что представители края не имели никакого участия в управлении оным, не имели случая совещаться о своих нуждах и желаниях, ни высказать их правительству и что от этого произошел полный застой во всех делах. Законодательство остановилось в своем ходе на пути необходимых улучшений. Между тем, в соседней Швеции сейм постоянно собирался, народ участвовал в управлении, законы и администрация улучшались; вместо финляндского застоя и мертвенности благосостояния края увеличивалось и везде являлись жизнь, деятельность. Сверх того, они жаловались на недостаток свободы вообще сравнительно с Швециею, крайнее стеснение печати и преследование со стороны правительства похвального направления, так называемых, финноманов к изучению и возвышению собственного финского элемента в крае.

Население края состояло из лиц шведского происхождения, к коим принадлежало все дворянство Финляндии и небольшая часть жителей других сословий, собственно на островах и по берегу Ботнического залива, и массы финнов или собственно финляндцев. Число последних было в шесть раз многочисленнее первых; между тем язык законодательства, администрации, школ, литературы был язык шведский, непонятный для массы крестьян и неприятный вообще лицам собственно финского происхождения. В числе последних — молодые ученые, некоторые пасторы, учителя, литераторы и университетская молодежь предположили обработать финский язык литературно настолько, чтоб он мог везде заменить шведский, отыскивать финские сказки, легенды, песни, печатать их, знакомить народ с историею собственно финнов, а не шведов, возбуждать в нем чувство своей национальности, равно отдельной как от национальности шведской, так и от народности русской самобытной и самостоятельной, независимо от политической связи Финляндии в прежнее время с Швециею и теперь с Россиею. За это дело с жаром принялись весьма многие и жертвовали время, труды и даже деньги.

Знаменитый Леннрот, исходивший пешком Финляндию и Лапландию, собрал в одно целое древние песни, которые старики-финны в длинные зимние вечера пели друг другу, покачиваясь в креслах старинного устройства. Таким образом составила народная поэма «Калевала», которую энтузиасты финской литературы называют финляндскою «Илиадою», изданы были финские грамматики, словари, арифметики и разные книжки для народного чтения, имевшие предметом географию, этнографию и особенно историю края. Газета «Сайма», которую издавал известный ученый Спельман, горячо поддерживала это направление и доказывала, что в народных школах, низших присутственных местах, судах язык должен быть не шведский, а финский. Князь Меншиков видел в направлении финноманов элемент демократический, либеральный в противность аристократическому, консервативному, к которому принадлежало дворянство и вообще шведская партия. Поэтому он старался парализовать действия финноманов. Газета «Сайма» была запрещена и было строго запрещено издавать на финском языке какие-либо сочинения кроме религиозного или сельскохозяйственного содержания. В то же время строгость цензуры была еще значительно усилена и для этого дела князь Меншиков нашел весьма усердных исполнителей между финляндцами шведской партии.

Все эти меры, принятые именно перед приездом Головнина в Финляндию, производили там большое неудовольствие против русского правительства, а пользы никакой не принесли. При следующих генерал-губернаторах русское правительство убедилось, что ему выгоднее покровительствовать финскому, нежели шведскому, элементу и что в направлении финноманов нет ничего демагогического и нет стремления к политической самостоятельности и независимости.

Одна из особенностей Финляндии, которая поразила Головнина во время его путешествия в Финляндии есть одинаковый уровень образования между чиновниками на разных ступенях администрации, пасторами, купцами, дворянами. Это объясняется тем, что они все учились в одном университете в Гельсингфорсе и все почти состояния весьма недостаточного.

Другая особенность есть та, что край представляется тем богаче, тем чище, чем далее подвигаешься к Северу. Народ, особенно женщины, там красивее, здоровее и нравственность лучше. Самая бедная, грязная часть есть так называемая старая Финляндия или Карелия, от Кюмени до русской границы. Из Северной Финляндии высшее, образованное сословие и притом самое достаточное, так сказать, аристократию края, составляют пасторы. Головнин у них останавливался и с благодарностью вспоминает гостеприимство, которое встречал у них. Грустное впечатление производят своим траурным одеянием и образом жизни, так называемые, пиетисты^{VII}, которые, вследствие ложного понимания высокого учения евангельского, отказывают себе в самых невинных удовольствиях и смотрят на землю как на юдоль плача и скорби.

Число периодических изданий в Финляндии было замечательно велико по числу населения. В то самое время, когда в наших губерниях, одинаково населенных, не издавалось ни одной газеты, кроме казенных ведомостей, в Финляндии считалось 18 периодических изданий. Сверх того в каждом городе находилась книжная лавка.

Назначение Головнина для работ по Морскому уставу в распоряжение великого князя генерал-адмирала

Занятия Головнина изучением Финляндии были прерваны назначением, которое он получил совершенно неожиданно осенью 1850 года. В сентябре этого года, во время отсутствия его из Петербурга, он узнал, что князь Меншиков назначил его в распоряжение генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича для работ по Морскому уставу, составление коего было поручено его высочеству. Это назначение совершенно изменило круг деятельности и образ жизни Головнина¹⁴. Новая деятельность его будет описана во II части его записок.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Из канцелярии статс-секретаря Лонгинова граф Толстой перешел потом также в Министерство внутренних дел, а вскоре по переходе Головнина в Морское министерство и граф Толстой поступил в Морское министерство. Он был человек весьма образованный, с многосторонними познаниями, чрезвычайно трудолюбив и способен работать долго и усердно над предметами весьма неинтересными, но в коих видел пользу для дела.
2. Даль составил в то время небольшой словарь особого условного языка этих мошенников, которых народ называл вообще «мазуриками».
3. Этим делом занималось другое ведомство, но иногда министру внутренних дел сообщались выписки из перлюстрированных писем.
4. К. Ф. Опочинин скончался в следующем году.
5. Ныне министром внутренних дел.
6. Феопемпт Степанович скончался в Петербурге в 1852 году.
7. Впоследствии число это дошло до 130 тыс. человек.
8. Адмирал Литке начал службу под начальством отца Головнина в 1817 году и потом бывал у Авдотьи Степановны.
9. Можно ли сказать, что есть веротерпимость там, где переход в другую веру наказывается потерю всех прав состояния и всего имущества и где люди, которые несколько веков

исповедают безвредные верования, не имеют права иметь свои церкви, отправлять публично богослужение и дети их не признаются законнорожденными, хотя родились от брака, совершенного по их обряду.

Можно ли считать самодержавными и сильными государей, которые не решаются отменить это и торжественно провозгласить действительную, полную веротерпимость?

10. Например, «Орел», «Остров», «России», «Вставайте, оковы распались», «Ода» и другие.
11. По возвращении в Нижний Новгород из Казанской губ. Головнин писал от 15 сентября 1848 г. Ф. С. Лутковскому: «Я чрезвычайно доволен поездкой в Казань и на развалины Болгар. Я видел край оригинальный, самое разнородное население, величественную природу на берегах Камы и Волги, высшую степень просвещения в университете и низшую степень невежества в идолопоклоннических племенах: щегольское благовоспитанное европейское общество в гостиных Баратынских и возле — целый татарский город с семью мечетями, гаремами и пр. Я был в Казани в несчастное для нее время, но весьма любопытное для путешественника, после 9 пожаров, которые были в течение двух недель. Говорят, что поджигатели открыты и город теперь успокоился, но в первые дни после моего приезда в большей части домов имущество было уложено в ящики и стояло в передней. Ложились спать, не раздеваясь. При каждом звуке церковного колокола не только дамы, но и мужчины вздрагивали и прислушивались: не набат ли это? Пожарные трубы дежурили во всех концах города».
12. Должно сказать, что Финляндский гимн «Vart Land», сочинение известного финляндского поэта Рунеберга, превосходен.
13. Коренное право Финляндии состоит именно в том, что для этих предметов необходимо согласие сейма, состоящего из представителей 4-х сословий: духовенства, дворянства, граждан и крестьян.
14. Это назначение, состоявшийся без ведома и желания Головнина, ввело его ко двору, тогда как он постоянно удалялся от него и вообще от придворного общества и во время службы своей в Министерстве внутренних дел отказался от придворного звания.

Примечания публикаторов

- I. Во время правления Карла XI (1660—1697), короля Швеции были введены вакенбухи, описи арендных имений, состоящие из показаний стоимости земель по оценке. В XVIII в. многие помещики стали заводить новые вакенбухи с завышением оценки земли и барщинных повинностей.
К 1797 г. были составлены официальные вакенбухи, которые и стали основанием Положения от 20 февраля 1804 г., о котором идет речь. Вакенбухи существовали до 1917 г. Подробнее см.: Ю. КАХК. «Остзейский путь» перехода от феодализма к капитализму. Крестьяне и помещики Эстляндии и Лифляндии в XVIII — первой полов. XIX вв. Таллин. 1988.
- II. Моравские братья (богемские братья, гернгутеры) — религиозная секта, основанная в XV в. П. Хельчицким в Богемии. Разочаровавшись в учении католической церкви, он стал проповедовать собственное учение. Оно заключалось в аскетизме, сохранении безбрачия, семи таинств, в признании только духовного причастия. Гернгутеры отвергали принесение государственной и воинской присяги, как несогласных с Горней проповедью. Название это произошло от саксонского имения графа Цинцендорфа — Герренгут, в котором в 1772 г. община получила убежище. В России братья жили в Сарепте Саратовская губ.
- III. Орднунгсрихтер (Ordnungsrichter) — земский судья.
- IV. В связи с крестьянскими волнениями в 1842 г. ландтагом было разработано 111 пунктов для решения крестьянского вопроса. Они стали объектом критики генерал-губернатора М. И. Палена. Для разрешения возникшего конфликта между лифляндским дворянством и генерал-губернатором был создан Остзейский комитет, который из решений ландтага выбрал часть параграфов, получивших название «77 дополнительных параграфов к крестьянскому закону 1819 г.». Подробнее см.: Ю. КАХК. Ук. соч.
- V. Rewold. (Aus den Reisetagebüchern des Gr. Kankrin. Braunschweig, 1856). В оригинале — текст на немецком языке.
- VI. Это приложение в данной публикации опущено (*Ред.*).
- VII. Пиетисты (от лат. pietas — благочестие) — течение, возникшее в лютеранстве в конце XVII в. и имевшее целью усиление влияния религии на основе благочестия и религиозного подвижничества в повседневной жизни.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1913 год

1.VI.

С сегодняшнего дня начал выполнение своей летней программы: весь день провел за занятиями, кажется, пошло на лад. К вечеру почувствовал головное утомление, хотя и делал перерывы. Не успел выполнить всего намеченного на сегодняшний день. Только вечером, когда закатилось солнце, прошел немного прогуляться.

Занятия заинтересовывают (я говорю не о греческом, а о Ниче¹, об языковедении, о русской истории).

2.VI.

Серенько. Был дождь — никуда не ходил гулять, весь день сидел дома. Кончил «Бесы» Достоевского. (Впечатление сильное несмотря на всю односторонность и преднамеренность автора, на его антихудожественные приемы). Занимался франц[узской] литературой. Написал письмо Кароль.

3.VI.

Я снова превратился в «кабинетного человека»: весь день за книгами, успеваю сделать меньше намеченного: больше времени уходит на греческий, на историю русскую и Греции. Но я не хочу торопиться, предпочитаю работать медленнее, но основательнее, восхищаюсь стилем Виппера — его простотою, «благородством».

Получил письмо от Шуры Андрианова — недоразумение с книгами. А у меня самого — недоразумение с свадебными обычаями местн[ых] хуторян. Гулял немного — вечером. Сыро...

4.VI.

Занятия, кажется, идут более быстрым темпом. Ездил с Мишею на «плавни» и речку Адагум. «Плавни» — болото, заросшее густым камышом; над болотом — многоголосый хор птичьих голосов. (Говорят, особенно интересна картина «плавень» ранней весной во время птичьего прилета), то здесь, то там взвиваются вальдшнепы, цапли, дикие утки, дорогою проезжали мимо насеки — живописная полянка, окруженная лесом, на поляне десятков пять колод, покрытых соломой, ласточки все время реяли вокруг нашего экипажа; охотничья собака «Дон», чуя добычу, стремглав носилась по полю. А поля колыхались пышною густою пшеницею, ячменем, рожью... Полоска синих гор на горизонте притягивала, манила в неизвестную даль. И все же, несмотря на богатство здешней природы, в ней что-то чуждое нашему северному складу; с любовью вспоминаются наши холмистые поля и серые деревеньки, сосна и береза милого севера.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 9—12; 1996, № 1.

5.VI.

Занятия; восхищение Виппером (его тонкий анализ Гомеровских поэм). Вечером, перед закатом — чудесная прогулка по полю и лесу; красивые поляны в лесу; чувство природы; желание путешествовать (манящие горы!). Группа веселящихся девушек (после заката).

6.VI.

Занятия. (Всего не успеваю!). Вечером — поездка на «большую поляну». Красота густого леса и лесных засеянных полей; яркие вечерние краски; хутор объездчика Белана; Скобелевский дуб (сохранившееся о нем предание: Скобелев пил под ним чай и стрелял в него в цель). Розовые отблески на опушке.

7.VI.

Сильный северо-восточный ветер. В саду метет песок, раскидывает ветки, за шумом деревьев не слышно голосов. На душе неясно и смутно, печальные мысли и тяжелые предчувствия мешают работе. За день сделал совсем немного.

8.VI.

Тише. Бодрее. Поездка на плавни лесной дорогой, обратно — красивой опушкой. Ясеновые полянки. Старые обожженные дубы. Кавказские горы в рамке леса. Впечатления на пасеке (улья — колоды, пчелиные рои, шалашик, костер). Сенокос, скирды. Кружащиеся в воздухе ястреба. Стихотворение Фета. Занятия — слабо: программы не выполняю.

9.VI.

Прекрасное тихое утро. Яркое синее небо. Солнечно, жарко, прогулка в поле, на вчерашнюю опушку. Мечты о путешествии по Черноморскому побережью.

Отдых. Чтение Фета. Поездка на Армянский хутор, вид на станицу от дубового леса, холмы Горишного хутора, оживленные, живописные «стихи»; возвращение в сумерки, мечты. Г. Письмо Сергею Александровичу².

10.VI.

Поездка в станицу Крымская. Казачий Суд. Греческие кафэ. Станичное Управление — казачий писарь и книги Кубанской области.

Роение пчел. Вечерняя прогулка: разноцветная заря на западе, слияние гор и небес — на востоке. Жизнь травы. Лягушечный концерт. Занятий — никаких. Грустное письмо — от Николая.

11.VI.

Пустой день: занятий — почти никаких. Томительно жарко, мысли еле двигаются, работать не хочется.

Надо серьезнее приняться за дела — не погубить лета. Но чувствую, что в моих занятиях историей нет былого одушевления! Нет прежнего чувства строгой ответственности перед собой за каждую минуту даром потраченного времени. Все чаще мелькает мысль: «Мое друг, суха теория всегда / А древо жизни вечно зеленеет».

Мне недостает этой яркой зелени жизни. Но я отгоняю от себя эту мысль — во имя ближайшей непосредственной задачи своей жизни.

Работать, работать!.. Письма Шуре и Николаю.

12.VI.

Бодрый трудовой день: равномерные занятия. Вечерняя прогулка.

13.VI.

Поездка в Екатеринодар. Осмотр города (картинная галерея и Музей Коваленко, археологический и естественно-научный Войсковой музей, памятник Екатерине II, городской сад и вид с высокой садовой беседки, пристани и река Кубань; загородная роща Чистякова). Общий характер города: экономический подъем и казачьи традиции. Обед в ресторане Центральной гостиницы. Симфонический концерт в городском саду. Мишины траты.

14.VI.

Возвращение из Екатеринодара. Тоскливое чувство, усталость. Занятия.

15.VI.

Чудесное, свежее, ясное утро. Бодрость, активность — в занятиях. Косьба ячменя (работа косилки). Местные типы: почтмейстер и акцизный чиновник, договор с арендаторами (полукрепостнические отношения). Перемены в Мише (логика положения). Исповедь Е. С. (местные сплетни, мелкие отношения).

Душный вечер в запертой комнате (сырость). Программы не успеваю выполнить.

18.VI.

Ясно. Утром и днем — занятия, вечером — письмо В. И. Доброгурской и А. Я. Исаковой.

17.VI.

День продуктивных бодрых занятий: первый день, когда я выполнил целиком программу. Русская история, французский романтизм воспринимаются с увлечением, с интересом. Перед закатом — далекая прогулка в поле, на лесную опушку. Косят ячмень, однообразно трещит косилка, неуклюже помахивая своими крыльями. На зеленом поле желтеют расцветшие подсолнухи. Пестреют разноцветные маковые головки. При блеске вечернего солнца экономя, хутора кажутся особенно живописными.

Наш сад благоухает ароматом распускающихся цветов — резеды, табака, метеолы. Милые гвоздики и флоксы ласкают взор разнообразием красок; только цинии — сухие и тусклые — кажутся бедными ненужными украшениями. Розовые переливы зари подернулись синевой, день замирает; я уйду с балкона и продолжая прерванные занятия.

18.VI.

Весь день — в занятиях; программу выполнил, но сделал мало. Работается бодро и весело. Вечером — совместная прогулка на бахчу, за огурцами.

19.VI.

Разбитый, пропавший день: приезд гостей расстроил налаженные занятия. Пришлось забиться в сад, днем ехать на промыслы, порядок дня смешался. Сделано мало и плохо.

Получил два хороших письма — от двух матерей, М. Ив. Андр. и Елиз. Петр. Дуглас.

Гости — люди деловой складки, скептически относящиеся к «идеям» и недоверчиво — к молодежи. Два разных мира.

20.VI.

Почти пустой день. Гости — обеды и пр. — выбили меня из колеи. Получил письмо от Ляли — печальное. Получил приглашение на экскурсию в Новороссийск от местн[ого] акциозного чиновника. Вечером гулял с Е. С. — она совсем неинтересна внутренне, духовно. Цыгане.

21.VI.

День — продуктивный: снова в спокойной, ничем не волнуемой обстановке. Усиленные занятия греческим (зубрю, как гимназист); штудирование Виппера (восхищаюсь тонкостью его анализа, простотой его отделки); изучаю лекцию по русской истории Богословского (в группировке материала — много самостоятельного, необыкновенно ясное изложение); вечером читал Розанова (о m-me-Stael).

Вечерняя прогулка. Мечты о научной карьере и личном счастье. Воспоминания о зимней работе («декабристы»). Летающие искорки — светлячки. Письмо от Сергея Александровича.

22.VI.

Настоящее лето — ясное, солнечное. Занятия до обеда — бодрые и продуктивные, после обеда — слабо. За Попова не принимался, вечером — изящный очерк Лансона о Сталь.

23.VI.

С утра — толкучка, снова гости: съехались инженеры и нефтепромышленники, на промыслах бьет фонтан, гости пьют шампанское и посылают князю поздравительные телеграммы. Вся эта толчея выбивает меня из колеи, комнаты заняты, на воздухе — жарко. Читал Rousseau. Писал письма своим, Лине, Елиз. Петр., Лене. Тупая ограниченность гг. П. меня раздражает, особенно ее безделье. Вечером читал рассказы Куприна: талантливо, живо, но грязно. Остался скверный осадок.

24.VI.

Настроение — неважное. Занятия (я мысленно работаю!). Прогулка.

25.VI.

Занятия — продуктивные. Книга Ниче не удовлетворяет меня: объяснение фактов — поверхностно и субъективно, экономические явления отсутствуют, изложение социальной истории — путанно. Лекции Богословского имеют много достоинств, но экономические явления и тут затронуты слабо.

Вечером ездили на большую поляну; поспевают рожь и пшеница, на ячменном

скошенном поле четверо рабочих устанавливают конную молотилку: работа — сложная. Мысли о труде и капитале. Независимость Мишиного характера.

26.VI.

Занятия — мало! Утром смотрел молотьбу, вечером — сеянье (мысли о крестьянстве, о книге Давида, об изучении агр[арного] вопроса). Любовь к средней России, ее сложные источники. Тяжелое впечатление от балканских событий. Письмо от Никол. и Веры Осип.

27.VI.

Экскурсия в Новороссийск. В полдень я прервал свои занятия, мы пообедали и отправились в станицу. Я переоделся и запасся плащом. Чувствовал себя возбужденным и бодрым: предстоящая экскурсия манила новизной впечатлений, впереди — горы и море.

Яркий солнечный день. Не жарко, в воздухе веет свежестью, ветрено. По обеим сторонам дороги — цветущие поля желтого подсолнечника. На пшеничных полях трещит косилка.

В 3 часа я был у Авдакова, в маленькой бедной квартирке акцизного чиновника. На станцию нас провожали его дочь, прелестная смуглая девочка, и жена, еще красивая молодая грузинка.

Мы едем в вагоне на соседнюю станцию Бакамская. Смотрю в окно — и люблю сочностью зелени и яркостью разворачивающихся красок. Местность принимает гористый характер. Зеленые склоны сменяются каменистыми обнажениями. Встречаются виноградники. Желто-красными кажутся созревающие поля. И яркой желтизной на темном фоне блестят поля подсолнечника. Перерезаем речку Баколку, болгарские огороды (искусственное орошение) и останавливаемся на станции «Баканская».

Маленький перерыв. Авдаков отправляется ревизовать винную лавку, а я карабкаюсь на зеленую гору, которая нависла своей громадой над полотном жел[езной] дороги. Узкая тропинка вьется все выше и выше, красивая панорама раскинувшейся столицы разворачивается перед глазами. Спускаюсь вниз, бесцельно брожу по станице и с равнодушной скукой сижу у сидельца винной лавкой невольным свидетелем ревизии.

Смеркается. Из-за гор выбегают темные облака, порывами дует ветер. Неужели к дождю?..

В станичном правлении мы заказываем лошадей и отправляемся в путь, в ближайшую станицу: Неберджаевскую. Оттуда, завтра утром, мы двинемся в Новороссийск.

Сумрак сгущается. Лошади быстро несутся проселком, поднимаются выше. Налево и направо — гористые склоны, подрытые «хмеренью» (пустырником). Внизу широкая глубь долины и в ней сверкают огни станицы. Лунный блик прорезает темные бегущие облака, все кругом затуманилось — и видно и нет; в наступающей темноте все кажется большим и таинственным. Перед нами, петляя, искрятся светлячки, два-три крупные крутые спуска — и мы в станице Небержай; 7 верст позади нас.

Мы останавливаемся на «общественной квартире» (чиновников): большая изба и с божницей, олеографиями и седой старухой — хозяйкой. Авдаков ведет меня к станичному атаману — простой рядовой казак, и после небольшой прогулки, мы подкрепляем силы и — спать.

28.VI.

Просыпаемся и встаем без времени — часов нет ни у меня, ни у моего спутника. Наскоро собираемся и — в путь без чаю и умывания. Пасмурно, ветрено. От недавнего сна, несвежего лица, и рта как-то не по себе. Идем бодро навстречу зеленым вершинам гор. Они все ближе и ближе, дорога становится оживленной, змеится, огибает одну гору за другой. Все гуще зелень на их склонах: кустарник сменяется лесом, и только местами выступают складки известково-глинистого сланца. Мы — в горах: они — впереди, сзади, направо, налево, отделенные глубокими зарослями, обрывистыми долинами. Их вершины — закругленны и мягки. Весь пейзаж напоминает природу Крыма — перевал Феодосий — Судак и часть Севастопольско-Ялтинского шоссе: нет угловатой дикости утесов, бездолинных пропастей, речных стремнин, все плавно, мягко, ласкает взор густою сплошной зеленью.

Мы делаем привал на берегу реки Неберчай. Я раздеваюсь и вхожу в ее воды — мелко, но чисто. Закусываем с аппетитом и тем же спокойным, неторопливым шагом движемся дальше. Минуем самое красивое место на всей дороге — загиб, оттененный лесистыми склонами. Вдали первые «лысины»: на вершинах вместо деревьев — серозеленая трава, там бродит стадо; точь-в-точь, как в Крымской Ялте. В стороне струится с вершины родник — мы туда, и с наслаждением глотаем холодную чистую вкусную влагу; рядом крутые известковые обрывы — следы дождевых водопадов.

Проходим по нему [?], на которой одиноко возвышается памятник: здесь 35 казаков легли костями под натиском трехтысячной массы горцев; это — один из многих эпизодов в истории покорения Кавказа (на памятнике дата — 1862 год).

Подходим к войсковой ферме — здесь живет знакомый Авдакова, лесничий. Он принимает нас, показывает хозяйство — коров, бугаев, йоркширских свиней, «молочную», пасеку. Мы закусываем по-деревенски — картофелем, помидорами, огурцами; запиваем виноградным вином и горячим молоком и — снова в путь. Лесничий показывает нам ближний путь через лес, тропинкой. Мы круто поднимаемся на горы, врезаясь в чашу леса, над нами свисают ветви дуба, бука, граба, чинары; мои спутники рвут грибы, я — землянику. В просветах леса открываются роскошные виды на лесистые горы. Еще родник... Последний крутой подъем — и мы идем ровной дорожкой вдоль обрыва. Лес по-немногу пропадает, склоны гор обнажаются, бедная чахлая травка и мелкий размытый известняк сопровождают нас до самого перевала. Мы подходим к краю вершины — и перед нами, вдали, в низине, открывается Новороссийск и зеленый краешек бухты. Красные черепичные кровли, симметричные ряды улиц, нефтяные баки, свистки паровозов и пароходов — общее впечатление большого приморского города. Мы спускаемся вниз крутой тропинкой по обнаженному скату; открывается панорама центральной части города и широкого лазурного моря, перерезанного у берегов прямой линией мола. Море здесь голубое, а там, близ горизонта, — светло-зеленое, над ним, на светлом небесном фоне, темно-синяя туманная кайма.

Мы в городе, идем по «Стандарту»: пыльно, чахло и сухо. Мы утомлены и еле двигаемся бесконечными улицами, мимо элеватора, через жел[езнодорожный] тоннель, по набережной. Я люблю море, забывая усталость; оно слегка волнуется, плескаясь о берега. Налево — пристань, эстакады, крупные грузовые пароходы, подъемные краны, трубы цементного завода.

Центральная часть города не производит особенного впечатления: небольшой южный город с одной оживленной (и тоже очень!) улицей. Магазины уступают по величине и богатству ростовским и екатеринодарским. Много кафэ. Ни одного специально книжного магазина. Чахлый гор[одской] сад, бедный собор и жалкая пустынная городская площадь. Но море, море! Какая красота, сколько в нем притягательной силы! Раньше, путешествуя по Каспийскому и Черному морю, я не испытывал такого восхищения. И так досадно, что приходится тратить время — ходить по магазинам и помогать Авдакову в его покупках. Тянет на мол, на катер...

Мы идем купаться и я, не отрываясь, слежу за лазурною гладью... Сбрасываю одежду и погружаюсь в соленую свежую влагу. Как хорошо! Плыву, и волны бегут мне навстречу, одна старается захлестнуть меня, и я ощущаю во рту соленую воду. Выхожу освеженным и бодрым. С досадой возвращаюсь в город, брожу по пыльным улицам, нанимаю номер в паршивых номеришках (отель «Париж») и теряю весь вечер на «развлечения» с Ник. Дм.: он ищет меня весь день, и мне неловко его оставить, вернее, не хочется причинять ему неприятного, и с наслаждением глотаю персики, пью какао; снова иду на море (к сожалению, на мол не успели!), стараюсь утолить жажду холодным пивом, еду, неизвестно зачем (поневоле, из чувства товарищества), на «Стандарт» и кончаю день кинематографом (сентиментальная мелодрама с рядом эффектов). Вечер — хуже дня; чувствую себя несвободным и духовно чуждым моим спутникам. Возвращаюсь в «отель» и нескоро засыпаю. В теле усталось, а тут — грязно и шумно.

29.VI.

Ранним утром, невыспавшиеся, мы с Ник. Дмитр. покидаем Новороссийск. После пешеходной прогулки зеленые горы кажутся знакомыми и мало интересными. Проезжаем два железнодорожных тоннеля и один 3-верстный. В вагоне душно, тесно и грязно. Хочется спать. Мыканье по станции, пыльная дорога, заметная боль в ногах.

Весь день — какое-то чувство отчужденности. После дороги я с удовольствием принял душ и после обеда 3 часа проспал глубоким укрепляющим сном. Вечером читал Лаксона. Получил письмо от Николая.

30.VI.

Утром — занятия греческим. Днем — поездка на Адагум, на хутор; провели там весь день, ловили рыбу «пауками» и раков — «хватками»; пили чай, гуляли. Красота Адагума — в лесу. Плавни. Дамбы. «Гвардеец» Егор. Сходка на Плавенском хуторе, розовые тучи. Письмо М. И. Андриановой.

1.VII.

Усиленные и продуктивные занятия. Вечером — небольшая прогулка. Страстное стремление к научной работе.

2.VII.

Занятия — бодро, только за Ничем, его мелочным и путаным изложением, утратил внимание.

С почты прислали книжку Вересаева — я за чаем проглядел «На повороте», всколыхнулись старые мысли, но отношение к повести — уже иное, не то, что прежде. Мысли о себе, о своем настоящем и будущем.

3.VII.

Рвение к работе. Неприятное чувство зависимости. Плоская ограниченность окружающих. Мой эгоизм. Письма С. А.

4.VII.

Весь день — в занятиях, чувствуется утомление, душевное спокойствие нарушено грубостью Миши — его криками, бранью и даже рукоприкладством по отношению к рабочим. Это спутало все мои занятия и даже вызвало мысль об отъезде.

5.VII.

Жаркий летний день. Косят овес. В перерыве занятий я на полчаса выбегаю в поле — струится горячий воздух, ярко синее небо, солнце горит и блещет.

Вечером, во время прогулки, когда сгущались сумерки и наступала ночь, я размышлял. Лежал в гамаке, вверху шелестели деревья, лунные лучи серебрились сквозь ветки, лежал онемевший и неподвижный, во власти нахлынувших образов.

Получил от Николая Ключевского. Весь день работал — без утомления, не торопясь. Выполнил всю программу. Письмо от папы — о деньгах.

6.VII.

Изнемогал от жары. Воздух — горяч и душен. И днем и вечером, и в комнате и в саду одинаково томительно. Охватывает чувство расслабленности, исчезает свежая бодрость. Занимался медленно и с трудом.

А тут еще — безграмотная мешанина — в лекциях Попова о Византии! Первый раз мне приходится готовиться по такому невежественному учебнику. Не нравится мне и жанр и манера изложения у Савина (Людовик XIV): мелочно и непросто! Письмо от Николая.

7.VII.

Воскресенье — занятий никаких. Весь день письма — Николаю, нашим, Маринушке, Филатьевым. Повеял ветерок от моря, стало прохладнее:

8.VII.

День пропал — не мог заниматься от болей в животе, а вечером — от лихорадки. Ощущение расслабленности.

Читал Лансона, Аничкова — о Мольере, переписывал письмо Филатьевым.

9.VII.

Болезнь прошла, занимался весь день продуктивно. Получил письма от папы и Ал. Никол.

10.VII.

День занятий. Усваивается быстрее и крепче. Получил от В. И. книгу Штромайера.

Неприятное впечатление — от Мишиных насмешек и зубоскальства Н. Д. Личная независимость — выше всего! Не следует допускать фамильярной простоты — в отношениях с малознакомыми людьми. Поменьше открытости — это охрана личного достоинства.

11.VII.

Меня утомляет однообразие и бедность моей жизни — непрерывное зубрение сухих университетских учебников. Лекции Любавского, Савина, Попова, Сперанско-

го — серые, бездарные, не возбуждающие мысли, книга Поржезниского — сухой компендиум, только лекции Сезамова смягчены чувством автора, заинтересовывают своим содержанием. Лекции Богословского построены по той же шаблонной схеме, но лучше всех — ясны, сжаты, выделяют самое важное, оригинальны в частности. Конечно, изящные, проникнутые глубокой и тонкой критической мыслью (но слишком воздушные!) лекции Виппера стоят особняком.

Целый день сидел, читал, конспектировал, к вечеру заползла в душу серая ноющая тоска. Не в силах был сидеть за Поповым и принялся за «Боярскую думу» Ключевского. И сразу стало — свежо, интересно и живо.

12.VII.

Сегодня окончил Нича (остался неудовлетворенным: нагромождение фактов, недостаточно ясная соц[иальная] группировка, преобладание внешних событий, выдвигание личности, неясность общих линий) и Богословского.

В течение дня сделал мало: очень задерживают подробные конспекты и «вызубривание» — Поржезинского и Попова. Наблюдение за жизнью животных: кошек, свиней, птиц.

13.VII.

Занятия — менее продуктивные. Снова — гости. Мысли об А. К. и сем[ейном] счастье. Охотник Кирокозов, его собака, его рассказы.

14.VII.

Занятие в бане. Чтение «Б.д.»: тонкое кружево научного исследования; мысли о границах самостоятельного творчества в историч[еских] работах. Чтение «Мизантропа» Мольера: изящная красота стихов, благородство и нетерпимость Альцеста, обаятельная прелесть Семинелы, лицемерие света.

Дух сытой эгоистической буржуазии — за обедом (Зурабов — ее воплощение). Дух энергичного и юркого разночинца в инженерере Сорокине; его сынишка (влияние серого практицизма семьи).

Письма Доброгурской, А. Н. Исаковой, Викт. Исак., поздравительная открытка Лине.

15.VII.

Чтение, конспекты, — чтение, конспекты, — чтение, конспекты... Ощущение вялости и слабости в теле; мало движения и форм физич[еского] усилия. Однообразие умственной работы. Чувство неудовлетворенности.

16.VII.

Занятия идут успешно. Вечером исправлял текст договора с землемером: пригодилось мое юридическое мышление.

Вечером ходил смотреть на молотьбу. Веселая живая картина напряженного кооперативного труда. Снова и с прежней силой ощущаю прелесть деревни. На душе бодро.

17.VII.

Мысли о красоте права — его логически-стройных и ясных норм. Почти непрерывные мысли о будущем. Занятия. Вечерняя прогулка. Красота малой поляны, освобожденной от скошенного хлеба.

18.VII.

Занятия — медленны. На душе — серенько. Женщины у молотилки; красавица Люба.

19.VII.

Занятия — плохо, усиленная работа воображения, на душе — беспокойно. Газетная заметка о смерти Черемухина; мысли о Нат. Мих. Нумерация книги — в помощь Мише.

20.VII.

Занятия — слабее: снова не выполняю своей программы, работаю медленно. Вечером отправился в далекую прогулку, это освежило меня. Живой интерес возбуждает французская литература.

21.VII.

Лень отдыха, утром быстро и с интересом читал Штрамайера (лекции по педаг[огической] патологии) — впечатление гнетущее; прочел Лансона о Шатобриане. Гости, далекая вечерняя прогулка — прекрасная дорога в лесу!

22.VII.

Занятия — сдосно. Мешают гости; раздражает их самодовольная и сытая

ограниченность. Дух плоской животной-грубой буржуазии. Особенно этот — З., внушающий мне настоящую антипатию своей грубостью и глупостью.

23.VII.

Занятия совсем расклеились, безалаберщина. Паровая молотилка. Инженер Шубинский, разговор о юге.

24.VII.

Занятия неважно. В доме — дым коромыслом. Снимались. Вечерняя прогулка. Золотое расцветенное закатом небо.

25.VII.

Получил «Введ[ение] в филос[офию]» Челпанова и два письма: одно — от Дуглас, другое — от Шуры Андрианова. Геолог Губкин, его карьера, «Шаша». «Кара-мара». Гости уехали.

26.VII.

Занятия наладились вновь. Получил письмо и книги от В. И. Доброгурской. Снова грубая сцена у Миши.

27.VII.

Начал «Введ[ение] в филос[офию]» Челпанова. Получил письмо от Кароль, П. А. и от Гали с Люлей.

28.VII.

Опять — Зурабов с землемером: Писал письма — С. Алекс., В. Иосиф., М. Ив. Андр. Мишина болезнь.

29.VII.

Утомление.

30.VII.

Бодро. Занятия.

1.VIII.

Уехали гости. Занятия шли энергично.

2.VIII.

В доме тихо. Занятия сначала — бодро и продуктивно. Днем и вечером — глупые мечты, отрывавшие от книги. Лунная ночь — голубое сияние. Воспоминания и мысли о будущем.

3.VIII.

Безумная жара. Еле дышишь. Окна в доме все запреты. Вечером ездил на большую поляну. Измученные истомленные рабочие кончают молотьбу. Солнце садится. В воздухе носятся тучи стрекоз. Обратный путь — через лес. Стемнело. Жутко. Лесные шорохи. В поле — лунное сияние и хор мириад кузнечиков. Мысли о человеческой грубости, о Христе, о храме будущего. Умер Авг. Бебель, великий ветеран социализма, «Unser August». Светлый образ бескорыстного борца за будущее, который светил нашей юности.

4.VIII.

Письмо Гале и Люле. Письмо от А. Н., Е. Н., Ник.

5.VIII.

Занятия. Письмо от С. А. Голубцова.

6.VIII.

Занятия.

7.VIII.

Воспоминания и мечты. Приступы тоски. Неудовлетворенность окружающей обстановкой. Желание отъезда. Сознание неисполненной программы.

8.VIII.

Занятия — «так себе», вечером — лучше.

9.VIII.

Настроение ясное, бодрое. В воздухе что-то освежающее. Хорошее письмо от А. В. Филатьевой. Цинизм «Шаши».

10.VIII.

Приезд князя Н. Меликова. Мое волнение, неловкость, ощущение несвободы. Мысли об этом.

11.VIII.

Мое фальшивое положение. Чувство самоуничтожения.

12.VIII.

Лицемерное просительное письмо отца к Мише. Сильнейшее желание уехать.

Занятия совсем расклеились. Самочувствие — отвратительное.

14. VIII.

Занятия — лучше. Не хочется уезжать, не «закруглив занятия».

15. VIII.

Письмо от С. А.: запись на экзамены назначена на 16—23. VIII. Еду 19-го. Мысль об отъезде, о перемене впечатлений, о предстоящем годе — о научной работе и планомерном педагогическом труде — подняла мое настроение.

16. VIII.

Спешу использовать оставшиеся дни усиленными занятиями.

17. VIII.

Получил от С. А. Университ[ет]. Обзорение и распределение лекций. Впечатление — грустное: ни одного интересного курса, Виппер и Богословский читают старые курсы, пестрят фамилии Алмазова, Ясинского, Успенского и пр. Семинарий Мих. Мих. Богословского — повторение прошлогоднего.

Составил расписание своих занятий — опять неутешительные выводы. 36 часов еженед[ельных] уроков! Предчувствую неизбежную лихорадочную спешку и недоделанность работы. Но ощущаю прилив энергии и знакомое чувство стойческого самоотречения. Будущее начинает терять свои радужные краски.

18. VIII.

Занятия не ладятся. Читал беллетристику: К. М. (Нетипично! Чувствую отвращение к женщинам подобного рода), Куприна (правдиво, жизненно, сочно) расск[азы] Журн[ала] для всех.

19. VIII.

Сборы. Прощание (симпатии окружающих). Отъезд. Еду во втором классе, бодрость. Письма от Гали и Люли. Впечатление и мечты о них. Книги — от В. И.

20. VIII.

Весь день в вагоне. Серое небо, однообразная степь, неинтересные спутники. Читаю Шатобриана (красочность, изящество, меланхолия, но однообразие, грустн[ый] мотив и какая-то расслабленность), «Вертера» Гете (больше мужественности, силы, душевного движения; вторая часть захватывает — нарастанием страсти), «Отелло» Шекспира (Напряженная страстная сила! Резко очерченные характеры! Впечатление большое).

21. VIII.

Пейзаж сменяется: ели, сосны, зеленые луга, фабрики, сохи, серые избы; церкви, странницы, серые картузы. Милый родимый север! Как хорошо, покинув его на несколько месяцев, вернуться вновь и впитывать его знакомые впечатление, так резко контрастирующие с недавними южными. Поезд несется, мелькают подмосковные дачи, Москва с ее золотыми главами. Она мне кажется грязной, когда я еду по улицам. Неприветно и тесно в пыльной квартире. Энергично принимаюсь за уборку своей комнаты.

Теплая встреча со своими. Баня. Долгая вечерняя беседа с Ал. Никол. Бодро! В весе прибавился: 4 п. 8 ф.

22. VIII.

Полдня затратил на хождение по Москве: записался на экзамены, сделав покупки и пр. Теплая встреча с Е. П. Дуглас. Вечером сидел за Саллюстием.

23. VIII.

Поездка в Царицыно — на дачу к Андриановым. М. Ив. была мне искренно рада и оживленно, от души, рассказывала о своих впечатлениях. Я мало говорил, но между нами было хорошее теплое настроение. В конце заговорил о деньгах — и все пропало... Сразу — неискренняя нотка, струя холодности... С отвратительным чувством ехал обратно, серо, тучи и мелкий дождь.

Переводил Эсхила.

24. VIII.

Поневоле пришлось уйти в Тург[еневскую] читальню. Взял Лессинга, «Натан Мудрый», и читал, не отрываясь, с захватывающим интересом. Образ Натана — величавоспокойный, кристально-чистый, светлая идея человечности и веротерпимости — подействовал на меня умиляюще. Обед у Е. П., ее рассказы, ее оживление. Вечером — у Степановых: собрались все, и Пузановы и Степановы (день именин Петра Степ.); но я чувствовал себя отчужденным, и это передавалось всем. Именно здесь я резче всего чувствую свое запоздалое студенчество.

25.VIII.

В занятиях отстаю. Был Викт. Исакович и рассказывал о своих летних впечатлениях на постройке Волжского моста.

26.VIII.

Утром — в бегах, после — занятия.

27.VIII.

Весь день безвыходно — за книгами. На душе — спокойно, спокойно, и мир людей кажется далеким и чуждым.

28.VIII.

Музыка колоколов. Письмо Гале (оно подняло меня).

29.VIII.

Боль в ноге — хирургическая операция в лечебнице. Письмо Люле.

30.VIII.

Весь день в постели (нога!). Был Николай, папа. Занятия — вяло: работаю медленно. Мечты и воспоминания. На душе — спокойно, спокойно. Безденежье, болезнь не волнуют, не мучат...

31.VIII.

Занятия; на перевязке; ненужные, нехорошие мысли; в университете — бесплодно; письмо С. Александровичу.

1.IX.

У Степановых, у Андриановых — относительно начала уроков. Мар. Ив. приняла меня очень любезно. Лидия Эрвиновна. Получил аванс. Составлял планы занятий.

2.IX.

Неприветливо — серо. Начало моих уроков — никакого одушевления, смертная скука!..

Записался в библиотеке, сделал покупки, отдал деньги нашим и Ал. Ник. Был в университете, беседовал с членом правления О[бщества] взаимоп[омощи]. Убеждал меня вступить в члены правления («Вы для нас находка!»). Не при моих занятиях! Вечером — подготовка к экзаменам.

3.IX.

Первый урок с Шурой (впечатление не блестящее). Покупки. Перевязка. Филатьевы не приехали. Беседа с В. Исак. Поржезинский. Известие о Рыбакове (запрос фак[ультета] о магистерском экзамене).

4.IX.

Дела разнородных впечатлений. Утром, во время к уроку с Лелей, пришел Коля Изензе (просил навести справку у Адольфа), во время урока с Верой пришла Над. Яковл., просила меня достать книги Жене, передавала отзыв и благодарность О. Вл.). В университете — толчея; расписания экзаменов нет! Задержался из-за красильни и опоздал к Андриановым на целый час. Шура все тот же, но я спокойнее... Вечером — у Филатьевых, приехали Люля и Галя; встреча вышла несколько принужденной, Галя — скучная, прежнего радостного волнения нет! Когда я заговорил о письме, заплакала и убежала. Отчего? Вернулся взволнованный. Весь день — в спешке. Занятий — никаких.

5.IX.

Леля — слаба, Ш. — так же рассеян, но сам я спокойней. Объявлено частичное расписание экз[аменов], начинаю усиленно готовиться. Вечером был у Филатьевых вместе с Викт. Исаковичем; чувствовал себя свободным — и это передавалось девочкам.

6.IX.

После утренних уроков — в гимназии Потоцкой; познакомился с г-жей Потоцкой, говорил с Л. А. В университете — беседа со Львовым; объяснения М. М. Богословского по поводу его семинария (эпоха Николая I); непременно условие вступления — знание иностранных языков (мое угнетенное настроение, сознание своей слабости). Перевязка. Урок с Ш. — то же (моя неподготовленность). Почти не занимались — нет времени!

7.IX.

Ремонт в квартире — кавардак! В университете окончательно объявлено расписание экзаменов: на следующей неделе каждый день у меня по экзамену. Успею ли подготовиться?! Постараюсь во что бы то ни стало! Сегодня и завтра засаживаюсь за языковедение.

8.IX.

Сегодня — первый урок с Филатьевыми. Удачный (подготовился утром, наско-ро, наспех; но был в ударе). Только в 4 часа засел за подготовку. Сажу и быстро пробегаю страницы книги. Успею ли?

Шел на экзамен спокойным, но когда вошел в аудиторию и услышал вопросы Поржезинского, охватило чувство неуверенности, сознание своих недостаточных знаний. Надо знать все, до мельчайших деталей, а разве мои знания так тверды? Может быть, буду держать в пятницу.

После полубессонной ночи и первой неудачи настроение отвратительное. И снова — сознание обделенности и отреченности. Встреча с М. М. только усилила это чувство. Гнет матер[иальной] необеспеченности, гнет обязательного «хлебного» труда, поглощающего и время и силы!..

Готовлюсь к завтрашнему экзамену по истории русской литературы. Неужели случится то же самое?..

10.IX.

Экзамен по истории лит[ературы] выдержал! Университетские встречи. Мое спокойствие. Письмо от З.

11.IX.

Экзамен по истории з[ападно]-е[вропейской] литературы не состоялся: не пришел Розанов, отложено до завтра. Полдня проболтался в университете. Присутствовал на экзамене по греческому автору; здесь, слушая вопросы и ответы, я принял окончательное решение: экзамен по Эскину отложить до января, разбором заняться с каким-нибудь классиком.

Вечером пришлось идти на урок к Филатьевым, вернулся в 9 ч. — что же осталось на подготовку к «Саллюстия»? Решил «самовольно» отложить его до пятницы.

12.IX.

Сдал Розанову экзамен по з[ападно]-е[вропейской] литературе (хорошо). Весь день повторял Саллюстия. Семинарий Богословского: взял тему о Киселеве (общую с С. Ал. Голубцовым), первое заседание, как всегда, волнующее. Пропустил, как и вчера, урок у Андриановых.

13.IX.

Экзамен у Покровского — удачный. Университетские встречи. Лечебница. О. А. Целикова и предложение продолжать занятия на курсах.

14.IX.

Подготовка к экзамену по логике. Экзамен у Челнокова в Психологическом институте (очень удачный!). У своих. У Андриановых. Приборка.

15.IX.

Приборка, составление планов личных занятий, уроков. В 5 часов пришел П. и до 12 ч. без перерыва говорил, говорил... Это переливание из пустого в порожнее разбило мои занятия и надоело мне. Получил аттестат «архивного историка», погибшего для жизни.

16.IX.

Весь день уроки. Вечером — на именинах у Люли Филатьевой (ее возбуждение, рассказы об экскурсии в Боголюбово и Владимир).

С В. И. — по телефону; сообщил мне, что после реферата о декабристах я прослыл на своем факультете националистом и крайним правым. Не было печали!..

17.IX.

Уроки, поздравления — В. Осип. (ее рассказ о Т. С. Шестоковой, ее оскорбленном чувстве). Урок с Филатьев. (Неудачный — томительный). Поздравл. — маме.

18.IX.

Начал работу над рефератом — чтением книги Забл[оцкого]-Десят[овского]. Недоволен темой — она использована. Письмо Мише и З. Недовольство собой во время урока с Ш.

19.IX.

Забастовка трамваев — оживление старых чувств. Пешком по Москве. Семинарий Бахрушина по Смутному времени — одушевленно и захватывающе интересно. Урок Ф. и беседа с Ал. Владимировной. У Пузановых — условились относительно времени уроков.

20.IX.

Уроки до 5 часов, после 5 ч. — Кред[итное] О[бщест]во, выборы. Бежал с Девичьего поля на Петровку, от быстрой ходьбы повредил ногу, домой брел еле-еле; пришел измученный, голодный, не способный ничего делать. В Кр[едитном] [общест]ве встретил С. И. Сытова («Шура идет в гору»). Вечером — беседа с Елиза. П. (о несчастном Леле и пр.). Был в старом московском домике вдовы Богоявл.

21.IX.

Болят нога. На урок шел полтора часа, обратно — три. Встретил С. Каменецкого (говорили о начинающемся подъеме, о смене поколений, о новых настроениях в прол[етарской] среде). Получил «Известия О[бщест]ва фабр[икантов] и зав[одчиков]» с подписью: редактор Кубацкий (с.-д. на службе капиталистам!). Спешно готовился к вечернему уроку. «Учредительная беседа» у Пузановых: мальчики решили разбирать Островского. (Обмен мнений довольно холодный).

22.IX.

Забастовка, вопреки газетным известиям, продолжается: трамвай не ходит. Урок с Ф. вышел неудачным во всех отношениях. Чувство усталости. У своих. Планы занятий. Чтение Кап[итанской] дочки.

23.IX.

Уроки — сносно. Утомительное хождение разбивает время, лишает возможности приступить к изучению темы. Вечером — биограф[ия] Островского и увлечение ею; оживленные воспоминания юности. Баня — 4 п. 7 ф.

24.IX.

День — в уроках. Вечером — унив[ерситетская] читальня (чуть-чуть читал о Киселеве) и «Кармен» в Б[ольшом] театре. Опять воспоминания юности, нет прежней непосредственности в восприятиях, впечатление казенной сцены.

25.IX.

День — в уроках (кажется, все налаживается). Подготовка к уроку у Филатьевых, урок у них, разбор «Капитанской дочки» (удачный), усталость.

26.IX.

Урок. Газета — начало дела Бейлиса (общ[ий] подъем). На выборах в Кред[итном] о[бщест]ве. Вечером — чтение Шекспира; «Обрыв» в кинематографе (обаятельный и нравственно очищающий образ Веры).

27.IX.

После урока с Л. и В. отправился в университет по вызову канцелярии, канцелярия направила меня к Соболевскому, секретарю факультета, он сообщил, что факультет присудил мне премию имени Внуковского («За что?... — За... ну, Ваше прилежание; вообще мы присуждаем ее хорошим студентам»). Премия — мизерная, походит на гимназическую награду (книги на 9 р.), но сюрприз неожиданный, возбудивший мысли и окрыливший меня.

Вечером — у В. И., у Пузановых (обмен мнений по поводу Сережи Гурьева).

28.IX.

Уроки, уроки... Только вечер свободен. Отзыв о Сахновской.

29.IX.

Подготовка к уроку с Ф., урок у них, план Волод[ино]го сочинения, занятия с ним. Вечер у П.

30.IX.

Уроки. В Унив[ерситете] — Ек. Влад. (о Черемух). После ур[оков] — унив[ерситетская] читальня. Именины М. П. Подг[отовка] к colloquium'у.

1.X.

Уроки. Чтение «Записок Басаргина» (те же впечатления от декабристов. Красота их страдания). У д-ра Сегалова, его совет М. И. Андриановой. Мое отчаяние (все то же — наука и борьба за существование).

2.X.

Уроки. Печальные впечатления от Шуры. Кредитное о[бщест]во — встреча В. А. Блюменау; инцидент с шарами³. У наших. Мимоходом — к Пузановым (взгляд Жени — ее милое «поссоримся»).

3.X.

Урок с Шурой?... тяжело... Семинарий в университете, беседа с С. Ал., иронические взгляды студентов. Урок с Филатьевами, волнение и слезы Гали.

4.X.

Уроки. Подготовка. Немного Заблоцкого-Десятовского.

5.Х.

Шура — одно отчаяние. У Филатьевых — нескладно. С мальчиками — оживленнее. Беседа с Е. П. о Леле. Утомление.

6.Х.

Утром — вожделенный отдых. Вопросы Володе. Кред[итное] о[бщест]во. Ольга Борисовна (ее провинциализм). У Пузановых (Женя!). У наших (спор с дамой). Расчеты после шубы. Тупик — в занятиях...

7.Х.

После уроков с Лелей — Университет (книги, встречи с знакомыми студентами: Фокин, Бартенев, С. А., Круглов, Дилевский и проч.) У Аминовых — тяжелая атмосфера (Коля в санатории, распущенность и ожесточение Вари, дряхлость Софьи Ивановны). Шура — кажется лучше...

После уроков и обеда — читал Заблоцкого. Мысли, гипотезы зароились в сознании, вырисовывается идея реферата, хочется работать. Воочию вижу все значение юридического образования — в занятиях истори[ей].

8.Х.

После урока с Шурой — отчаяние и решимость бросить занятия несмотря на взятый аванс (90 р.!) и призрак грозящей нужды. В газете — юбилей «Русских ведомостей», праздник русской интеллигенции. Вечером был С. А., мы беседовали о нашей общей работе, читали очерк Ключевского о Соловьеве, беседовали по поводу затронутых философско-исторических вопросов, решили совместно следить за текущей исторической литературой, с этой целью распределили между собой научные журналы, ежемесячники, библиографические обзоры, наметили цель собраний — вечер каждого воскресенья.

9.Х.

С Лелей — плохо; тяжелое впечатление — от урока с Филатьевыми, мои вопросы по истории не встречают ответа, их мысль работает туго, затронутые темы не возбуждают интереса. Люлино сочинение аттестовано «плохим».

10.Х.

Урок с Ш. — плохо: мои шатания. Семинарий Бахрушина. Именины Лили. Весь вечер — Забл[оцкий]-Дес[ятовский], мысль работает, личность Киселева становится привлекательнее, первоначальное понимание образа меняется. Письмо от Миши — смерть Ал. Ник.

11.Х.

Уроки. Мимоходом — у С. Ал. Кред[итное] о[бщест]во. За рефератом — к В. И. Вечером — чтение. Письмо от Лины из Ташкента. Мое равнодушие и отчуждение от людей.

12.Х.

Уроки. Заезжал к С. А. и видел Марию Ал. (ее тон!) У В. У. взял реферат. Беседа с мальчиками. Пузановы — Женино рождение, я ушел раньше появления А. К. Румянцевой. Вечером был студент Турбин и взял мою работу о декабристах вместе с библиографией и книгами (он пишет кандидатское сочинение). Беседовали с ним об Университете. Мысли о стипендии на будущий год.

13.Х.

Подготовка к уроку с девочками. Урок (кажется, удачный — о Возрождении). Чтение. Наши. Вечером — поэма Козлова, образы двадцатых годов, статья Ключевского. Мой эгоизм.

14.Х.

Уроки — сносно. В Читальне Островского (историческая библиография). Вечером — занятия. Баня (4 п. 5 ф.)

15.Х.

Урок с Ш. — сцена, нервозность, отчаяние. Днем — Забл[оцкий]-Дес[ятовский]. Вечером был у В. С. Бартенева, внука известного историка. От его квартиры в кавалерском корпусе Кремлевского дворца, от библиотеки его деда и отца, от самого В. С. на меня повеяло совершенно особым укладом мыслей и настроений, далекими от современности. Повышенный интерес к русскому прошлому, но интерес по преимуществу бытовой, склонность к конкретному, единичному, в частности, к «интимной истории», к анекдоту; слепое доверие к устной традиции, к молве, даже к сплетне; отсутствие синтеза и логической последовательности, но увлечение эпо-

хой, любовное отношение к старине, умение подмечать, ловить ее характерные черточки. В. С. познакомил меня с материалами, извлеченными из архива Н. М. Муравьева: письмами и заметками. В высшей степени интересно; многое подтверждает выводы моего прошлогоднего реферата.

Неужели Мария Волконская так далека от привычного прекрасного образа? Неужели «русские женщины» — красивая сказка для маленьких детей?

16. X.

Уроки. Читальня Островского («Русская старина»). Кред[итное] О[бщест]во. (Хлопоты относительно урока у Ф.). У Пузановых и В. Иса-ковича. Шекспир.

17. X.

Уроки (Ш. — плохо!!!). Шекспир. Урок у Филатьевых (характеристики героев в «Генрихе IV»): моя одушевленность, подъем Люли, печаль, апатия Гали. Усталость. Письмо от Н.

18. X.

Неудача в Рум[янцевской] чит[альне]. Читальня Тургеневская (Островский). Чтение. Получил работы Куб. Встретил Шнейера.

19. X.

Сцена на уроке с Ш. Андриановым — твердое решение бросить урок. Тяжелые мысли, недомогание, чувство отчужденности и недоверчивости к людям. Увлекательные записки Никитина.

20. X.

Утром — неудачная поездка в Санаторий Кащенко (поиски преподавателя для Ш. Андрианова). Свободный промежуток времени (до Кред[итного] о[бщест]ва) использовал на прогулку; утро — осеннее, ясное, здесь, на окраине Москвы, ближе к природе: сады, кучи опавших листьев, в воздухе — приятный, бодрящий аромат листьев, земли и воды. Смотрел Погодинскую избу, обошел кладбище Новодевичьего монастыря: могилы Чехова, Соловьевых, Милютиных; усыпальница русской аристократии (кн. Толстых, кн. Волконских, Тучковых, Паниных, Столыпиных, Муравьевых и др.); уютную нежно убранную могилу Савицкой. Ходил и думал — о ценности накопленной культуры, об уважении к прошлому; это прошлое — наше, его не вычеркнешь; самая попытка пренебрежительно вычеркнуть его из сознания говорит о духовной узости. У наших. С. А. не пришел — горькое чувство. Увлекательная записка Никитенка, много нового, ощущение силы, энергии, захватывает картина борьбы за право свободной и содержательной жизни.

21. X.

В санатории Кащенко. Беседа с С. Н. Крюковым, осмотр музея. Болезнь М. Ив. Андриановой. У. Л. Э. Туша (о Шуре же). Чувство физической и нравственной усталости. К Л. А. не пошел... Читал Заблоцкого (III том — серый) и Никитенку (сама жизнь). Письма Лине и Мише.

22. X.

Уроки с Л. и Ш. Именины у Дуглас (обед, рассказы Ол. Ал. Несслер о жизни провинциальных учительниц). Урок у Филатьевых (девочки скучали за Сумароковым; моя неподготовленность); односторонность ехромантизма. Усталость и чтение. Приглашение в ложу Худ[ожественного] т[еатра] и Фил[армонию].

23. X.

Внес плату в Университет, записался на лекции, заказал книги в унив[ерситетской] библи[отеке]. После урока с Ш. — читал в Рум[янцевской] чит[альне] статьи Готье о Киселеве (слабо!). Вечером — беседа с Леоновыми, Н. И. ночевал у меня. Сговорились с А. И. относительно урока.

24. X.

Тяжелое чувство от газеты — от речи прокуроров в деле Бейлиса. Мучительное ощущение во время урока с Ш., опять — горло!.. Предложение урока через Е. П. Дуглас. Семинарий Богословского: беспорядочно, шум и малосодержательно. Чувство отчаяния (мысли о предстоящем безденежье, невозможность научно работать, заваленность уроками).

Урок с Филатьевыми (их увлечение рыцарством). Была П. А. Алексеева — оставила теплую записку. Составлял план реферата.

25. X.

С. Н. Крюков дал неутешительный ответ на мою просьбу: ни один преподаватель (санатория) не может взять моего урока, в свою очередь получил неожиданное

приглашение — вступить в число преподавателей Санатория — руководить воскресными экскурсиями по музеям — и т. д. Конечно, отказался.

Занятие с Ш. — одно мучение. Имел продолжительный серьезный разговор с Андриановыми. И рад и не рад создавшемуся положению.

Урок с Вол[одей] Пуз. и Сер. Г. становится все более «учебным». Приглашал на вечер в гимназию Потоцкой. Читал IX том Карамзинской истории (Грозный). Речь Маклакова.

27.X.

Урок с А. И. Леоновым — вяло и серо; с Ф. — промахи. Был у Кл. Н. Кузьминой — беседа об уроке; 12 часов в неделю, курс женской гимназии, 50 р. в месяц. Надежная ли только ученица? Хорошая замена андриановского урока. Но удастся ли найти преподавателя «прекрасному Шурочке»? Провинциальная глушь Ольховской ул., рассказы об о[бщест]ве игры на народных инструментах, оркестр Сергея Ивановича Гучкова; мануфактуристы «Красного села».

У своих. Вечером был у меня С. А. Голубцов; делали взаимный доклад о текущей исторической литературе, беседовали на исторические темы, немножко сплетничали об Университете. Письмо от сестры. Франц[узские] распри в Петербурге.

28.X.

Вечером вышли экстренные приложения к «Русскому слову»: Бейлис оправдан, еврейство обвинено. Инсценировка — до конца. Правительство добилось своей цели, присяжные или подобраны, или опутаны, приговор, несомненно, будет использован в погромных целях; травля не кончилась — она начинается. Что творится в эту минуту в Киеве? Может быть, от завода и от больницы Зайцева не осталось камня на камне? Гнусное время! Письмо от Н. И. П. из Гренобля (Баня — 4 п. 4 ф.).

29.X.

У Б. А. П. Весь вечер писал доклад врачу о занятиях с Ш. Андриановым.

30.X.

Вечером Худ[ожественный] театр (в ложе с Филатьевыми) на Николае Ставрогине. Инсценировка упростила произведение Достоевского, сделала центром личные отношения Ставрогина к окружающим. Великолепна внешняя сторона постановки. Большинство исполнителей — превосходно, некоторые слабы (груба Бутова Варв. Петровна, слишком наивна и проста Лиза — Коренева, невыдержанна губернаторца); пьеса смотрится с интересом, но некоторые сцены медлительны; надрыв, игра на нервах. Ночевал Николай.

31.X.

Сегодня А-вы были у Кащенко, его диагноз: у Ш. — садизм и онанизм, занятия должны быть радикально изменены, выкинуто все отвлеченное; моя задача — искать нового преподавателя. К. нашел мою записку очень хорошей. Жаль мальчика и родных.

Семинарий Богословского прошел скандально: «референт» опоздал, собравшиеся не разошлись только случайно; реферат (его «разбирали» минут 10) оказался бессодержательной галиматьей, дополненной наивными и глупыми комментариями автора; после всеобщего хохота и резкой нотации М: М. семинарий был распущен. Первый раз наблюдал на семинарии в Университете подобную картину.

Вечер в Большом театре: Шаляпин в «Борисе Годунове». Яркий, выразительный, художественно-тонкий образ.

1.XI.

Получил в Университете свою премию — 4 тома Ключевского. Новая выходка Ш. Мои работы и хлопоты о новом преподавателе. Подготовка к завтрашнему уроку бес[порядочна]. Занятия опять стали!..

2.XI.

Хлопоты относительно преподавателя — Шуре. Отказ К. Н. Кузьминой от урока. Мое отчаяние. Подготовка к уроку. Разговор обо мне Богословского с Рыбаковым.

3.XI.

Урок. А. И. Письмо Л. Филатьевой. В. Тургеневской читальне. Серг. Ал. — беседа, библиография, статьи Ключевского. Днем — Пильщиков, мое отчуждение от р[абочей] б[юрократии].

4.XI.

Груда писем и толпа чающих — с предложением взять мой урок у Андри-

ановых: врачи, окончившие университет, различные факультеты университетов, учительские институты и семинарии, студенты, курсистки, семинаристы, гимназисты. Шура плачет и просит меня остаться.

У Филатьевых — Люлины слезы, Галина истерика, тяжелый отзыв гимназии, возбуждение Александры Владимировны. Все-таки гимназия допускает в своих действиях много неосторожного. Уроки — весь день, утром недолго — в унив[ерситетской] читальне. Встреча с Шилкарским (он держит магистерские), рассказывал о восходящей звезде, Арсеньеве.

5.XI.

Возобновил занятия в унив[ерситетской] читальне. (Вечером был Н. Д. Моисеев). Читал Макбета — к завтрашнему уроку.

6.XI.

Весь день — в напряжении уроков, переездов и тяжелых разговоров (о Тине — с В. Я., о Шуре — с М. И., о Филат. — с Л. Ал.). Опять груда писем, наскоро переписал записку о Шуре. После урока с Фил. беседа с Л. А. (опять и долго она говорила о моем вступлении в число преподавателей Гимназии Потоцкой). Утомление.

7.XI.

Утром — уроки (Леля — лучше!), днем — Семинарий Богословского (приличные рефераты, довольно живые прения; предложение А. М. Ф. вступить в частный обществ[енный] семинарий); вечером — на педаг[огическом] собрании в гимназии Потоцкой (отзыв о Л. и Гале, обаятельное впечатление от Елены Алексеевны Ефимовой, серенькое — от Конст. Григ. Локс.; тщательная индивидуализация отзывов; оппозиционность родителей; дипломатия педагогов; слабость класса). Письмо Н. И. Латышевой.

8.XI.

Уроки. Объяснение с Ал. Влад. и Галей. Усталость — умственная и моральная. У своих.

9.XI.

Уроки и подготовка к урокам. Самочувствие тяжелое.

10.XI.

Тяжелая голова. После урока с Ал. Ив. пошел к Филатьевым; сегодня — день Люлиного рождения, ей минуло 16 лет, я купил ей букетик ландышей — хотел напомнить ей весну и Богородское. После урока (девочки слабо рассказывали!) был чай, несколько натянутая беседа и праздничный обед — с шампанским и криками «ура!» А. В. была крайне любезна со мной, Люля была весела (ее реферат о Макбете — удачен). Галя — убита (вчерашняя неудача по геометрии, неуверенность в себе, страдание самолюбия, неостывшее душевное возбуждение). А. В. сообщила мне условия урока у своего брата (тяжелые!)

После поехал к Бартеневу и еле узнал его, беседовал о Муравьеве и проч. Вернулся домой — тоска, тоска!..

11.XI.

Старинная наивная игра на фортепиано. Она напоминает прошлое — уютную молодость в дворянских усадьбах, нежную теплоту семейных чувств, блестящие и ярко освещенные залы начала минувшего века.

Возобновил чтение, понемногу успокаиваясь, проходит утомление, но возвращается прежнее сознание безрадостного одноцветного одинокого существования.

12.XI.

Подарил Шуре портрет Гоголя, читал ему сказку Л. Н. Толстого, советовался с М. И. о выборе преподавателя. Был у С. Ал. (он показал мне работу Зайцева о Киселеве — юридич[еский] анализ законодательства с той точки зрения, которую я наметил при разработке темы). Заезжал к Ф. Был у Ал. Влад. Зуева и вел переговоры об уроке с его сыновьями; урок тяжелый (один мальчик — почти идиот), и я не возьмусь за него. На учред[ительное] собрание не пошел. Немного занимался. Написал письмо Н. И.

13.XI.

Совершенно неожиданно — через Женю — Л. А. предложила мне урок. Вечером был у нее и узнал условия: «поставить гимназистку V класса по математике и по-русски; три-четыре раза в неделю, 25 рублей в месяц». Берусь, хотя трушу за математику. Сговоримся завтра на концерте.

Девочки Филатьевы меня не радуют: не учат уроков, не могут овладеть темой. С Ш. Андриановым, кажется, заканчиваем занятия. Жду — не дождусь окончания.

14.XI.

Последний урок — прощание с Шурой (урок-экзамен в присутствии нового преподавателя), расстались очень тепло. Вечер в гимназии Потоцкой — встречи и разговоры; моя неловкость, конфузливость, тоска и страх перед новым уроком математики. Недобрые предчувствия. Надо во что бы то ни стало овладеть курсом алгебры и геометрии V класса. Чего бы это ни стоило!

15.XI.

Милые славные девочки! Они мне светят, как яркие звездочки, их любовь поднимает и одушевляет меня. Сегодня в театре их близость была мне так радостна и мила...

Театр освежил меня. Это был отдых: тургеневская пьеса в исполнении художественников. Красота постановки, тонкость игры, прелесть поэзии проникающей пьесы. Легко, приятно, смотрится с наслаждением.

Весь день штудировал алгебру. Ощущение покоя и чистоты: так непривычно отсутствие урока с Шурой.

16.XI.

Уроки с Л. и с Верой. У Бешенцовых. Опасения.

17.XI.

Уроки. Печальные итоги — у Филатьевых (неудачный урок). У своих. Серг. Ал., Вера Осиповна Доброг[урская?].

18.XI.

Весь день, между уроками — подготовка к уроку литературы у Беш. Девочки — слабы! Недовольство собой.

19.XI.

Весь день — геометрия. Тоска и опасения. Баня — 4 п. 3 ф.

20.XI.

Второй урок с О. Бешенцовой, — некоторое успокоение. Впечатления от Лидии Константиновны.

21.XI.

Утро Озаровской (чтение сказок и пьесок; выразительность чтения, дефекты утра). Урок у Ф.

22.XI.

Уроки. Вечером заходил к Ф.

23.XI.

Урок у Б. — совсем, совсем неудачный, мое отчаяние. Сейчас же после — беседа у П. с подъемом, который захватил мальчиков. Проверял сочинение по истории Володи. (Слабо! Ненужные мелочные подробности, нет обобщений). Вернулся измученный около 1 часа ночи. Сережа Гюгенен поднес мне календарь собственной работы.

24.XI.

После урока с А. И. Леоновым — в Большом театре на Сев[ильском] цирюльнике Россини (Нежданова, Шаляпин) — хорошо! Урок с Ф. — неудачный. Горькие мысли.

25.XI.

Уплатил профес. гонорар в университете. Толчая — в канцелярии («Шаховская комиссия» и пр.). Уроком с Б. больше доволен, но сама девочка — глухая неподатливая стена. Математики еще не трогаю. Забегал к Пузановым (изящно-лестный отзыв Н. Яковлевны). Беседа по телефону с Лидией Алекс. (после Синевых) — указание пособий. Вечером — возобновил занятия по Киселеву. Получил письмо от Нади.

26.XI.

Наконец-то я вернулся к занятиям. Утренние часы провел в читальнях — за Киселевым; оживают прежние мысли и образы. Работал продуктивно. Очень заинтересовался статьями Вел. кн. Ник. Мих. Остальные полдня — урок с Ал. Ив. и подготовка к уроку по математике.

27.XI.

После утренних уроков — геометрические задачи. После уроков с О. Б. (серо, но чувствую себя бодрее) — чтение Заблоцкого и талантливой работы Зайцева.

28.XI.

Между утренним уроком и обедом — наслаждение научных занятий в университетской читальне, урок с Ф. — недоволен! После — алгебраические задачи.

29.XI.

После утренних уроков — геом[етрические] задачи. Был у Андриановых, нескладца с уроком (разочарование в новом преподавателе). В университетской библиотеке читал интересно написанную критическую статью Энгельмана и серые, настоящие «немецкие» записки Броудке. Говорил по телефону с В. С. Бартеневым, между прочим, он предложил мне научную работу у его отца: составление «камерфурьерского журнала» к эпохе XVI века.

Читал «Грозу» Островского и вновь переживал глубокое и сильное впечатление — до слез.

30.XI.

Университетская читальня — засиделся за старинными журналами. У Белинцовых⁴, после урока (как будто удачно) — объяснение с Л. Конст. Уроки только утомляют Олю, кажется, все плохо. С мальчиками — разбор «Грозы», довольно оживленно. С Володей «история»: он не явился на молебен в приходской церкви — в день гимназического «праздника» — и принес записку от родителей; директор (III гимназии) вызвал его и 4 товарищей и обратился к ним с речью: «Мерзавцы, дрянь! Знаете ли, что делают с солдатами, если они не знают своего полкового праздника? Их бьют в морду!»... В наказание В. должен отстоять в воскресенье, от 9 до 11 ч. в приходской церкви. Это — насаждение религии, нравственности и эстетического чувства.

Получил записку О. А. Целиковой (приглашение на вечеринку на Пролетарские курсы «от лица всех преподавателей») и безграмотное любовное послание от девушки-мастерицы — неожиданное и вызвавшее во мне неприятно-тоскливые чувства.

1.XII.

Урок с Филатьевыми, кажется, плодотворнее. У наших — сцена с матерью (ее эгоизмом, унижение, ложь). Беседа с С. А.

2.XII.

Тяжелая голова. День — пропал. Урок с О. Б. — горький осадок (промахи, еесслабость). Вечер у В. С. Бартенева (его библиотека, дневник Кордовлева, разговоры о Муравьевых, отголоски «крайне правых настроений», книга его отца о Кремле).

8.XII.

Девочки обнаружили самое слабое знание курса истории литературы... У Синевых; объяснение темы — Лидии Александровне, беседа о гимназии Потоцкой. У Пузановых — беседа с О. Вс., просит меня уделить после Рождества 1 час Сереже. (Беседы по сочинениям).

9.XII.

Тяжелый день, Конкурс⁵ наложил арест на папину пенсию — денег не выслали; арестовали 9 р., которые Лина перевела в Москву из Асхабада. Перед нашими — призрак нищеты, передо мной — новое, на этот раз самое тяжелое и опасное препятствие в моем стремлении к намеченной цели. Первая мысль — об Университете, о научной работе, о предстоящем напряжении сил.

Вероятно, придется ехать в Курск и хлопотать на месте. Написал Михаилу Вас. Орлову. Необходимо посоветоваться с товарищами — юристами. Снова стала работа по реферату...

Примечания

1. Современная транскрипция — Ницше (Nietzsche F. W.).
2. Голубцову.
3. Ради заработка Н. М. Дружинин и некоторые другие студенты помогали на выборах в Кредитном обществе, где во время баллотировки подавали шары.
4. Фамилия не поддается точному прочтению: Белинцовых или Бешенцовых.
5. Конкурс в дореволюционной России — собрание кредиторов для рассмотрения дела несостоятельного должника.

Почему Япония не напала на СССР

А. А. Кошкин

После получения сообщения о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз подписавший лишь два с половиной месяца назад в Москве советско-японский пакт о нейтралитете министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока срочно прибыл в императорский дворец, где весьма энергично стал убеждать японского монарха как можно скорее нанести удар по СССР с востока. Отвечая на вопрос императора, означает ли это отказ от запланированного наступления на юге, Мацуока настойчиво рекомендовал: «Сначала надо напасть на Россию... Нужно начать с севера, а потом пойти на юг. Не войдя в пещеру тигра, не вытащишь тигренка. Нужно решиться»¹.

В Японии советско-германскую войну рассматривали как редчайшую возможность осуществить вынашиваемые годами замыслы захвата советского Дальнего Востока и Сибири. Прибывший из Европы генерал Т. Ямасита докладывал 7 июля 1941 г. военному министру Х. Тодзио: «Мощь германской дивизии вдвое превосходит боевые возможности стрелковой дивизии Советского Союза. По сухопутным силам Германия более чем в два с половиной раза превосходит СССР. По самолетам преимущество в три-четыре раза. В результате внезапного нападения существует большая вероятность уничтожения Красной Армии и быстрого завершения войны». Генерал Ямасита предупреждал о том, что после окончания войны в европейской части Советского Союза Гитлер может двинуться в Сибирь и на Дальний Восток. Он убеждал Тодзио отказаться от теории «спелой хурмы»^{*} и оккупировать восточные районы СССР до окончания германо-советской войны. «Время теории «спелой хурмы» уже прошло, — говорил Ямасита. Выжидание может ускорить объединение США с СССР. Даже если хурма еще немного горчит, лучше стрясти ее с дерева». Это мнение разделял и японский посол в Москве. Ё. Татэкава, который 5 июля сообщил в Токио, что якобы «Красная Армия потеряла веру в победу, и падение Москвы является лишь вопросом времени». Он рекомендовал «самостоятельно решить вопрос о Дальнем Востоке»². Однако в Токио решили не проявлять поспешности, ожидая, когда «Россия, как спелая хурма, сама упадет в руки».

Политика и стратегия Японии в отношении Советского Союза после 22 июня 1941 г. строилась на основе концепции вступления в войну против СССР в момент «наиболее благоприятный» для империи. Заместитель начальника генштаба армии

* Под теорией «спелой хурмы» в Токио понималась ситуация, когда терпящий поражение от Германии Советский Союз вынужден будет перебросить на запад большую часть своих дальневосточных войск, что позволит Японии легко захватить советский Дальний Восток и Сибирь.

К. Цукада заявил 26 июня на заседании правительства и императорской ставки: «Мы выступим, если почувствуем, что условия особо благоприятны, и не выступим, если они будут неблагоприятными». В то же время соблазн воспользоваться тяжелым положением СССР и захватить восточную часть его территории был велик. 2 июля 1941 г. на секретном совещании высшего военного и политического руководства Японии в присутствии императора один из наиболее влиятельных политических деятелей страны председатель Тайного совета К. Хара заявил: «Война между Германией и Советским Союзом является историческим шансом Японии. Я желаю, чтобы мы напали на Советский Союз... Кто-то может сказать, что в связи с пактом о нейтралитете было бы неэтично нападать на Советский Союз... Если же мы нападём на него, никто не сочтет это предательством. Я с нетерпением жду возможности для нанесения удара по СССР. Я прошу армию и правительство сделать это как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен»³.

Однако не все были сторонниками незамедлительного нападения. Наиболее осторожные представители японского руководства опасались за возможные последствия опрометчивого шага. Выражая эти опасения, начальник генерального штаба императорской армии генерал Х. Сугиями предлагал несколько повременить с нападением. Его позиция сводилась к следующему: «Нет необходимости говорить, что мы должны в связи с советско-германской войной действовать в соответствии с духом Тройственного пакта (Японии, Германии и Италии. — А. К.). При этом наиболее подходящим для нас будет некоторое время не участвовать в этой войне, так как мы в настоящее время предпринимаем меры по урегулированию китайского инцидента (так в Японии называли развязанную в 1937 г. войну с Китаем. — А. К.), а наши отношения с Великобританией и США находятся в деликатном состоянии. Но, если события германо-советской войны будут благоприятны для нашей империи, я полагаю, мы используем силу для разрешения проблем на севере»⁴.

Эта точка зрения возобладала на совещании 2 июля. По результатам обсуждения был принят основополагающий документ «Программа национальной политики империи», в котором говорилось: «Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции... Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему»⁵. Этим одобренным императором решением вооруженное нападение на СССР было утверждено в качестве одной из основных военных и политических целей империи.

Несмотря на то, что германские войска в первые недели войны смогли продвигаться в глубь территории Советского Союза и создали угрозу Москве и Ленинграду, в Токио не спешили с выводами о скорой победе Германии. Японские руководители внимательно следили за начавшимся в середине июля Смоленским сражением, в результате которого, как признают японские историки, «советские войска упорным сопротивлением задержали продвижение немецкой армии, чем было выиграно время для обороны Москвы»⁶.

Ценой огромных усилий и жертв Красная Армия к середине июля не только задержала противника, но и смогла на некоторое время на основных направлениях стабилизировать фронт. Так, на западном направлении в июле темп продвижения германских войск составлял 6—7 км в сутки против 30 км в первые дни войны. Сопротивление советского народа срывало планы как германского, так и японского командования.

Составленным японским генеральным штабом и императорской ставкой графиком завершения подготовки и ведения войны против СССР предусматривалось принять окончательное решение о начале войны 10 августа, начать военные действия 29 августа. После проведения в июле беспрецедентной по своим масштабам в истории Японии мобилизации численность предназначенных для войны против Советского Союза Квантунской армии и японской армии в Корее была удвоена и составила 850 тыс. солдат и офицеров⁷. В боевую готовность были приведены также части 7-й дивизии на Хоккайдо, смешанной бригады на Южном Сахалине, воинские формирования на Курильских островах. Общая численность выделенной для вторжения на советскую территорию группировки японских войск составила около 1 млн. военнослужащих.

11 июля императорская ставка направила в Квантунскую армию и японские армии в Северном Китае специальную директиву № 506, в которой подтверждалось,

что проводимые мероприятия, закодированные под названием «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»), имеют целью усиление готовности к наступательным операциям против Советского Союза. Однако во второй половине июля, когда подготовка Японии к нападению на СССР осуществлялась полным ходом, среди японского генералитета появились сомнения в успехе германского «блицкрига». 16 июля в «Секретном дневнике войны» императорской ставки, в котором оценивались события и обстановка на фронтах второй мировой войны, была сделана запись: «На германо-советском фронте не отмечается активных действий, тихо». Затем 21 июля: «В развитии обстановки на советско-германском фронте нет определенности. Похоже на не прекращающийся несколько дней токийский дождь»⁸.

Японские стратеги стали серьезнее анализировать перспективы Германии в войне против СССР. «Театр военных действий в России, — заявляли они, — огромен и его нельзя сравнивать с Фландрией. Равнинный характер театра войны в России, хотя и дает возможность быстрого продвижения для Германии, но, с другой стороны, он способствует правильному отступлению, на что и рассчитывает СССР. Ликвидировать советские войска в этом случае будет не так-то легко. Партизанская война также значительно усиливает обороноспособность СССР»⁹.

Поскольку приближалась запланированная дата принятия окончательного решения о начале военных операций против СССР, японское руководство пыталось выяснить у германского правительства сроки завершения войны. Посол Японии в Берлине Х. Осима свидетельствовал после войны: «В июле — начале августа стало известно, что темпы наступления германской армии замедлились. Москва и Ленинград не были захвачены в намеченные сроки. В связи с этим я встретился с Риббентропом, чтобы получить разъяснения. Он пригласил на встречу генерал-фельдмаршала Кейтеля, который заявил, что замедление темпов наступления германской армии объясняется большой протяженностью коммуникаций, в результате чего отстают тыловые части. Поэтому наступление задерживается на три недели»¹⁰.

Подобное разъяснение лишь усилило сомнения японского руководства в способности Германии завершить войну в короткий срок. О трудностях свидетельствовали и участвовавшие требования германских руководителей как можно скорее открыть «второй фронт» на востоке. Они все более откровенно давали понять японцам, что Японии не удастся воспользоваться плодами победы, если для этого ничего не будет сделано.

Однако японское правительство продолжало заявлять о «необходимости длительной подготовки». В действительности же в Токио боялись преждевременного выступления против СССР. 29 июля в «Секретном дневнике войны» было записано: «На советско-германском фронте по-прежнему без изменений. Наступит ли в этом году момент вооруженного разрешения северной проблемы? Не совершил ли Гитлер серьезную ошибку? Последующие десять дней войны должны определить историю»¹¹. Имелось в виду время оставшееся до принятия Японией решения о нападении на Советский Союз.

Ввиду того, что «молниеносная война» не состоялась, японское правительство стало с большим вниманием относиться к оценке внутривосточного положения СССР. Еще до начала войны некоторые японские специалисты по Советскому Союзу высказывали сомнения по поводу быстрой капитуляции СССР. Так, например, один из сотрудников японского посольства в Москве, Ёситани, в сентябре 1940 г. предупреждал: «Полным абсурдом является мнение, будто Россия развалится изнутри, когда начнется война». 22 июля 1941 г. японские генералы вынуждены были признать в «Секретном дневнике войны»: «С начала войны прошел ровно месяц. Хотя операции германской армии продолжаются, сталинский режим вопреки ожиданиям оказался прочным»¹².

К началу августа 5-м отделом разведуправления генштаба (разведка против СССР. — А. К.) был подготовлен и представлен руководству военного министерства документ под названием «Оценка нынешней обстановки в Советском Союзе». Хотя составители документа продолжали верить в конечную победу Германии, они не могли не считаться с реальной действительностью. В главном выводе доклада указывалось: «Даже если Красная Армия в этом году оставит Москву, она не капитулирует. Намерение Германии быстро завершить решающее сражение не осуществится. Дальнейшее развитие войны не будет выгодным для германской

стороны». Комментируя этот вывод, японские исследователи указывают: «В начале августа 5-й отдел разведуправления пришел к выводу, что в течение 1941 г. германская армия не сможет покорить Советский Союз, да и на будущий год перспективы для Германии не самые лучшие. Все говорило о том, что война затягивается»¹³. Хотя этот доклад не был определяющим в решении вопроса о начале войны, тем не менее он заставил японское руководство более трезво оценивать перспективы германо-советской войны и участия в ней Японии. «Мы должны осознать сложность оценки обстановки», — гласила одна из записей «Секретного дневника войны».

Армия в это время продолжала активную подготовку к осуществлению плана «Кантокуэн». Генеральный штаб и военное министерство выступили против включенного в документ японского МИДа от 4 августа 1941 г. положения о том, что германо-советская война затягивается. Начальник генерального штаба Сугияма и военный министр Тодзио заявили: «Существует большая вероятность того, что война закончится быстрой победой Германии. Советам будет чрезвычайно трудно продолжать войну. Утверждение о том, что германо-советская война затягивается, является поспешным заключением». Японские военные не желали упускать «золотую возможность» обрушиться совместно с Германией на Советский Союз и сокрушить его. Особое нетерпение проявляло командование Квантунской армии. Ее командующий Ё. Умэдзу передавал в центр: «Благоприятный момент обязательно наступит... Именно сейчас представился редчайший случай, который бывает раз в тысячу лет, для осуществления политики государства в отношении Советского Союза. Необходимо ухватиться за это... Если будет приказ начать боевые действия, хотелось бы, чтобы руководство операциями было предоставлено Квантунской армии... Еще раз повторяю, что главным является не упустить момент для осуществления политики государства». Командование Квантунской армии, не желая считаться с реальным положением, требовало от центра немедленного выступления. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Т. Есимото убеждал начальника оперативного управления генштаба С. Танаку: «Начало германо-советской войны является ниспосланной нам свыше возможностью разрешить северную проблему. Нужно отбросить теорию «спелой хурмы» и самим создать благоприятный момент... Даже если подготовка недостаточна, выступив этой осенью, можно рассчитывать на успех»¹⁴.

Японское командование считало важным условием вступления в войну против СССР значительное ослабление советских войск на Дальнем Востоке, когда можно будет воевать, не встречая большого сопротивления со стороны Красной Армии. В этом состояла суть теории «спелой хурмы», ожидания «наиболее благоприятного момента».

По замыслу японского генерального штаба, военные действия против СССР должны были начаться при условии сокращения советских дивизий на Дальнем Востоке и в Сибири с 30 до 15, а авиации, бронетанковых, артиллерийских и других частей — на две трети. Однако масштабы переброски советских войск в европейскую часть СССР летом 1941 г. далеко не соответствовали ожиданиям японского командования. По данным разведуправления японского генштаба от 12 июля, за три недели после начала германо-советской войны с Дальнего Востока на запад было переброшено лишь 17 процентов советских дивизий, а механизированных частей — около одной трети¹⁵. При этом японская военная разведка сообщала, что взамен убывающих войск Красная Армия восполняется за счет призыва среди местного населения. Обращалось особое внимание на то, что перебрасываются на запад в основном войска Забайкальского военного округа, а на восточном и северном направлениях группировка советских войск практически остается прежней.

Сдерживающее воздействие на решение о начале войны против СССР оказывало сохранение на Дальнем Востоке большого количества советской авиации. К середине июля японский генштаб имел сведения о том, что на запад переброшено лишь 30 советских авиационных эскадрилий. Особое беспокойство вызывало наличие в восточных районах СССР значительного числа самолетов бомбардировочной авиации. Считалось, что в случае нападения Японии на Советский Союз создавалась реальная опасность массированных авиационных бомбовых ударов непосредственно по японской территории. Японский генштаб располагал разведанными о наличии в 1941 г. на советском Дальнем Востоке 60 тяжелых бомбардировщиков, 450 истребителей, 60 штурмовиков, 80 бомбардировщиков дальнего действия, 330 лег-

ких бомбардировщиков и 200 самолетов морской авиации. В одном из документов ставки от 26 июля 1941 г. указывалось: «В случае войны с СССР в результате нескольких бомбовых ударов в ночное время десятью, а в дневное — двадцатью-тридцатью самолетами Токио может быть превращен в пепелище»¹⁶.

Советские войска на Дальнем Востоке и в Сибири оставались грозной силой, способной дать решительный отпор японским агрессорам. Японское командование помнило сокрушительное поражение на Халхин-Голе, когда императорская армия на собственном опыте испытала военную мощь Советского Союза. Германский посол в Токио О. Отт доносил Риббентропу, что на решение Японии о вступлении в войну против СССР оказывают влияние «воспоминания о номонханских (халхингольских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии»¹⁷.

В Токио понимали, что одно дело нанести удар в спину терпящему поражение противнику и совсем другое — вступить в сражение с подготовленной к современной войне регулярной армией такого мощного государства, как Советский Союз. Оценивая группировку советских войск на Дальнем Востоке, газета «Хоти» подчеркивала в номере от 29 сентября 1941 г.: «Эти войска остаются совершенно безупречными как в смысле обеспечения их новейшим вооружением, так и в смысле великолепной подготовки». 4 сентября 1941 г. другая газета, «Мияко», писала: «Дело еще не дошло до фатального удара по армии Советского Союза. Поэтому нельзя считать безосновательным вывод о том, что Советский Союз — силен».

Обещание Гитлера захватить Москву с задержкой лишь на три недели осталось невыполненным, что не позволяло японскому руководству начать в запланированные сроки военные действия против Советского Союза. Накануне намеченной даты начала войны, 28 августа, в «Секретный дневник войны» была внесена полная пессимизма запись: «Даже Гитлер ошибается в оценке Советского Союза. Поэтому, что уж говорить о нашем разведуправлении. Война Германии продолжится до конца года... Каково же будущее империи? Перспективы мрачные. Поистине будущее не угадаешь...». 3 сентября на заседании координационного комитета правительства и императорской ставки участники совещания пришли к выводу, что «поскольку Япония не сможет развернуть крупномасштабные операции на севере до февраля, необходимо за это время быстро осуществить операции на юге»¹⁸.

Имея опыт интервенции на территории Дальнего Востока и в Сибири в 1918—1921 гг., когда не подготовленные к ведению войны в сложных условиях сибирской зимы японские войска несли большие потери и не могли проводить крупные наступательные операции, командование японской армии во всех планах и вооруженных провокациях исходило из необходимости избегать военных действий против СССР зимой. Посол Японии в Берлине Осима разъяснял гитлеровскому руководству, которое все более настойчиво требовало начать войну Японии против СССР: «В это время года (имелись в виду осень и зима. — А. К.) военные действия против Советского Союза можно предпринять лишь в небольших масштабах. Вероятно, будет не слишком трудно занять северную (русскую) часть острова Сахалин. Ввиду того, что советские войска понесли большие потери в боях с немецкими войсками, их, вероятно, также можно оттеснить от границы. Однако нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время года невозможно, и придется из-за сложившихся обстоятельств отложить это до весны»¹⁹.

В документе «Программа осуществления государственной политики империи», принятом 6 сентября на совещании в присутствии императора было решено продолжить захваты колониальных владений западных держав на юге, не останавливаясь перед войной с США, Великобританией и Голландией, для чего к концу октября закончить все военные приготовления. Участники совещания высказали единодушное мнение о том, что для выступления против американцев и англичан «лучший момент никогда не наступит»²⁰.

5 ноября совещание в присутствии императора приняло документ, в котором «в целях построения нового порядка в Великой Восточной Азии» закреплялось решение о начале войны против США и Великобритании. В главном пункте документа предписывалось «начать военные действия в начале декабря; к этому времени армии и военно-морскому флоту полностью закончить приготовления к развертыванию операций». Начальник генштаба Сугияма заверил императора, что «операции в южной части Тихого океана будут проведены в течение трех месяцев». Проходившие

осенью 1941 г. в Вашингтоне японо-американские переговоры об «урегулировании отношений» использовались японцами лишь как прикрытие подготовки к войне. Японский посол в США К. Номура еще 16 августа сообщил в Токио, что достичь соглашения с Соединенными Штатами на устраивающих Японию условиях не удастся²¹.

26 ноября при соблюдении строжайших мер скрытности авиационное соединение японского императорского флота, выйдя из базы на Курильских островах, взяло курс на Пёрл-Харбор. 30 ноября император Хирохито отдал секретный приказ о начале войны. 8 декабря в Японии был опубликован императорский эдикт об объявлении войны США и Великобритании. В нем провозглашалось: «Мы, Император Японии, восседающий по воле неба на престоле, занимаемом единой династией с незапамятных времен, сим объявляем войну Соединенным Штатам Америки и Британской Империи»²².

Начало Японией войны на Тихом океане, на проведение которой выделялись три зимних месяца 1941—1942 гг., не только не исключало, а, напротив, предусматривало последующее японское нападение на СССР, планы которого сохранялись до конца 1943 года. Выделенные для войны против СССР японские войска не включались в планы войны на юге и продолжали готовиться к действиям на севере. В официальных японских источниках указывается, что в обстановке начала войны против США и Великобритании, продолжая военные действия в Китае, Япония сохраняла для войны против СССР до 40 процентов дивизий в Маньчжурии, Корее и метрополии. 3 декабря императорская ставка направила в Квантунскую армию приказ № 578, в котором указывалось: «Для обеспечения империи ресурсами и создания нового порядка в Великой Восточной Азии принято решение начать войну с США, Англией и Голландией. Предусматривается быстро провести наступление в важных районах на юге и одновременно разрешить китайский инцидент; в это время не допускать войны с Россией». К приказу была приложена директива ставки № 1048, в которой ставилась задача Квантунской армии: «В соответствии со складывающейся обстановкой осуществить усиление подготовки к операциям против России. Быть в готовности начать боевые действия весной 1942 года»²³.

Командующий Квантунской армии Умэдзу, подчеркивая важность «решения китайского вопроса», в то же время считал, что с точки зрения «войны в целом вслед за операциями на юге целесообразно осуществить наступление против СССР». Среди японского руководства сохранялась надежда на то, что Германии все же удастся захватить Москву еще зимой. В этом случае японское выступление могло начаться до наступления весны. Поэтому 3 декабря ставкой был отдан также приказ № 575 командующему экспедиционной армией в Китае о возможной переброске войск на север²⁴.

В Квантунской армии понимали, что решение о переносе нападения на СССР на весну 1942 г. носило общий характер, и продолжали активно готовиться к ожидавшемуся «переломному моменту», когда захват Москвы должен был стать сигналом для начала японской агрессии на советском Дальнем Востоке. После получения приказа от 3 декабря начальник штаба Квантунской армии на совещании командиров соединений и частей дал следующие указания: «Для завершения проводимой подготовки к операциям против Советского Союза каждая армия и соединение первой линии должны прилагать все усилия к тому, чтобы, наблюдая за постоянно происходящими изменениями военного положения Советского Союза и Монголии, иметь возможность в любой момент установить истинное положение. Это особенно относится к настоящим условиям, когда все более и более возникает необходимость установить признаки переломного момента в обстановке»²⁵.

Однако наступивший в декабре 1941 г. перелом в войне был совершенно иного содержания, нежели представлялось это японским генералам. Развернувшееся в декабре контрнаступление Красной Армии завершилось разгромом рвавшихся к Москве германских войск. Результаты битвы под Москвой продемонстрировали всему миру, что стратегия «молниеносной войны» против СССР потерпела окончательный крах. Провал плана «Барбаросса» был убедительным свидетельством того, что Советский Союз обладал значительной мощью для продолжения войны, а Красная Армия способна наносить сокрушительные удары по агрессорам как на западе, так и на востоке. Это пугало японские правящие круги, заставляло их с большей осторожностью оценивать перспективы развития второй мировой войны, в особенности положение на германо-советском фронте.

15 января 1942 г. император потребовал от начальника генерального штаба Сугиямы доклад о результатах советского контрнаступления под Москвой. В своем докладе Сугияма, дав оценку положения Советского Союза, особо подчеркнул: «СССР, сохранив около 40 процентов своей промышленной мощи, последовательно восстанавливает производство, и мы не должны недооценивать его». Затем, 22 января, отвечая на вопрос императора о сроках проведения операций против СССР, Сугияма заявил, что, по его мнению, «в настоящее время, до лета сего года нецелесообразно проводить наступательную операцию на севере»²⁶.

Составители многотомной японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» отмечают прямую связь результатов победы под Москвой с вынужденным решением руководителей Японии пересматривать сроки нападения на Советский Союз. Они пишут: «Сплочение Красной Армии с населением под руководством Сталина для защиты родины было весьма прочным. Москва и Ленинград упорно удерживались, Красная Армия сохраняла высокий боевой дух, не наблюдалось никаких признаков внутреннего развала. Ожидавшийся нами момент для решения вопроса о Советском Союзе с течением времени отдался... Провал зимней кампании германской армии определил крах большой стратегии Германии в борьбе против СССР. В результате зимнего контрнаступления Красная Армия добилась перелома в войне»²⁷.

К началу 1942 г. в Японии стали сознавать, что одновременное ведение войны на юге и на севере чревато опасными последствиями. Было подтверждено решение на время операций на юге «поддерживать спокойствие на севере». Тем не менее план «Кантокуэн» отменен не был.

В середине июля развернулось наступление германской армии на южном участке советско-германского фронта с целью прорваться к Волге в районе Сталинграда. Успех немецкого наступления в очередной раз должен был явиться сигналом к началу японского выступления против СССР с востока. Для этого генеральный штаб императорской армии разработал план «Операция № 51», согласно которому против советских войск на Дальнем Востоке предусматривалось использовать до 30 дивизий, а также танковую армию. Замысел операции состоял в том, чтобы путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию и, добившись господства в воздухе, прорвать линию обороны советских войск на восточном направлении — южнее и севернее озера Ханка и захватить Приморье. Одновременно планировалось форсировать Амур, прорвать линию обороны советских войск западнее и восточнее Благовещенска и, овладев железной дорогой на участке Свободный — Завитинск, не допустить подхода подкреплений с запада. Осуществить операцию предполагалось в течение двух месяцев²⁸.

Сталинградская битва завершилась сокрушительным поражением германских войск. Японские лидеры были вынуждены вновь отложить свои планы военных действий против СССР. Подтвердились предсказания разведуправления японского генштаба о том, что Советский Союз не покорится, и в 1942 г. стратегия «спелой хурмы» не даст своих плодов.

Последние надежды на успех в войне стран-участниц Тройственного пакта в Токио связывали с генеральным наступлением германских войск летом 1943 года. В это время японский генералитет еще не исключал возможности оказания Японией помощи Германии. Однако победа советских вооруженных сил в Курской битве вынудила японское правительство и военное командование окончательно признать, что их замыслам не суждено осуществиться. Генеральный штаб Японии впервые за всю историю своего существования приступил к составлению на 1944 г. оперативного плана, в котором предусматривались оборонительные действия в случае войны с Советским Союзом.

Откладывая прямое вооруженное выступление против Советского Союза, милитаристская Япония делала все возможное, чтобы способствовать агрессии гитлеровской Германии. Сознательно создававшаяся японским правительством по согласованию с гитлеровским руководством постоянная угроза нападения на Советский Союз с востока и враждебная ему деятельность являлись формой участия Японии в войне, что серьезным образом осложняло военное положение СССР, нанесло нашей стране значительный ущерб. Этот факт не могут отрицать японские официальные историки, которые пишут: «В основе отношений между Японией и Германией лежала общая цель — сокрушить Советский Союз... В военном мини-

стерстве считали, что Япония должна способствовать военным успехам германской армии... Под верностью Тройственному пакту понималось стремление не уступать Англии и США, обуздать их силы в Восточной Азии, сковать Советскую Армию на Дальнем Востоке и, воспользовавшись удобным моментом, разгромить ее»²⁹.

Антисоветская политика Японии в военные годы вела к затягиванию Великой Отечественной и второй мировой войны в целом, увеличению жертв советского и других народов. Достаточно сказать, что опасность японского нападения вынуждала советское руководство держать на Дальнем Востоке и в Сибири до 30 процентов вооруженных сил страны, которые были крайне необходимы на советско-германском фронте.

В годы войны, несмотря на наличие советско-японского пакта о нейтралитете, возросло число вооруженных вылазок японской армии на границах СССР. В общей сложности части и соединения Квантунской армии во время войны 779 раз нарушали сухопутную границу, а самолеты военно-воздушных сил Японии 433 раза вторглись в воздушное пространство Советского Союза. Японские вооруженные силы вопреки общепризнанным нормам международного права нападали на советские суда, причем не только в прилегающих к Японии водах, но и в нейтральных портах и даже в территориальных водах СССР. Всего за период с июня 1941 по 1945 г. японский военно-морской флот задержал 178 и потопил 18 торговых советских судов, нанеся убытки советскому судоходству на сумму 637 млн. рублей. Советская территория нередко подвергалась обстрелу, совершались другие враждебные акты. Это были целенаправленные провокационные действия. Подтверждением этого является данное японским генеральным штабом летом 1941 г. обещание германскому командованию «проводить подрывную деятельность на Дальнем Востоке против Советского Союза, особенно со стороны Монголии и со стороны Маньчжоу-го, в первую очередь в районе, прилегающем к озеру Байкал»³⁰.

Японский дипломатический аппарат в СССР и военная разведка активно добывали шпионские сведения для германской армии. Являвшийся с октября 1941 по август 1943 г. начальником русского отдела разведуправления японского генштаба генерал-майор Мацумура подтвердил после войны: «Мною систематически передавались для полковника Кречмера (военный атташе германского посольства в Токио) сведения о силах Красной Армии, о дислокации ее частей на Дальнем Востоке, о военном потенциале СССР. Для Кречмера мною передавались сведения об уходе советских дивизий с Дальнего Востока на запад, о передвижении соединений Красной Армии внутри страны, о развертывании эвакуированной советской военной промышленности. Все эти сведения составлялись на основании донесений, поступавших в японский генеральный штаб от японского военного атташе в Москве и из других источников». Представители германской армии также признавали, что поступавшие из Японии данные широко использовались ими в военных операциях против Советского Союза. В одной из телеграмм Риббентроп благодарил японское правительство за ценную информацию и высказывал пожелание систематически «получать таким образом еще больше сведений из России»³¹.

Предпринимавшиеся японским правительством действия грубо нарушали условия советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г., свидетельствовали о том, что Япония не считала себя связанной предусмотренными пактом обязательствами. Советское правительство имело все основания отказаться от пакта как фактически потерявшего силу, что и было официально сделано 5 апреля 1945 года. В заявлении правительства СССР указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Текст заявления гласил: «С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным...»³².

Денонсировав пакт о нейтралитете, правительство СССР фактически информировало японское правительство о возможности участия Советского Союза в войне против Японии с целью скорейшего завершения второй мировой войны. Это было серьезное предупреждение, оно давало Токио возможность осознать

бесполезность сопротивления и принять решение о капитуляции. Однако японские лидеры не пожелали считаться с реальностью и продолжали войну. Отказ японского правительства принять условия Потсдамской декларации и общее развитие событий предопределили участие СССР в войне на Дальнем Востоке.

Вступление Советского Союза в войну с Японией было обусловлено в первую очередь союзническими обязательствами, необходимостью скорейшего разгрома милитаристской Японии в условиях ее отказа от капитуляции. Внеся большой вклад в достижение победы в войне с Японией, Советский Союз значительно ускорил окончание второй мировой войны, принес свободу и независимость народам Азии, избавил от гибели тысячи американских и английских солдат и офицеров, избавил от жертв и страданий и японский народ.

Примечания

1. История войны на Тихом океане. Т. 4. Токио. 1972, с. 84 (на яп. яз.)
2. Квантунская армия. Часть 2. Токио. 1974, с. 63 (на яп. яз.).
3. Путь к войне на Тихом океане. Приложение: сборник документов. Токио. 1963, с. 464—466 (на яп. яз.); Japan's Decision for War: Records of the 1941 Policy Conferences. Stanford. 1967, p. 63.
4. Japan's Decision for War, p. 81.
5. Путь к войне на Тихом океане. Приложение: сборник документов, с. 467.
6. История войны на Тихом океане. Т. 4, с. 97.
7. Секция сухопутных сил императорской ставки. Часть 2. Токио. 1968, с. 322, 329 (на яп. яз.).
8. Квантунская армия. Часть 2, с. 21, 63.
9. САПОЖНИКОВ Б. Г. Китайский фронт во второй мировой войне. М. 1971, с. 21.
10. Замыслы Японии против Советского Союза. Токио. 1948, с. 180 (на яп. яз.).
11. Квантунская армия. Часть 2, с. 64.
12. The Japan Times, 25.X.1940; СИМАДА ТОСИХИКО. Квантунская армия. Токио. 1982, с. 166 (на яп. яз.).
13. Квантунская армия. Часть 2, с. 64; История войны на Тихом океане. Т. 4, с. 97.
14. Путь к войне на Тихом океане. Приложение: сборник документов, с. 486; Секция сухопутных сил императорской ставки. Часть 2, с. 348; Квантунская армия. Часть 2, с. 68.
15. Секция сухопутных сил императорской ставки. Часть 2, с. 351.
16. Квантунская армия. Часть 2, с. 66.
17. ГОЛЬДБЕРГ Д. И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М. 1959, с. 167.
18. Квантунская армия. Часть 2, с. 68; Путь к войне на Тихом океане. Приложение: сборник документов, с. 507.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 33.
20. Путь к войне на Тихом океане. Приложение: сборник документов, с. 507, 510.
21. Там же, с. 570—571; Japan's Decision for War, p. 123, 133.
22. История войны на Тихом океане. Т. III. М. 1958, с. 394.
23. Квантунская армия. Часть 2, с. 87; Операции сухопутных войск на северо-восточном направлении. Токио. 1968, с. 41 (на яп. яз.).
24. Секция сухопутных сил императорской ставки. Часть 3. Токио. 1970, с. 70; Квантунская армия. Часть 2, с. 83.
25. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 58.
26. Секция сухопутных сил императорской ставки. Часть 3. Токио. 1970, с. 371 (на яп. яз.).
27. Квантунская армия. Часть 2, с. 92.
28. САВИН А. С. Срыв планов агрессии Японии против СССР в 1942—1943 гг. — Военно-исторический журнал, 1983, № 1, с. 51.
29. Квантунская армия. Часть 2, с. 74.
30. ГАРФ, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 172—173, 275; СССР—Япония. М. 1987, с. 55.
31. ГОЛЬДБЕРГ Д. И. Ук. соч., с. 174, 175.
32. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М. 1947, с. 166.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Тайна гибели Наполеона

Б. Вейдер

Историки многих стран вот уже в течение десятилетий ведут спор о причинах безвременной кончины Наполеона, сосланного англичанами на затерянный в Атлантическом океане остров Святой Елены. Перед ссылкой французский император отличался завидным здоровьем, ему была свойственна высокая жизненная активность в сочетании с умеренностью в привычках. Он воздерживался от употребления часто вредных для организма лекарств, которые рекомендовались врачами в ту эпоху. Закономерно возникает вопрос, почему здоровье этого человека, которому не исполнилось и пятидесяти лет, в ссылке так катастрофически разрушалось?

Сам Наполеон за шесть дней до кончины говорил своему врачу: «После моей смерти, ждатель которой осталось недолго, я хочу, чтобы вы произвели вскрытие моего тела... Особенно рекомендую вам внимательно исследовать мой желудок и изложить результаты в точном и подробном отчете, который вы вручите моему сыну... Я прошу, я обязываю вас провести такое исследование». В своем завещании он сделал сенсационную запись: «Я умираю преждевременно от руки английской олигархии и нанятого ею убийцы».

Что это было — интуиция или просто желание нанести последний удар по своим тюремщикам-англичанам? Ответ должна была дать аутопсия (вскрытие трупа для установления причин смерти и изучения патологических изменений органов и тканей). Семеро врачей, присутствовавших при вскрытии, не смогли прийти к единому мнению о причине смерти Наполеона. Ее приписывали гепатиту, амёбиазу (заболеванию, вызываемому амёбами), воспалению печени, мальтийской лихорадке, малярии и другим болезням. Причиной некоторых из них могли быть суровость климата или плохое качество воды. Хотя ни один из врачей не диагностировал рак как таковой, в историю вошла версия, будто Наполеон умер от рака желудка. И никто не задался почему-то вопросом: может ли больной набирать вес при этой болезни? Ответ очевиден: рак — это изнурительный недуг, ведущий к резкой потере веса. Наполеон же умер очень тучным.

175 лет тому назад у французов появилась возможность раскрыть тайну гибели своего великого соотечественника. После того, как тело Наполеона было эксгумировано и перевезено в Париж, следовало провести новое, более скрупулезное исследование прекрасно сохранившегося тела. Этого сделано не было, и версия о раке как причине смерти Наполеона продолжала бытовать до наших дней. Многие историки придерживаются этой версии и сегодня.

Однако в 50-х годах нашего столетия произошло событие, давшее толчок новым поискам ученых, которые привели к иной, единственно верной, версии о причине гибели французского императора. Ключ к ней дали мемуары преданного слуги Наполеона Луи Маршана, опубликованные по стечению обстоятельств лишь в 1955 году. Они вошли в историю как «бомба замедленного действия» и помогли разгадать тайну смерти Наполеона.

Исключительная точность, тщательность записей Маршана в дневнике, а он вел его

Вейдер Бен — президент Международного Наполеоновского общества, г. Монреаль, Канада.

аккуратно, день за днем подробно описывая все, что имело хоть малейшее отношение к его господину, можно сравнить с медицинской картой, в которую внимательный врач записывает мельчайшие детали прогрессирующего ухудшения неизлечимо больного пациента. Эта информация сняла покров с преступления, которое могло остаться нераскрытым «идеальным убийством».

После смерти Наполеона Маршан вернулся во Францию и привез прядь волос своего господина, сбритых с его головы 6 мая 1821 года. Запечатанные в конверт с надписью «Волосы императора», сделанной рукой Маршана, они бережно хранились его потомками. Но ни сам Маршан, ни кто-либо другой из его товарищей, отправившихся в ссылку вместе со своим кумиром, не могли предполагать, что уже после того, как они покинут этот мир, содержимое конверта расскажет людям больше, чем многочисленные книги и мемуары свиты сосланного императора.

Одним из тех, кто внимательно ознакомился с мемуарами Маршана, был большой почитатель Наполеона, мой шведский коллега д-р С. Форсхувуд. Сопоставив досконально описанные проявления болезни императора, его каждодневное состояние, Форсхувуд пришел к мысли, что на о. Святой Елены могло произойти преступление — отравление узника англичан мышьяком. Он ждет, что кто-нибудь из специалистов по наполеоновской эпохе придет к тому же выводу. Напрасно. Ученые продолжают повторять старые теории: рак и пр., будто мемуары Маршана не открыли им ничего нового.

И тогда Форсхувуд решает действовать самостоятельно. Раздобыв один волосок Наполеона, сбритый на следующий день после его смерти, он отправляет его в отделение судебной медицины Университета Глазго и вскоре получает ответ, в котором сообщается, что масса мышьяка в волосе Наполеона в 13 раз превышает норму. Похоже, что подозрение Форсхувуда оправдалось! Эту мысль подтверждали воспоминания и других очевидцев, проживавших, можно сказать, бок о бок с императором на о. Святой Елены. Описывая его болезнь, они упомянули 30 из 34 ныне известных науке симптомов мышьячного отравления. А разве не о том же свидетельствовало прекрасно сохранившееся тело Наполеона, не подвергшееся разложению за 19 лет нахождения в могиле на о. Святой Елены? Хотя мышьяк обладает способностью убивать, но он же и отлично сохраняет живые ткани.

В дальнейшем Форсхувуду пришлось не раз отстаивать свою точку зрения, проводить новые исследования. В частности, наличие большого количества мышьяка в волосах Наполеона подтвердили исследования, проведенные в Харвеллском институте ядерных исследований близ Лондона — одном из наиболее авторитетных в своей области, участвовавшем в создании английской атомной бомбы.

Противники версии Форсхувуда возражали ему, заявляя, что мышьяк мог попасть в волосы Наполеона из обоев, воды, лекарственных препаратов или, наконец, из крема для волос, которым он пользовался. Если бы эти предположения были верны, то мышьяк попадал бы в волосы постоянно и равномерно, поскольку перечисленные гипотетические источники мышьяка воздействовали на Наполеона каждодневно. Однако это было не так.

Как известно, волосы вырастают примерно на один дюйм (2,54 см) за каждые два месяца. Поскольку волосы Наполеона были срезаны до самых корней и их длина составляла 3 дюйма, они могли многое рассказать о течении болезни Наполеона в последние шесть месяцев его жизни. Оказалось, что насыщенность волос мышьяком были крайне неравномерной — от 2,8 частей на миллион до 51,2 частей на миллион (при норме 0,08 частей на миллион). Это доказывает, что Наполеон подвергался отравлению не ежедневно, а в определенные временные отрезки. Цель такой тактики — не допустить быстрого отравления, которое могло быть выявлено врачами, сделать так, чтобы гибель жертвы можно было бы объяснить «естественными причинами».

В 1974 г., когда я познакомился с Форсхувудом, мы решили совместно добиться того, чтобы раз и навсегда рассеять сомнения общественности в отравлении Наполеона. С этой целью мы составили два временных графика. На первом перечислили симптомы, упомянутые непосредственными свидетелями болезни Наполеона в своих книгах и мемуарах. Эти симптомы стали основой расписанного по дням графика, покрывающего последние месяцы жизни императора.

Очевидцами всех перипетий его болезни были сопровождавшие узника на о. Святой Елены маркиз Лас Каз, работавший с Наполеоном над историей его военных кампаний; барон Гаспар Гурго, один из преданных ему офицеров; д-р Барри О'Мира, английский врач ирландского происхождения, лечивший узника на острове; д-р Франческо Антомарки, итальянский врач, направленный из Рима семьей Наполеона, чтобы заменить О'Миру, возвратившегося в Англию; гофмаршал Анри-Грасьен Бертран, более 15 лет состоявший при Наполеоне; еще

один французский офицер граф Шарль-Тристан де Монтолон, назначенный Наполеоном своим главным душеприказчиком; Луи Маршан, верный слуга императора в течение десяти лет; два английских врача — Генри и Стокоу, непродолжительное время наблюдавшие Наполеона. Все они имели регулярный доступ к императору, ежедневно делали записи в своих дневниках и в разное время опубликовали эти дневники.

На втором временном графике мы отмечали уровни мышьяка, выявленные в результате секционного анализа волос Наполеона в Харвеллском институте. Оба графика совпали. В те дни, когда очевидцы сообщали о проявлении симптомов, характерных при отравлении мышьяком, харвеллский график показывал высокий уровень мышьяка в волосах. Позволю себе в качестве примера привести симптомы, описанные одним из очевидцев. Личный врач Наполеона Антомарки записал в своем дневнике 26 февраля 1821 г.: «Император внезапно слег. Сухой кашель, рвота, ощущение жжения в кишечнике. Общее возбуждение. Беспокойство. Почти невыносимое ощущение жара, сопровождающееся сильной жаждой». На следующий день он записывает: «Император еще хуже, чем вчера. Кашель усилился, и болезненная тошнота не прекращалась до семи часов утра». Записи очевидца подтверждаются анализом волос Наполеона, показавшим очередной пик содержания мышьяка в те дни. Таким образом, исследования, проведенные современными научными методами, подтвердили, что симптомы болезни, отмеченные очевидцами много десятилетий назад, свидетельствуют об отравлении мышьяком. Это уже не предположение. Это — научно обоснованный факт.

Хочу напомнить, что при вскрытии врач очень редко подозревает мышьячное отравление, если только его заранее об этом не предупреждают. Так было в 1821 г., так происходит и ныне. Мне довелось встретиться с главой токсикологической лаборатории парижской полиции профессором А. Гриффом, у которой накопился богатый опыт расследования мышьячных отравлений. Я задал ему вопрос: как объяснить тот факт, что многочисленные врачи не посчитали возможной причиной гибели Наполеона отравление мышьяком? Гриффон ответил, что ни в одном случае убийства с применением мышьяка ему не встретился врач, который правильно диагностировал бы отравление как причину смерти. Поэтому мы едва ли имеем основание винить лечащих врачей Наполеона в том, что они, не будучи специально обучены, не сумели распознать в его болезни действие мышьяка, практически не имеющего ни запаха, ни вкуса. К тому же симптомы острого и хронического отравления мышьяком совсем не похожи.

Со своей стороны, хочу привести лишь один пример, подтверждающий мнение Гриффона. В 1967 г. в Ванкувере (Канада) после продолжительной болезни скончалась Э. Кастеллани. Спустя несколько месяцев королевскому прокурору позвонила женщина и заявила, что она знает, как была убита Кастеллани, и если она получит защиту суда, то откроет имя убийцы. Прокурор ей не поверил, поскольку заключение о вскрытии гласило, что смерть наступила в результате «вирусной инфекции и сердечного приступа». Однако женщина настаивала и в конце концов получила индульгенцию от судебного преследования. Тогда она рассказала, что вместе с мужем умершей, Р. Кастеллани, отравила ее мышьяком. Отравительница решила исповедоваться потому, что соучастник убийства, обещавший жениться на ней после получения страховых денег, передумал, хотя сам деньги получил.

Тело умершей эксгумировали и провели исследование ее волос — такое же, как и в случае с Наполеоном. Уровень мышьяка оказался достаточно высоким, чтобы убить человека. Муж убитой был арестован, признан виновным и приговорен к 25 годам тюремного заключения.

Во время суда д-р Московитц, лечивший Кастеллани, сказал, что ни он, ни другие специалисты, которых он приглашал для консультации, никогда не рассматривали возможность мышьячного отравления, поскольку ни один из более 125 клинических анализов, проведенных за время лечения Кастеллани в больнице, не идентифицировал мышьяк. Московитц добавил, что у мышьяка много проявлений и они легко вводят в заблуждение. Именно так и случилось с О'Мирой, который посчитал, что Наполеон страдает от дизентерии, цинги, подагры, язвы и других недугов. Рассматриваемые порознь, мышьячные симптомы не позволяют установить верный диагноз, поскольку очень напоминают симптомы многих распространенных заболеваний. Если врача заранее не подтолкнуть к мысли о возможности мышьячного отравления, ему самому и в голову не придет такая мысль. Только рассмотренные все вместе, симптомы дадут правильную картину.

Убийцы Наполеона не отважились избавиться от опасного узника, подсыпав ему большую дозу яда. Быстрая смерть императора вызвала бы взрыв возмущения во Франции, возможно, бунт в вооруженных силах, все еще преданных своему кумиру. Поэтому убийцы прибегли к «классическому методу» XIX в. — отравлению двумя этапами: косметическим и летальным.

Косметический этап начался в середине 1816 г., хотя есть свидетельства, что постепенное

отравление Наполеона происходило уже за несколько месяцев до его ссылки на о. Святой Елены. Наполеона травили медленно и постоянно, подрывая его здоровье и создавая впечатление, что он угасает в результате естественных прогрессирующих болезней. Чтобы добиться успеха на этом этапе, убийца должен был иметь доступ к пище или напиткам императора; но в то же время ему следовало обезопасить себя и окружение Наполеона. Еду, приготовленную для узника, употребляли все из его окружения. Что же касается напитков, то Наполеон всегда пил одно и то же южноафриканское вино из Констанции, которое доставлялось в бочках и разливалось на месте в бутылки, предназначенные только для Наполеона. Те, кто разделял с ним стол, пили другие вина. И не было ничего проще, как подсыпать яд в бочку перед тем, как разлить вино по бутылкам. При этом решались сразу две задачи: не только постепенная интоксикация жертвы, но и, что более важно, — в заранее рассчитанных дозах. Иногда, при случае, в бутылку подсыпалась дополнительная порция, дававшая картину более острого отравления. То, что именно вино использовалось отравителем, доказывает и такая деталь. Наполеон изредка дарил кому-нибудь бутылку своего вина, и тот почти всегда заболел.

Второй, летальный, этап отравления начался в марте 1821 г., и если бы не достижения современной судебной медицины и не исследования наполеоноведов-энтузиастов, тайна гибели императора могла бы остаться нераскрытой («идеальное убийство»). На этом этапе преступник взял на «вооружение» такие токсичные средства, как рвотный камень, а затем оршад и хлористую ртуть. Антомарки пишет, что 22 марта 1821 г. Наполеону дали лимонадный напиток с рвотным. В последующие дни он вновь принимал рвотное средство.

Учитывая ограниченный уровень медицинских знаний того времени, не следует удивляться тому, что врачи использовали для лечения рвотный камень. Они надеялись таким путем вывести из организма больного вредные токсины и избавить его от болезни, не поддающейся лечению иными средствами. На самом деле результат был совсем другим. Рвотное разъедает слизистую оболочку желудка и лишает организм способности выбрасывать токсины. Вероятно, на это рассчитывал отравитель, и именно так и случилось, ибо врач действительно рекомендовал Наполеону это классическое лечебное средство своего времени.

22 апреля Наполеону впервые дали оршад — напиток с привкусом апельсина, в состав которого включается масло горького миндаля, содержащего синильную кислоту. Оршад должен был утолять жажду больного. Кстати, жажда — также один из симптомов хронического мышьячного отравления.

В дневнике гофмаршала Бертрана говорится, что 25 апреля в особняк, где жил Наполеон, доставили корзину горького миндаля. До этого дня горького миндаля на острове не было. Очевидно, отравитель начинал беспокоиться, что нужное ему средство не поступает во-время. Об этом можно судить по записи в дневнике Бертрана, который упоминает, что кто-то (он не называет имени) попросил его сына Артура собрать немного хлоритового сланца и оставить его в кладовке. Упомянутый хлоритовый сланец может быть применен в тех же целях, что и горький миндаль, поскольку также содержит синильную кислоту.

Гофмаршал свидетельствует в своей книге, что за несколько дней до смерти Наполеона, в ночь со 2 на 3 мая и весь следующий день больной испытывал сильную жажду и выпил большое количество оршада. В свою очередь Антомарки сообщает, что был озабочен тяжелыми запорами у больного (а это тоже симптом мышьячного отравления). Популярное средство тех дней для избавления от этого недуга — хлористая ртуть.

А вот еще одна очень важная запись, сделанная в дневнике Маршана. Он пишет, что 3 мая в 17 час. 30 мин. без его ведома Наполеону дали в качестве слабительного десять кристаллов хлористой ртути — лошадиную дозу, в 40 раз превышающую нормальную. Со слов Антомарки мы знаем, что он был решительно против применения этого средства, но на этом настаивали три врача-англичанина, участвовавшие в консилиуме. Разногласия были вынесены на суд пользовавшегося благосклонностью императора графа Монтёлона, который принял сторону англичан. То был необратимый момент последнего, летального, этапа, непосредственно приведший к смерти Наполеона. Хлористая ртуть, сама по себе безвредная, в сочетании с оршадом образует токсическое соединение, которое здоровый желудок исторгает. Однако употребление Наполеоном напитка, содержащего большое количество рвотного камня, подавило рвотный рефлекс. А если желудок тотчас не выбрасывает ядовитую смесь, смерть неизбежно наступает через день — два. Смертельная комбинация хлористой ртути и оршада, вводимых в организм, предварительно обработанный рвотным, была хорошо известна профессиональным отравителям того времени. Современный медицинский иллюстрированный словарь «Лярусс» объясняет токсические проявления хлористой ртути и оршада и предупреждает об опасности, которую представляет их сочетание при лечении.

Что же произошло дальше? Гофмаршал Бертран пишет: «Вскоре после этого он впал

в беспамятство. Тотальный паралич мышц произвольных движений привел к полной неподвижности. Он не мог даже глотать». Через 48 час. после приема хлористой ртути Наполеон скончался.

Вскрытие, произведенное Антомарки в присутствии многих других лиц, в том числе английских врачей, показало, что слизистая оболочка желудка была глубоко разъедена, а на привратнике образовалась кольцеобразная опухоль. Антомарки — единственный патологоанатом — пришел к заключению, что причина смерти Наполеона — «условия, ведущие к раку». Но мы знаем, что человек не может умереть от условий, ведущих к раку, он умирает от самого рака.

Любопытно, что д-р Уолтер Генри сразу после аутопсии отметил, что на теле умершего не было волос. Этот признак хронической мышьячной интоксикации, увы, не подтолкнул его к верному выводу. А маркиз Анри де Моншеню, назначенный Людовиком XVIII представлять Францию на о. Святой Елены во время ссылки Наполеона, на следующий день после его смерти докладывал, что «из пяти врачей, присутствовавших при аутопсии, никто не знает точной причины его смерти». В действительности, Наполеон умер в результате отравления цианистой кислотой, последовавшего после длительной мышьячной интоксикации.

Находился ли отравитель на острове все время пребывания там Наполеона? Несомненно. Чтобы доказать это утверждение, обратимся к фактам. 24 февраля 1818 г. мажордом Наполеона корсиканец Сиприани, который на самом деле был его давним доверенным агентом и отличался крепким здоровьем, неожиданно заболел. Он жаловался на сильные боли в желудке, сопровождаемые ознобом. Именно таковы симптомы острого мышьячного отравления. Спустя два дня Сиприани умер, и был немедленно похоронен.

Местный морской агент и поставщик Ост-Индской компании Вильям Бэлкомб, ставший на о. Святой Елены другом Наполеона, подозревал, что Сиприани был отравлен, и настаивал на эксгумации тела и его исследовании. Однако аутопсию проводить не пришлось — тело Сиприани исчезло из могилы. Совершенно очевидно, что те, кто решил избавиться от ближайшего помощника Наполеона, не могли допустить аутопсии, которая неизбежно привела бы к их разоблачению.

Итак, если Наполеон был отравлен и преступник находился где-то совсем близко к узнику, кто же совершил это тщательно подготовленное и глубоко законспирированное убийство? Пора назвать имя убийцы. При этом следует исходить из того, что преступник находился на острове в окружении императора все пять с лишним лет, ибо в течение всего этого периода у Наполеона наблюдались одни и те же симптомы болезни.

В своих поисках убийцы мы с Форсхувудом начали с того, что из числа подозреваемых исключили тех, кто, не живя в особняке вместе с Наполеоном, мог отравить его только со всеми остальными домочадцами. Среди них — все англичане, а также те французы, кто находился на острове не весь срок изгнания Наполеона, поскольку мы уже знали, что узник получал яд постоянно. Тем самым снимались подозрения с тех, кто покинул остров задолго до смерти Наполеона. Из списка подозреваемых исключался также гофмаршал Бартран, так как его жена-англичанка не желала слишком тесно общаться с французами и потому супруги жили в другом доме. К тому же гофмаршал не занимался хозяйственными вопросами и к императору являлся по вызову. Из слуг постоянно обслуживал императора только Маршан. Вторым человеком, постоянно общавшимся с Наполеоном, в том числе за обеденным столом, был граф Монтолон.

Мы обратились к прошлому каждого из них и попытались понять, что заставило их сопровождать опального императора на о. Святой Елены.

Маршан служил Наполеону всю свою сознательную жизнь. Он всегда был рядом с Наполеоном, в том числе на Эльбе, и совершенно естественно, что он отправился и на о. Святой Елены. Ни сам Маршан, ни его семья никак не были связаны с роялистами.

Другое дело — представитель старой французской аристократии Монтолон. Будучи офицером, он никогда не участвовал в сражениях и не имел никаких причин быть признательным Наполеону. Скорее, наоборот: император отказал ему в продвижении по службе и не дал согласия на его брак с любимой женщиной. А когда Монтолон ослушался, его уволили. У него были прекрасные связи в роялистских кругах (его отчим был близким другом Людовика XVIII), что помогло ему в период первой реставрации Бурбонов получить чин генерала. Любопытно, что тогда же его обвинили в присвоении казенных денег — 6 тыс. фр., но он так и не предстал перед военным трибуналом благодаря вмешательству графа д'Артуа, не раз покушавшегося на жизнь Наполеона. Впоследствии д'Артуа стал королем Франции Карлом X. В свите Наполеона Монтолон оказался лишь после Ватерлоо, когда наступил финал наполеоновской эпопеи.

Почему 32-летний граф решил добровольно провести лучшие годы своей жизни вдали от светского общества в услужении человеку, который дважды нанес ему глубокие душевные раны? Объяснить этот поступок можно только тем, что будучи обижен Наполеоном он отправился с ним на о. Святой Елены, исполняя поручение Бурбонов — расправиться с ненавистным императором. Монтолон заранее знал, что ему не придется провести на острове ни 20, ни 10 лет. Но вернуться, не исполнив замысла Бурбонов, он тоже не мог. Поэтому, когда его жена покинула остров, он остался.

На о. Святой Елены Монтолон занимался снабжением продовольствием и, в частности, вином. У него находились ключи от погреба — он имел прямой доступ к вину, которое пил Наполеон. Барон Гурго вспоминал в своих мемуарах, что он предупреждал императора о возможности его отравления путем добавления яда в то вино, которое он употреблял фактически один. Однако Наполеон не принял всерьез предупреждения.

Другое немаловажное наблюдение. Бертран в письме кардиналу Фешу сообщил, что через несколько дней после смерти Сиприани еще два человека — служанка Монтолона и ребенок — умерли с теми же симптомами. Не могло ли случиться, что они съели или выпили что-либо, предназначенное Монтолоном для Сиприани? Мы никогда не узнаем об этом, но странное совпадение наталкивает на такую мысль.

Еще одна деталь. В своих мемуарах Монтолон пишет, что за время болезни Наполеон был сильно истощен и умер исхудавшим. Эта ложь понадобилась графу, чтобы подкрепить мнение о смерти императора от рака. Все остальные очевидцы, присутствовавшие при кончине Наполеона, свидетельствуют, что он был чрезмерно толст. Симптомы болезни Наполеона, сообщенные Монтолоном, также резко расходятся со всеми остальными свидетельствами.

Когда в 1848 г. вышли в свет мемуары Монтолона, из всего окружения Наполеона на о. Святой Елены оставался в живых только Маршан. Ознакомившись с книгой графа, он сказал, что либо автор лжец, либо его подвела память.

Итак, наши исследования завершились. Мы пришли к выводу, что граф Монтолон был послан Бурбонами на о. Святой Елены с заданием физически устранить Наполеона, чтобы полностью исключить возможность повторного возвращения из ссылки великого сына Франции. Королевский агент преуспел в своей миссии.

Ни один патологоанатом или токсиколог по сей день не смог опровергнуть это утверждение. Тем не менее не все историки соглашались с выводами, изложенными выше. В частности, попытка опровергнуть их была предпринята в сентябре 1994 г., когда ФБР исследовала «волосы Наполеона», представленные французским историком Жаном Фишу, и не обнаружила в них избыточного количества мышьяка, превышающего норму. Из этого делался вывод, появившийся на страницы российской печати, что версия об отравлении Наполеона ошибочна. Однако вскоре выяснилось, что волосы, исследованные ФБР, никакого отношения к Наполеону не имеют.

Летом 1995 г. я обратился в ФБР с просьбой провести аналогичное исследование имеющихся у меня волос Наполеона. Они были переданы сразу после его смерти Бертрану, из чьей семьи перешли в семью знаменитой французской писательницы Жорж Санд, а последние 30 лет хранились в моем доме. Результаты этого исследования были опубликованы в сентябре 1995 г. в канадской и американской печати. Глава исследовательской группы химико-токсикологической лаборатории ФБР Р. Мартц сообщил об обнаружении в волосах французского императора большого количества мышьяка, многократно превосходящего норму. В его письме на мое имя, в частности, говорится: «Количество мышьяка в представленных волосах соответствует мышьячному отравлению».

Письмо Мартца дает мне право утверждать, что в долголетнем споре историков о причинах кончины Наполеона поставлена последняя точка.

В. И. МОРЯКОВ. *Русское просветительство второй половины XVIII века.* М. Издательство МГУ. 1994. 216 с.

Российское просветительство нельзя назвать недостаточно изученной темой. Однако до сих пор мы не располагаем специальной работой синтетического характера об этом удивительном явлении идейного развития России XVIII — нач. XIX века.

Рецензируемый труд представляет, с одной стороны, обобщение выводов предшествующей историографии, а с другой, изложение авторского видения идейного содержания и хронологических граней русского просветительства, его места в духовных исканиях той эпохи в сопоставлении с учениями крупнейших зарубежных просветителей — Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Рейналя, Пейна, Смита и др.

Автор освещает состояние историографии данной темы, излагает воззрения просветителей на государство и общество, их трактовку социальных функций просвещения и воспитания, просветительскую концепцию крестьянского вопроса, прослеживает эволюцию просветительской мысли, претерпевшей заметную радикализацию под воздействием событий, пришедшихся на последние десятилетия XVIII века.

Вслед за П. Н. Берковым, С. С. Конкиным, А. П. Валицкой и др. автор различает «Просвещение» и «просветительство», но дает им совершенно иную трактовку. Берков считал просветительство идейным течением, возникшим в конце XVII в. и выдвигавшим в качестве основного фактора распространение в широких слоях общества знаний. Просвещение же он рассматривал как определенный его этап (вторая половина XVIII в.), сутью которого была сложившаяся к тому времени буржуазная идеология, подготовившая переход к новому общественному строю. Валицкая, соглашаясь в Берковым по поводу хронологических рамок Просвещения, доводит просветительство до 1917 года. Ряд исследователей (Э. С. Виленская, М. Г. Ванда-

лковская, И. К. Пантин, Р. Г. Эймонтова и др.), не отделяя «Просвещение» от «просветительства» и используя лишь последний термин, включают в него все разновидности антикрепостнической мысли, в том числе народников, революционеров-демократов, социалистов-утопистов, либералов и т. п. (с. 27—38).

Моряков обоснованно не принимает такие подходы, как и не соглашается и с предложением З. А. Каменского о двух значениях термина «Просвещение»: широко — вся прогрессивная идеология эпохи перехода от феодализма к капитализму, узко — объективно-буржуазное течение, обосновавшее мирный, реформаторский метод социальных преобразований. По убеждению Морякова, Просвещение — это тип общественного сознания второй половины XVIII — первой половины XIX в., т. е. периода зарождения и становления буржуазных общественных отношений до их утверждения в качестве господствующих.

В этом смысле Просвещение нашло свое проявление в идеологии, философии, этике, эстетике, художественной литературе, искусстве, науке и пр. Просветительство же «одно из направлений общественно-политической мысли эпохи Просвещения, характеризующееся антифеодальной направленностью, имеющее буржуазный характер, независимо от того, кто является носителем просветительских идей (это зависит от конкретно-исторической обстановки той или иной страны), и отражающее интересы широких народных масс, страдающих от гнета абсолютизма» (с. 13—14). Просветительство в России, утверждает автор, существовало примерно с 1760-х годов до восстания декабристов, причем указанный период делится на два этапа: 60—80-е годы XVIII века и 1790—1825 годы. Моряков сосредоточил свое внимание на первом этапе, в начале которого высится мощная фигура

М. В. Ломоносова, а в конце появляется знаменитая книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». В течение этих десятилетий, утверждает автор, просветительство претерпело значительную эволюцию, перейдя от критики некоторых архаизмов феодально-крепостнической действительности к уяснению порочности самих ее основ и возможности революционного способа их ликвидации.

Ряд соображений о типологических особенностях просветительства Моряков чрезмерно жестко и напрямую связал с уровнем социально-экономического развития страны, разложением феодальной системы. По-видимому, следует в большей мере учитывать внутреннюю логику развития общественной мысли, в частности возможность опережать действительность, предвосхищать перспективы наметившихся тенденций, или, напротив, запаздывать в этом отношении, как случилось в конце XIX — нач. XX века.

Типологию просветительства вряд ли целесообразно сводить к выявлению исключительно идеологических черт, поскольку типологическое своеобразие разных течений в просветительстве более широкое понятие: оно включает в себя и разные «типы общественного сознания».

Не лишне было бы привлечь наблюдения дореволюционных исследователей духовной жизни России, в частности В. О. Ключевского, который писал о «пугливой русской мысли», о том, что в XVIII в. «культурную находку русского общества» можно обозначить, как «судорожное движение вперед и раздумье с пугливой оглядкой назад», что русские люди тогда «очутились в неловком положении людей, отставших от собственных потребностей»¹ и т. д. Современные историки мало уделяют внимания специфике национально-культурного развития, роли этнического фактора во всемирно-историческом процессе.

Следует всячески поддержать мысль Морякова о необходимости изучить вопрос о преобладающем влиянии на русское просветительство на различных стадиях его развития то французского, то немецкого, то английского и других направлений просветительской мысли. Смена этих влияний была, очевидно, не случайной, обуславливаясь эволюцией представлений наших мыслителей-просветителей о наиболее приемлемых для России способах преобразований и их общей направленности. Недостаточно разработан также вопрос о взаимодействии просветительства и других течений отечественной общественной мысли (с. 22—23).

Автор не только поставил этот вопрос, но и постарался ответить на него. Рассматривая взгляды Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Я. П. Козельского, С. Е. Десницкого и др. просветителей на общество и государство, он проанализировал известные в России французские политические доктрины, оценку Дидро и Рейналем ситуации в России. (с. 29—55), будущее которой представлялось им весьма туманным из-за отсутствия третьего сословия,

а также сопоставил эти просветительские трактаты с воззрениями Екатерины II, М. М. Щербатова, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова и других представителей консервативного направления. На примере сочинений Радищева и Руссо (с. 74—84) показано как общее в их подходах к вопросу о государстве, форме правления, гражданских правах, так и расхождения (Радищев не принимал мнения Руссо о приемлемости республиканского устройства только для небольших стран, как и его чрезмерного увлечения «чувствительностью» и др.).

Радищев, в отличие от Руссо полагал, что человек — существо социальное, а потому все его лучшие качества раскрываются и совершенствуются в обществе, которое одновременно выступает гарантом обеспечения частных и общих интересов, защиты прав и свобод своих членов. Дообщественное, «естественное» состояние, идеализируемое Руссо, отвергается Радищевым в качестве образца, поскольку в нем силы и способности человека не имеют надлежащих условий для развития. Расходились Руссо и Радищев и в отношении к революции как способу перехода к более совершенному, общественному устройству. Думается, что Моряков, как, впрочем, и другие исследователи, преувеличивает революционность Радищева, его ставку на «народную революцию». Радищев, как и декабристы, боялся народной стихийной революции, а его ультрареволюционные фразы — это гиперболический прием, рассчитанный на то, чтобы резко выделить статус народа как суверена и естественность его права на защиту своих интересов. Это, так сказать, крайний довод в пользу необходимости скорейших и радикальных преобразований.

Моряков справедливо подчеркивает, что просветители отвергали самодержавную монархию, крепостничество, сословность, произвольные формы использования труда непривилегированных сословий и, основываясь на теории общественного договора и идее народного суверенитета, выступали за ограничение монархической власти, введение представительного правления (вплоть до республиканского), социальную справедливость, гражданское равенство, частную собственность, господство правовых отношений в обществе. В то же время нельзя полностью согласиться с некоторыми утверждениями автора насчет «буржуазной ограниченности» просветителей (Ф. Энгельс).

Оригинальностью и сравнительной новизной отличается глава, посвященная просветительской концепции просвещения и воспитания и их социальной роли. Как подчеркивает автор, в отличие от консерваторов, включая и Екатерину II, которые видели цель образования и воспитания в подготовке добродетельного и послушного подданного, просветители стремились воспитать свободную личность, раскрепощенную, инициативную, сформировать молодое поколение образованных граждан, истинных патриотов родины.

Представители всех направлений общественной мысли обсуждали крестьянский вопрос и предлагали свои варианты его решения. Моряков сумел показать «широкий разброс мнений» русских просветителей второй половины XVIII в. по этому вопросу (с. 128—160). Автор обоснованно подчеркнул, что в середине XVIII в. просветители начинали с критики злоупотребления помещичьей властью и унижения человеческого достоинства крестьян. К концу столетия и в начале XIX в. А. Н. Радищев, И. П. Пнин, В. В. Пóпугаев, А. С. Кайсаров и др. уже убежденно твердили о неизбежности ликвидации крепостнической системы.

Сопоставив взгляды русских и зарубежных просветителей, автор показал их отрицательное отношение к личной зависимости крестьян, но в то же время выявил и расхождения между ними в вопросе о способах освобождения земледельцев. Русские просветители, пишет Моряков, разрабатывали более демократические методы решения крестьянского вопроса, в частности, не говорили о выкупе крестьянами своих повинностей или земельного надела, как это делал, например, Вольтер. Но более высокая степень демократизма, замечает автор, обернулась большим утопизмом и подчас даже неразборчивостью, когда наследственное закрепление за крестьянами помещичьей земли, регламентация повинностей принимались за мероприятия, обеспечивающие крестьянскую частную собственность. Это происходило прежде всего потому, что у русских просветителей второй половины XVIII в. в отличие от их французских коллег, «отсутствовало буржуазное понимание собственности» (с. 138). Отечественные просветители, однако, к концу столетия пришли к выводу о том, что следует дать простор социальной и экономической инициативе и предприимчивости земледельцев, чему препятствовала их личная зависимость.

В монографии показано, что русская просветительская мысль под влиянием революционных событий в Америке и Франции, крестьянской войны под руководством Е. Пугачева, кризисного состояния российской экономики и финансов, в начале XIX в. достаточно быстро продвигалась от умеренно-реформистских воззрений к радикальной программе социальных преобразований. К концу XVIII в., справедливо подчеркивает автор, «она вырвалась гораздо выше того уровня, который, казалось, мог быть подготовлен социально-экономи-

ческим развитием страны» (с. 161). Во второй половине XVIII в. просветительство в целом уже приблизилось к пониманию необходимости упразднения крепостного права. Следующее же поколение просветителей занялось выработкой конкретных путей и сроков ликвидации одного из самых архаичных институтов феодализма — личной зависимости.

Вряд ли, однако, можно согласиться с автором в трактовке либерализма (с. 34), в его поисках либеральных тенденций во второй половине XVIII в. и т. п. И тем не менее Морякову удалось представить стройную, продуманную концепцию просветительского течения общественно-политической мысли, обозначив слабо изученные аспекты и перспективные направления будущих исследований этого идейного движения.

К таким направлениям следует, по-видимому, отнести: место просветительства в истории общественной мысли и его взаимосвязь с предшествующими и последующими идейными течениями, отражение в просветительстве нужд и чаяний различных социальных слоев, специфику отечественного просветительства при отсутствии в России достаточно организованного широкого социального движения за упразднение феодально-крепостнической системы, отсутствии «третьего сословия», противостоящего привилегированным сословиям (кстати, М. Сперанский в 1819 г. писал, что собственные потребности и ожидания есть у всех социальных слоев, но эти потребности еще не стали настоящими², то есть не принудили людей не только желать, но и действовать), особенности отечественного просветительского утопизма с его пристрастием к «истинной» социальной справедливости и т. п. Почти не изученной остается зарубежная историография российского Просвещения. Будем надеяться, что эти аспекты не останутся без внимания наших исследователей.

А. Г. БОЛЕБРУХ

Примечания

1. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Исторические портреты. М. 1991, с. 144.
2. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 731, № 300, лл. 1-1об.; В память графа М. М. Сперанского. СПб. 1872, с. 811—817.

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ. Утверждение абсолютизма в России. М. Изд-во Текст. 1994. 320 с.

Рассматривая абсолютистское государство как фундамент и первый шаг на пути формирования авторитарных систем новейшего времени, необходимо прежде всего проанализировать его со-

циальные основания, раскрыть значение таких институтов, как правящая элита, бюрократия, административная система. Центральной проблемой являются взаимоотношения между обществом

и государством, изменения социальной структуры и политических институтов последнего на стадии радикальных реформ. С данной точки зрения вполне оправдан выбор исследуемого объекта — реформ Петра Великого.

Эпоха Петра I справедливо рассматривается в исследовании А. Н. Медушевским (Институт российской истории РАН) как наиболее динамичная и цельная в истории нового времени. За сравнительно ограниченный промежуток времени в России происходят резкие качественные изменения, приведшие к созданию государства нового типа. Неоднозначность оценок этой эпохи, как свидетельствует проведенный автором детальный анализ новейшей отечественной и зарубежной историографии проблемы, не только не уменьшается с течением времени, но все более возрастает. Означали ли реформы Петра разрыв преемственности в естественном ходе исторического процесса, были ли они обусловлены объективными факторами или явились результатом воли преобразователя; укоренились ли они в обществе и государстве и в какой мере были в дальнейшем свернуты; каково вообще их место в истории и соответственно в чем суть эпохи и личности Петра Великого — решению этих задач и посвящена рецензируемая книга.

Автор применил новый, нетрадиционный подход к этой проблеме, новые, прежде всего социологические, методы. Петровские реформы и утверждение абсолютизма в России рассмотрены автором в сравнительно-исторической перспективе. Медушевский с большой убедительностью обосновывает свой подход к сравнительному изучению процесса утверждения абсолютизма в России, необходимость предварительного решения принципиальных проблем: что сравнивать, как сравнивать и как найти сопоставимые данные.

Объектом сравнения стали в книге абсолютистские режимы России и Европы нового времени как такие политические системы, в которых государственная власть достигает значительного контроля над обществом. В качестве ключевых параметров для сопоставления избраны политическая власть (как система политических институтов), правящий класс, с точки зрения его статуса, престижа и благосостояния и особенно бюрократия (количественный рост, социальная и имущественная дифференциация, место в иерархии власти). Этим узловым проблемам посвящены центральные (3—6) главы книги.

Сравнительно-историческое изучение петровских реформ осуществлено по трем направлениям: в сравнении с предшествующим временем в истории России, в перспективе послереформенного развития и, наконец, в сопоставлении с другими странами на определенных этапах их развития. Вывод автора: административные преобразования Петра, отвечая объективным задачам «догоняющего развития и модернизации», были первыми в ряду

подобных реформ нового времени. Они обнаружили ряд устойчивых признаков, которые затем прослеживаются в реформах абсолютистских и вообще авторитарных режимов Пруссии, Австрии, Дании и других стран.

Раскрывая логику реформ, автор использует социологическую модель перехода от традиционной организации власти к рациональной. Процесс рационализации управления, проявляющийся в реформах этого типа, охватывает самые разные стороны жизни — экономику, социальные отношения, политику, сферу культуры, однако наиболее четко он проявляется в организации государственного управления — перестройке административного аппарата, правящей элиты и бюрократии. Это делает понятной всю логику реформ и контрреформ в русском историческом процессе.

Наиболее существенной проблемой для сравнительно-исторического исследования является наличие сопоставимых данных об изучаемых явлениях. Исследование Медушевского опирается на широкий круг источников, в том числе архивных документов, ранее не вводившихся в научный оборот. Среди них особое значение имеют: законодательство России и ряда стран Европы (сопоставимые юридические нормы), делопроизводственные документы государственных учреждений России накануне и в период проведения петровских реформ, а также в последующее время (прежде всего сводные количественные данные), свидетельства современников, как русских, так и иностранных (политические сочинения).

Автор обращается к правовым программам просвещенного абсолютизма, интерпретируя их как попытки перестройки традиционных структур путем реформ сверху, как стремление традиционных структур в странах Восточной Европы приспособиться к новым условиям, осуществить модернизацию путем активного вмешательства государства в жизнь общества, посредством регламентации социальных отношений, регулирования их с помощью права. Проведенный сравнительный анализ права позволил выявить ряд крупных законодательных инициатив, имеющих принципиально общие черты.

В книге рассматриваются три основных этапа развития законодательства в эпоху просвещенного абсолютизма. Это — начало кодификационных работ в первой четверти XVIII в. (Уложенные комиссии Петра I — 1700, 1714 и 1721 гг., в Австрии — Комиссия 1709 г. и в Пруссии — 1713 г.), их новая активизация в середине XVIII в. (Уложенные комиссии Елизаветы и Екатерины II; Комиссии 1747 г. в Пруссии и 1753—1755 гг. в Австрии) и, наконец, третий завершающий этап кодификации права, который приходится на период после Французской революции (прусское земское уложение 1794 г.; австрийское гражданское уложение 1811 г. и кодификационные проекты начала царствования Александра I).

Новые исследовательские возможности открывает выявленное Медушевским сходство побудительных мотивов кодификации, ее условий, а также методов ее проведения. Похожими оказываются и результаты реформ, их незавершенность, которая в рамках данной концепции может быть объяснена общим стремлением реформаторов приспособить западноевропейское право к феодальным структурам стран Восточной Европы. Общие черты уложенных комиссий петровского времени (до сих пор мало изученных и с сравнительной точки зрения не интерпретированных) выступают вполне рельефно, особенно в области регулирования владельческих прав правящего класса.

В разнообразии сложных социальных процессов переходной эпохи автору удалось выделить главную и решающую сторону. Это — соотношение власти и собственности, которое заметно изменяется в изучаемую эпоху. Основой процесса консолидации нового правящего класса явилась, как показано в работе на материале источников, эволюция отношений собственности на протяжении второй половины XVII в., завершившаяся в петровскую эпоху. Правовой статус поместной (условной) формы землевладения уравнивается с вотчинной (безусловной) его формой. Унификация отношений собственности на землю и крестьян отделила правящий класс от остальной массы населения, способствовала его консолидации на основе единых экономических условий, служебных функций, роли в управлении, социальной психологии и особой корпоративной культуры, а также перегруппировки сил внутри него самого. Автором прослежена активная роль государственной политики, целью которой явилось усиление зависимости правящего класса от политической власти и его перегруппировка для более эффективного управления государством. Анализ Табели о рангах 1722 г. позволил раскрыть ее социальный смысл как важнейшего законодательного акта на пути преобразования правящего класса.

Обратившись к сравнительному анализу Табели о рангах в ряду других законодательных документов конца XVII — первой четверти XVIII в., автор сумел раскрыть ее значение не только как чисто русского явления, но как выражения общей для всех (в особенности восточноевропейских государств) тенденции перехода от традиционного к рациональному управлению, формированию нового

правлящего класса и бюрократии. Устав о рангах и другие документы Пруссии, уставы и регламенты Швеции, Новый устав о рангах Дании и ряд других аналогичных документов европейских держав интерпретируются как зафиксировавшие процесс бюрократизации и концентрации власти в руках правящей элиты и монарха.

Бюрократия выступает как тот социальный слой, от которого в первую очередь зависит реализация функций управления обществом. Этот слой сравнительно недавно стал предметом специальных исследований. Автору удалось ввести в научный оборот совершенно новый и весьма информативный корпус источников, который и позволил ему реконструировать процесс формирования бюрократии как одного из важнейших компонентов утверждения абсолютизма. В ходе анализа документов центральных государственных учреждений петровского времени Медушевскому удалось проследить как конкретно, по мере развития бюрократии и ее консолидации в особый социальный слой развивается ее конфликт с традиционной аристократической элитой.

Особую ценность в этом отношении представляют документы сводного и учетного характера, поддающиеся количественной обработке и сопоставлению: архивные документы Разрядного приказа и Сената как учреждений, в задачу которых входил учет состава государственного аппарата, а также правящей элиты государства, комплекс боярских списков за последний период их существования в эпоху петровских преобразований, сводные документы Сената, контролировавшего численность чиновников государственного аппарата и ее динамику в ходе реформ.

Сравнительный анализ позволил автору интерпретировать данные о реорганизации государственного аппарата, раскрыть их глубинную связь с процессом изменения социальной опоры абсолютизма, соотношения между различными социальными структурами — правящей элитой, бюрократией и армией в эпоху утверждения абсолютизма. В монографии представлен, таким образом, убедительный анализ социальной структуры общества, природы социального конфликта и механизма власти в период утверждения абсолютизма в России, раскрывается место реформ Петра Великого в истории нового времени.

А. И. КОМИССАРЕНКО

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы. Интерцентр; Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов. 1994, 334 с.

Рецензируемая книга — практически первая специальная публикация архивных документов по истории Тамбовского восстания. Источниковую ба-

зу сборника составили материалы четырех, в основном, архивов: Государственного архива Тамбовской области, Центра документации новейшей

истории Тамбовской области, Российского государственного военного архива и архива Управления Федеральной службы безопасности по Тамбовской области. Книга подготовлена и издана Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентром) Института российской истории РАН.

Сборник в целом получился содержательным и интересным. Однако внимательное ознакомление с ним вызывает ряд вопросов, замечаний и возражений. Представляется неудачным вынесение в его название даты «1919» (антоновщина, как известно, началась в августе 1920 г.). Составители руководствовались тем, что в сборник вошли документы, относящиеся к предыстории восстания. Но почему же за точку отсчета описываемых событий выбрано именно начало 1919 г., а не, скажем, начало 1918 г., когда к власти в Тамбовской губернии пришли большевики, против власти которых, собственно, и была направлена антоновщина?

И все же сначала отметим главные достоинства сборника. Это, во-первых, большое число опубликованных документов (377), причем значительная их часть «антоновского» происхождения; во-вторых, большая насыщенность этих документов непосредственными участниками событий (что выгодно отличает рецензируемое издание от предыдущего труда тамбовских архивистов и историков — сборника документов и материалов «Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны 1918—1920 г.» Воронеж, 1989).

Наибольшее внимание в сборнике уделено осуждению методов карательной политики органов советской власти по отношению к антоновцам и местному населению, а также показу повстанческого лагеря (комитеты «Союза трудового крестьянства», антоновские военные формирования, их структура, командно-политический состав и проч.).

К сожалению, за рамками сборника остались документы, отражающие ход вооруженного противостояния сторон. Впрочем, это можно объяснить и тем, что данный вопрос уже неоднократно (хотя и недостаточно) рассматривался в работах исследователей истории антоновщины. Но то, что в сборник не попал ни один документ, относящийся к первым, самым неизученным дням восстания, вызывает недоумение. Такие документы присутствуют в архивах, с которыми работали составители сборника. Тем самым они как бы самоустранились от возможности высказать свое мнение о все еще дискуссионном вопросе — точной дате начала восстания.

Составители не сочли нужным контактировать с краеведами и историками, занимающимися темой антоновщины, что заметно сузило источниковую базу сборника. Некоторые важные для понимания сущности и реалий восстания документы, известные исследователям, лишились возможности быть полноценно введенными в научный оборот. Недостаточное знакомство с появившимися в последние

годы (и вполне доступными) публикациями по теме привели к появлению в сборнике фактических ошибок и неточностей.

У читателя может сложиться впечатление, что наряду с повстанческими бригадами и полками под командованием А. В. Богуславского, К. А. Корешкова и Г. В. Крутских у антоновцев существовали также полки и бригады А. В. Богослова, К. А. Громова и Г. В. Алкалатского. На самом же деле — это те же самые военные формирования причем под командованием тех же самых лиц, только (во втором случае) законспирированных. Имеется путаница и с названиями ряда населенных пунктов.

Мы не можем перечислить и исправить все ошибки и неточности. Но на одной из них необходимо остановиться. Речь идет о дате рождения предводителя тамбовских повстанцев А. С. Антонова. Впервые эта дата (26 июня ст. ст. 1889 г.) появилась в журнале «Вопросы истории» (1994, № 2, с. 66). Но в рецензируемом сборнике (с. 264) опубликована копия «Выписки из метрической книги Рогожской церкви г. Москвы о родившихся в 1889 г.», из которой следует, что Александр Степанович Антонов родился месяцем позже, то есть 26 июля, и что отца его звали вовсе не Степаном, а Стефаном. Что это? Удачная находка тамбовских архивистов (копия выписки найдена в фондах Государственного архива Тамбовской области)? Увы, копия, хотя и «заверенная», оказалась на редкость небрежно снятой с подлинника. Даже название церкви в ней указано неверно. Правильно будет не Рогожская, а Сергиевская, точнее: церковь Преподобного Сергия Радонежского (находилась в Рогожском районе г. Москвы). Метрические книги этой церкви за 1889 г., как я выяснил в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы, не сохранились. Однако в судебно-следственном деле Антонова (1909—1910 гг.), хранящемся в этом же архиве (ф. 629, оп. 4, д. 651) есть подлинник справки Сергиевской церкви, где говорится, что Антонов родился 26 июня и 30 июня 1889 г. крещен, а его отца звали Степаном (л. 238). Эта же дата рождения фигурирует и в имеющейся в деле официальной справке Тамбовской мещанской управы (л. 206), которая в 1907 г. выдавала паспорт Антонову по достижении им 18-летнего возраста. Так что правильной следует считать дату 26 июня 1889 года.

В сборнике опубликован документ (№ 322), повествующий о том, что в 1908 г. жандармы подозревали Антонова в совершении ограбления на одном из хуторов Борисоглебского уезда. На наш взгляд, этот документ, наводящий будущих биографов Антонова на ложный след, не стоило публиковать или же, в противном случае, обязательно сопроводить комментарием, что жандармские подозрения насчет Антонова оказались ошибочными, что ясно видно из последующих документов того же самого архивного дела.

Не все бесспорно в кратких биографиях Александра Степановича (во «Введении» и «Примечани-

ях»). К примеру, во «Введении» (с. 17) составители утверждают, что до своего ареста в 1909 г. Антонов успел поработать «и волостным писарем в с. Дворики Тамбовского уезда, и рабочим на заводе в Тамбове, и народным учителем». Правда в «Примечаниях» (с. 309) делается оговорка, что это лишь возможные сведения. Об источнике этих сведений составители умалчивают. Однако нетрудно установить, что этим источником информации послужил роман Н. Е. Вирты «Одиночество». Но специалистам, занимающимся историей антоновщины, давно уже известно, что, например, с. Дворики из ро-

мана «Одиночество» — это литературно-собира- тельное название нескольких сел бывшего Там- бовского уезда, главным образом с. Грязнуха и с. Большая Лозовка. И по ряду других фактов стоило бы отнестись более критически к информа- ции содержащейся в романах Вирты.

И все же при всех этих недостатках и упущени- ях следует признать рецензируемую публикацию полезным и нужным делом.

В. В. САМОШКИН

Л. А. БЕЛЯЕВ. Древние монастыри. Москвы по данным археологии. М. Изд-во «Мейкер». 1994. 310 с. + 144 табл.

Исследование доктора исторических наук, заведу- ющего сектором археологии Москвы Института ар- хеологии РАН Л. А. Беляева посвящено важной и сложной проблеме использования археологичес- ких данных для воссоздания истории городских обитателей с момента их возникновения вплоть до нового времени, когда сохранившиеся письмен- ные, картографические и изобразительные источ- ники позволяют уже достаточно полно и надежно обрисовать их развитие.

Выбор автором в качестве объекта изучения именно московских монастырей не только вполне логичен. Монастыри в средние века были неотъем- лемыми элементами развития Москвы и городской округи, естественной частью всего феодального общества. К тому же о московских монастырях сохранилось больше летописных свидетельств (в этом отношении с Москвой могут соперничать толь- ко Новгород и Псков), чем о монастырях других городов, а некоторые московские монастыри со- хранили и свои архивы, что позволяет гораздо точ- нее датировать остатки материальной культуры прошлых времен. Речь, таким образом, идет о вы- работке методик и критериев, пригодных не только для характеристики определенных этапов в жизни отдельных монастырей, в частности, их соотносе- нности с окружающим пространством, каменным в них строительством и т. п., но и шире — для характеристики всей средневековой Москвы и при- легавших к ней территорий, а, с другой стороны, и о реконструкции разных сторон монастырской жизни, в том числе и не упоминаемых письмен- ными свидетельствами. Решение этих вопросов требует максимального привлечения разнообраз- ных источников, сохранившихся как в виде остат- ков, так и в виде преданий, тщательного их изуче- ния, применения новых, специальных приемов ис- следования, сопоставления итоговых заключений с тем, чтобы делать конкретно-исторические выво- ды о роли и значении первых монастырей в жизни средневековой Москвы. С этими задачами Беляев

справляется успешно, предлагая совершенно не- ординарные исследовательские ходы и добываясь результата там, где, казалось бы, состояние источ- ников, как археологических, так и письменных, не давало возможности ответить на возникающие пе- ред исследователем вопросы.

Центральной частью рецензируемой работы яв- ляются главы II—IV, посвященные анализу рас- копок в Богоявленском монастыре, видимо, из- начально располагавшемся на территории города (посада), а также в Даниловском и Высоко-Пет- ровском монастырях, при своем возникновении стоявших за пределами собственно городских зе- мель. Полевые работы, проведенные под руко- водством Беляева в 1978—1992 гг., дали новый и ценный материал как для собственной истории перечисленных монастырей, так и для археологии Москвы в целом.

Возникновение Богоявленского монастыря, ко- торому предшествовало более раннее поселение, связывается со строительством деревянного храма и появлением некрополя, содержащем захороне- ния состоятельных людей. Беляевым выявлены ос- татки относимого исследователем к последним де- сятилетиям XIV — первой четверти XV в. белока- менного храма, построенного на месте сгоревшего деревянного. Примерно через столетие к храму была пристроена трапезная палата. В таком виде монастырь просуществовал до 1684 г., когда был уничтожен пожаром. В 1693—1696 гг. монастыр- ский собор был восстановлен и таким сохранился до наших дней.

Обнаружение в западной части храма могиль- ных плит конца XVI—XVII вв., принадлежавших представителям известного московского боярского рода Вельяминовых, дало дополнительный матери- ал для суждений о ктиторской роли этой древней московской фамилии в истории Богоявленского монастыря, на что намекают и ранние письменные свидетельства.

Много новых данных получено Беляевым при

археологических обследованиях Даниловского монастыря, основанного первым московским князем Даниилом Александровичем. Подтверждено, что монастырь был поставлен на пути, соединявшем Москву с южной окраиной княжества. Выяснилось, что монастырь строился в издавна, с конца X в., обжитом районе. Храм монастыря первоначально был деревянным, около него располагался некрополь, который продолжал существовать и после запустения монастыря. Исследования Беляева подтвердили возобновление монастыря в конце 50-х — начале 60-х гг. XVI века. Удалось выяснить всю историю строительства как на территории Данилова монастыря, так и на территории примыкавшего к нему с юга села Даниловского (позднее слободы).

Археологические раскопки в Высоко-Петровском монастыре подтвердили, что существующий там собор Петра митрополита — памятник не 80-х гг. XVII в., а строение 1514—1517 гг. итальянского архитектора Альвизе Ламберта де Монтапьяны (Алевиза Нового, как называли зодчего русские летописатели). Выяснилось, что каменному храму предшествовал деревянный, поставленный на пустом месте. Некрополь, обнаруженные предметы быта относятся к концу XIV — началу XV века. Эти бесспорные, полученные Беляевым данные вносят необходимую ясность в туманные представления средневековых книжников и ученых XVII—XX вв. о начале Высоко-Петровского монастыря и в то же время побуждают к более обстоятельному сопоставлению с показаниями письменных источников.

Их самое раннее свидетельство о Петровском монастыре, хотя и приведено автором, все-таки до конца им не прокомментировано. Свидетельство это относится к 1370 году. Оно называет лиц, составивших свиту кандидата в русские митрополиты Михайла-Митяя, отправившегося за получением сана в Константинополь. Среди сопровождавших Митяя церковников назван «архимандрит Иван Петровский». Далее рассказывается об аресте и заключении в железа «Ивана Петровского архимандрита московского киновиарха начальника общему житию» (Полное собрание русских летописей, т. XV, вып. I. Пг. 1922, тб. 130). В разных томах ПСРЛ запятая стоит или после слова «Ивана», или после слова «архимандрита», что искажает смысл фразы, поскольку в московской церковной организации известно лицо, носившее титул «архимандрит московский» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М—Л. 1950, № 2, с. 13). Древнейший документ Петровского монастыря — купчая 1448—1461 гг. — знает петровского игумена Иева и «старого игумена» Петра (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. I, М. 1951, № 79).

Следовательно, настоятель Петровского монастыря на самом деле имел сан игумена, а не архимандрита, что означало, по-видимому, то же, что и титул «архимандрит новгородский», носитель

которого выбирался из среды настоятелей новгородских монастырей, возглавляя коллегия игуменов, и получал в управление определенный монастырь — Юрьевский. Правда, объект архимандритии менялся. В этом свете следует пересмотреть известия летописной статьи 1330 г. о переводе архимандритии из Даниловского монастыря в кремлевский Спасский. Избранный глава игуменов — «архимандрит московский» — получал в управление не Данилов монастырь, как было до Капеты, а Спасский. К 1379 г. обладание титулом «архимандрит московский» связывалось уже не со Спасским, а с Петровским монастырем. Поскольку автор летописной статьи 1330 г. ничего не знал о таком переносе, а писал он после 1356 г., то следует, что перенос произошел после 1356 года. Одна из причин заключалась, очевидно, в том, что был построен сам Петровский монастырь. Возможно, он был построен как в первой духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича, составленной в начале 1359 г., назван игумен Иван, которого следует отождествлять с Иваном Петровским летописной статьи 1379 года. Таким образом, основание Высоко-Петровского монастыря следует относить ко времени княжения Ивана Ивановича, к 1356—1358 гг. (может быть, к 1354—1358 гг., когда Иван Иванович укрепился и на московском, и на владимирском великокняжеских столах) и связывать его основание не с деятельностью митрополита Феогноста, как полагает Беляев (с. 175), а со стремлением великокняжеской власти создать себе определенную опору внутри церковной организации.

Автор пишет, что по археологическим данным максимально возможная ранняя дата основания Петровского монастыря — последняя треть, в крайнем случае — третья четверть XIV в. (с. 174). Второй хронологический отрезок точно совпадает с выведенной выше датой, но следует иметь в виду, что если Петровский монастырь — великокняжеский, то от великого князя целиком зависело выделение монастырю земель под строение и для ведения хозяйства, расширение его первоначальной территории. Поэтому результаты археологических изысканий на современном участке монастыря не следовало бы воспринимать как окончательные при решении вопроса о древнейшем Петровском монастыре. Его первоначальный храм мог быть где-то рядом с теперешней монастырской территорией.

Глава V книги посвящена характеристике других древнейших монастырей Москвы. Их Беляев насчитывает 11. Из них 5 располагались в пределах Кремля, 3 — на территории посада, 3 — за границами городской территории. Археологических обследований, подобных вышеописанным, здесь не проводилось, и поэтому их описания носят очерковый характер. Хотя автор использовал необходимые источники и научную литературу, это не уберегло его от ряда спорных утверждений и прямых ошибок.

Так, исследователь считает сомнительным упоминание Никоновской летописью под 1386 г. Вознесенского монастыря в Кремле (с. 195). Но то же известие есть в авторитетных Рогожском летописце и Симеоновской летописи. Они упоминают Вознесенский монастырь «в Москве», т. е. в Кремле, в связи с похоронами там Семена Ямы. Личность этого человека до настоящего времени оставалась загадочной. Между тем, отождествить Семена Яму удастся. Это, судя по имени, единственный сын служившего Дмитрию Донскому окольничего Тимофея Васильевича Вельяминова Семен, боярин Донского, ездивший по его поручению вместе с Михаилом Морозовым в 1382 г. в Тверь к митрополиту Киприану звать его обратно в Москву. Двор (или дворы) Вельяминовых в Кремле выходил на ту улицу, по другую сторону которой стоял Вознесенский монастырь. Это объясняет захоронение в Вознесенском монастыре Семена Ямы и свидетельствует о существовании самого монастыря до 1386 года. Неверно распространённое мнение о том, что основательницей Вознесенского монастыря была вдова Дмитрия Донского Евдокия. Она только превратила его в женский и заложила там каменный храм.

Древнейшее известие о Рождественском монастыре содержится не в Воскресенской летописи 40-х гг. XVI в. (с. 193), а в Рогожском летописце и Симеоновской летописи, причем в этих памятниках, восходящих к своду 1409 г., нет уточняющего пояснения «на рве». Речь, скорее всего, идет о монастыре при Рождественской церкви в Кремле.

Основание Алексеевского женского монастыря относится, по-видимому к 1362 году. Однако ранние топографические сведения об этом монастыре не позволяют решить, где был первоначально расположен этот монастырь: на месте ли позднейшего храма Христа Спасителя или Зачатьевского монастыря. Известно только, что он стоял «за Черторыем», т. е. на правом берегу этого левого притока реки Москвы.

В некоторые обобщения Беляева следует внести определенные коррективы. Топография древнейших московских монастырей свидетельствует, что чаще всего они ставились в Кремле и в прилегающих к нему местах. Особенно интенсивно осваивалась территория будущего Китай-города — древнейший московский посад. Определенным вниманием великокняжеской власти пользовалась территория к югу от города, где в XIII—XIV вв. было построено 4 монастыря. Митрополиты ставили свои монастыри на восток и на запад от Москвы.

В связи с размещением монастырей встает вопрос об их военной роли, которая постоянно подчеркивается исследователями, пишущими о средневековой Москве. Беляев, несомненно, прав, критикуя таких исследователей. Ранние монастыри не надо уподоблять предградиям-острогам, защищавшим подходы к городам домонгольского времени. Од-

нако и полностью отрицать значение монастырей в ходе военных действий нельзя. Как показал автор, монастыри, вынесенные за пределы городской территории, стояли на крупных дорогах, соединявших Москву с другими центрами средневековой Руси. И для наблюдения за этими дорогами, оповещения населения Москвы, даже отражения небольших групп противника такие монастыри могли быть использованы.

Ряд претензий возникает к первой главе, где сформулирована исследовательская проблема, дана историография вопроса, рассмотрены важнейшие источники. Так, в историографическом обзоре следовало бы четче выделить тему монастырей из трудов, посвященных общецерковной истории. Но главное, пожалуй, не в этом. Возражения вызывает данная автором общая характеристика монастырей в средневековой Европе, в том числе и на Руси. Монастырь не может считаться феноменом, определяющим особую стадию развития европейских стран от античности до Нового времени. «Нет такой сферы деятельности, где монастырь не отразился бы самым непосредственным образом, на развитие которой не оказал бы прямого и сильного влияния», — с пафосом пишет Беляев (с. 7). Если понимать это буквально, то поневоле возникает вопрос: и на демографию тоже?

По мнению автора, почти исключительно монастыри концентрировали у себя письменность и литературу, образование, монументальное искусство и искусство малых форм, высшее ремесло. Но это не так. То же можно сказать о дворах церковных иерархов, а еще более — о дворах светских правителей. Нет оснований представлять монастырь как некий образцовый трудовой коллектив, где находят применение совершенные технологии как в сельском хозяйстве, так и в ремесле; появляются зародыши мануфактурного производства, банковского и торгового дела. К русским монастырям такая характеристика отнесена быть не может, поскольку отсутствуют факты, свидетельствующие об этом. Не могут быть подтверждены мысли автора о симбиозе монастырей и княжеской власти, о сохранении в русских монастырях больших материальных ресурсов, что будто бы являлось одним из «факторов сохранения национальной обособленности» в период монгольского ига и т. п. (с. 8, 9). Общая характеристика монастырей должна исходить только из строгого анализа конкретных проявлений монастырской жизни. Тогда это будет реальная научная оценка исторической роли монастырей.

К счастью, склонность автора к апологетичности находится в прямом противоречии с конкретным содержанием написанной им книги. А содержание это, несмотря на высказанные замечания, весьма ценно. Оно обогащает науку новыми фактами, новыми методами исследования, свежими неординарными выводами.

В. А. КУЧКИН

R. TURKOWSKI. *Polskie Stronnictwo Ludowe w obronie demokracji 1945—1949*. Warszawa. Wyd. Sejmowe. 1992. 349 s.

Р. ТУРКОВСКИЙ. *Польское стронництво людове и защита демократии в 1945—1949 гг.*

Темой книги профессора Варшавского университета Р. Турковского является недолгая, но весьма драматическая история этой партии, которая после второй мировой войны, «представляя интересы подавляющего большинства» польского общества (с. 5), пыталась вести борьбу за утверждение системы парламентской демократии.

Свои истоки людовское движение берет в начале XX в. и к моменту окончания войны оно уже имело богатую историю и опыт. По мнению автора, в послевоенной Польше Польское стронництво людове (ПСЛ) было единственной политической партией, которая вела свою родословную «непосредственно из польских национальных традиций», а в послевоенные годы стала впервые в истории людовского движения общенародной партией (с. 288).

Следует заметить, что как в польской, так и советской историографии проблема крестьянских партий (ПСЛ в том числе) и шире — польского аграризма, рассматривалась в зависимости от текущей политической конъюнктуры. Лишь с конца 70-х гг. в Польше стала выходить литература, в которой многие стороны деятельности ПСЛ и ее лидеров получили объективное освещение. В советской историографии в одном из последних трудов на эту тему проводилась мысль о том, что после войны все течения людовского движения стали «составным компонентом национально-демократического фронта, перешли на позиции народной демократии», а «идейно-политические перемены открыли путь к организационному объединению людовцев, что наступило в 1949 г.»¹.

Р. Турковский предлагает иную точку зрения на события, происшедшие в людовском движении в 1948—49 гг., когда ПСЛ было уничтожено, его авторитетные деятели были арестованы, эмигрировали или, в лучшем случае, были вынуждены убраться от политической деятельности. Те же, кто остались в политике, «должны были принять чуждую себе программу, ...изменить идеалам и программе людовского движения» (с. 292).

Политическая деятельность людовского движения опиралась на решения Ялтинской конференции (4—11 февраля 1945 г.), на которой СССР, США и Великобритания постановили создать новое польское правительство («Временное правительство национального единства») путем включения в него демократических деятелей как внутри страны, так и из эмиграции. Тогда же было решено, что в Польше, как можно раньше должны пройти свободные выборы в Законодательный сейм, в которых должны принимать участие все политические силы демократического направления. Это решение

подтвердила Потсдамская конференция. В Москве в феврале 1945 г. с целью достижения соглашения в польском вопросе была создана специальная комиссия, членом которой был Станислав Миколайчик, лидер Стронництва людового (с 22 августа 1945 г. — ПСЛ). Он потребовал для своей партии 50% мест в правительстве, должность президента или премьера, рассчитывая при этом на поддержку США и Великобритании. Миколайчик подчеркивал также необходимость поддерживать союз с СССР и призывал вернуться к конституции 1921 года. Во внутренней политике главными задачами правительства, с его точки зрения, должны были стать окончание аграрной реформы, национализация ключевых отраслей промышленности. Частный сектор, по его мнению, должен вписаться в рамки государственного планирования и зависеть от интересов общества. Кроме этого, правительству необходимо было преобразовать кооперацию и создать систему самоуправления: территориального, профессионального и хозяйственного. Программа Миколайчика предусматривала свободу вероисповедания, печати и собраний, образования и деятельности политических, экономических, кооперативных, профессиональных организаций демократической ориентации; а также гарантию личной свободы. Одним из условий успешной работы правительства Миколайчик назвал прекращение политических репрессий, освобождение арестованных политических деятелей — руководителей движения Сопротивления.

Предложения Миколайчика были встречены в штыки представителями Временного правительства — Б. Берутом, и особенно В. Гомулкой, который в ответ на программу людовцев заявил: «Мы хозяева; мы можем поделиться с вами властью, если вы поймете ваши ошибки и пойдете по пути, которым идет Временное правительство... Власти, однажды завоеванной, мы никогда не отдадим» (с. 23). Идею протiwостояния, наметившееся на заседаниях комиссии, работавшей в Москве, постепенно перерастало в жестокий террор по отношению к лидерам и наиболее активным деятелям людовского движения, а попытки какой-либо деятельности по выполнению программы наталкивались на все более сильное противодействие Польской рабочей партии (ППР).

Турковский описывает параллельно деятельность ПСЛ и политику ППР и правительственного аппарата. Первый период деятельности партии (август 1945 — октябрь 1946 г.) был насыщен активной работой людовцев по выполнению программы ПСЛ, направленной на создание государства парламентской демократии по образцу Польши до

1926 г. — с Сеймом и президентом; по объединению крестьянства, которое составляло 75% населения страны, под прежними знаменами крестьянского движения; по оформлению структуры партии и руководящих органов; а также издательской деятельностью. В октябре 1945 г. состоялся первый послевоенный конгресс партии (пятый по счету в людовском движении). Развернулась активная работа на местах, проходили воеводские съезды. Деятельности ПСЛ противодействовали ППР и правительственный аппарат.

Уже в октябре 1945 г. ПСЛ было объявлено реакционной партией, после чего началась ее целенаправленная травля. Автору книги удалось убедительно описать деятельность правительственного аппарата по уничтожению ПСЛ. Так, до 1 марта 1946 г. физически было уничтожено 50 ее руководящих деятелей. Только в Краковском воеводстве было арестовано 750 человек. Антилюдовские демонстрации сопровождалась публичным сожжением чучел, изображающих лидеров людовского движения, а также их портретов. В некоторых повятах распускались местные организации ПСЛ, запрещались собрания. Власти вербовали осведомителей, конфисковывали членские билеты, выводили членов ПСЛ из состава местных советов и т. п. Особенно изощренно действовали власти на воссоединенных землях под руководством министра Западных земель Гомулки, результатом деятельности которого стало то, что «многие жители Силезии, Вармии, Мазур, которые являются и осознают себя с детства поляками, вынуждены были добиваться признания их фольксдойчами, чтобы на этой основе выехать из Польши» (с. 84).

Репрессии вели к дезорганизации деятельности партии и распаду ее структур. В ноябре 1946 г. члены делегации ПСЛ из Кракова заявили Беруту, что преследование ПСЛ следует расценивать как уничтожение демократических сил Польши. Берут решительно отверг все обвинения в адрес правительственных кругов, заявив, что бдительность требует защиты от бандитов, которые прячутся в лесах, защищая интересы «помещиков и капиталистов».

На основе изучения материалов местных организаций ПСЛ в 15-ти воеводствах автор показал динамику роста рядов ПСЛ в первый период его деятельности, организационное развитие и социальный состав ПСЛ в Варшаве, Кракове, Познани, Вроцлаве, Люблине.

ПСЛ пыталось завоевать позиции в центральных органах власти (Президиуме Крайовой Рады народной, Совете Министров), в местных административных органах, в народных советах всех ступеней. Однако эти попытки не увенчались успехом. Деятельность министра сельского хозяйства Миколайчика и еще троих министров от ПСЛ постепенно ограничивалась; в воеводских советах число членов ПСЛ увеличилось, но к началу 1947 г., как показано в книге, почти все они были выведены из

их состава. Лучше ПСЛ было представлено на уровне повятов и гмин. На основе местного архивного материала автор приходит к выводу, что со второй половины 1946 г. началась кампания «чистки» местных органов власти.

Летом 1946 г. ППР перешла в атаку на ПСЛ с тем, чтобы принудить его к «абсолютной покорности». Применялись самые изощренные формы террора против ПСЛ (с. 128). Гомулка обвинил Миколайчика, бывшего руководителя польского правительства в эмиграции в провоцировании Варшавского восстания и возложил на него часть вины за разрушение Варшавы.

Особенно активной стала деятельность властей против ПСЛ накануне и в период референдума о ключевых вопросах конституции перед выборами в Сейм. Инициатива референдума принадлежала Миколайчику. Накануне референдума состоялась последняя демонстрация ПСЛ: похороны видного деятеля людовского движения М. Ратая. После этого демонстрации и собрания людовцев были запрещены. Распускались их организации на местах. В Лодзи руководство местных органов безопасности санкционировало задержание и избивание членов ПСЛ (у них конфисковывали мастерские). Войтов, солтысов, старост, руководителей советов повятов и гмин принуждали выходить из ПСЛ; аресты шли по всей стране, в Познанском воеводстве было арестовано 3 тыс. человек.

В ходе референдума, который состоялся 30 июня 1946 г., вопреки нарушениям процедуры голосования, подтасовке и фальсификации его результатов, убедительную победу одержало ПСЛ. Автор делает этот вывод на основе изучения данных 25,4% округов, которые сведены им в таблицу. Официальные же результаты, которые были объявлены спустя две недели после голосования, свидетельствовали о «победе» Блока (Польская рабочая партия, Польская социалистическая партия, Демократическая партия, Крестьянская партия). Протест ПСЛ против фальсификации результатов не был принят. В ответ на него был спровоцирован, по мнению автора, еврейский погром в Кельцах, преследовавший цель отвлечь внимание поляков от поставленных ПСЛ проблем.

Дальнейшая работа ПСЛ проходила в сложных условиях: партии Блока с милостивого согласия Сталина предлагали ПСЛ 25% мандатов в будущем Сейме, но в том случае, если оно примет участие в Блоке (в противном случае оно могло рассчитывать лишь на 10%). Проект ПСЛ о выборах и поправки не были приняты к обсуждению, ППР и ППС на конференции Блока высказались за исключение делегатов ПСЛ из согласительной комиссии, их место заняли делегаты ПСЛ — «Новые Вызволене» (конформистская группа в людовском движении, как и «Левица — ПСЛ», не имевшая широкой поддержки).

На головы членов ПСЛ пали в очередной раз обвинения в сотрудничестве с «бандитами».

в стремлении обострить внутреннюю ситуацию в стране и проч. За этим последовали аресты ряда деятелей партии, журналистов. Во второй половине октября 1946 г. произошли, по выражению автора, «выборы перед выборами», когда ППР и ППС приняли кулуарное решение выделить ПСЛ всего 15% мандатов в Сейме, а после консультации со Сталиным в Сочи они взяли курс на последовательное уничтожение ПСЛ, как «легальной надстройки реакционного подполья». Обращение лидеров ПСЛ к послу СССР в Польше В. Е. Лебедеву по поводу преследований партии осталось без ответа.

В период избирательной кампании ПСЛ оказалось отрезанным от местных избирательных органов, что вынудило его организовать собственную избирательную кампанию, выдвинув 110 кандидатов (44,5% составили крестьяне). Ход ее был чрезвычайно затруднен, списки конфисковывались, кандидатам и избирателям угрожали, проводились аресты. Материал, собранный автором, драматичен, пафос повествования подчас поднимается до уровня трагедии.

19 января 1947 г. прошли выборы в Сейм. По данным автора, в 77 избирательных округах ПСЛ получило 63% голосов, а партии Блока 28%, 9% избирателей не участвовало в выборах. В Сейм было избрано 27 видных деятелей ПСЛ во главе с Миколайчиком, которые образовали парламентский клуб. Попытки отстоять программу ПСЛ, внести какие-либо поправки, провести закон о деятельности оппозиционных партий не увенчались успехом. К тому же внутри ПСЛ выделилась оппозиционная группа Ю. Нечки (Левица — ПСЛ), которая объединилась с ПСЛ — «Нове вызволене». Попытки ПСЛ противостоять диктатуре ППР вызвали новую волну арестов и процессов против деятелей ПСЛ. Меры наказания применялись разные — от смертной казни до различных сроков заключения (от 15 до 3-х лет).

В конце лета 1947 г. Левица — ПСЛ приступила к открытой борьбе за смену руководства. В развернувшейся в печати травле Миколайчика обвинили в национальной измене, что заставило его (с помощью послов США и Великобритании) покинуть страну. В Болгарии и Румынии были в это время арестованы лидеры крестьянских движений. Новое руководство ПСЛ отказалось от прежней программной линии. Лидер Левицы — ПСЛ Нечко встал во главе партии. 30 тысяч членов прежней ПСЛ были выведены из состава партии, в новой программе основной деятельности был объявлен крестьянско-рабочий союз, курс на объединение с Крестьянской партией (СЛ) и союз с СССР. С февраля 1948 г. ПСЛ начинает сотрудничать с демократическими силами.

Тогда же происходит объединение ПСЛ и Крестьянской партии на основе программы, стержнем

которой был «крестьянско-рабочий союз в опоре на единый фронт крестьянских и рабочих партий».

В мае того же года в декларации о сотрудничестве между ПСЛ и СЛ вина за раскол крестьянского движения была возложена на Миколайчика, объявлено об отказе от традиций людовского движения, идеологии аграризма. Деятельность «возрожденного» ПСЛ контролировалась ППР. Под ее руководством во второй половине 1948 г. была проведена кампания борьбы с «право-националистическим уклоном», в результате чего из местных органов власти были выведены «богатые крестьяне», «кулаки», а из общественных организаций «вражеские и классово чуждые элементы». Подготовка объединенного конгресса людовского движения, который состоялся в конце ноября 1949 г., сопровождалась кампанией дискредитации «реакционной идеологии» — аграризма. В вину ПСЛ вменялась попытка «создания ...третьей силы и третьей модели социального строя» (с. 283). Новой программой нового ПСЛ стала программа ПОРП при решительном отказе от аграризма.

Краткая история деятельности ПСЛ после второй мировой войны, народной партии, «продолжавшей лучшие традиции польской демократии» (с. 289), насыщена драматическими страницами жестокого противостояния в неравном противоборстве с правительственными силами. Автор использовал обширный местный материал, но не имел возможности пользоваться архивами органов государственной безопасности, что не позволило ему выявить действительный размах террора.

Книга написана взволнованным языком, богато иллюстрирована.

Т. М. СИМОНОВА

Примечания

1. НОСКОВА А. Ф. Крестьянское политическое движение в Польше: от концепции буржуазной демократии к народной демократии (сентябрь 1939 — весна 1948 г.). Автореф. на соискание уч. степени доктора исторических наук. М. 1986, с. 36—37. В целом об идеологии аграризма дает представление книга Матвеева Г. Ф. «Третий путь?» Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период (М. 1992), в которой автор приходит к выводу о том, что к 1935 г. в идеологии аграризма сформировалась модель общественного развития, которую можно считать моделью «третьего пути», отличавшуюся как от реального капитализма, так и от советской модели социализма (с. 226).

УРОКИ РАСПАДА ЧЕХОСЛОВАКИИ

East European Politics and Societies. Berkley. Winter 1994.

Американский историк Шарон Л. Вольчик пишет о событиях в Чехословакии, связанных с распадом этого государства. В своей статье он подчеркивает, что политические конфликты на этнической почве определяют развитие ряда стран после 1989 года. «Одна из причин распада единого государства — разница в темпах продвижения к рынку отдельных его частей». Темпы же эти «намечаются, корректируются и осуществляются не столько по воле народов (чехов и словаков), сколько по своеволию лидеров». Большинство граждан продолжали выступать против распада Чехословакии даже тогда, когда их лидеры уже обсуждали это решение, однако основные политические силы, выступающие за сохранение единого государства, оказались очень слабыми (с. 186—187).

Начало распада Чехословакии связано с падением коммунистического правления в ноябре 1989 года. Весной 1990 г. дважды менялось название страны, а к концу этого года. В. Гавел под угрозой этого распада потребовал увеличения полномочий президента. Начало 1991 г. ознаменовалось временными соглашениями между представителями Чехии и Словакии и федеральными властями, а ноябрь — параличом последних. С волей народа при этом не считались. Референдум, за который ратовали президент и поддерживавшие его политики, не сыграл особой роли. В феврале 1992 г. большинством всего в один голос словацкое Национальное собрание заблокировало компромиссное решение о возможности сохранения единого государства. Выборы в июне 1992 г. фактически предрешали судьбу Чехо-Словакии. Рассуждения же о конфедерации двух суверенных государств служили маскировкой сепаратистских целей их политиков.

Исторически распад единого государства мало обоснован, поскольку чешский и словацкий народы предельно близки друг другу. Однако внешним силам была выгодна рознь между ними, что особенно проявилось в 1938—1939 годах. Чехия всегда держала в поле зрения Словакию как ареал индустриализации; были намечены конкретные ее планы, выполнение которых сорвал мировой экономический кризис конца 20-х — начала 30-х годов. Вместе с тем рост культурного уровня словаков, не подкрепленный экономическим ростом, усиливал развитие лидеров, придерживающихся сепаратистских ориентаций. При этом А. Глинка и Й. Тисо фактически исполняли в Словакии функции «отцов нации».

«Национальную карту», пишет Вольчик, умело разыграли нацисты. «В марте 1939 г. Словакия стала псевдонезависимым государством под контро-

лем Гитлера. По существу являясь марионеткой нацистов, Словацкая республика тем не менее удовлетворяла стремление некоторых словаков иметь собственное государство» (с. 161). С этого времени в историческую память народа внедрялось неослабевающее тяготение к независимости, причем ведущими составляющими были здесь религиозно-культурные факторы и желание делать «большую политику», а вовсе не приоритеты индустриального развития. Коммунистические политики по мнению автора успешно устраняли региональные дисбалансы. Разница в уровнях развития Чехии и Словакии непрерывно сокращалась.

В октябре 1968 г. было принято решение о федеральной структуре государства, а в следующем году оно воплотилось в жизнь. Но две республики — это две элиты, несмотря на их единую партийную принадлежность. Крушение же коммунистического режима разделило эти элиты, которые, по логике своего развития, не могли не занять конфронтационные позиции. И здесь свою роль сыграла национальная идея.

Развитию разъединительных тенденций способствовали, по словам автора, и два разнонаправленных процесса — распад многонациональных коммунистических государств, и движение к «большему единству» в другой части Европы (с. 173). Словацкие лидеры рассчитывали, что независимость их страны будет встречена с таким же энтузиазмом, как суверенитет стран Балтии или Словении. Предполагалось, что Европейское сообщество более склонно принимать в свои ряды страны с ярко выраженным национальным лицом. Но при этом забывали, что даже при самых благоприятных условиях Словакии, желающей стать членом этого сообщества, все же пришлось бы «стать в очередь» за Чехией.

Судя по опросам общественного мнения, подчеркивается в статье, народы Чехии и Словакии разделяли курс на образование двух независимых государств. Более того, многие граждане Чехо-Словакии придерживались мнения, что именно политические лидеры ответственны за рост этнических трений и трудностей, связанных с появлением новых государственных форм (с. 176). В октябре 1991 г. единое государство предпочитали 70% граждан Чехии и 52% — Словакии; в декабре 1991 г. — 73% граждан Чехии и 58% — Словакии; в июле 1992 г. еще до распада единого государства — 53% граждан Чехии и 42% — Словакии. За раздел же выступали (соответственно): 9% и 18% в октябре 1991 г.; 12% и 16% в декабре; 24% и 32% в июле 1992 г. (с. 179).

Исторический урок распада Чехословакии в том, что обращение к этническому началу вовсе не обеспечивает преодоления экономических и политических трудностей, но, напротив, скрывает и усугубляет их. «При этом — заключает Вольчик, — пример Чехословакии демонстрирует как то, что разница между этническими группами

не обязательно должна основываться на большом своеобразии языков, или религий, так одновременно и то, что это различие неизбежно принимает политическую форму насильственных конфликтов» (с. 188).

Э. Г. Лаврик

ОБРАЗ ЖИЗНИ ГЕРМАНСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В МОСКВЕ

Nordost-Archiv. Zeitschrift für Regionalgeschichte. Lüneburg. 1994, № 1.

Немецкий историк Д. Дальманн (Фрейбургский университет) отмечает, что в отличие от освещения роли немцев в Санкт-Петербурге (в особенности благодаря проведенным Э. Амбургером изысканиям в области их личностных и семейно-исторических проблем), история немцев в Москве с начала XVIII до XX вв. «остаётся скорее белым пятном в историографии» (с. 137).

Между тем, эта история весьма показательна. Г. Шлиманн приехал в Россию в январе 1846 г. в качестве агента амстердамской фирмы с весьма скромным жалованьем, а через двадцать лет покинул эту страну уже как мультимиллионер (с. 133). Дело Шлиманна носило спекулятивный характер. Гораздо более типичным для московских немцев был, как считает автор, Торговый дом Вогау и К°, приносивший миллионные доходы (с. 134).

К немецким Дальманн относит тех предпринимателей, «кто родился в государствах Германского союза, ставших после 1871 г. составными частями Германской империи и чьим родным языком был немецкий», безотносительно к тому, подданным какого государства он был (с. 134). Основное внимание автор сосредотачивает на ментальности, образе жизни, процессе ассимиляции и аккультурации германских предпринимателей в России, их интеграции в русское общество (с. 134). Значительное место в исследовании Дальманна занимают вопросы «деловой этики» (с. 134).

Москва рассматривалась ими как один из наиболее старых и индустриализированных центров России. Немалое значение имело то, что в этом городе особенно мощно было представлено старообрядчество (с. 136). По мнению Дальманна «Москва... по меньшей мере до начала первой мировой войны, была как бы олицетворением старой России» и вместе с тем крупным торговым центром (с. 138). В немецких источниках Москва описывалась как город, где царил не знающее границ гостеприимство. За три десятилетия, предшествовавшие первой мировой войне, Москва преобразилась, пережив капиталистический бум. Это отразилось даже на ее архитектурном облике. Она утратила черты провинциальности.

Иностранцы, приезжавшие в Москву встречали

здесь многочисленных своих соотечественников: предпринимателей, ученых, учителей, священников, ремесленников; воспитательниц и т. д. В книжном магазине А. Ланга и М. Вольфа можно было купить немецкие книги и журналы, на Петровской линии существовал даже книжный магазин с библиотекой. Выходила специальная газета на немецком языке. В Москве было немало немецких врачей, во всех аптеках говорили по-немецки.

Существовал немецкий евангелический госпиталь. Немцы — и лютеране, и католики — могли посещать службы на немецком языке в ряде церквей (с. 140), четырех евангелических и реформированных церковных общинах, куда входили также латыши, эстонцы, финны и шведы. С 1913 г. существовала специальная гимназия для девочек и мальчиков, два реальных училища для мальчиков, а также пять народных школ с преподаванием на немецком языке. Значительное число детей из немецкоязычных семей посещали церковные школы или же немецкие частные гимназии. В последних преподавание велось в соответствии с нормами прусской образовательной системы.

Многие немецкие предприниматели происходили из купеческих семей. В Москве они жили как бы «в двух мирах — немецком и русском» (с. 144). Определенное, подчас даже длительное время русское влияние затрагивало лишь внешние формы их образа жизни. Употреблялась принятая в России форма обращения — с использованием имени и отчества, а также ласкательные формы в общении с детьми. Часто немцами перенимались и другие русские обычаи, в частности, ставить икону в «красном углу» (с. 144).

Русские предприниматели были для немцев деловыми партнерами, компаньонами и конкурентами, подчас и личными друзьями, но лишь в редких случаях совладельцами немецких фирм (с. 146). Немцы-предприниматели, жившие в Москве, часто посещали Германию; поездки на родину в период праздников или же на отдых стали в середине XIX в. обычным делом (с. 151). Жизнь немецкой предпринимательской колонии в Москве была, однако, «бедной с точки зрения духовных инициатив» (с. 153). Свои духовные запросы они

удовлетворяли, обращаясь к «русской литературе, музыке, театру и балету» (с. 153). В школах дети немецких предпринимателей завязывали тесную дружбу с детьми высокопоставленных русских (с. 154).

Значительная часть живших в российских условиях немецких предпринимательских семей подверглась руссификации. Дети одинаково хорошо говорили на обоих языках. Молодые немцы из этих семей «воспитывались на русской литературе, чи-

тая Гоголя, Толстого, Достоевского и Горького, ходили в русские театры и восхищались Станиславским; русская живопись была им ближе, чем немецкая или же западноевропейская» (с. 161).

Немецкие предприниматели, жившие в России, были далеки от политики. Немногие из них стали членами возникших в начале XX века политических партий, и то на очень короткий период.

И. А. Дьяконова

НЕМЕЦКИЙ УЧЕНЫЙ О РУССКОМ МАСОНСТВЕ

Quator Coronati Jahrbuch. Bayreuth. 1993. № 30.

Этот ежегодник издается немецкой Объединенной великой ложей. Обстоятельная статья К. Х. Кейлера содержит обзор истории русского масонства от XVIII в. до наших дней. Свой интерес к проблеме автор объясняет возрождением масонства в странах Восточной Европы и СНГ после распада СССР, связанным, по его мнению, с «реальной политикой» по каналам Великого Востока Франции (ВВФ). Развитие масонства в России подразделяется автором на пять этапов: классический период — до запрещения Александром I в 1822 г., годы нелегального положения (1822—1905 гг.), попытки «оживления» ордена (1906—1918 гг.), деятельность в эмиграции и «новое начало» в 1991 году. Более или менее подробно изложены три первых этапа. Прослеживаются эволюция масонских братств, изменения в их численном и социальном составе в различных городах в XVIII — начале XIX века. Отмечена их роль в распространении просвещения (на примерах деятельности Н. И. Новикова, И. Г. Шварца, И. Фесслера, профессоров Московского университета). Вслед за дореволюционными и западными учеными Кейлер допускает известную переоценку общественной роли масонов, не подчеркивает консервативность их руководителей. Утверждение автора о запрещении ордена Екатериной II и Павлом ошибочно.

На следующем этапе русское масонство почти ничем себя не проявило. Статья содержит отрывочные упоминания о наличии отдельных лож в Москве. Только в конце прошлого столетия русские масоны начинают вступать в парижские ложи (граф Шереметев, Штапельберг, Г. Н. Вырубов, В. Ф. Лугинин, историк и социолог М. М. Ковалевский, психиатр Н. Баженов, изобретатель дуговой лампы П. Н. Яблочков). Членами смешанного ордена «Человеческое право» стали убежденные либералы: врач О. Гриневич, публицист и издатель В. Старкова. Они осуждали монархию, особенно двух последних самодержцев, считая, что их политика неизбежно ведет к революции, которой они

опасались. Они надеялись, что масонство поможет избежать крайностей радикализма (с. 19).

В начале XX в. масонство возродилось в виде нескольких тайных лож, занимавшихся главным образом политической деятельностью в русле буржуазно-либеральной оппозиции царизму. Содействие этому оказали и легальные оккультистские общества, у истоков которых стояла теософ Е. Блаватская. Благодаря усилиям в первую очередь Ковалевского в Москве и Петербурге появились ложи «Возрождение» и «Полярная звезда», получившие официальное утверждение «на временных основаниях» специально прибывшими членами совета Великого Востока Франции Буле и Сеншоллем. Оба братства насчитывали в общей сложности 37 адептов, представлявших аристократию, чиновничество, лиц свободных профессий. Укажем, со своей стороны, что в ежегоднике парижской ложи «Космос» за 1907 г. значилось семь русских: писатель А. В. Амфитеатров, филолог Е. В. Аничков, профессор права Ю. С. Гамбаров, Ковалевский, врач И. З. Лорис-Меликов, социолог Е. В. де Роберти, банкир М. Тамамшев и «бывший профессор» А. Трачевский. О конкретной деятельности новоявленных братьев автор не сообщает, указывая, впрочем, на то, что их влияние было ограниченным даже на правом фланге либерализма.

О деятельности масонов стало известно Департаменту полиции. Чтобы застраховаться от провалов и одновременно избавиться от подозрительных или нечистоплотных в моральном отношении личностей, масонские руководители провели в 1910 г. реорганизацию, создав новую сеть лож с сокращением численности каждой до 12—15 человек. Обновленная ассоциация под названием «Великий Восток народов России» (ВВНР) носила политический характер и выступала под лозунгом «борьбы за освобождение отечества». Речь шла о замене абсолютизма парламентской демократией ради достижения после победы единства всех группировок, принадлежавших к левому центру (с. 36).

Кейпер подчеркивает, что все контакты с Великим Востоком Франции были прерваны из опасений проникновения в ложи ВВНР вместе с русскими эмигрантами агентов российской секретной службы. Лишь немногие неофициальные связи сохранялись с ложами Царства Польского. В конце 1913 г. в ВВНР насчитывалось до 400 аделтов. Годом ранее в петербургскую «Малую медведицу» приняли А. Ф. Керенского. Продолжали существовать тайные братства мартинистов, розенкрейцеров, мистические теософские общества, занимавшиеся оккультизмом (с. 36).

Кейпер пишет о сведении к минимуму ритуалов, приеме женщин в ложи и переходе на рационалистические позиции. Были установлены контакты с левыми партиями для обмена информацией, включая большевиков. Инициатором выступил в начале 1914 г. представитель крупной московской буржуазии, прогрессист А. И. Коновалов, встречавшийся с видными представителями РСДРП(б) И. И. Скворцовым-Степановым и Г. И. Петровским (с. 37).

После начала первой мировой войны члены ВВНР заняли оборонческие позиции, оправдывая участие России в войне (с. 38). В итоге ВВНР полностью поставил себя на службу популистским целям царизма. Из-за неудач русской армии на фронте, слабой работы промышленности в деле его обеспечения, роста обнищания народа линия масонов начинает меняться, что особенно обозначилось в 1915 г. с приходом в руководство ВВНР Керенского, левого кадета Н. В. Некрасова и примыкавшего к ним отпрыска богатого сахарозаводчика М. И. Терещенко. Активными деятелями являлись также меньшевики И. Я. Гальперн, М. И. Скобелев, Н. С. Чхеидзе, Н. Д. Соколов, кадет Кузьмин-Караваев, трудовик Демьянов.

Переговоры на квартире Ковалевского в августе 1915 г. привели к созданию оппозиционного самодержавию буржуазно-либерального прогрессивного блока. Но вскоре в масонской верхушке произошел раскол, приведший к выходу их из этого блока. События осени 1916 г., экономический крах, демонстрации рабочих и усиление нападков на либералов побудили масонов к участию в разработке планов дворцового переворота с заменой Николая II вел. кн. Михаилом. Одновременно готовились «элементы» террористических действий для обуздания рабочего класса. Одним из самых решительных лидеров оппозиции был тогда секретарь ВВНР Некрасов, избранный также заместителем председателя Государственной думы. Без ссылок на источник автор упоминает о создании Некрасовым, Керенским и Чхеидзе некоего Информационного бюро для постепенной подготовки общественности к грядущему государственному перевороту. Это, по

мнению автора, проливает определенный свет на действия левых масонов — от трудовиков до большевиков, встречавшихся на квартирах Гальперна и Соколова (с. 39).

Февральская революция застала масонов врасплох, сведя на нет всю их тайную подготовку дворцового переворота, они не проявляли особой активности в свержении царизма. По крайней мере, первые четыре месяца после революции ложи продолжали работать и в одну из них («Истинные друзья») был принят «лидер» эсеров Б. В. Савинков, который на самом деле давно отошел от партийной работы. Политические обязанности отнимали у аделтов почти все время и они мало занимались делами ложи. Все же к октябрю 1917 г. оставалось 28 лож системы ВВНР, а консервативные петроградские братства воссоздали великую ложу «Астрея», запрещенную еще в XIX веке.

К первой десятке руководителей масонской организации принадлежали Керенский, Некрасов, Шингарев и Терещенко. Многие вошли в последние составы Временного правительства. Из 66 членов ЦК кадетской партии в мае 1917 г. только 11 принадлежали к масонам. Автор считает, что крайне затруднительно определить степень влияния масонского руководства на государственную политику, поскольку логика классовой борьбы оказалась гораздо сильнее общих формулировок, «королевского искусства» и тактических методов ордена (с. 39).

Сразу же после Октябрьской революции большинство масонов присоединилось к белому движению. Е. И. Кедрин, М. С. Маргулиес, Л. А. Кроль участвовали в белогвардейских правительствах. В РСФСР были запрещены все буржуазные организации, что подорвало деятельность масонов. Сохранилось несколько мистических кружков, которые, собственно говоря, не являлись масонскими.

Весьма сжато изложена история русского масонства в эмиграции. Перестройка и гласность открыли возможности для восстановления в России масонских братств в качестве филиалов французских центров ордена, что сопровождалось развязыванием антимасонской кампании. В стадии образования находятся две великие ложи на Украине, на северо-востоке СНГ ощущается «влияние шведских и финских лож». Со ссылкой на анонимного американского великого мастера сообщается об отсутствии возможности гарантировать «безопасность наших братьев на Востоке», и это, по словам автора, требует от них придерживаться строгой дисциплины (с. 41—42).

Статья Кейпера может рассматриваться как одна из попыток целостного и объективного рассмотрения проблемы.

О. Ф. Соловьев

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕМЕЦКОГО ГОСУДАРСТВА

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin. 1995, № 5.

Специалист по истории раннесредневековой Германии Маттиас Шпрингер (ФРГ) на основе новейших работ немецких и некоторых французских медиевистов, которые он сопоставляет с отдельными трудами крупных историков и известных литераторов второй половины XVIII — первой половины XX в., характеризует сегодняшнее состояние вопроса о возникновении Германии как самостоятельного государства. Господствовавшая донныне точка зрения, подытоженная недавно К. Брюлем и им же опровергаемая, состоит в том, что когда в IX в. Франкская империя распалась на Западнофранкское и Восточнофранкское королевства, первое в дальнейшем дало начало Франции, а второе — Германии. Брюль считает это неверным. По его мнению, Восточнофранкское королевство не было прямым наследником империи и представляло собой государственное образование, выросшее на собственной почве. Его аргументация не убедила Шпрингера: разве современную Австрийскую республику нельзя называть наследницей Австро-Венгерской монархии? И разве не была такой же наследницей в определенной мере Чехословакия? Однако он не ограничивается различными примерами из новой и новейшей истории и предпринимает более глубокое исследование вопроса, подкрепляя историографический анализ данными источников, относящихся к IX—XII столетиям.

Шпрингер рассматривает эволюцию проблемы в новейших работах многих медиевистов и в ре-

зультате сопоставления имеющихся концепций с источниками приходит к заключению, что документом, зафиксировавшим начало самостоятельного Германского государства, правильнее будет считать не расчленивший Франкскую империю на Францию, Германию и Лотарингию с Италией Верденский договор 843 г., как это обычно полагают, а «*Ordnatio imperii*», отразившую раздел императором Людовиком Благочестивым своего государства в 817 г. между тремя сыновьями, старший из которых стал его соправителем, после чего коренные немецкие земли начали усиленно обособляться. Именно это обособление привело к образованию того франко-саксо-алеманно-баварского ядра, из которого в X в. выросла Священная Римская империя. Важнейшие вехи данного процесса: избрание маркграфа Арнульфа Каринтийского королем восточных франков (с 887 г.) и в 919 г. герцога Генриха I Саксонского — всегерманским королем; присоединение в 925 г. Лотарингии и несколько ранее — Восточной Фризии; оформление внутринемецкой сплоченности в королевском постановлении «*Hausordnung*» 929 г.; упрочение Оттоном I в середине X в. южных и восточных пределов Германии и коронование его императором в 962 г.; присоединение в 1034 г. Арелата. Так обозначила себя Священная Римская империя германской нации, юридически просуществовавшая до 1806 года. Ключевую роль в данном процессе сыграл Оттон I.

А. Я. Шевеленко

«*Preußenland*», Marburg/Lahn, 1963—1994.

Это германское информационное издание выходит уже 32 года. Его выпускает Историческая комиссия по изучению Восточной и Западной Пруссии, основанная в 1923 году. В результате деятельности этой Комиссии увидели свет ряд научных и справочных изданий по истории Пруссии. Комиссия издавала также журнал «*Altpreußische Forschungen*».

Прерванная второй мировой войной работа Комиссии была возобновлена в 1950 г. при поддержке Ученого совета Иоганна-Готфрида Гердера. В то время Комиссию возглавляли профессоры Г. Кеппен и В. Хубач, а в состав ее входили такие известные историки, как К. Форстрейтер, Э. Машке, Г. Людат, П. Тилен, Э. Вейзе, Э. Вермке и многие другие.

С 1987 г. сопредседателями Комиссии являются У. Арнольд и Х. Фрейвальд. Среди ее членов — представители послевоенного поколения немецких историков: Х. Бокман, Б. Йениг, К. Милитцер и др.

Круг членов Комиссии пополнился зарубежными членами-корреспондентами: из Польши (М. Бискуп, С. Калемба, Я. Маллек, З. Новак), Литвы (А. Никжянтайтис), США (М. Пелеч, У. Урбан) и даже Японии (К. Абэ).

Журнал «*Altpreußische Forschungen*» возродить не удалось. Работы по истории Пруссии стали появляться в «*Zeitschrift für Ostforschung*», но специалисты ощущали потребность в собственном издании по указанной проблематике. С этой целью и был основан журнал «*Preußenland*», само название которого, как отмечается в редакционной статье в первом номере, должно было указывать «на историческое единство земель между Вислой и Неманом». Первый номер журнала вышел в 1963 году. До 1993 г. это было ежеквартальное издание, а затем стало выходить два раза в год, причем объем номера был увеличен вдвое.

Журнал состоит из двух разделов: в первом

печатаются статьи, во втором — рецензии. Раз в год публикуется отчет о деятельности Комиссии, подробно реферируются научные доклады, с которыми выступают на ежегодной встрече ее члены.

Публикуемые в журнале материалы многообразны, как и сама деятельность Комиссии, затрагивающая проблемы социально-экономической и политической истории, истории культуры и церкви, истории исторической науки, генеалогии, археографии, источниковедения и т. д. Хронологические рамки публикуемых материалов также весьма широки: от раннего средневековья до современности.

Значительный интерес представляют статьи и архивные материалы по истории Пруссии времени ее завоевания Немецким орденом (XIII в.); по истории этого ордена, истории Кенигсберга, а также по истории отношений Пруссии и России в XVII—XIX веках. В номерах, вышедших в 90-е

годы продолжается публикация архивных документов, начата систематизация грамот — прусских и великих магистров Немецкого ордена.

Вопросы истории Пруссии XVIII в. поднимаются в статьях о новых источниках по землевладению в Западной Пруссии и о переходе земель Эрмландии (Вармии) к Польше. Ряд статей посвящены вопросам социальной истории, периоду национал-социализма и его отражению в местных исторических изданиях.

О расширении международных связей Комиссии за последние годы свидетельствуют статьи литовских и польских историков: о раннем этапе (XVI—XVII вв.) немецко-литовской лексикографии, о Вармии в период революционных событий 1848 г., морской торговле в XVII в. между Швецией и Поморьем, о древнейших прусских анналах (XIII в.).

В. И. Матузова

БАНКИ И ФИРМЫ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В КИТАЕ В XIX СТОЛЕТИИ

Social Sciences in China. Peking. 1995, № 1.

Научный сотрудник китайского Института экономики Ван Жинью посвящает свою статью деятельности иностранного капитала в Китае в новое время. Автор полагает, что в экспансии иностранного капитала основную роль играли именно банки, почему исследователи в предшествующий период и сосредоточивали свое внимание на их деятельности. Этот подход он считает в общем и целом верным, однако все же недостаточно учитывающим китайские реалии XIX века.

По подсчетам Ван Жинью, в XIX веке на китайской территории обосновался 21 иностранный банк, в том числе такие как британский «Гонконг и Шанхай», «Немецко-Азиатский банк» и др. Эти банки имели в Китае свои головные офисы, прочие же основывали здесь лишь свои филиальные отделения. Китайские банки в большинстве своем не могли сравниться по своей финансовой силе с иностранными. Исключение, по мнению Ван Жинью, составлял единственный Коммерческий банк Китая, работавший в современном стиле. Он обладал фондами не меньшими, чем некоторые иностранные банки, существовавшие на территории Китая в конце XIX в., однако уступал им по своему финансовому размаху. Превосходство иностранных банков в Китае, подчеркивает китайский ученый, основывалось не «только на мощи их капитала, но и на том, что западные банки в Китае получали поддержку со стороны западных правительств» (с. 153). Кроме того эти банки имели мощные позиции на мировых рынках и в мировом бизнесе. Ван Жинью обращает внимание на тот факт, что первый французский банк, который вышел на китайский рынок, был создан французским правительством, стремившимся решить свои финансовые проблемы. Прямую поддержку германского правительства имел и «Немецко-Азиатский банк». Столь же очевидной была рука правительства в деятель-

ности русских и японских банков, в частности Русско-Китайского и японского Спиди банка (с. 154). Массированное проникновение иностранных банков в Китай китайский ученый связывает с последствиями опиумных войн и открытием для иностранцев китайских торговых портов.

В конце 60-х гг. XIX в. на китайском рынке доминировали небольшие иностранные фирмы, которые Ван Жинью называет «коммерческими принцами». Эти фирмы в 70-е гг. были под контролем нескольких крупных иностранных компаний. Монополию этих фирм на китайском рынке автор связывает с тем, что торговый обмен между Китаем и Западом в 70-е гг. осуществлялся с большими сложностями и занимал много времени. Так, осуществление торгового оборота занимало не менее 6—12 месяцев. Капитал омертвлялся, а предоплаты составляли огромные суммы. Положение изменилось с открытием Суэцкого канала и началом телефонных связей между Китаем и Западом, что позволило ускорить оборот капитала в 10—100 раз (в зависимости от конкретных условий сделки). В этих условиях предприниматели могли получить необходимые денежные средства еще до отправки товаров или же в крайнем случае одновременно с нею.

Ван Жинью обращает внимание и на то обстоятельство, что ускорение оборота капитала вызвало появление на китайском рынке новых иностранных фирм, ликвидировавших монополию «коммерческих принцев». По мнению Ван Жинью, маленькие фирмы в их весьма диверсифицированных формах создали предпосылки к тому, чтобы иностранные банки перешли к прямому контролю за китайскими торговцами и банкирами (с. 158—159).

И. А. Алексеева

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях

Сопоставление Белой и Красной армий периода гражданской войны в России (1918—1922 гг.) в различных аспектах их существования и боевых действий стало с недавнего времени заметной темой изучения тех явлений нашего прошлого, внимание к которым ранее отнюдь не поощрялось. Уже увидели свет некоторые исследования, касающиеся таких присущих обеим армиям явлений, как добровольчество, героизм на поле боя, влияние идеологии, национальный фактор. В этой же связи можно упомянуть вопрос о воинской дисциплине.

Полковник Генерального штаба М. С. Галкин, освещая уроки наследия генерала М. И. Драгомирова, писал в начале XX в., что если армии необходима в первую очередь преданность Родине, то не менее ее — и дисциплина, включая поведение в гражданской жизни: «Горе тем, которые думают, что дисциплина нужна только на военной службе, и жаль того народа, который ею не проникнут». Уже в годы первой мировой войны упомянутые слова могли считаться пророческими, ибо профессиональная российская армия постепенно превращалась в армию народную. Ее офицерский состав, в частности, обновился почти на 90%. Вот почему проблема воинской дисциплины стала одной из самых больных и насущных. Эта проблема еще более заострилась в годы противоборства белого и красного лагерей. Если дисциплинированность в армии проявляется порою рельефнее, нежели в гражданском обществе, то соответственно и общественная недисциплинированность проявляется в вооруженных силах гораздо ярче¹.

И в Белой, и в Красной армии формы нарушения дисциплины были разнообразными: грабежи, дезертирство, неповиновение начальству вплоть до восстаний, измена, пьянство и пр. Одним из главных нарушений дисциплины было стремление

трусов либо лиц, считавших предосудительной гражданскую распрю в принципе, вообще избежать от самой необходимости воевать. Наиболее часто нежелание сражаться проявлялось в дезертирстве: в уклонении от призыва, в использовании эвакуации, через побеги. Уклоняющиеся от призыва скрывались и не являлись на призывные пункты либо находили «официальные» причины, позволяющие освободиться от военной службы. Многие даже не скрывали своего нежелания сражаться ни за красных, ни за белых, вмешиваться в политику. Другие исходили из будничной хозяйственной или иной целесообразности: надо свясть, пора строить, семья большая и т. п.

Вот некоторые типичные письма той поры: «Дезертиров 11 человек и недовольны Советской властью, и даже на собраниях кричат: «Долой эту бойню, нам жизнь дорога»» (Владимирская губ., 2. VII. 1919); «Полтора месяца я был дезертиром, но теперь иду в Красную армию, так как сенокос окончил» и вообще закончил «тяжелую работу» (Ярославль, 5.VIII. 1919). Одной из специфических причин уклонения от призыва была религиозная мотивация. Дезертирство через использование эвакуации считалось самым «законным». Формально раненые или больные не подлежали наказанию и даже могли избежать повторного призыва. Отсюда понятны и самострелы, и стремление некоторых получить легкое ранение, и искусственное затягивание лечения. В приказе врид начальника Тамбовского гарнизона № 74 от 17.IX.1919 говорится: «Установлены неоднократные случаи... красноармейцы из местных частей войск, признанные постоянной врачебной комиссией и комиссией врачей приемника — здоровыми, по истечении очень короткого срока, через несколько дней, вновь присылаются в ту или другую комиссию».

Или свидетельство из другого лагеря: «Вот наконец я и ранен, — думал я, шагая по пыльному шоссе. — Я ведь давно мечтал об этом. Наверно попаду в госпиталь, Ялту, буду лечиться и некоторое время наслаждаться спокойствием»².

Нежелание сражаться и огромное желание выжить двигали и добровольно сдававшимися в плен. Война русских с русскими заглушала обычное патриотическое чувство, так что в дилемме смерть или плен чаще предпочитали последнее. Главным образом это касалось таких мобилизованных, которым были неясны цели войны и было все равно, за кого ни сражаться, лишь бы не сражаться. Например, когда Красная армия взяла Омск, пленных оказалось так много, что Реввоенсовет 5-й армии решил распустить по домам тех, кто был принудительно мобилизован колчаковцами и не скомпрометировал себя участием в их зверствах. Часто встречавшейся категорией нарушителей были перебежчики. Они занимали как бы промежуточное положение между идейными изменниками и дезертирами. Их обычная побудительная причина — получше устроиться в смутное время. Об этом свидетельствует и их поведение: они не раз переходили из одной армии в другую в зависимости от военных успехов или в зависимости от своего реального положения в армии. Примером массовых перебежчиков такого рода от красных к белым может служить Тульская дивизия³.

Каких-то особых различий между дезертирами Белой и Красной армий, на наш взгляд, не было. Главным образом то были простые мобилизованные, которые дезертировали в леса, пополняя отряды бандитов, или в противоположную армию, порой к знакомому командиру, либо к себе домой. Количество дезертиров и перебежчиков увеличивалось при военных поражениях. Свою роль играло еще и опасение стать жертвой террора со стороны победителей. В целом дезертирство тогда являлось свидетельством того, что личные интересы (пожалуй, впервые в российской истории в столь массовом масштабе) ставились гораздо выше официально провозглашенных государственных.

Постоянной формой нарушения дисциплины были грабежи. Их причины нередко коренились в плохом материальном обеспечении вооруженных сил и в неупорядоченной деятельности органов снабжения. Отсюда возникало стремление к самообеспечению. Сказывались и скверные бандитские традиции казачества, а также просто шкурные намерения воспользоваться неразберихой и полученной в свое распоряжение силой для обогащения. Типичный пример: «Гр. Игнатьев встретил в Ямбурге гвардейского офицера, который хвастал тем, что недавно нашел на комиссаре 40 тысяч царских денег, которые взял себе. Солдаты тоже много грабили». В грабежах и мародерстве проявлялись негативные черты общества, выплеснутые наружу

войной, которая разрушала нормальные принципы человеческого общежития⁴.

Восстания воинских частей были наиболее сильной формой неповиновения властям. На войне восставали, в частности, отряды, сформированные из пленных. Вот еще одно доказательство того, что плен рассматривался как способ неучастия в военных действиях ни на какой стороне и как выражение недовольства своим положением. Такие восстания были кратковременными, хотя буйными, суматошными, беспорядочными, так что порой сами бунтовщики пугались собственных дел и выдавали или лично судили зачинщиков. В обеих армиях восстания подавлялись одинаково жестоко. Но в Белой армии восставшие иногда оказывались сильнее и затем пополняли собой отряды «зеленых», либо приходили в полном составе в Красную армию, либо саморасформировывались. В целом же в Красной армии более успешно справлялись с нарушениями дисциплины, поскольку использовали разнообразные и достаточно гибкие, хотя нередко и очень жесткие методы работы с обществом (от агитации до расстрела, особенно отметим принцип круговой поруки). В Белой армии чаще увлекались сугубо военными задачами, государственных же институтов, способных помочь армии организовать и жить, почти не было. К тому же Белая армия стремилась восстановить власть над каждым членом общества, не имея для того ни времени, ни сил, ни достаточных средств и сама оставаясь слабо организованной⁵.

С. Н. Щеголихина
(г. Рассказово)

Примечания

1. О долге и чести воинской в российской армии. М. 1991, с. 203—204; ВОЙНОВ В. М. Офицерский корпус Белых армий на востоке страны (1918—1920). — Отечественная история, 1994, № 6, с. 51.
2. КОСТИКОВ В. Не будем проклинать изгнание. М. 1990, с. 52; Неизвестная Россия, XX век. Кн. 2. М. 1992, с. 221, 223; ШЕВОЦУКОВ П. А. Страницы истории гражданской войны. М. 1992, с. 173; Государственный архив Тамбовской области, ф. Р-1832, оп. 1, д. 324, л. 270; д. 291, л. 13; д. 319, л. 4; Архив русской революции. Т. 4. М. 1991, с. 252.
3. Арестант 5-й камеры. М. 1990, с. 14; Юденич под Петроградом. Л. 1927, с. 230.
4. Слово, 1991, № 6, с. 62; Архив русской революции. Т. 3. М. 1991, с. 21; Вопросы истории, 1994, № 9, с. 108.
5. ШЕВОЦУКОВ П. А. Ук. соч., с. 168; Родина, 1990, № 10, с. 25; Архив русской революции. Т. 3, с. 44.

Месть обреченного (Дело Ландсберга)

В течение 30 лет Сталин время от времени проводил чистки, уничтожая действительных или мнимых врагов в разных слоях населения. Жестокость вождя, сеявшая всеобщий ужас, тем не менее возбуждала народную любовь к генсеку, ибо для многих простых людей почему-то приятна гибель тех, кто богаче, умнее или талантливее. Чтобы придать массовым казням вид законности, следственные органы применяли всевозможные пытки и запугивали арестованных уничтожением их семей. Поэтому очень часто те признавались в несуществующих грехах, подписывая на допросах очевидную нелепицу.

Интересную информацию на сей счет дал доктор исторических наук О. Ф. Сувениров¹. Особенно показательна в этом отношении судьба командира РККА Ландсберга, которым в 1937 г. занималась Госбезопасность в Ленинграде. Ландсберг, родившийся в Праге и знавший немецкий язык, признался на допросе, что работает на германскую разведку и его сообщником является Гец фон Берлихинген.

Известно, что Гец фон Берлихинген (1480—1562) прожил долгую и бурную жизнь. В 1504 г. он потерял в бою правую руку, и ему приделали железную. Он, однако, продолжал участвовать в бесконечных междоусобных немецких войнах, переходя от одного феодала к другому, становясь то ландскнехтом, то разбойником, то военным начальником. Сражался он также против турок и французов, сидел в тюрьме, а в 1531 г. издал книгу «Жизнеописание рыцаря Геца фон Берлихингена», увековечив тем самым свое имя. Судя по портрету, он был лысый, бородатый, широкоплечий, с носом картофелиной и суровым взглядом².

Естественно, средневековому рыцарю трудно было бы участвовать в антисоветской деятельности, но из-за спешки и неграмотности следователи не стали уточнять сии мелочи. И тут нет существенной ошибки. Нужно истребить намеченную группу военных, а под каким предлогом — неважно. Меньше слов — больше дела. Карательные органы работали четко, без волокиты: около месяца — следствие, и при смертном приговоре в 24 часа — расстрел.

Сувениров прав, считая, что Ландсберг назвал своим сообщником рыцаря, умершего 400 лет тому назад, дабы в будущем даже мало-мальски грамотные юристы смогли понять нелепость обвинения и восстановить доброе имя невинно расстрелянного человека. Но почему Ландсберг «оговорил» именно Берлихингена, а не Дон Кихота или Робин Гуда? Думается, в этом был глубокий и дерзкий смысл, ускользнувший от внимания Сувенирова. Поясню свое предположение.

Сам я долго сидел по сталинским лагерям в се-

верной тайге. После войны, до 1954 г., там работало много военнопленных немцев. Мне пришлось работать вместе с ними, и я неплохо освоил немецкий язык, живую разговорную речь. Однажды немецкой бригаде за выполнение нормы на лесослуже выдали махорку. И тут мой друг бывший лейтенант Хауфе при дележе курева поругался с пейтенантом Вольфом. Слово за слово — и вдруг Вольф рявкнул на Хауфе: «Гец фон Берлихинген!» В ответ, недолго думая, Хауфе вклепил Вольфу оплеуху. Началась драка, которая вскоре довольно мирно закончилась. Я же никак не мог понять, из-за чего сцепились два немца и почему Хауфе вдруг стал Берлихингеном, да еще с дворянской приставкой «фон».

Потом Хауфе объяснил мне, несмышленишу, что великий немецкий поэт Гёте написал в молодости историческую драму «Гец фон Берлихинген», в которой осуждал междоусобицу германских земель и межсословные конфликты, разорявшие нацию (не дай нам Бог пережить то же самое в сегодняшней России). Так вот, в той драме Гёте безо всяких обиняков употребил гнусное ругательство «*leck mich am Arsch*», что в переводе на русский означает, извините за грубость, «оближи мою з...!» С тех пор достопочтенные немцы довольно часто вместо данного ругательства как заменитель используют название пьесы, то есть «Гец фон Берлихинген». Поэтому выкрик Вольфа так оскорбил Хауфе.

Скрытый смысл названия драмы Ландсберг, конечно, знал. Он прекрасно понимал, что его расстреляют, ведь в стране свирепствовала ежовщина. По разным оценкам, тогда уничтожили от 10 тыс. до 70 тыс. военных, преимущественно из высшего командного состава. Сделав немецкого рыцаря «сообщником», Ландсберг не только зашифровал в допросе свидетельство о своей невинности и бесчеловечности следствия. Черный юмор Ландсберга, его своеобразная месть перед казнью заключалась в том, что он смог плюнуть в лицо палачам и увековечил этот подвиг в документах Госбезопасности. Берлихинген оставил свое имя потомкам. Возможно, войдет в историю и Ландсберг.

А. И. Тарасов,
доктор экономических наук,
г. Жуковский

Примечания

1. СУВЕНИРОВ О. Ф. Пытки по закону. — Аргументы и факты, 1995, № 41.
2. Brockhaus Enzyklopadie. Berliuhingen, Getz von. Mannheim. 1987.

Contents

Articles: I. P. Lejberov, Ju. D. Margolis, N. K. Jurkovskij. Traditions of Democracy and Liberalism in Russia. A. L. Jurganov. I. S. Peresvetov's Ideas in the Context of World History and Culture. Historical Profiles: A. Ju. Salomatin. Andrew Carnegie. Power and the Intellectuals: The Minutes of 1—4 of June 1944 Meeting of Historians in the CC All-Union Communist Party (B). (Introduction by Ju. N. Amiantov). To the Help of History Teachers and Students: History and Culture of Peoples of Asia, Africa and Latin America (from the Ancient Times to Our Days). Chapter XV by A. I. Kardash; Chapter XVI by O. K. Drejer. History and Fates: The Report for Elected by A. V. Golovnin. Historians on Time and Themselves: The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Drizhinin. Communications: A. A. Koshkin. Why didn't Japan attack the Soviet Union? People. Facts. Events: B. Weider. The Murder of Napoleon. Historiography: Reviews on Books. V. I. Morjakov. Russian Enlightenment in the Second Half of the XVIIIth Century. A. N. Medushevskij. Establishment of Absolutism in Russia. The Peasants' Uprising in Tambov Province in 1919—1921 («Antonovtshina»). L. A. Beljaev. Ancient Moscow Monasteries according to archaeological Data. R. Turkowski. Polskie Stronnictwo Ludowe w obronie demokracji 1945—1949. (Warszawe). Looking Through the Foreign Journals. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 2, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 05.01.96. Подписано в печать 04.03.96. Формат 70x108/16. Бумага типографская. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,38. Тираж 11000. Заказ № 1374. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН **Роговин В. З.** на протяжении последних пяти лет работает над исследованием **«Была ли альтернатива?»**, которое представляет собой сериал из семи книг (каждая объемом в 20—25 печатных листов).

Данное исследование впервые в отечественной и зарубежной литературе всесторонне освещает историю внутрипартийной борьбы в ВКП(б) и международном коммунистическом движении (за период 1922—1940 гг.). Сквозь призму этой борьбы рассматриваются важнейшие события экономической, социальной и политической истории СССР и ряда других стран.

Первые три книги сериала опубликованы в 1992—1995 годах. Монография **«Троцкизм: взгляд через годы»** охватывает период 1922—1927 годов; монография **«Власть и оппозиции»** — период 1928—1933 годов; монография **«Сталинский неонэп»** — период 1934—1936 годов.

Четвертая книга сериала, **«1937»**, выйдет в первой половине 1996 года.

Каждая книга представляет собой самостоятельное исследование, основанное на анализе обширной советской и зарубежной научной литературы, новейших публикаций, раскрывающих утаиваемые на протяжении десятилетий факты и события внутрипартийной борьбы 20-х — 30-х годов.

В книге **«1937»** широко использованы материалы советских и американских архивов.

Каждый том сериала включает 60—80 редких фотографий из советских и зарубежных архивов.

Книга **«Сталинский неонэп»** продается в Москве в магазинах **«Академкнига»** (Тверская ул., 19-а) и **«Московский дом книги»** (Новый Арбат, 20).

Для приобретения по льготной цене книг **«Власть и оппозиции»**, **«Сталинский неонэп»** и заказов на книгу **«1937»** контактный телефон в Москве — 203-99-73.

Вниманию читателей
предлагается книга

Индекс 70145

Л. Е. Гринин «Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества (опыт философско-социологического анализа всемирно-исторического процесса)». — Волгоград, «Учитель», 1995—1996.

Книга издана в 3-х выпусках (частях): I — «Философские проблемы истории», II — «Общество как система», III — «Теория исторического процесса». Общий объем — более 350 стр. Будет полезна всем, кто интересуется теоретическими проблемами истории. Написана хорошим языком.

Книга построена как пособие по социальной философии для студентов. Но фактически это монография, в которой автор излагает свой подход к решению основных вопросов философии и теории истории (напр., доказывая, что исторические законы всегда проявляются не жестко, а в ряде вариантов), свое видение всемирно-исторического процесса и его периодизации. Автору удалось непротиворечиво и органично совместить лучшее в мировой социологии и марксизме. Это не эклектичная, а цельная теория, которая предлагает исследователю не схему или догму, а более тонкий инструмент анализа проблем, возможность лучше понять место своего периода и общества в мировом процессе.

Книгу можно приобрести наложенным платежом по адресу:
400079, г. Волгоград, п/о 79, а/я 112, издательство «Учитель».

Цена — 10 тыс. руб. плюс почтовые расходы.

Оплата при получении на почте. Тел. (8442) 42-23-79, 42-53-91.

В Москве ее можно купить в «Доме книги» на Новом Арбате,
в «Доме педагогической книги» на Пушкинской ул.

В Петербурге — в «Доме книги» на Невском проспекте.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**